Ребекка Склут

Бессмертная жизнь Генриетты Лакс

[redacted] нон-фикшн книга 2010 года

Бессмертная жизнь Генриетты Лакс

Ее не стало в 1951. То, что случилось потом, изменило наш мир

Ребекка Склут

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга, которая потрясла мир в 2010 году. Бестселлер, побивший все мыслимые рекорды продаж.

Кто имеет право на наше тело, или его части, или биоматериал, взятый для анализов: мы, врачи, ученые..? Впервые удалось культивировать «бессмертные» клетки человеческого тела в 1950-х. Это буквально перевернуло всю медицинскую науку. Клетки HeLa помогли разработать вакцины от полиомиелита, раскрыть секреты раковых заболеваний, вирусов и влияния ядерного взрыва; они помогли сделать важные шаги в изучении искусственного оплодотворения, клонирования и составления генетических карт.

И неизбежно стали предметом «купли-продажи»: одни богатели, другие и не подозревали, что над ними проводят «опыты».

Это книга — драматичная история о судьбе простой женщины, которая подарила миру свои бессмертные клетки, о честных и нечестных врачах, о судебных баталиях, рождении биоэтики. Красивое и драматичное научное исследование, от которого невозможно оторваться.

Некоторые отрывки этой книги появлялись в различной форме в статьях: «Взять частичку тебя» в журнале *New York Times Magazine* (© 2006 by Rebecca Skloot); «Танец Генриетты», журнал *Johns Hopkins Magazine* (© 2000 by Rebecca Skloot); «Довольно патентовать ген рака молочной железы», журнал Slate's Double X (© 2009 by Rebecca Skloot).

- Ребекка Скаут
  - Несколько слов об этой книге
  - Пролог
  - Часть первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

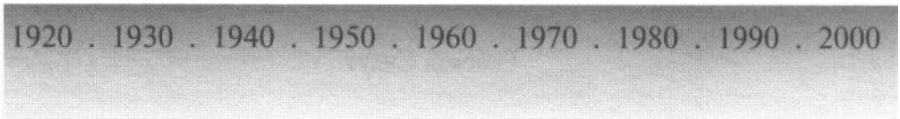
- Часть вторая
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
- Часть третья
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
- Герои этой истории
- Где они теперь
- Хронология
- Иллюстрации
- Послесловие
- Благодарности
- Примечания
- Об авторе

Ребекка Скаут
БЕССМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ ГЕНРИЕТТЫ ЛАКС

Моей семье: моим родителям, Бетси и Флойду их супругам Терри и Беверли, моему брату Мэтту и его жене Рене и моим прекрасным племянникам Нику и Джастину. Им всем пришлось слишком долго обходиться без меня из-за работы над этой книгой, но они всегда верили в нее или в меня.

Также в память о моем дедушке Джеймсе Роберте Ли (1912–2003), который ценил книги больше, чем кто-либо из известных мне людей.

Несколько слов об этой книге



Это документальное произведение. Не изменено ни одно имя. Ни один персонаж и ни одно событие не были придуманы. Работая над этой книгой, я тысячи часов проводила интервью с семьей и друзьями Генриетты Лакс, а также с адвокатами, специалистами в области этики, учеными и журналистами, писавшими о семье Лакс. Я также пользовалась обширными архивами фотографий и документов, научными и историческими исследованиями и личными дневниками Деборы, дочери Генриетты.

Я старалась максимально точно воспроизвести язык, на котором говорил и писал каждый из действующих лиц: диалоги представлены на местных диалектах, отрывки из дневников и иных личных записей процитированы в точности как в оригинале. Как сказал мне один из потомков Генриетты: «Нечестно, если вы приукрашиваете речь людей и меняете то, что они сказали. Это значит отнять их жизнь, их опыт и их самость». Во многих местах я адаптировала слова собеседников, когда они описывали свой мир и жизненный опыт. Для этих целей я пользовалась речевыми оборотами того времени и социальной среды, включая такое слово, как «цветной». Члены семьи Лакс часто вместо «Джон Хопкинс» говорили «Джон Хопкин», и я сохранила этот вариант при цитировании их речи. Все написанное от первого лица от имени Деборы Лакс является ее настоящей речью, я меняла только длину предложений и иногда перестраивала фразы для большей ясности.

Поскольку Генриетта Лакс умерла за несколько десятилетий до того, как я начала писать эту книгу, то, чтобы восстановить события ее жизни, мне пришлось взять за основу интервью, юридические документы и ее медицинские записи. В этих событиях диалоги либо воссозданы на основе письменных документов, либо процитированы дословно, исходя из сказанного мне во время интервью. По возможности точности ради я старалась проводить неоднократные интервью с разными людьми. Отрывок из медицинского документа Генриетты в первой главе представляет собой краткое резюме многих разнородных записей.

В книге часто встречается слово HeLa, используемое как название клеток, выросших из клеток шейки матки Генриетты

Лакс. Оно произносится как «хи-ла».

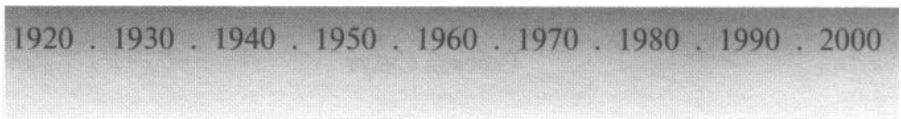
О хронологии: для научных исследований указаны даты проведения исследования, а не его публикации. В некоторых случаях эти даты приблизительны, так как отсутствуют записи о точных датах начала исследований. Также, поскольку повествование переходит от одной истории к другой, а научные открытия совершались на протяжении долгих лет, в некоторых местах книги для большей ясности я описывала научные открытия последовательно, даже если они относились примерно к одному и тому же времени.

История Генриетты Лакс и клеток HeLa затрагивают важные научные, этические, расовые и классовые проблемы. Я постаралась как можно яснее изложить их в рассказе о семье Лакс. Кроме того, я написала послесловие на тему нынешних юридических и этических дискуссий вокруг исследований и прав владения тканями тела. На эту тему можно сказать намного больше, но это уже выходит за рамки данной книги. Поэтому я предоставляю сделать это ученым и экспертам в соответствующих областях. Надеюсь, читатели простят мои ошибки.

Ни одного человека нельзя рассматривать абстрактно. Напротив, в каждом человеке мы должны видеть вселенную, с ее собственными секретами, сокровищами, источниками страданий и с некоторой долей триумфа.

Эли Визель. Врачи-нацисты и Нюрнбергский кодекс

Пролог
Женщина с фотографии



У меня на стене висит фотография женщины, с которой я никогда не встречалась; левый угол надорван и подклеен скотчем. Женщина смотрит прямо в камеру и улыбается, ее руки лежат на бедрах, костюм тщательно отглажен, а на губах — ярко-красная помада. На дворе — конец 1940-х, ей еще нет и тридцати. Гладкая кожа цвета кофе с молоком, молодой и задорный взгляд — она еще не знает о растущей внутри нее опухоли, которая оставит без матери ее пятерых детей и изменит будущее медицины. Под фотографией написано имя женщины — Генриетта Лакс, Хелен Лэйн или Хелен Ларсон.

Неизвестно, кто сделал эту фотографию, но она сотни раз появлялась в журналах и научных пособиях, в блогах и на стенах лабораторий. Обычно ее называют Хелен Лэйн, а часто и вовсе оставляют без имени, используя сокращение HeLa в качестве кодового названия первых в мире бессмертных человеческих клеток — ее клеток, вырезанных из шейки матки всего за несколько месяцев до ее смерти.

Ее настоящее имя — Генриетта Лакс.

Годами я смотрела на эту фотографию, думая, какой была жизнь этой женщины, что случилось с ее детьми и что она подумала бы о клетках из своей шейки матки, обретших вечную жизнь, триллионы которых продаются и покупаются, пакуются и отгружаются в лаборатории по всему миру. Я пыталась представить, какие бы чувства у нее возникли, узнай она, что ее клетки первыми отправились в космос, чтобы выяснить, что происходит в невесомости с клетками человеческого тела, или что они способствовали некоторым самым важным достижениям в медицине: помогли создать вакцину от полиомиелита, химиотерапию, клонирование, искусственное оплодотворение и генное картографирование. Совершенно уверена, что она — как и большинство из нас — была бы шокирована известием о том, что в лабораториях существует в триллионы раз большее количество ее клеток, нежели было при жизни в ее собственном теле.

Невозможно точно узнать, сколько клеток Генриетты живо и по сей день. По оценке одного из ученых, если сложить вместе все когда-либо выращенные клетки HeLa, то получится более 50

метрических тонн, — невероятное число, если учесть, что отдельная клетка практически ничего не весит. Другой ученый подсчитал, что если расположить в линию все когда-либо выращенные клетки HeLa, они протянутся более чем на 350 миллионов футов, и этого хватит, чтобы обернуть Землю минимум трижды. Сама Генриетта в расцвете лет была ростом чуть выше пяти футов.

Впервые о клетках HeLa и женщине — их доноре я узнала в 1988 году, спустя тридцать семь лет после ее смерти, сидя на уроке биологии в местном колледже. Мне тогда было шестнадцать. Наш преподаватель Дональд Дефлер, похожий на гнома лысеющий мужчина, подошел к передней части лекционного зала, щелкнул выключателем проектора и указал на две диаграммы, появившиеся позади него на стене. Это была схема репродуктивного цикла клеток, однако для меня она выглядела как разноцветная мешанина из стрелок, квадратов и кружочков с непонятными фразами вроде «Циклинзависимая киназа инициирует цепную реакцию активации белков».

Ребенком я провалила первый год обучения в обычной государственной школе, потому что никогда там не появлялась. После чего я перевелась в альтернативную школу, где вместо биологии изучали мечты и грезы, и, чтобы набрать нужное количество зачетов за курс средней школы, ходила на занятия к Дефлеру. Это означало, что в шестнадцать лет я сидела в аудитории колледжа, где обсуждались слова типа «митоз» и «ингибиторы киназы». Я была в растерянности.

«Нужно ли нам учить все, что есть в диаграммах?» — воскликнул один из учащихся.

«Да», — ответил Дефлер, следует запомнить диаграммы, и да, они будут в тестах, однако на данный момент это не важно. Он хотел, чтобы мы поняли, насколько это удивительная штука — клетки: в теле каждого из нас их примерно сто триллионов, и каждая настолько мала, что несколько тысяч клеток могут уместиться на точке в конце этого предложения. Из клеток состоят все наши ткани — мышцы, кости, кровь, — которые, в свою очередь, образуют наши органы.

Под микроскопом клетка похожа на яичницу-глазунью: у нее есть белок (*цитоплазма клетки*), состоящий из воды и протеинов, которые служат для питания клетки, и желток (*ядро*), содержащий всю генетическую информацию, благодаря которой вы — это именно *вы*. Цитоплазма бурлит, как улица Нью-Йорка. Она до краев наполнена молекулами и транспортными средствами, которые без остановки перевозят ферменты и сахара из одной части клетки в другую, а также перекачивают воду, питательные

вещества и кислород внутрь клетки и из нее. В совокупности маленькие цитоплазматические фабрики работают безостановочно, в массе производя сахара, жиры, белки и энергию, необходимые для поддержания клетки в рабочем состоянии и для питания ядра, которое является мозгом этого процесса. Внутри каждого ядра каждой клетки вашего тела находится идентичная копия всего вашего генома. Этот геном указывает клеткам, когда им расти и делиться, и проверяет, выполняют ли они свою работу (будь то контроль вашего сердцебиения или отслеживание того, понимает ли ваш мозг слова, напечатанные на этой странице).

Дефлер шагал по аудитории и рассказывал нам, что митоз — процесс деления клеток — дает возможность эмбрионам вырастать и превращаться в младенцев, а нашим телам — создавать новые клетки для заживления ран или для восполнения потерянной крови. «Это очень красиво, — говорил он, — как в совершенстве отрепетированный танец».

По его словам, достаточно одной малейшей ошибки на любом этапе процесса деления клеток, чтобы они начали расти бесконтрольно. Пропуск всего *одного* фермента, активация *одного-единственного* неправильного белка — и можно заболеть раком. Начинается беспорядочный митоз, и болезнь распространяется.

«Это выяснилось благодаря изучению культивированных раковых клеток», — усмехнулся Дефлер, повернувшись к доске, где огромными буквами заранее написал два слова: «ГЕНРИЕТТА ЛАКС».

Как рассказал нам Дефлер, Генриетта умерла в 1951 году от тяжелого случая рака шейки матки. Однако еще при жизни хирург взял у нее образцы опухоли и поместил их в чашку Петри. Десятилетиями ученые пытались культивировать человеческие клетки, однако все образцы рано или поздно гибли. Клетки Генриетты вели себя иначе: они воспроизводили себя каждые двадцать четыре часа, и этот процесс никогда не останавливался. Они стали первыми бессмертными клетками, когда-либо выращенными в лаборатории.

«Теперь клетки Генриетты живут вне ее тела куда дольше, чем жили прежде в теле хозяйки», — сказал Дефлер. По его словам, если открыть холодильники практически любой лаборатории культивирования клеток, то там скорей всего окажутся миллионы, если не миллиарды клеток Генриетты, спрятанные в маленьких пробирках во льду.

Ее клетки стали частью исследования генов, вызывающих рак и подавляющих его, они помогли разработать препараты для лечения герпеса, лейкемии, гриппа, гемофилии и болезни

Паркинсона. Их использовали при изучении усвоения лактозы, болезней, передающихся половым путем, аппендицита, продолжительности человеческой жизни, спаривания комаров и отрицательного воздействия на клетки работы в канализационных коллекторах. Хромосомы и белки этих клеток исследовались с такой тщательностью и подробностью, что ученые знали в них каждый изгиб. Клетки Генриетты, подобно морским свинкам и мышам, превратились в стандартную лабораторную «рабочую лошадку».

«Клетки HeLa стали одним из важнейших событий в медицине за последние сто лет», — заявил Дефлер.

Затем он сказал, сухо и как бы вспомнив упущенную мысль: «Она была черной», одним движением стер ее имя с доски и выпустил мел из рук. Урок закончился.

Пока остальные учащиеся выходили из аудитории, я сидела и думала: *«И все? Нам больше ничего не расскажут? Ведь эта история не закончилась».*

И пошла за Дефлером к его кабинету.

«Откуда она родом? — спросила я. — Знала ли она, насколько важными оказались ее клетки? У нее были дети?»

«Я бы и рад тебе ответить, — промолвил он, — только о ней никто ничего не знает».

После занятий я помчалась домой и бросилась на кровать в обнимку с учебником биологии. Поискала в указателе «культура клеток» и прочла небольшое пояснение в скобках:

> Культивированные раковые клетки могут делиться бесконечное число раз, если имеют постоянный источник питания, поэтому их называют бессмертными. Выдающимся примером тому является линия клеток, которая культивируется с 1951 года. (Клетки этой линии носят название HeLa, так как были взятые из опухоли, удаленной у женщины по имени Генриетта Лакс.)

Вот так. Поискала упоминаний о HeLa в энциклопедии у родителей, затем в своем словаре — Генриетты нигде не было.

Я окончила среднюю школу, затем колледж, в итоге получив степень по биологии — клетки HeLa преследовали меня повсюду. Я слышала о них на занятиях по гистологии, неврологии и патологии; я использовала их в экспериментах по изучению взаимодействия с окружающими клетками. Однако после мистера Дефлера о Генриетте не упоминал никто.

В середине 1990-х годов у меня появился первый компьютер, я начала пользоваться Интернетом и стала искать информацию о ней, но нашла лишь путаные обрывки: на большинстве сайтов

сообщалось, что ее звали Хелен Лэйн, некоторые утверждали, что она умерла в 1930-х годах, а другие — что в 1940-х, 1950-х и даже в 1960-х. Где-то писали, что ее убил рак яичников, другие считали, что это был рак груди или шейки матки.

В конце концов я обнаружила несколько журнальных статей о ней, датированных 1970-ми годами. Так, в *Ebony* были процитированы слова мужа Генриетты: «Помню лишь, что она этим болела, и сразу после ее смерти мне позвонили на работу и спросили разрешения взять какой-то образец. Я решил, что не позволю им это». В *Jet* говорилось, что семья Генриетты была рассержена тем, что ее клетки продавали по двадцать пять долларов за пробирку и что статьи о них были опубликованы без их ведома. В частности, там было сказано: «Где-то в глубине души их грызло ощущение, что наука и пресса их использовали».

Во всех этих статьях были фотографии семьи Генриетты: ее старший сын сидит за обеденным столом в Балтиморе и рассматривает учебник по генетике. Средний сын в военной форме с ребенком на руках, улыбается. Однако одна фотография привлекает внимание больше других: на ней дочь Генриетты Дебора Лакс в окружении семьи, все улыбаются и обнимаются, возбужденные, глаза их блестят. Все, кроме Деборы. Она стоит на переднем плане, одинокая, как будто кто-то приклеил ее фигуру на фотографию. Ей двадцать шесть лет, она красива, у нее короткие каштановые волосы и «кошачьи» глаза. Эти глаза жестко и серьезно смотрят в объектив. Подпись под фотографией гласит, что всего лишь несколько месяцев назад семья узнала о том, что клетки Генриетты по-прежнему живы, хотя со дня ее смерти к тому времени прошло уже двадцать пять лет.

В этих статьях также упоминалось, что ученые начали исследовать детей Генриетты, однако не было заметно, что Лаксы понимают, для чего проводились эти исследования. По их словам, их проверяли на наличие рака, убившего Генриетту, однако репортеры утверждали, что семью Лакс изучают с целью больше узнать о клетках Генриетты. Цитировались слова сына Генриетты Лоуренса, который желал знать, не означает ли бессмертие клеток его матери, что он тоже будет жить всегда. «Безмолвным» оставался только один член семьи — Дебора, дочь Генриетты.

В дальнейшем, изучая писательское мастерство во время учебы в аспирантуре, я укрепилась в мысли когда-нибудь рассказать историю Генриетты. В какой-то момент я даже позвонила в справочную службу Балтимора насчет мужа Генриетты Дэвида Лакса, но его не оказалось в списках. У меня была идея написать книгу — биографию клеток и женщины, у которой их взяли, — чьей-то дочери, жены и матери.

Тогда я не могла даже вообразить, что тот звонок положит начало приключению, которое продлится десять лет, которое проведет меня через научные лаборатории, больницы, психиатрические клиники и принесет мне знакомство с совершенно разными людьми — от нобелевских лауреатов до работников продуктового магазина, осужденных уголовников и профессионального мошенника. Пытаясь разобраться в истории с культурой клеток и со сложными этическими дебатами вокруг использования человеческих тканей в исследованиях, я была обвинена в тайном сговоре, оказалась припертой к стене в буквальном и в переносном смысле и в итоге стала объектом процесса, похожего на изгнание нечистой силы. В конце концов я встретилась с Деборой, которая оказалась одной из самых сильных и жизнерадостных женщин, которых я когда-либо знала. Между нами возникла глубокая личная привязанность, и мало-помалу, даже не осознавая этого, я стала играть определенную роль в ее жизни, а она — в моей.

Мы с Деборой произошли из совершенно разных культур: я — белый агностик с Тихоокеанского Северо-Запада, наполовину из нью-йоркских евреев и наполовину из протестантов Среднего Запада. Дебора — глубоко религиозная черная христианка с Юга. Я имела привычку покидать помещение, когда речь заходила о религии, ибо мне делалось неловко; в семье Деборы питали склонность к проповедям, исцелению верой и порой даже к колдовству. Она выросла в «черной» среде, которая была одной из беднейших и наиболее опасных в стране; я росла в безопасной и спокойной среде среднего класса в преимущественно «белом» городе и ходила в школу, где было всего два черных ученика. Я была научным журналистом и все сверхъестественное называла штучками-дрючками; Дебора верила, что дух Генриетты живет в ее клетках и контролирует жизнь каждого, кто попадается на их пути. Включая меня.

«Как ты еще объяснишь, что твой преподаватель знал ее настоящее имя, в то время как все остальные называли ее Хелен Лэйн? — могла сказать Дебора. — Она пыталась привлечь твое внимание». Такого рода рассуждения имели место в отношении всех событий в моей жизни. Так, в процессе работы над этой книгой я вышла замуж, ибо Генриетта хотела, чтобы кто-то заботился обо мне, пока я работала. А развелась я, как оказалось, потому что она решила, что мой муж стоит на пути книги. Когда с редактором, настаивавшем на том, чтобы я исключила из книги семью Лакс, произошел странный несчастный случай, Дебора сказала, что такое возможно, если разозлить Генриетту.

Лаксы бросили вызов всем моим представлениям о вере,

науке, журналистике и расе. В результате родилась эта книга — история не только о Генриетте Лакс и клетках HeLa, но и о семье Генриетты (особенно о Деборе) и их длящейся всю жизнь борьбе за то, чтобы примириться с существованием этих клеток, а также о науке, которая сделала это возможным.

Голос Деборы

Когда люди спрашивают — и они, кажется, всегда будут спрашивать, никуда мне от этого не деться, — я отвечаю, что да, верно, мою мать звали Генриетта Лакс, она умерла в 1951 году, Джон Хопкинс взял у нее образцы клеток, и эти клетки до сих пор живы, и они по-прежнему размножаются, растут и распространяются, если их не заморозить. Ученые зовут ее HeLa, и она повсюду, по всему миру, в медицинских учреждениях, во всех компьютерах и в Интернете — везде.

Когда я прихожу к доктору на осмотр, то всегда говорю, что моей матерью была HeLa. Это вызывает неподдельный интерес, мне начинают рассказывать всякие вещи, — например, что ее клетки помогли создать мое лекарство от давления и таблетки от депрессии и что все эти нужные штуки в науке случились благодаря ей. Но они никогда ничего не объясняют, только говорят: «Ну да, твоя мать побывала на Луне, она была в ядерных бомбах и приготовила эту вакцину от полиомиелита» Я и правда не представляю, как она все это сделала, но, наверное, я рада за нее, потому что тем самым она помогла многим людям. Думаю, ей бы это понравилось.

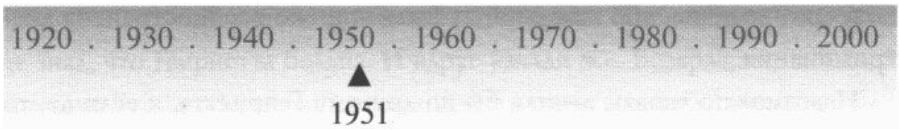
Все же мне всегда казалось странным, что, раз уж клетки нашей матери принесли так много пользы медицине, то почему получается, что ее семья не может себе позволить ходить к врачам? Бессмыслица какая-то. Люди разбогатели благодаря моей матери и даже не сообщили нам, что взяли ее клетки, и теперь мы не получаем ни дайма [монета в 10 центов. — Прим. ред.]. Одно время это прямо сводило меня с ума, я тогда заболела и стала пить таблетки. Но я больше не хочу бороться. Я просто хочу знать, кем была моя мать.

Часть первая
ЖИЗНЬ

Часть первая

ЖИЗНЬ

1
Прием у врача



29 января 1951 года Дэвид Лакс сидел за рулем своего старого «бьюика» и смотрел, как идет дождь. Он припарковался под высоким дубом рядом с больницей Джона Хопкинса. В машине сидело трое его детей — двое из них были еще в пеленках, и они ждали свою маму Генриетту. Несколькими минутами раньше она выскочила из машины, набросила на голову пиджак и побежала в больницу мимо туалета для цветных (единственного, которым она могла воспользоваться). В соседнем здании под элегантной куполообразной медной крышей стояла мраморная статуя Христа высотой десять с половиной футов [3,2 м] с раскинутыми руками, будто обнимавшими двор, который некогда был главным входом в больницу. Каждый раз, приходя в больницу к доктору, все члены семьи Генриетты подходили к статуе Христа, возлагали к его ногам цветы, молились и терли его большой палец «на счастье». Однако сегодня Генриетта не остановилась.

Она направилась прямо в приемную гинекологической клиники — большой открытый холл, в котором не было ничего, кроме длинных скамеек с прямыми спинками, похожими на церковные скамьи.

— У меня узел в матке, — сказала она в регистратуре. — Нужно, чтобы доктор посмотрел.

Уже больше года Генриетта говорила своим ближайшим подругам, что неважно себя чувствует. Как-то вечером после ужина, сидя на кровати с двоюродными сестрами Маргарет и Сэди, она сказала: «У меня внутри узел».

— Чего? — переспросила Сэди.

— Узел, — повторила Генриетта. — Иногда он ужасно болит — когда мой хочет взять меня, Боже милостивый, сплошная боль.

Когда секс впервые начал причинять ей боль, Генриетта решила, что это связано с малышкой Деборой, родившейся несколькими неделями раньше, или с «дурной кровью», которую Дэвид порой приносил домой после ночей с другими женщинами, — добрые врачи лечили их уколами пенициллина и препаратов тяжелых металлов.

Генриетта взяла каждую из сестер за руку и приложила их к

своему животу, как делала в то время, когда Дебора только начинала толкаться.

— Чувствуете что-нибудь?

Обе сестры снова и снова давили пальцами на ее живот.

— Не знаю, — задумчиво ответила Сэди, — Может быть, ты беременна вне матки? Знаешь, такое *может* случиться.

— Вовсе я не беременна, — возразила Генриетта. — Это узел.

— Хенни, ты бы выяснила, что там. А вдруг что-то нехорошее?

Но Генриетта не пошла к врачу, а двоюродные сестры никому не рассказали об этом разговоре в спальне. В те времена люди не обсуждали такие вещи, как рак, но Сэди всегда считала, что Генриетта держала свое состояние в тайне из-за боязни, что доктор удалит ей матку и она не сможет больше иметь детей.

Спустя неделю после разговора с сестрами о своем плохом самочувствии, Генриетта, которой было на тот момент двадцать девять лет, забеременела Джо, пятым ребенком. Сэди и Маргарет сказали ей, что в конце концов боли могут быть связаны каким-то образом с ребенком. Но Генриетта по-прежнему настаивала на своем.

— Это было там до ребенка, — сказала она сестрам. — Это что-то другое.

После этого все они перестали говорить про узел, и никто не сказал ни слова об этой истории мужу Генриетты. И вот однажды, спустя четыре с половиной месяца после рождения Джозефа, Генриетта зашла в ванную и обнаружила на нижнем белье пятна крови, хотя до месячных было еще далеко.

Набрав воды, она села в теплую ванну и раздвинула ноги. Ни дети, ни муж, ни двоюродные сестры не могли войти в закрытую дверь, и Генриетта ввела палец себе внутрь и ощупывала шейку матки до тех, пока не нашла то, что с уверенностью искала: твердую шишку глубоко внутри, как будто кто-то запихнул небольшой шарик слева от входа в матку.

Генриетта вылезла из ванны, вытерлась насухо и оделась. Затем она сказала мужу: «Ты бы отвез меня к доктору. У меня кровь идет, хотя сейчас и не время».

Местный врач мельком осмотрел Генриетту, увидел шишку и принял ее за сифилитическую язву. Однако анализ шишки на сифилис был отрицательным, и тогда доктор предложил Генриетте обратиться в гинекологическую клинику Джона Хопкинса.

Больница Хопкинса считалась одной из лучших в этих местах. Ее построили в 1889 году как благотворительную больницу для немощных и бедных. Больница занимала более пяти гектаров

западного Балтимора на месте бывшего кладбища и приюта для умалишенных. Общие палаты больницы Хопкинса были переполнены пациентами, большинство из которых были черными и не могли оплатить свои счета за медицинское обслуживание. Дэвид проехал почти двадцать миль [более 30 км], чтобы привезти сюда Генриетту, — не потому, что они предпочитали эту больницу, а потому, что это была единственная больница на многие мили, где лечили черных пациентов. То были времена системы «Джим Кроу» — если бы черные явились в больницу «только для белых», то персонал был бы обязан отправить их прочь, даже если бы это означало смерть больного прямо на парковке у больницы. Даже в больнице Хопкинса, где лечили черных пациентов, были смотровые кабинеты и палаты «для цветных» и фонтанчики с питьевой водой «только для цветных».

Вот почему медсестра, вызвавшая Генриетту из приемного покоя, провела ее в одну-единственную дверь смотровой для цветных, — одну из длинного ряда комнат, разделенных прозрачными стеклянными перегородками (что позволяло медсестрам смотреть из одной в другую). Генриетта разделась, облачилась в накрахмаленный белый больничный халат и легла на деревянный смотровой стол, ожидая дежурного гинеколога доктора Говарда Джонса. Худощавый седеющий Джонс говорил низким голосом, который смягчал легкий южный акцент. Когда он вошел в комнату, Генриетта рассказала ему о шишке. Прежде чем начать осмотр, он просмотрел ее медицинскую карту — беглый набросок ее жизни и длинный перечень невылеченных заболеваний.

> Шесть или семь классов образования; домохозяйка и мать пятерых детей. С детства затрудненное дыхание из-за периодических инфекций в горле и искривления носовой перегородки. Терапевт рекомендовал хирургическую коррекцию, пациентка отказалась. Пациентка страдала зубной болью один раз на протяжении пяти лет. В конце концов у нее был удален зуб вместе с несколькими другими. Обеспокоена только относительно старшей дочери, которая страдает эпилепсией и не может говорить. Домашняя обстановка благополучная. Спиртным не злоупотребляет, выпивает очень редко. Не путешествовала. Питание повышенное. Отзывчива. Имеет девять братьев и сестер. Один погиб в автомобильной аварии, один умер в результате ревматического порока сердца, еще один был отравлен.

Необъяснимое вагинальное кровотечение и кровь в моче в течение последних двух беременностей; терапевт рекомендовал сдать тест на серповидные клетки, пациентка отказалась. Живет с мужем с 15 лет, к половым сношениям не расположена. Пациентка страдает бессимптомным нейросифилисом, однако проходить курс лечения сифилиса отказалась, заявив, что хорошо себя чувствует. За два месяца до данного обращения, после рождения пятого ребенка, у пациентки обнаружено значительное количество крови в моче. Анализы показали участки повышенной клеточной активности в шейке матки. Терапевт рекомендовал пройти диагностические процедуры и направил пациентку к специалисту для исключения инфекции или рака. Пациентка от посещения врача отказалась. За месяц до данного обращения у пациентки был положительный результат теста на гонорею. Пациентку повторно вызвали в клинику для лечения. Пациентка на лечение не явилась.

Неудивительно, что Генриетта столько раз не приходила в клинику повторно для дальнейшего лечения. Для нее появление в больнице Хопкинса было подобно поездке в чужую страну, на языке которой она не говорила. Она умела выращивать табак и колоть свиней, но никогда не слышала слов «шейка матки» или «биопсия». Она едва умела читать и писать и не проходила наук в школе. Она, как и большинство черных пациентов, приходила в больницу Хопкинса лишь тогда, когда считала, что у нее нет другого выхода.

Джонс выслушал рассказ Генриетты о болях и кровотечении. «Она сказала, что знает, что у нее что-то не в порядке со входом в матку, — писал он позже. — На вопрос, откуда ей это известно, она ответила, что чувствует, будто внутри какая-то шишка. Я не очень понял, что она имела в виду, пока сам не прощупал это место».

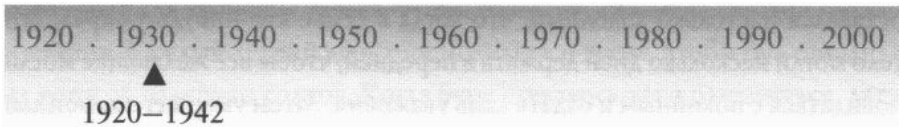
Генриетта легла на спину, крепко уперлась ногами в скобки и уставилась в потолок. И конечно, Джонс нашел шишку именно в том месте, где, по словам Генриетты, она находилась. Доктор описал ее как эродированную твердую массу размером в пятицентовую монету. Если представить шейку матки в виде циферблата, то шишка находилась на уровне четырех часов. Джонсу приходилось видеть почти тысячу раковых поражений шейки матки, но он никогда прежде ни видел подобного: блестящая и пурпурная («Как виноградное желе „Джелло“», —

напишет он позже) и такая нежная, что кровоточила при легчайшем прикосновении. Джонс отрезал небольшой кусочек для образца и отправил его вниз в лабораторию патологии на диагностику. Затем он сказал Генриетте идти домой.

Вскоре после этого Джонс сел диктовать записи о Генриетте и ее диагнозе: «История этой женщины интересна тем, что 19 сентября 1950 года здесь, в этой больнице, у нее приняли плановые роды, — говорил он. — Ни после родов, ни спустя шесть недель при повторном визите в истории болезни нет записи о каких-либо аномалиях шейки матки».

И тем не менее по прошествии трех месяцев она пришла со зрелой опухолью. Либо ее врачи не заметили эту шишку во время последних осмотров — что кажется невероятным, — либо опухоль выросла с пугающей скоростью.

2
Кловер



Генриетта Лакс, урожденная Лоретта Плезант, родилась в городе Роанок (штат Виргиния) 1 августа 1920 года. Никто не знает, каким образом она превратилась в Генриетту. Акушерка по имени Фанни приняла роды у ее матери в крохотной лачуге, в тупике одной из улиц, выходивших к железнодорожному складу, куда ежедневно приходили и уходили сотни грузовых вагонов. Генриетта жила в этом доме с родителями и восемью старшими братьями и сестрами до 1924 года, когда ее мать, Элайза Лакс Плезант, умерла, рожая своего десятого ребенка.

Отец Генриетты, коренастый Джонни Плезант, прихрамывал и ходил с палкой, которой частенько поколачивал людей. Семейное предание гласило, что он убил родного брата за попытку приударить за Элайзой. Джонни не обладал должным терпением, чтобы воспитывать детей, поэтому после смерти Элайзы он привез их всех в Кловер (штат Виргиния), где его семья выращивала табак на тех же полях, на которых их предки трудились в качестве рабов. Никто в Кловере не мог взять всех десятерых детей, и их по одному распределили между родственниками. Генриетта попала к своему дедушке Томми Лаксу.

Томми жил в так называемом доме-пристройке — четырехкомнатной хижине, служившей некогда жильем для рабов, с дощатым полом и газовым освещением. Воду Генриетта носила из ручья за большим холмом. Пристройка стояла на холме, и в щелях стен завывал ветер. Внутри воздух оставался настолько холодным, что когда в семье кто-нибудь умирал, его тело могли несколько дней держать в передней, чтобы все желающие могли повидаться с покойным и отдать дань уважения. Затем умершего хоронили на кладбище за домом.

У дедушки Генриетты уже был на воспитании внук — сын одной из его дочерей, которого она «забыла» здесь сразу же после того, как родила его на полу пристройки. Мальчика звали Дэвид Лакс, но все звали его Дэй, ибо на местном протяжном говоре Лаксов «дом» — «хаус» — звучал как «хайс», а имя «Дэвид» превращалось в «Дэй».

Юный Дэвид был, как говорилось у Лаксов, случайным

ребенком: через городок проезжал мужчина по имени Джонни Коулмэн, а спустя девять месяцев родился Дэй. Роды принимали двенадцатилетняя кузина и повитуха по имени Мюнчи; мальчик родился синюшный, как грозовое небо, и не дышал. В пристройку пришел белый доктор с тростью, которой пользовался одновременно для дерби и для ходьбы, написал в свидетельстве о рождении ребенка «мертворожденный» и укатил обратно на коляске, запряженной лошадьми, оставив за собой облако красной пыли.

Пока он уезжал, Мюнчи молилась: *«Господи, я знаю, ты не хотел забрать этого ребенка».* Она помыла Дэя в кадке с теплой водой, затем положила его на белую простыню и принялась тереть и похлопывать его грудь до тех пор, пока младенец не сделал вдох, а его синюшная кожа не приобрела мягкий коричневый цвет.

Когда Джонни Плезант привез Генриетту жить к дедушке Томми, ей исполнилось четыре, а Дэю — почти девять. Никто не мог предположить, что она проведет с Дэем всю свою жизнь — сначала как двоюродная сестра, с которой он рос в дедовой пристройке, а после как жена.

В детстве Генриетта и Дэй просыпались каждое утро в четыре часа, чтобы подоить коров и задать корм цыплятам, свиньям и лошадям. Они шли в засаженный кукурузой, арахисом и зеленью огород, а затем вместе с кузенами Клиффом, Фредом, кузинами Сэди и Маргарет и кучей других уходили на табачные поля. Большая часть их жизни проходила в этих полях, где они, согнувшись, сажали табак вслед за плугом, который тянули мулы. Каждый сезон дети срывали со стеблей широкие зеленые листья и делали из них небольшие связки, от чего кожа на пальцах облупливалась и становилась липкой от никотиновой смолы, а затем залезали на стропила дедушкиного сарая для хранения табака, чтобы развесить связку за связкой для созревания. Каждый летний день они молились о грозе, чтобы она охладила их кожу от палящего солнца. Когда буре случалось-таки разразиться, дети кричали и носились по полям, набирая полные пригоршни спелых фруктов и грецких орехов, сорванных с деревьев порывами ветра.

Подобно большинству юных Лаксов, Дэй не закончил школу. Он доучился только до четвертого класса, поскольку был нужен семье для работы в поле. Генриетта дотянула до шестого класса. Каждое утро на протяжении учебного года она после работы в огороде и по уходу за скотиной отправлялась за две мили [примерно 3 км] — мимо школы для белых, где дети кидались в нее камнями и насмехались над ней — в школу для цветных,

которая занимала деревянное трехкомнатное здание бывшей фермы, укрытое под высокими тенистыми деревьями. Прямо перед школой был двор, где в соответствии с порядком, заведенным миссис Коулмэн, мальчики и девочки играли по отдельности. Каждый день после занятий или когда их вовсе не было Генриетта уходила в поля с Дэем, кузенами и кузинами.

Окончив работу, они бежали прямо к запруде на ручье позади дома, которую устраивали каждый год. В ход шли камни, палки, мешки с песком и все прочее, что они могли опустить на дно. Дети кидали камни, чтобы распугать ядовитых водяных щитомордников, и затем бросались в воду с ветвей деревьев или ныряли с илистого берега.

С наступлением ночи они жгли костры из старых башмаков, чтобы распугать комаров, и глядели на звезды, сидя под раскидистым дубом, к которому привязывали свисающую веревку, чтобы на ней раскачиваться. Играли в салочки, классики, водили хоровод «кольцо вокруг розы», танцевали и пели возле поля, пока дедушка Томми не кричал всем идти спать.

Каждый вечер куча кузин и кузенов набивалась в тесное помещение над маленькой деревянной кухней всего в нескольких футах от дома-пристройки. Они лежали вповалку и рассказывали истории о безголовом табачном фермере, бродившем ночами по улицам, или о безглазом человеке, который жил у ручья. Затем дети засыпали и спали до тех пор, пока бабушка Хлоя не начинала внизу топить дровяную печку и не будила их запахом свежего печенья.

В сезон сбора урожая каждый месяц в один из вечеров дедушка Томми запрягал лошадей и готовился к поездке в Саут-Бостон, где находился второй по величине рынок табака в стране — с табачными парадами, пышным шествием Табачной Мисс и портом, где стояли суда, полные сухих табачных листьев для курильщиков со всего мира.

Прежде чем покинуть дом, Томми созывал юных кузенов и кузин, и они устраивались в повозке на ложе из табачных листьев, борясь со сном, сколько возможно, чтобы потом заснуть под мерный цокот лошадиных копыт. Как и все виргинские фермеры, Томми Лакс и его внучата ехали всю ночь напролет, чтобы доставить свой урожай в Саут-Бостон, где они на рассвете выстраивались в очередь — повозка за повозкой, — ожидая, пока откроются огромные зеленые деревянные ворота аукционного склада.

По прибытии Генриетта и остальные дети помогали распрячь лошадей и наполняли их кормушки зерном, затем разгружали табак своей семьи на дощатый пол склада. Аукционист на одном

дыхании выкрикивал цифры, и его голос гулко отзывался в огромном открытом помещении, потолок которого — со световыми окнами, почерневшими от многолетней грязи — достигал высоты почти что в тридцать футов [более 9 м]. Пока Томми Лакс стоял со своим урожаем, моля Бога о хорошей цене, Генриетта с братьями и сестрами носились вокруг кип табачных листьев и скороговоркой несли всякую тарабарщину, подражая аукционисту. Вечером они помогали Томми оттащить весь непроданный табак вниз, в подвал, где он превращался в постель для детей. Белые фермеры спали наверху, в чердачных комнатах и отдельных номерах; черные фермеры проводили ночь в темном подвальном этаже склада вместе с лошадьми, мулами и собаками, на пыльном земляном полу, где рядами располагались деревянные стойла для скота и возвышалась почти до потолка гора пустых бутылок из-под спиртного.

Ночью на этом складе наступало время пьянства, азартных игр и проституции, а порой случались и убийства, поскольку фермеры прожигали свои заработки за целый сезон. Лежа на постели из листьев, юные Лаксы разглядывали потолочные балки размером с целое дерево и погружались в сон под звуки смеха, звон бутылок и запах сушеного табака.

Утром они загружались в телегу вместе с непроданным урожаем и отправлялись в долгий путь домой. Все двоюродные братья и сестры, оставшиеся в Кловере, знали, что поездка на повозке в Саут-Бостон означает гостинцы для всех — кусок сыра или, может быть, болонской колбасы, и потому часами поджидали повозку на Мейн-стрит (Главной улице), чтобы проводить ее до самой пристройки.

Широкая и пыльная главная улица Кловера была запружена «фордами» модели А и повозками, запряженными мулами и лошадьми. Старина Снег был обладателем первого в городке трактора и ездил на нем в магазин, как на автомобиле, — с газетой под мышкой и со своими псами, Кадиллаком и Дэном, с лаем бежавшими рядом. На Мейн-стрит располагались кинотеатр, банк, ювелирный магазин, приемная врача, магазин скобяных товаров и несколько церквей. В хорошую погоду все белые мужчины — от мэра и врача до гробовщика — в подтяжках, цилиндрах и с длинными сигарами в зубах чинно выстраивались вдоль Мейн-стрит, потягивая виски из бутылок и беседуя, либо играли в шашки на деревянном бочонке перед аптекой. Их жены в это время сплетничали в магазине, а их младенцы дремали рядышком у прилавка, уронив головы на длинные рулоны тканей.

За десять центов Генриетта с кузенами и кузинами нанимались собирать табак этих белых, чтобы заработать денег

на любимые ковбойские фильмы с участием Бака Джонса. Владелец кинотеатра крутил немые черно-белые фильмы, а его жена в это время играла на пианино. Поскольку она умела играть только одну мелодию, то звуки счастливой карнавальной песенки сопровождали любую сцену фильма, даже если в героев стреляли и они умирали. Дети Лаксов сидели в отделении для цветных рядом с проектором, стучавшим как метроном на протяжении всего фильма.

Подросшие Генриетта и Дэй сменили «кольцо и розу» на скачки по грунтовой дороге вдоль территории, которая прежде использовалась Лаксами под табачную плантацию, а нынче попросту именовалась Лакстаун. Мальчишки всегда сражались за право оседлать Чарли — рослого гнедого коня дедушки Томми, который мог обогнать любую лошадь в Кловере. Генриетта и другие девочки наблюдали за ними с холма или с наполненных соломой телег, подпрыгивая от возбуждения, аплодируя и крича, когда мальчишки мчались на лошадях мимо них.

Генриетта часто болела за Дэя, однако порой подбадривала и другого кузена — Чокнутого Джо Гриннана. Чокнутый Джо — которого его кузен Клифф называл «выдающимся парнем» — был высоким, крепким, темнокожим, с большим носом и такой густой черной растительностью, покрывавшей его голову, руки, спину и шею, что летом он сбривал волосы по всему телу, чтобы они не загорелись. Чокнутым Джо прозвали из-за его страстной любви к Генриетте, ради внимания которой он был готов на все. Генриетта была самой красивой девушкой в Лакстауне, с очаровательной улыбкой и глазами орехового цвета.

В первый раз, когда Чокнутый Джо попытался свести счеты с жизнью из-за Генриетты, он бегал вокруг нее кругами в разгар зимы, пока Генриетта шла из школы домой. Он умолял ее о свидании: «Хенни, ну же… дай мне хоть один шанс». А когда она в ответ сказала ему «нет» и рассмеялась, Джо с разбегу бросился прямо в замерзший пруд, проломив лед. И он отказывался выйти до тех пор, пока Генриетта не согласилась встречаться с ним.

Все братья и сестры дразнили Джо: «Может быть, он решил, что ледяная вода остудит его, но он оказался таким горячим, что вода едва не закипела!» Кузина Генриетты Сэди, сестра Джо, кричала: «Парень, да ты по уши влюбился в девчонку, ты что, собрался умереть из-за нее? Не дело это».

Неизвестно, что было между Генриеттой и Чокнутым Джо, не считая нескольких свиданий и поцелуев. Генриетта с четырех лет делила спальню с Дэем, так что никто не удивился, когда у них появились дети. Их сын Лоуренс родился спустя несколько

месяцев после того, как Генриетте исполнилось четырнадцать, а четырьмя годами позже на свет появилась его сестра Люсиль Эльси Плезант. Оба они пришли в этот мир на полу пристройки, как в свое время и их отец, бабушка и дедушка.

Никто не говорил слова «эпилепсия», «умственная отсталость» или «нейросифилис», чтобы описать состояние Эльси через несколько лет после рождения. Для жителей Лакстауна она была просто «бесхитростной». «Тронутой». Она так быстро появилась на свет, что Дэй даже не успел привести акушерку, когда Эльси вылетела как пробка и стукнулась головой об пол. Люди говорили, что, может быть, именно поэтому ее разум остался на уровне ребенка.

Старые пыльные церковные книги из церкви, куда ходила Генриетта, полны именами женщин, исключенных из прихода из-за рождения внебрачных детей. Однако по какой-то причине Генриетты это не коснулось, несмотря на сплетни по всему Лакстауну о том, что, возможно, Чокнутый Джо был отцом одного из ее детей.

Узнав, что Генриетта собирается выйти замуж за Дэя, Чокнутый Джо ударил себя в грудь старым тупым перочинным ножом. Его нашел отец, пьяного, валяющегося на дворе в залитой кровью рубашке. Джо яростно сопротивлялся попыткам отца остановить кровотечение, отбиваясь от него кулаками, отчего кровь пошла еще сильнее. В конце концов отцу удалось затащить Джо в машину, крепко привязать к двери и отвезти к доктору. Когда, весь перевязанный, Джо вернулся домой, Сэди лишь заметила: «И все это ради того, чтобы не дать Хенни выйти за Дэя?» Но Сумасшедший Джо был не единственным, кто пытался помешать этому браку.

Сестра Генриетты Глэдис всегда говорила, что Генриетта могла бы найти себе парня и получше. Члены семьи Лакс рассказывали о первых годах жизни Генриетты и Дэя в Кловере как о сказочной идиллии. Кроме Глэдис. Никто не знал, почему она была так настроена против их брака… Некоторые люди говорили, что Глэдис просто ревновала, поскольку Генриетта была красивее. Однако Глэдис всегда настаивала, что Дэй станет никудышным мужем.

Дэй и Генриетта сочетались браком в доме их проповедника 11 апреля 1941 года. При этом с ними никого не было. Ей было двадцать, ему двадцать пять. Они не отправились в свадебное путешествие, поскольку было много работы и не было денег на поездку. К зиме Соединенные Штаты оказались в состоянии войны, табачные компании принялись поставлять сигареты для солдат, так что на данном рынке начался бум. Однако если

крупные фермы процветали, то мелким приходилось бороться за выживание. Генриетта и Дэй считали удачей, если в сезон удавалось продать достаточно табака, чтобы прокормить семью и вновь возделать свое поле.

Поэтому после бракосочетания Дэй вновь взялся за потрескавшиеся рукоятки своего старого деревянного плуга, а Генриетта шла за ним следом, толкая самодельную тачку и бросая табачные семена во свежевспаханный краснозем.

В один из дней в конце 1941 года по грунтовой дороге за их полем подкатил кузен Фред Гаррет. Он только что приехал из Балтимора навестить семью — разодетый, на своем глянцевом «Шевроле'36». Еще год назад у Фреда и его брата Клиффа, как и у прочих, была табачная ферма. Для приработка они открыли ночной магазин для цветных, где большинство покупателей расплачивалось долговыми расписками, а также держали забегаловку из старых шлакобетонных блоков, в которой Генриетта частенько танцевала на красном земляном полу. Все бросали монетки в музыкальный автомат и пили вишневую газировку. Однако доходы никогда не были большими, так что в конце концов на последние три с четвертью доллара Фред купил билет на автобус и отправился на поиски новой жизни. Подобно нескольким своим кузенам, он пошел работать на сталелитейный завод Sparrows Point корпорации Bethlehem Steel и стал жить в маленьком сообществе черных рабочих на Станции Тернер, располагавшейся на полуострове, образованном рекой Ратапско — примерно в двадцати милях от центра Балтимора.

Когда в конце XIX века завод начал работать, на месте Станции Тернер были в основном болота, сельскохозяйственные угодья и несколько хижин, между которыми были проложены доски, чтобы по ним ходить. С началом Первой мировой войны спрос на сталь вырос, и массы белых рабочих устремились в соседний городок Дандок. Жилые бараки, построенные Bethlehem Steel для цветных, быстро переполнились, и тем, кому не хватило места, пришлось обосноваться на Станции Тернер. К началу Второй мировой войны поселок успел обзавестись несколькими мощеными улицами, собственным врачом, универсальным магазином и мороженщиком. Однако его жителям все еще приходилось добиваться, чтобы у них были водоснабжение, канализация и школы.

В декабре 1941 года Япония бомбардировала Перл Харбор, и Станция Тернер прямо-таки выиграла в лотерею — спрос на сталь и потребность в рабочих взлетели до небес. Правительство вкладывало деньги в развитие Станции Тернер, и поселок стал полниться домами в один-два этажа, зачастую тесно

прижимавшимися друг к другу то боками, то спиной; некоторые из них состояли из четырех-пяти сотен жилых блоков. Большинство домов были кирпичными, другие — покрыты асбестовыми плитками. Одни из них имели дворы, другие — нет. И по всему поселку можно было видеть пляшущие огни печей Sparrows Point и жуткий красный дым, вырывавшийся из заводских труб.

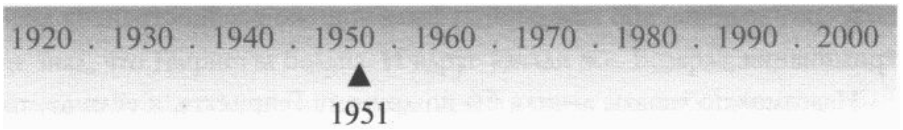
Предприятие Sparrows Point быстро становилось крупнейшим в мире сталелитейным заводом. Оно выпускало железобетонную арматуру, колючую проволоку, гвозди, а также сталь для автомобилей, холодильников и военных кораблей. Каждый год в топках завода сгорало более шести миллионов тонн угля, чтобы выпустить восемь миллионов тонн стали и обеспечить работой более 30 тысяч рабочих. Bethlehem Steel была золотым дном во времена бурного роста бедности, — особенно для черных семей с Юга. Молва о Bethlehem Steel пошла от Мэриленда до ферм Виргинии и обеих Каролин, и черные семьи стекались с Юга на Станцию Тернер — землю обетованную. Годы спустя это массовое перемещение назовут частью Великого переселения.

Труд был нелегким — особенно для черных мужчин, которым доставалась та работа, за которую не хотели браться белые мужчины. Как правило, они (как, например, Фред) начинали с того, что подбирали в недрах строящихся танкеров на верфи болты, заклепки и гайки, падавшие из рук рабочих, которые занимались сверлением и сваркой на высоте тридцати-сорока футов [9–12 м]. Со временем черные рабочие переходили в котельную кидать лопатой уголь в пылающую печь. Дни напролет они вдыхали ядовитую угольную и асбестовую пыль, а после работы приносили ее домой женам и дочерям, которые дышали ею, вытряхивая одежду перед стиркой. Черные рабочие зарабатывали на Sparrows Point самое большее восемьдесят центов в час, но обычно меньше. Белые рабочие получали намного больше, но Фред не жаловался: восемьдесят центов в час для большинства Лаксов были невиданным заработком.

Фред добился успеха и теперь вернулся в Кловер убедить Генриетту и Дэя последовать его примеру. На следующее утро после приезда Фред купил Дэю билет на автобус до Балтимора. Договорились, что Генриетта останется присматривать за детьми и табаком, пока Дэй не заработает достаточно, чтобы обзавестись собственным жильем в Балтиморе и купить три билета на Север. Спустя несколько месяцев Фред получил повестку о призыве на военную службу и отправился пароходом за море. Перед отъездом он оставил Дэю все скопленные им деньги и сказал ему, что настало время Генриетте с детьми перебраться в Станцию Тернер.

И вот, с двумя детьми на руках, Генриетта погрузилась на поезд с угольной топкой на маленькой деревянной станции в конце Мейн-стрит Кловера. Она покидала табачные поля ее юности и столетний дуб, в тени которого столь часто укрывалась от солнца в жаркие дни. Генриетта, которой исполнился двадцать один год, впервые разглядывала из окна вагона мелькающие холмы и большие открытые водоемы, и поезд нес ее к новой жизни.

3
Диагноз и лечение



После визита в больницу Хопкинса жизнь Генриетты шла как обычно: уборка и готовка еды для Дэя, детей и многочисленных кузенов и кузин, заглядывавших на огонек. Через несколько дней Джонс получил из лаборатории патологии результаты ее биопсии: «эпидермоидная карцинома шейки матки, первая стадия».

Все виды рака начинаются с одной-единственной клетки, которая начинает вести себя неправильно, и классифицируются в соответствии с типом, к которому относилась исходная клетка. Большинство видов рака шейки матки относятся к карциномам, вырастающим из эпителиальных клеток, которые выстилают шейку матки и защищают ее поверхность. Так получилось, что в то время, когда Генриетта пришла в больницу с жалобами на необычное кровотечение, Джонс и его начальник — доктор Ричард Уэсли Телинд приняли участие в происходивших по всей стране горячих дебатах относительно того, что же считать раком шейки матки и как его лечить.

Телинд — один из ведущих специалистов страны по раку шейки матки — был щеголеватым и серьезным хирургом в возрасте пятидесяти шести лет. Из-за несчастного случая во время катания на коньках более десяти лет назад он сильно хромал при ходьбе, и потому в больнице Хопкинса все называли его Дядюшка Хромой. Он стал первым, кто использовал эстроген для лечения симптомов менопаузы, и сделал некоторые открытия в начале изучения эндометриоза. Телинд также написал один из самых известных учебников по клинической гинекологии, который пережил десять изданий за шестьдесят лет со дня его написания, и по-прежнему широко используется. Телинда знали во всем мире: когда заболела жена короля Марокко, она настояла на том, чтобы именно Телинд ее оперировал. К 1951 году, когда Генриетта появилась в больнице Хопкинса, Телинд разработал теорию рака шейки матки, которая, будучи верной, могла бы спасти жизнь миллионам женщин. Однако мало кто из специалистов верил в нее.

Рак шейки матки бывает двух типов: инвазивная карцинома,

которая проникает в поверхность шейки, и неинвазивная, развивающаяся на поверхности. Неинвазивный тип иногда называют «глазурной карциномой» из-за сходства с сахарной глазурью. Такой тип карциномы развивается на гладких многослойных участках поверхности шейки матки, его официальное название — *carcinoma in situ,* что в переводе с латинского означает «рак на исходном месте его возникновения».

В 1951 году большинство врачей-специалистов в данной области считали инвазивную карциному смертельным заболеванием, а неинвазивную — несмертельным, и потому агрессивно лечили инвазивный тип, однако мало беспокоились о карциноме in situ, ибо полагали, что она не способна к распространению. Телинд был не согласен с такой точкой зрения. Он полагал, что карцинома in situ представляет собой всего-навсего раннюю стадию инвазивной карциномы и поэтому, будучи невылеченной, в итоге превращается в смертельный вид рака. По этой причине он лечил карциному in situ агрессивными методами, зачастую удаляя шейку матки, матку и большую часть влагалища, и утверждал, что это резко понизит смертность от рака шейки матки. Тем не менее критики называли такое лечение ненужным и чрезмерным.

Диагностика карциномы in situ стала возможной только в 1941 году с выходом в свет публикации греческого исследователя Георгия Папаниколау, где тот дал описание разработанного им теста (теперь этот тест называют Пап-мазком). Для этого теста соскабливают изогнутой стеклянной пипеткой клетки шейки матки и исследуют их под микроскопом на наличие предраковых изменений, которые несколькими годами раньше обнаружили Телинд и несколько других врачей. Этот тест стал огромным скачком в развитии медицины, ибо подобные изменения было невозможно обнаружить иным путем: они не вызывали физических симптомов, не поддавались пальпации и были невидимы невооруженным глазом. Когда женщины начинали чувствовать симптомы, надежды на излечение уже практически не было. Мазок Папаниколау позволял врачам обнаружить предраковые клетки, удалить матку и тем самым практически наверняка предотвратить рак шейки матки.

В те времена от рака шейки матки ежегодно умирало более 15 тысяч женщин. Пап-мазок мог бы снизить смертность на 70 % и более, однако этому мешали два фактора. Во-первых, многие женщины, подобно Генриетте, просто не сдавали такой анализ. Во-вторых, даже в случае, если бы они его сдали, мало кто из врачей умел правильно прочесть и понять результаты, не зная, как выглядят под микроскопом разные стадии рака шейки матки.

Некоторые из них ошибочно принимали за рак инфекции шейки матки и в результате полностью удаляли женщине половые пути, когда требовалось всего лишь прописать антибиотики. Другие, напротив, принимали злокачественные изменения за инфекцию и назначали антибиотики, а спустя некоторое время пациентка поступала в больницу со смертельными раковыми метастазами. Даже правильно диагностировав предраковые изменения, врачи зачастую не знали, как их лечить.

Телинд свел к минимуму случаи так называемого «необоснованного удаления матки», задокументировав все, что *не являлось* раком шейки матки и убедив хирургов подтверждать результаты Пап-мазка биопсией до начала операции. Он также надеялся доказать, что женщин с карциномой in situ следует подвергать агрессивному лечению, дабы избежать развития у них инвазивного типа рака.

Незадолго до первого осмотра Генриетты Телинд изложил свои доводы по вопросу карциномы in situ перед собранием врачей-патологов в Вашингтоне (округ Колумбия) и столкнулся с неприятием со стороны данной аудитории. Вернувшись в больницу Хопкинса, он запланировал провести исследование, которое бы доказало ошибочность мнения его оппонентов. Вместе со своими сотрудниками Телинд решил просмотреть все медицинские карты и биопсии пациенток больницы Хопкинса с диагнозом «инвазивный рак шейки матки» за последние десять лет и посмотреть, сколько из них имели первоначально карциному in situ.

Как и многие врачи его времени, Телинд часто использовал для исследований пациентов бесплатных больничных отделений — обычно без их ведома. Многие ученые считали, что, раз уж пациентов лечат бесплатно в государственных больницах, то вполне справедливо использовать их в качестве подопытных, в порядке своего рода платы. Как написал позднее в биографии Телинда Говард Джонс: «Больница Хопкинса, в которой было много бедных черных пациентов, никогда не имела недостатка в клиническом материале».

Именно в ходе этого частного исследования — крупнейшего из когда-либо проведенных исследований в области взаимосвязи двух видов рака шейки матки — Джонс и Телинд обнаружили, что 62 % женщин с инвазивной формой рака имели на более ранних биопсиях карциному in situ. Вдобавок к исследованию Телинд полагал, что, если бы ему удалось найти способ вырастить живые образцы нормальной ткани шейки матки и обоих типов раковой ткани (что прежде никому не удавалось), можно было бы сравнить все варианты. Сумей он доказать, что карцинома in situ

и инвазивная карцинома выглядят и ведут себя в лаборатории схожим образом, он мог бы положить конец спорам и подтвердить свою правоту и ошибочность мнений врачей, которые игнорировали его заявления и тем самым убивали своих больных. Итак, он позвонил Джорджу Гаю, возглавлявшему исследования в области культуры тканей в больнице Хопкинса.

Гай, его жена Маргарет и несколько других ученых уже три десятилетия занимались выращиванием злокачественных клеток вне тела, надеясь использовать их для поиска причины и лечения рака. Однако большинство клеток быстро погибали, а небольшое количество выживших еле-еле росли. Супруги Гай решительно настроились вырастить первые *бессмертные* человеческие клетки — линию непрерывно делящихся клеток, происходящих от одного-единственного исходного образца, клеток, которые будут постоянно воспроизводить сами себя и никогда не умрут. Восемью годами ранее, в 1943 году, группа исследователей из Национального института здоровья доказала на клетках мышей, что такое возможно. Супруги Гай хотели добиться аналогичного от человеческих клеток; им было все равно, какую ткань использовать, лишь бы ее источником был человек.

Доктор Гай брал любые клетки, какие только мог достать. Он называл себя «самым известным в мире стервятником, питающимся почти постоянно человеческими особями». Поэтому, когда Телинд предложил ему поставлять образцы раковых тканей шейки матки в обмен на попытку вырастить некоторое количество клеток, Гай согласился без колебаний. С тех пор Телинд стал брать образцы ткани у всех женщин, попавших в больницу Хопкинса с раком шейки матки. Включая Генриетту.

5 февраля 1951 года доктор Джонс, получив из лаборатории результаты биопсии Генриетты, позвонил ей и сообщил о злокачественном заболевании. Генриетта никому не сказала об этом ни слова, и никто ее не спросил. Она просто вела себя так, как будто ничего не случилось, и это было очень на нее похоже — не огорчать близких тем, с чем она может справиться самостоятельно.

В тот вечер Генриетта сказала мужу: «Дэй, мне нужно вернуться завтра к доктору. Он хочет сделать кое-какие анализы и дать мне какое-то лекарство». На следующее утро она вновь выбралась из «бьюика» возле больницы Хопкинса, наказав Дэю и детям не волноваться.

«Вовсе нет ничего страшного, — сказала она. — Доктор меня враз починит».

Генриетта направилась прямиком в приемную и сказала

секретарю, что пришла пройти лечение. Затем она подписала документ, в верхней части которого было напечатано: НА ОПЕРАЦИЮ СОГЛАСНА. Документ гласил:

> Настоящим даю свое согласие персоналу больницы Джона Хопкинса на проведение любых оперативных вмешательств и процедур под местным или общим наркозом, которые могут оказаться необходимыми для надлежащего хирургического лечения пациента: _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _

Генриетта вписала свое имя на пустой строке. Понятой неразборчивым почерком поставил свою подпись на строчке внизу этой формы, Генриетта подписалась на строчке рядом.

Покончив с формальностями, она проследовала за медсестрой по длинному коридору в палату для цветных женщин, где Говард Джонс и несколько других белых терапевтов взяли у нее такое количество анализов, какое ей не приходилось сдавать за всю свою жизнь. Они взяли анализы мочи, крови, проверили легкие, вставили трубки в нос и мочевой пузырь.

На второй вечер, проведенный в больнице, дежурная медсестра принесла Генриетте ужин очень рано, чтобы следующим утром доктор дал ей наркоз на пустой желудок для проведения ее первой процедуры по лечению рака. Опухоль Генриетты оказалась инвазивного типа, а в больнице Хопкинса (как и во всех больницах страны) лечили все инвазивные карциномы шейки матки радием — белым радиоактивным металлом, светившимся жутким голубоватым светом.

Когда радий был впервые открыт в конце XIX века, заголовки газет по всей стране провозглашали его «заменой газу, электричеству и лекарством от всех болезней». Производители часов стали добавлять радий в краску для циферблата, чтобы тот светился, а врачи применяли порошок радия для лечения всех заболеваний — от морской болезни до ушных инфекций. Однако радий убивал все клетки, с которыми контактировал, и пациенты, применявшие его в случае тривиальных проблем, начали умирать. Радий вызывает мутации, которые превращаются в рак, а в больших дозах способен вызвать кожные ожоги на теле. Однако он убивает и раковые клетки.

Больница Хопкинса использовала радий для лечения рака шейки матки с начала 1900-х годов, после того как хирург по имени Говард Келли побывал у Пьера и Марии Кюри — супругов, живших во Франции, открывших радий и его способность уничтожать раковые клетки. Келли не знал, насколько опасен контакт с радием. Он привез в США немного этого вещества в

карманах своей одежды и впоследствии продолжал путешествовать по миру и собирать радий. К 1940-м годам несколько проведенных исследований — одно из которых провел Говард Джонс, врач Генриетты — показали большую безопасность и эффективность радия по сравнению с хирургическим вмешательством при лечении инвазивного рака шейки матки.

Утром того дня, когда Генриетте было назначено явиться на первую процедуру, водитель такси забрал из клиники на другом конце города медицинскую сумку, полную тонких стеклянных пробирок с радием. Пробирки были вставлены в отдельные прорези в маленькой брезентовой сумочке, сшитой вручную в Балтиморе одной местной женщиной. Такие сумки назывались пластинами Брэка по имени придумавшего их врача из больницы Хопкинса, который наблюдал за ходом лечения Генриетты радием. Впоследствии он умер от рака, вызванного скорее всего регулярным облучением радием, как и врач-ординатор, который путешествовал вместе с Келли и тоже доставлял радий в своих карманах.

Одна из медсестер поместила пластины Брэка на поднос из нержавеющей стали, вторая отвезла Генриетту на каталке на второй этаж в небольшую операционную «только для цветных», где стояли столы из нержавеющей стали, висели мощные ослепительно яркие лампы и уже ждали работники больницы, одетые во все белое — белые халаты, шапочки, маски и перчатки.

В центре помещения на операционном столе под наркозом лежала Генриетта, ее ноги были закреплены в скобах, и дежурный хирург доктор Лоуренс Уортон-младший сел на стул между ее ног, внимательно посмотрел внутрь, расширил шейку матки и приготовился лечить опухоль Генриетты. Однако сначала — хотя никто не сообщил Генриетте, что Телинд собирает образцы ткани, и не спрашивал у нее, согласна ли она быть донором — Уортон взял острый нож и срезал с ее шейки матки два тонких кусочка ткани каждый размером с десятицентовую монету: один образец — с опухоли, второй — с соседнего участка здоровой ткани. Оба образца он положил в стеклянную чашку.

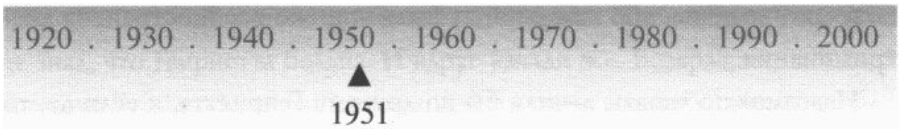
Уортон плавно ввел пробирку, наполненную радием, в шейку матки Генриетты и пришил ее. Затем он пришил пластину с радием к внешней стенке шейки матки и поместил напротив нее другую пластину. После этого Уортон вставил во влагалище несколько слоев марли, чтобы зафиксировать емкости с радием, и ввел катетер в мочевой пузырь, чтобы пациентка могла мочиться без ущерба для лечебной процедуры.

Когда Уортон закончил все манипуляции, медсестра отвезла Генриетту обратно в палату. В ее медицинской карте Уортон

написал: «Пациентка хорошо перенесла лечение и покинула операционную в удовлетворительном состоянии», и на отдельной странице добавил: «Генриетта Лакс… Биопсия ткани шейки матки… Ткань передана доктору Джорджу Гаю».

Ординатор быстро спустился с чашкой с образцами ткани Генриетты в лабораторию Гая, как делал уже много раз. Тот, как всегда, радовался в такие моменты, однако все прочие сотрудники лаборатории встретили образцы ткани Генриетты как нечто рутинное — последний из бесчисленного количества образцов, которые ученые и лаборанты годами пытались безуспешно заставить расти. Все были уверены, что клетки Генриетты погибнут, так же как и все предыдущие.

4
Рождение HeLa



Мэри Кубичек, ассистентка Гая чуть старше двадцати, жевала бутерброд с салатом из тунца, сидя у стеллажа для культур из нержавеющей стали, который использовали также и как столик для перекуса. Она, Маргарет и другие сотрудницы лаборатории Гая — в почти одинаковых удлиненных очках в темной оправе с толстыми стеклами и с собранными сзади в тугой пучок волосами — проводили здесь бесконечные часы.

На первый взгляд эта комната могла показаться кухней в столовой или кафе: галлонные жестяные банки из-под кофе с инструментами и стеклянной посудой, на столе банки с порошковым молоком, сахаром и бутылки с газировкой; большие металлические холодильники, выстроившиеся вдоль одной из стен, и глубокие раковины, которые Гай сделал своими руками из булыжников, собранных в ближайшей каменоломне. Однако рядом с заварочным чайником стояла бунзеновская горелка, а в холодильниках хранились кровь, плацента, образцы опухолей и мертвые мыши (и еще как минимум одна утка, которую Гай хранил в лаборатории замороженной более двадцати лет — охотничий трофей, не уместившийся в его домашний холодильник). Вдоль одной стены стояли клетки с пищащими кроликами, крысами и морскими свинками; с той стороны стола, где Мэри поедала свой ланч, на полках располагались клетки с мышами, крохотные тела которых распирали опухоли. Мэри всегда смотрела на них во время еды, как и в тот момент, когда Гай вошел в лабораторию, неся образцы шейки матки Генриетты.

«Кладу тебе еще один образец», — сообщил он.

Мэри сделала вид, что ничего не заметила. «Ну вот, опять, — подумала она, продолжая жевать бутерброд. — Это подождет, пока я доем».

Мэри знала, что откладывать работу не стоило — с каждой секундой повышалась вероятность гибели клеток, которые находились в чашке. Но она устала выращивать клетки, устала тщательно обрезать мертвые ткани, как жилки с куска мяса, устала от того, что клетки гибли после долгих часов труда. «Чего волноваться?» — подумала она.

Гай взял Мэри на работу за ее руки. Она только что окончила университет и получила степень по физиологии, когда консультант предложил ей сходить на собеседование в лабораторию Гая. Гай попросил Мэри взять со стола ручку и написать несколько предложений. «Теперь возьми нож, — сказал он, — отрежь вот этот кусок бумаги. Покрути в руках вот эту пипетку».

Лишь несколько месяцев спустя Мэри поняла, что он изучал ее руки, проверяя их ловкость, быстроту и силу, чтобы понять, выдержат ли они долгие часы точной нарезки, выскабливания, выщипывания пинцетом и отмеривания пипеткой.

К тому времени как Генриетта появилась на пороге больницы Хопкинса, Мэри обработала большую часть поступавших образцов, и до сих пор все образцы тканей, взятые у пациентов Телинда, погибали.

На тот момент существовало множество препятствий, мешавших успешно выращивать клетки. Во-первых, никто точно не знал, какие питательные вещества требовались клеткам для выживания, или каким образом лучше всего снабжать клетки этими веществами. Многие исследователи — включая Гая — годами пытались разработать идеальную среду для культивирования — жидкость для кормления клеток. Рецепты среды для культивирования у Гая постоянно менялись по мере того, как Джордж и Маргарет добавляли и убирали ингредиенты в поисках идеального соотношения. Их названия звучали как колдовские зелья: плазма крови цыплят, пюре из зародышей телят, специальные соли и человеческая пуповинная кровь. Из окна своей лаборатории через двор Джордж протянул провод со звонком в палату для рожениц больницы Хопкинса, и медсестры могли позвонить в любой момент, когда рождался младенец, и тогда Маргарет или Мэри бежали собирать пуповинную кровь.

Прочие ингредиенты достать было сложнее: хотя бы раз в неделю Джордж ездил на местные бойни за коровьими эмбрионами и кровью цыплят. Он приезжал туда на своем старом проржавевшем «шевроле», левое крыло которого стучало по тротуару, выбивая искры. Задолго до рассвета в полуразвалившемся деревянном здании, пол которого был засыпан опилками, а в стенах зияли огромные дыры, Гай хватал пищащего цыпленка за ноги, вытаскивал его рывком из клетки и клал спиной на плаху. Одной рукой он держал птичьи ноги, а локтем второй неподвижно фиксировал шею, прижимая ее к плахе. Свободной рукой он смачивал грудь цыпленка спиртом и вводил иглу шприца в его сердце, чтобы взять кровь. После чего со словами «Извини, дружище» поднимал птицу со стола и

отправлял обратно в клетку. Время от времени, когда какой-нибудь цыпленок падал замертво от такого стресса, Джордж забирал его тушку домой, чтобы Маргарет зажарила ее на ужин.

Как и многие другие процедуры в лаборатории Гая, технику для забора крови цыплят придумала Маргарет. Она шаг за шагом разработала этот метод, обучила ему Джорджа и написала подробные инструкции для многих других исследователей, кто хотел его освоить.

Поиск идеальной среды для культивирования не прекращался, однако основной проблемой при выращивании культуры клеток стало загрязнение. Бактерии и масса других микроорганизмов могли попасть в культуры с немытых человеческих рук, из дыхания людей и с частичек пыли, парящих в воздухе, и в итоге клетки погибали. Однако Маргарет прошла обучение на хирургическую медсестру, то есть стерильность была ее специальностью, ибо именно она имела ключевое значение для предотвращения смертельных инфекций у пациентов в операционных. Позже многие будут утверждать, что именно хирургические навыки Маргарет позволили лаборатории Гая выращивать клетки. Большинство тех, кто занимался культивированием клеток, были (как и Гай) биологами, и ничего не знали о предотвращении загрязнения.

Маргарет обучила Джорджа всему, что знала о поддержании стерильности в культурах, и обучала всех лаборантов, выпускников учебных заведений и ученых, кто приходил работать или учиться в их лабораторию. Она взяла на работу местную женщину по имени Минни, основная задача которой заключалась в мытье лабораторной посуды с помощью одного-единственного моющего средства, использовать которое Маргарет разрешала, — Gold Dust Twins Soap, жидкого антибактериального мыла с добавлением экстракта едкого очитка. Маргарет считала это мыло столь важным, что, когда услышала, что данная компания может выйти из бизнеса, закупила его целый вагон.

Скрестив на груди руки, Маргарет патрулировала лабораторию и заглядывала за плечо Минни, возвышаясь над ней почти на фут, когда та работала. Если Маргарет хоть раз и улыбнулась, никто не мог этого видеть под ее неизменной хирургической маской. Она проверяла всю стеклянную посуду на наличие пятен и разводов, и если находила их — что случалось довольно часто, — то всегда кричала: «МИННИ!» так пронзительно, что Мэри съеживалась.

Мэри скрупулезно соблюдала все правила стерилизации, чтобы не навлечь на себя гнев Маргарет. Закончив ланч, она, прежде чем прикоснуться к клеткам Генриетты, тщательно

вымыла руки горячей водой, облачилась в стерильный белый халат, хирургическую шапочку и маску, надела перчатки и затем вошла в свой отсек — одно из четырех герметично закрывавшихся помещений, собственноручно построенных Джорджем в центре лаборатории. Отсеки были маленькие, всего по пять футов в каждую сторону, и закрывались герметично, как дверцы холодильника — во избежание загрязнения воздуха внутри них. Мэри включила систему стерилизации и осталась снаружи наблюдать, как ее отсек наполняется горячим паром, убивающим все, что может повредить клеткам. Когда пар рассеялся, она вошла внутрь, плотно закрыла за собой дверь, затем из шланга ошпарила цементный пол отсека кипятком и протерла спиртом свой рабочий стол. Воздух внутри отсека поступал через воздушный клапан в потолке и был отфильтрован. Покончив со стерилизацией отсека, Мэри зажгла бунзеновскую горелку и в ее пламени простерилизовала пробирки и уже использованное лезвие скальпеля, поскольку лаборатория Гая не могла себе позволить использовать новые скальпели для каждого образца.

Лишь после всех этих процедур Мэри взяла образцы ткани шейки матки Генриетты и с пинцетом в одной руке и со скальпелем в другой аккуратно нарезала их на миллиметровые квадратики. Каждый квадратик она засасывала в пипетку и капала на сгусток крови цыплят, который предварительно поместила на дно дюжин пробирок. На каждый сгусток сверху Мэри капнула несколько капель питательной жидкости для клеток, закупорила пробирки резиновыми пробками и подписала каждую, как подписывала большинство выращиваемых в лаборатории культур — двумя первыми буквами имени и фамилии пациента-донора.

Написав большими черными буквами сбоку на пробирках «HeLa» (вместо Henrietta Lacks), Мэри отнесла их в комнату-инкубатор, которую Гай построил точно так же, как и все прочее в лаборатории, — своими руками и в основном из отходов со свалки. Ибо жизнь научила его мастерить «из ничего».

Джордж Гай родился в 1899 году и вырос в Питтсбурге на склоне холма, выходившем на сталелитейный завод. Из-за копоти из заводских дымовых труб маленький белый домик его родителей постоянно выглядел, как опаленный огнем, а небо оставалось темным даже днем. Мать Гая работала в огороде и кормила свою семью тем, что удавалось вырастить. Еще ребенком Гай выкопал небольшую угольную шахту в холме позади родительского дома. Каждое утро он заползал с кайлом в руках через сырой туннель, наполняя углем ведра для своей семьи и

для соседей, чтобы обогревать дома и топить кухонные плиты.

На то, чтобы учиться и получить ученую степень по биологии в Университете Питтсбурга, Гей зарабатывал, работая плотником и каменщиком. Он мог смастерить почти все, что угодно, причем с минимальными расходами или вообще без оных. На втором году обучения в медицинском колледже он оснастил микроскоп камерой для замедленной съемки, чтобы снимать на пленку живые клетки. Это было нечто в духе Франкенштейна — мешанина из деталей микроскопа, стекол, бог знает откуда взятой 16-миллиметровой камеры, обрезков металла и старого мотора со свалки Шапиро. Все это он собрал в «пещере», устроенной им с помощью взрывов под основанием больницы Хопкинса, прямо под моргом; она находилась полностью под землей и была окружена толстой стеной из пробки, чтобы уберечь ее от сотрясений от проезжавших мимо трамваев. По ночам один литовец, нанятый Гаем в качестве лаборанта-ассистента, спал на койке рядом с камерой, слушая ее непрерывное тиканье. Его задачей было следить, чтобы камера работала без сбоев всю ночь, и каждый час менять ее фокусировку. С помощью этой камеры Гай и его наставник Уоррен Льюис сняли на пленку рост клеток — процесс столь же медленный, как рост цветка, и потому невидимый невооруженному глазу. Затем они пускали получившийся фильм на высокой скорости, так что можно было увидеть плавные движения деления клеток, подобно сказке, развертывающейся в книжке с бегущими картинками.

Гаю потребовалось восемь лет, чтобы окончить медицинский колледж, поскольку он оставлял учебу, чтобы работать на стройке и накопить денег на следующий учебный год. По окончании учебы он вместе с Маргарет построил свою первую лабораторию в сторожке при больнице Хопкинса. Они неделями вдвоем монтировали электропроводку, красили, устанавливали сантехнику, устраивали полки и шкафы, зачастую оплачивая расходы из собственного кармана.

Осмотрительная и непоколебимая Маргарет стала главной опорой лаборатории. Гай в возрасте пятидесяти одного года был здоровенным озорным ребенком. На работе он был щеголеват, а дома ходил во фланелевой одежде, хаки и подтяжках. По выходным у себя во дворе он ворочал каменные глыбы, съедал по 12 кукурузных початков в один присест и держал в своем гараже бочонки, полные устриц, чтобы можно было раскрыть и есть их в любое время, когда захочется. У него была фигура отставного футбольного защитника — рост шесть футов четыре дюйма [192,9 см] и вес 215 фунтов [97,5 кг]. Его спина была неестественно прямой и не гнулась из-за сращения позвонков,

поэтому он перестал выпрямлять ее. Когда в одно прекрасное воскресенье взорвался подвал винодельческого завода и потоки искрящегося бургундского хлынули на улицу прямиком через его гараж, Гай попросту направил вино в водосточную канаву, махая рукой направлявшимся в церковь соседям.

Джордж был беспечным выдумщиком — будучи непосредственным человеком, он хватался за дюжину проектов одновременно, загромождая лабораторию и подвал в своем доме недоделанными механизмами, незаконченными открытиями и грудами принесенного со свалки хлама, который он рассчитывал использовать в лаборатории. В любой момент, если ему в голову приходила идея, он садился там, где бы ни находился — за свой рабочий или за кухонный стол, за барную стойку или на колесо своей машины, — с неизменной сигарой в зубах и быстро чиркал схемы на салфетках или на обратной стороне оторванных бутылочных этикеток. Именно так он придумал технику культивирования во вращающихся пробирках — самое важное из всех его изобретений.

Эта техника включала большой деревянный цилиндр — вращающийся барабан — с отверстиями для специальных пробирок, называемых вращающимися пробирками. Этот барабан, который Гай называл «карусель», крутился — подобно бетономешалке — двадцать четыре часа в сутки, причем настолько медленно, что делал всего два оборота в час, а порой и меньше. По мнению Гая, это вращение имело решающее значение: он полагал, что питательная среда должна находиться в постоянном движении, подобно тому как движутся кровь и тканевые жидкости в теле, омывая клетки и транспортируя питательные вещества и отходы жизнедеятельности.

Мэри, наконец, закончила нарезать образцы ткани шейки матки Генриетты и поместила их в дюжину вращающихся пробирок, после чего прошла в комнату-инкубатор, вставила все пробирки в барабан и включила его. Затем она наблюдала, как придуманная Гаем машина начала медленно вращаться.

Следующие два дня после первого курса лечения радием Генриетта провела в больнице. Доктора обследовали ее внутри и снаружи, надавливали ей на живот, вставляли все новые катетеры в мочевой пузырь, пальцы во влагалище и задний проход и иголки в вены. В ее карте было записано: «Тридцатилетняя цветная женщина лежит спокойно и не проявляет признаков физического недомогания» и «Пациентка чувствует себя сегодня вполне хорошо. Настроение хорошее, готова к выписке домой».

Прежде чем Генриетта покинула больницу, доктор еще раз

посадил ее в гинекологическое кресло и вынул радий. После чего отправил ее домой, велев прийти в больницу, если возникнут какие-либо проблемы, а на второй курс лечения радием вернуться через две с половиной недели.

Тем временем каждое утро с того дня, как она поместила клетки Генриетты в питательную среду, Мэри начинала с обычной процедуры стерилизации. Всматриваясь в пробирки, она посмеивалась про себя и думала: «Ничего не происходит. Прямо удивительно». Затем, спустя два дня после возвращения Генриетты домой из больницы, Мэри заметила вокруг сгустков на дне каждой пробирки нечто похожее на маленькие кольца свернувшегося яичного белка. Клетки росли, но Мэри не очень-то задумывалась об этом — ведь другие клетки тоже росли в лаборатории и тогда, и позже.

Однако клетки Генриетты не просто выжили — они росли прямо-таки со сказочной интенсивностью. К следующему утру их количество удвоилось. Мэри разделила содержимое каждой пробирки пополам, чтобы дать клеткам пространство для роста, и через двадцать четыре часа их опять стало вдвое больше. Вскоре она разделила каждую пробирку на четыре, потом на шесть, — клетки Генриетты росли и заполняли собой все свободное пространство, которое Мэри им предоставляла.

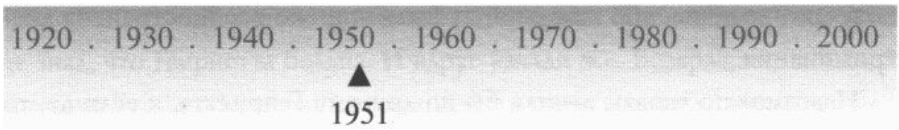
И все же Гай еще не был готов праздновать победу. «В любую минуту клетки могут погибнуть», — сказала Мэри.

Но они не погибли, а продолжали расти с невероятной, никогда прежде не виданной скоростью, удваивали свое количество каждые двадцать четыре часа, сотни преумножались и превращались в миллионы. «Распространяется, как сорная трава!» — удивилась Маргарет. Эти клетки росли в двадцать раз быстрее, чем нормальные клетки Генриетты, которые погибли уже через несколько дней после того, как Мэри поместила их в питательную среду. Похоже было, что при условии наличия питания и тепла раковые клетки Генриетты будут расти неудержимо.

Вскоре Джордж сказал нескольким ближайшим коллегам, что, возможно, его лаборатория сумела вырастить первые бессмертные человеческие клетки.

На что те ответили: «Можешь дать мне немного?» И Джордж согласился.

5
«Чернота заполняет все внутри»



Генриетта ничего не знала о выращивании ее клеток в лаборатории. Выйдя из больницы, она вернулась к своей обычной жизни. Ей никогда не нравился этот город, и поэтому почти каждый уикенд она уезжала с детьми обратно в Кловер, где работала на табачных полях и часами сбивала масло на ступеньках крыльца дома-пристройки. Хотя радий зачастую вызывает постоянную тошноту, рвоту, слабость и анемию, нигде нет упоминаний о том, что Генриетта страдала от этих побочных эффектов, и никто не помнит, чтобы она жаловалась на плохое самочувствие.

Находясь в городе, Генриетта занималась тем, что готовила для Дэя, детей и всех кузенов и кузин, находившихся в доме. Она пекла свой знаменитый рисовый пудинг и готовила зелень, тушенную на медленном огне, свиную требуху и целые баки спагетти с фрикадельками, которые оставляла доходить в духовке на случай, если кто-нибудь из родни проголодается. Когда Дэй не работал в ночную смену, они с Генриеттой проводили вечер дома и, уложив детей спать, играли в карты и слушали по радио гитарные блюзы Бенни Смита. Если Дэй работал ночью, Генриетта и Сэди ждали, пока не хлопнет дверь, затем считали до ста, выпрыгивали из кровати, облачались в одежду для танцев и осторожно выскальзывали из дома, стараясь не разбудить детей. Выбравшись из дома, они, покачивая бедрами, с воплями неслись сломя голову вниз по улице к танцплощадкам «Бар Адамса» и «Две сосны».

«Мы реально срывались с катушек, — рассказывала мне Сэди годы спустя. — Не могли удержаться. Там играли музыку, которая захватывала душу, стоило ее услышать. Мы танцевали тустеп, тряслись под какие-то блюзы, потом кто-нибудь мог выложить четвертак [25 центов] и заказать какую-нибудь приятную песню… Господи, мы просто приходили туда поскакать и покружиться, и все такое». Она захихикала, как девчонка. «Чудесные были времена». И женщины они были красивые.

Ореховые глаза, ровные белые зубы и полные губы Генриетты. У нее была крепкая фигура, квадратная челюсть, полные бедра, короткие мускулистые ноги. Ее руки были

огрубевшими от работы на кухне и табачных плантациях. Она коротко подстригала ногти, чтобы под них не забивалось хлебное тесто при вымешивании, но всегда покрывала их ярко-красным лаком — таким же, как и ногти на ногах.

Генриетта часами занималась этими ногтями, полируя сколы, и раз за разом наводя глянец. Обычно она сидела на кровати с пилочкой в руках с высоко забранными и накрученными на бигуди волосами, в любимой шелковой комбинации, которую она каждый вечер стирала вручную. Генриетта никогда не носила штанов и почти всегда выходила из дома, тщательно отгладив блузку с юбкой, надев свои маленькие туфли-лодочки с открытыми пальцами, легким щелчком заколов волосы. «Они будто плясали вокруг ее лица», — всегда говорила Сэди.

«Хенни оживляла своим присутствием, с ней рядом всегда было весело, — рассказывала мне Сэди, одновременно разглядывая потолок, — Хенни просто любила людей. Она из тех, рядом с кем действительно делаешься лучше».

Но в одном человеке Генриетта не могла найти ни единой хорошей черты. Этель, жена Галена, двоюродного брата Генриетты, недавно приехавшая на Станцию Тернер из Кловера, ненавидела Генриетту — из ревности, как считали кузены и кузины Генриетты.

«Наверное, не скажу, что виню ее, — рассказывала Сэди. — Галену (это муж Этель) Хенни нравилась больше, чем Этель. Бог мой, он преследовал ее! Куда бы ни шла Хенни, там оказывался и Гален. Он пытался оставаться у нее в доме всякий раз, когда Дэй уходил на работу. Господи, Этель ревновала, иногда ее ревность превращалась в лютую ненависть к Хенни. Всегда казалось, что она хочет сделать больно Хенни». Так что, как только показывалась Этель, Генриетта и Сэди всегда начинали хихикать и старались улизнуть в другой клуб.

Если ускользнуть из дома не удавалось, Генриетта, Сэди и сестра Сэди Маргарет сидели вечерами в гостиной Генриетты, играя в бинго, крича и смеясь над кружкой с монетками, в то время как дети Генриетты — Дэвид-младший, Дебора и Джо — играли с карточками для бинго на ковре под столом. Лоуренсу уже было почти шестнадцать, и у него уже была своя жизнь. Не хватало только одного ребенка — Эльси, старшей дочери Генриетты.

До своей болезни Генриетта всегда брала Эльси с собой в Кловер, где та сидела на крыльце дома-пристройки, уставившись на холмы и наблюдая за восходом солнца, пока Генриетта работала в огороде. Девочка была красивой, нежной и женственной, как и ее мать; Генриетта одевала ее в платья с

бантами, которые она шила сама, и часами заплетала ее длинные шоколадные кудри. Эльси никогда не разговаривала, лишь каркала и щебетала, как птичка, размахивая руками в нескольких дюймах от своего лица. У нее были большие глаза каштанового цвета, в которые все вглядывались, пытаясь понять, что происходит в этой прелестной головке. Но Эльси отвечала столь же твердым пристальным взглядом, ее глаза были полны страха и печали, смягчаясь лишь тогда, когда Генриетта качала девочку взад-вперед.

Иногда Эльси носилась по полям, гоняясь за дикими индейками, или хватала за хвост и трепала их домашнего мула, пока Лоуренс не оттаскивал ее в сторону. Питер — кузен Генриетты — всегда говорил, что Бог был с этим ребенком с момента рождения, потому что мул ни разу не сделал ничего плохого Эльси. Это был ужасно противный мул, он кусался, как бешеная собака, лягаясь в воздух. Однако, казалось, он знал, что Эльси — особенная. И все же, пока Эльси росла, она падала, налетала на двери и стены, обжигалась о горячую плиту. Генриетта попросила Дэя возить ее с Эльси на молитвенные собрания «возрожденцев» («ривайвалистов»), где проповедники на переносной проповеднической кафедре возлагали руки на Эльси, чтобы исцелить ее, но ничего не помогало. На Станции Тернер Эльси порой стрелой убегала из дома и с криком неслась по улице.

Когда Генриетта забеременела малышом Джо, Эльси уже была слишком большой и мать в одиночку не справлялась с ней, а тем более с двумя детьми. Врачи говорили, что лучше всего удалить Эльси из дома. Так она оказалась в государственной больнице в Краунсвилле, в полутора часах езды на юг от Балтимора; раньше это место называли «больницей для сумасшедших негров».

Двоюродные братья и сестры Генриетты всегда говорили, что с отъездом Эльси умерла какая-то часть самой Генриетты: потеря дочери оказалась самым тяжелым испытанием, выпавшим на ее долю за всю жизнь. И вот теперь, спустя почти год, раз в неделю Дэй или кто-нибудь из близких отвозил Генриетту со Станции Тернер в Краунсвилл, где она сидела с Эльси, которая плакала и цеплялась за мать, пока они играли волосами друг друга.

Генриетта знала подход к детям — в ее присутствии они всегда были спокойными и хорошо себя вели. Однако как только она уходила из дома, Лоуренса будто подменяли. В хорошую погоду он убегал к старому пирсу на Станции Тернер, куда ему Генриетта запретила ходить. Сам пирс сгорел несколькими годами раньше, над водой поднимались лишь высокие

деревянные сваи, с которых Лоуренс с друзьями, положив на них доски, любили нырять. Один из сыновей Сэди чуть было не утонул там, ударившись головой о скалу, а Лоуренс после купания всегда возвращался с воспаленными глазами. Как все считали, тому виной была вода, загрязненная заводом Sparrows Point. Каждый раз, узнав, что Лоуренс опять у пирса, Генриетта бросалась туда, вытаскивала его из воды и шлепала его.

«О, Господи, — сказала однажды Сэди, — Хенни отправилась туда с хлыстом. Ну да, боже ж ты мой, она неслась как ошпаренная, никогда прежде не видела такого». Только в эти редкие минуты Генриетта теряла контроль над собой. «Она была твердой, — говорила Сэди. — Ничто не могло испугать Хенни».

Полтора месяца ни одна душа на Станции Тернер не знала о болезни Генриетты. Рак легко было держать в секрете, ведь Генриетта должна была приехать в больницу Хопкинса только один раз на проверку и повторное лечение радием. Врачи были довольны увиденным: шейка матки была немного покрасневшей и воспаленной после первого курса лечения, однако опухоль уменьшалась. Несмотря на улучшение, Генриетта должна была начать курс рентгенотерапии, что означало ежедневные поездки в больницу в течение месяца. Для этого ей требовалась помощь: она жила в двадцати минутах ходьбы от больницы Хопкинса, Дэй работал по вечерам и потому не мог отвозить ее домой после процедуры раньше поздней ночи. Генриетта подумала, что после процедуры она могла бы приходить к своей кузине Маргарет, жившей в нескольких кварталах от больницы, и дожидаться там Дэя. Но сначала пришлось рассказать Маргарет и Сэди о своей болезни.

Генриетта рассказала сестрам о раке во время ярмарки, ежегодно приезжавшей на Станцию Тернер. Как обычно, они втроем забрались на колесо обозрения, Генриетта подождала, пока колесо поднимется достаточно высоко и будет виден завод Sparrows Point со стороны океана. Затем колесо остановилось, и они сидели, болтая туда-сюда ногами и покачиваясь в свежем весеннем воздухе.

«Помните, я говорила, что у меня внутри узел?» — спросила она. Они утвердительно кивнули. «В общем, у меня рак, — сказала Генриетта. — Я лечусь в больнице Джона Хопкинса».

«Что?!» — воскликнула Сэди, посмотрев на Генриетту. У нее вдруг закружилась голова, как если бы она сползла с сиденья на колесе обозрения.

«Со мной ничего страшного, все в порядке», — успокоила ее Генриетта.

И действительно, в тот момент она хорошо выглядела. После

курсов радия опухоль полностью исчезла. Насколько доктора могли увидеть, шейка матки Генриетты была опять здоровой; в других местах опухолей тоже не нашли. Врачи были настолько уверены в выздоровлении Генриетты, что, пока она находилась в больнице для второго курса облучения радием, они провели ей реконструктивную операцию носа, вернув на место искривленную перегородку, из-за которой Генриетта всю жизнь страдала от головных болей и воспалений носовых пазух. Это было началом новой жизни. Курсы облучения лишь подтвердили, что нигде в теле Генриетты не осталось раковых клеток.

Однако примерно две недели спустя после второго курса лечения радием у Генриетты начались месячные, кровотечение было сильным и никак не прекращалось. Продолжалось оно и несколькими неделями позже, 20 марта, когда Дэй начал по утрам привозить Генриетту к больнице Хопкинса на курс рентгенотерапии. В больнице она переодевалась в хирургический халат и ложилась на смотровой стол, над которым к стене крепился огромный аппарат; врач вставлял свинцовые полоски ей во влагалище, чтобы защитить от радиации толстую кишку и нижнюю часть позвоночника. В первый день он нарисовал ручкой две черные точки по обе стороны живота прямо над маткой. Это были мишени, чтобы направлять облучение каждый день на одно и то же место, чередуя эти точки во избежание слишком сильного ожога кожи.

После каждой процедуры Генриетта переодевалась в свою одежду и шла за несколько кварталов от больницы к дому Маргарет, там она до полуночи дожидалась Дэя. Первую неделю они с Маргарет играли на крыльце в карты или бинго, болтали о мужчинах, кузинах и кузенах, и о детях. На тот момент облучение казалось не более чем неудобством. Кровотечение у Генриетты прекратилось, и если она и чувствовала недомогание из-за лечения, то никогда не упоминала о нем.

Однако дела шли неважно. Ближе к концу курса лечения Генриетта спросила доктора, когда она поправится настолько, чтобы еще иметь детей. До того момента она не знала, что лечение сделало ее бесплодной.

Предупреждать пациентов о потере способности к зачатию до начала лечения рака входило в стандартную процедуру в больнице Хопкинса, и, по словам Говарда Джонса, он и Телинд сообщали об этом каждому пациенту. Действительно, за полтора года до начала лечения Генриетты в больнице Хопкинса Телинд в статье о гистерэктомии писал:

Физическое воздействие гистерэктомии довольно

> сильно, особенно у молодых пациенток, поэтому данную операцию не следует выполнять без четкого осознания со стороны пациентки, [которая] имеет право на простое объяснение всех фактов, [включая] потерю репродуктивных функций… Следует изложить пациентке все факты и дать ей достаточно времени, чтобы осмыслить их… Для нее намного лучше будет свыкнуться [с будущим бесплодием] прежде операции, нежели проснуться после наркоза и обнаружить это как свершившийся факт.

Однако в данном случае, очевидно, что-то пошло не так: в медицинской карте Генриетты один из врачей написал: «Пациентке сообщили, что она не сможет больше иметь детей. Говорит, что, если бы ей сказали об этом раньше, она бы не согласилась пройти данный курс лечения». Однако когда она узнала об этом, было уже слишком поздно.

Спустя три недели после начала рентгенотерапии, Генриетта начала испытывать сильное жжение внутри, а каждое мочеиспускание было похоже на то, как будто внутри скребли осколком стекла. Дэй заметил у себя странные выделения и сказал, что, наверное, подцепил от нее ту самую болезнь, лечиться от которой она ездит в больницу Хопкинса.

«Я бы скорее представил, что дело обстоит как раз наоборот, — написал Джонс в карте Генриетты, осмотрев ее. — В любом случае, теперь у этой пациентки… острая гонорея, которая наложилась на ее реакцию на облучение».

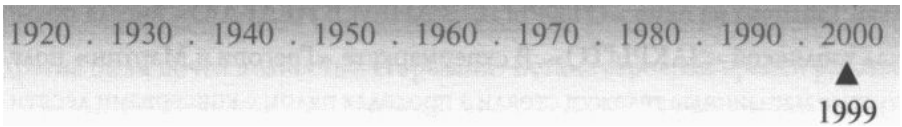
Вскоре, однако, измены Дэя стали наименьшей из проблем Генриетты. Короткая дорога до дома Маргарет стала казаться все длиннее и длиннее, и, добравшись туда, Генриетта больше всего хотела спать. В один из дней она чуть было не потеряла сознание в нескольких кварталах от больницы Хопкинса, и ей потребовался почти час, чтобы добраться. С тех пор она брала такси.

Как-то днем, лежа на диване, Генриетта подняла рубашку и показала Маргарет и Сэди, что с ней стало. Сэди раскрыла рот от изумления: от груди до таза вся кожа Генриетты почернела от облучения. Кожа в других местах была естественного оттенка — скорее желтовато-коричневого, нежели черного.

«Хенни, — прошептала Сэди, — они сожгли тебя дочерна».

Генриетта лишь кивнула и промолвила: «Боже, такое чувство, что чернота заполняет все внутри».

6
«Дама по телефону»



В свой двадцать седьмой день рождения — спустя одиннадцать лет с тех пор, как в аудитории Дефлера я узнала о существовании Генриетты, в медицинской школе Морхаус в Атланте (одном из первых в стране «черных» колледжей) мне довелось наткнуться на подшивку научных газет. Называлось это издание примерно так: «Симпозиум HeLa по вопросам контроля рака». Этот симпозиум в честь Генриетты организовал Роланд Патилло — профессор гинекологии из медицинской школы Морхаус, единственный афроамериканец из студентов Джорджа Гая.

Я позвонила Роланду Патилло, чтобы узнать больше о Генриетте, и рассказала, что пишу о ней книгу.

«Да что ты? — ответил он с медленным раскатистым смешком, означавшим: „Ох, детка, ты не представляешь, во что вляпалась“. — Семья Генриетты не станет разговаривать с тобой. Они столько натерпелись из-за этих клеток HeLa».

— Вы знаете ее семью? — спросила я. — Можете помочь мне с ними связаться?

— У тебя есть возможность с ними связаться, но сначала тебе придется ответить на несколько вопросов, которые начинаются с «Зачем мне это?».

Следующий час Патилло настойчиво допытывался о моих намерениях. Пока я рассказывала ему историю о своей навязчивой идее насчет HeLa, он ворчал и вздыхал, отпуская изредка «мм-ммм» и «что ж».

В конце концов он произнес: «Поправь меня, если я ошибаюсь. Но ты же белая».

— Это так заметно?

— Да, — ответил он. — Что тебе известно об афроамериканцах и науке?

Я рассказала ему об исследовании сифилиса в Институте Таскиги, как будто делала устный доклад на уроке истории: этот эксперимент начался в 1930-х годах, когда исследователи из Службы общественного здравоохранения США в Институте Таскиги (Tuskegee Institute) решили изучить, каким образом сифилис убивает человека — от момента заражения до смерти.

Наняли сотни афроамериканских мужчин, больных сифилисом, и наблюдали за их медленной, мучительной смертью, которую можно было предотвратить. Они умирали даже после того, как в 1947 году стал широко доступным для лечения пенициллин. Объекты исследования не задавали вопросов. Они были бедны и необразованны, и к тому же исследователи предлагали им стимулы: бесплатные медицинские осмотры, горячую еду и проезд до города в дни обследований, плюс 50 долларов семьям на похороны, когда эти мужчины умирали. Ученые избрали в качестве испытуемых черных, ибо были убеждены — как и многие белые в те времена, — что черные люди являлись, «как известно, пораженной сифилисом расой».

Публика ничего не знала вплоть до 1970-х годов. Об этих исследованиях стало известно уже после того, как сотни участвовавших в них мужчин умерли. Эта новость стремительно распространилась по сообществам черных: врачи проводят исследования на черных людях, обманывают их и наблюдают, как те умирают. Стали ходить слухи, что на самом деле врачи делали этим мужчинам инъекцию сифилиса, чтобы потом изучать их.

«А еще что ты знаешь?» — проворчал Патилло.

Я рассказала то, что слышала о так называемых аппендэктомиях в штате Миссисипи (Mississippi Appendectomies) — не вызванных необходимостью удалениях матки у бедных черных женщин, чтобы они не рожали более детей и чтобы дать возможность молодым врачам попрактиковаться в этой операции. Еще я читала о недостаточном финансировании исследований серповидноклеточной анемии — болезни, поражающей почти исключительно черных.

— Интересно, что ты позвонила именно сейчас, — сказал Патилло. — Я занимаюсь организацией очередной конференции по HeLa и, когда зазвонил телефон, как раз сидел за столом и набирал на экране слова «Генриетта Лакс».

Мы оба рассмеялись. «Наверное, это знак, — решили мы. — Может быть, Генриетта хочет, чтобы мы побеседовали».

— Дебора — дочка Генриетты, — сказал он очень строго и сухо. — Семья называет ее Дейл. Сейчас ей почти пятьдесят, и она по-прежнему живет в Балтиморе вместе со своими внуками. Муж Генриетты до сих пор жив. Ему около восьмидесяти четырех. Как и прежде, ходит лечиться в больницу Джона Хопкинса.

Он проронил это так, как будто хотел подразнить.

— Тебе известно, что у Генриетты была дочь-эпилептик? — спросил Патилло.

— Нет.

— Она умерла в пятнадцать лет, вскоре после смерти

Генриетты. Дебора — единственная оставшаяся в живых дочь, — добавил он. — Недавно с ней чуть было не случился удар из-за душевных переживаний, которые она испытала, когда знакомилась с информационными материалами о смерти своей матери и этих клетках. Никоим образом не хочу стать причиной ее новых страданий.

Я было попыталась ответить, но он перебил.

— Мне сейчас нужно идти осматривать больных, — коротко сообщил он. — Пока что я не готов помочь тебе связаться с семьей. Но мне кажется, ты честна в своих намерениях. Я подумаю, и мы еще поговорим. Перезвони завтра.

Через три дня настойчивых допросов Патилло, наконец, решил дать мне номер телефона Деборы. Но прежде, по его словам, я должна узнать несколько вещей. Низким рокочущим голосом он перечислил список того, что можно и чего нельзя делать, общаясь с Деборой Лакс: не будь агрессивной. Будь честной. Не будь равнодушной, не пытайся принудить ее к чему-нибудь, не разговаривай свысока, она терпеть этого не может. Будь сострадательной, не забывай, что ей пришлось многое пережить в связи с этими клетками. Наберись терпения. «Оно понадобится тебе больше всего остального», — добавил он.

Через некоторое время после телефонной беседы с Патилло, держа в голове все его указания, я набрала номер телефона Деборы и стала шагать по комнате, слушая гудки на другом конце провода. Когда она прошептала «Алло», я выпалила: «Я так рада, что вы ответили, долгие годы я так хотела поговорить с вами! Я пишу книгу о вашей матери!»

— Чего? — прозвучало в ответ.

Я не знала, что Дебора была почти глухой — она полагалась в основном на чтение с губ и не могла понять быструю речь.

Глубоко вздохнув, я предприняла вторую попытку, стараясь четко произносить каждый слог.

— Привет, меня зовут Ребекка.

— Как дела? — ответила она уставшим, но приветливым голосом.

— Я очень рада говорить с вами.

— Мм-мм, — сказала Дебора, как будто слышала эти слова уже сотни раз.

Я еще раз повторила, что хочу написать книгу о ее матери и что меня удивляет, что, похоже, никто ничего о ней не знает, хотя ее клетки принесли науке так много пользы.

Довольно долго Дебора молчала, затем воскликнула: «Верно!» Хихикнув, она вдруг заговорила так, будто мы уже

годами знаем друг друга. «Все только о клетках и говорят, никому и дела нет, как ее звали и, вообще, человек HeLa или нет. Что ж, аллилуйя! Думаю, книга получится замечательной!»

Признаться, я ждала совсем другой реакции.

Боясь произнести что-то, что заставит ее замолчать, я лишь сказала: «Отлично». И это было последним словом, которое я произнесла до конца нашего разговора. Я не задала ни единого вопроса, лишь делала пометки настолько быстро, насколько могла.

Дебора втиснула рассказ о целой жизни в сумасшедшие путаные сорок пять минут; она беспорядочно и без предупреждения перескакивала с одного года на другой, от 1920-х до 1990-х годов, с историй о своем отце к рассказам о деде, двоюродных братьях и сестрах, матери и вообще о совершенно посторонних лицах.

— Никто никогда ничего не говорил, — сказала она мне. — То есть я хочу сказать, где одежда моей матери? Где ее обувь? Знаю о ее кольце и часах, но их украли. Это случилось после того, как мой брат убил того парня.

Она заговорила о мужчине, не назвав его имени: «Не думаю, что это он украл медицинскую карту моей матери и все бумаги о вскрытии ее тела. Он пятнадцать лет просидел в тюрьме в Алабаме. Теперь он говорит, что маму убил Джон Хопкин и те белые врачи, которые ставили над ней опыты, потому что она была черной».

— У меня совсем сдали нервы, — призналась она. — Я просто не смогла этого вынести. Речь уже понемногу стала возвращаться — у меня было два приступа за две недели из-за всего того, что случилось с клетками матери.

Затем она вдруг заговорила об истории своей семьи, упомянула что-то о «больнице для сумасшедших негров» и о прадедушке матери, который был рабовладельцем. «Мы все перемешаны. А одна из сестер моей матери стала пуэрториканкой».

Дебора без устали повторяла: «Не могу больше этого выносить» и «Кому же мы теперь можем доверять?» Она сказала, что больше всего на свете хотела бы узнать все о своей матери и о том, какое значение имели ее клетки для науки. По словам Деборы, люди десятки лет обещали ей информацию, но так ничего и не рассказали. «Я так устала от этого, — промолвила она. — Знаешь, чего я на самом деле хочу? Хочу узнать, как пахла моя мать. Я всю жизнь не знала ничего подобного, например, какой цвет ей нравился? Любила ли она танцевать? Кормила ли она меня грудью? Боже мой, я бы хотела знать об этом. Но никто

никогда ничего не рассказывает».

Дебора рассмеялась и добавила: «Я тебе вот что скажу: эта история еще не закончилась. У тебя будет масса работы, девочка. Тут столько намешано, что хватило бы на три книги!»

В этот момент кто-то вошел к ней с улицы, и Дебора прокричала прямо в трубку: «Доброе утро! Мне пришла почта?» Эта мысль ее панически напугала. «Бог мой! О, нет! Почта?!»

— Ладно, мисс Ребекка, — сказала она. — Пойду я. Позвони в понедельник, обещаешь? Ладно, дорогуша. Дай тебе бог. Пока.

Она повесила трубку, и я сидела, ошеломленная, с зажатой у шеи трубкой, яростно записывая слова Деборы, которые не поняла, типа: брат = убийца, почта = плохо, мужчина украл медицинскую карту Генриетты и «больница для сумасшедших негров»?

Когда я перезвонила Деборе в условленный день, она разговаривала, будто совершенно другой человек — монотонным, подавленным голосом, неразборчиво, будто находилась под воздействием сильных успокоительных препаратов.

— Никаких интервью, — пробормотала она почти бессвязно. — Тебе придется уйти. Братья говорят, что я должна сама написать книгу. А я не писатель. Очень жаль.

Я пыталась вставить слово, но она перебила: «Не могу больше с тобой разговаривать. Единственная возможность — убедить мужчин». Дебора дала мне три номера телефона: ее отца, старшего брата Лоуренса и номер пейджера ее брата Дэвида-младшего. «Все зовут его Сонни», — сказала она и повесила трубку. Мне не доведется слышать ее голос почти год.

Я стала звонить Деборе, ее отцу и братьям ежедневно, но никто не отвечал. Наконец, после того как несколько дней подряд я оставляла сообщения, мне ответили из дома Дэя: какой-то молодой парень не поздоровался и только дышал в трубку, где-то на заднем плане гремел хип-хоп.

Я попросила позвать Дэвида, парень ответил: «Ага» и отодвинул трубку.

— Иди позови папу! — проорал он после длинной паузы. — Это важно. Папашу позови!

Ответа не последовало.

— Тут дама по телефону, — крикнул парень. — Ну же…

Молодой человек опять задышал в трубку, и в эту минуту другой парень ответил по параллельному телефону и поздоровался.

— Привет, — сказала я. — Можно поговорить с Дэвидом?

— Кто это? — поинтересовался парень.

— Ребекка, — произнесла я в ответ.

Он отклонил трубку телефона в сторону ото рта и крикнул: «Позови папашу, тут дама по телефону по поводу клеток его жены».

Спустя годы я поняла, каким образом парень догадался о причине моего звонка, едва услышав звук моего голоса: белые звонили Дэю только в тех случаях, когда хотели обсудить что-либо касательно клеток HeLa. Однако в тот момент я смутилась и решила, что ослышалась.

Трубку взяла женщина и сказала: «Привет, чем могу помочь?» Она говорила четко, отрывисто, будто хотела показать, что «у нее нет на меня времени».

Я ответила, что хотела бы поговорить с Дэвидом. Она поинтересовалась, кто я такая. «Ребекка», — говорю, опасаясь, как бы она не бросила трубку, скажи я нечто большее.

— Секунду, — ответила женщина со вздохом и опустила трубку. — Пойди передай это Дэю, — попросила она ребенка. — Скажи, что ему звонят издалека, какая-то Ребекка по поводу клеток его жены.

Мальчик схватил телефон, прижал его к уху и побежал к Дэю. Наступила долгая пауза.

— Папаша, вставай, — шепотом сказал ребенок. — Там по поводу твоей жены.

— Кто…

— Вставай, там кто-то по поводу клеток твоей жены.

— Кто? Где?

— Клетки жены, там, по телефону… подымайся.

— Где ее клетки?

— Здесь, — ответил мальчик, передавая трубку Дэю.

— Да?

— Привет, это Дэвид Лакс?

— Да.

Я представилась и начала объяснять причину своего звонка, но не успела рассказать и половину, как собеседник издал глубокий вздох.

— Одна из этих, — пробормотал он с глубоким южным акцентом так неразборчиво, как будто перенес удар. — У вас есть клетки моей жены?

— Ну да, — ответила я, думая, что речь идет о том, что звоню я из-за клеток его жены.

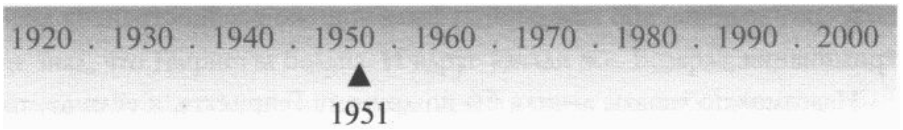
— Ну да? — переспросил он вдруг четко и настороженно. — У вас есть клетки моей жены? Она в курсе нашего разговора?

— Ну да, — сказала я, думая, что он имеет в виду, знает ли о нашей беседе Дебора.

— Тогда пусть с вами беседуют клетки моей старушки, а меня оставьте в покое, — отрезал он. — Достаточно я имел дело с такими, как вы.

И повесил трубку.

7
Жизнь и смерть культуры клеток



10 апреля 1951 года — через три недели после того, как Генриетта начала проходить сеансы радиотерапии — Джордж Гай выступил в Балтиморе по телеканалу WAAM на специальном шоу, посвященном его работе. В качестве фона звучала волнующая музыка, и ведущий произнес: «Сегодня мы узнаем, почему ученые считают, что победить рак возможно».

Камера осветила Гая, сидевшего за столом перед стеной, увешанной фотографиями клеток. У него было красивое удлиненное лицо, тонкий заостренный нос, бифокальные очки в черной пластмассовой оправе и усы, как у Чарли Чаплина. Джордж сидел неподвижно и прямо; его твидовый костюм был идеально выглажен, из нагрудного кармана торчал кончик белоснежного носового платка, волосы были гладко зачесаны назад. Его взгляд переходил от экрана к камере и обратно, в то время как пальцы отбивали дробь по столу. Лицо Джорджа оставалось бесстрастным.

«Нормальные клетки, из которых состоит наше тело, невероятно маленькие, пять тысяч их уместится на булавочной головке, — произнес он, несколько высокопарно и излишне громко. — До сих пор остается загадкой, каким образом нормальные клетки превращаются в раковые».

С помощью схем и длинной деревянной указки он вкратце изложил зрителям основы структуры клетки и раковых заболеваний. Он показал фильмы, в которых шло наблюдение за движением клеток. Их края все дальше и дальше медленно раздвигались, заполняя пустое пространство вокруг себя. Затем он показал увеличенную раковую клетку — скорее всего, HeLa — с округлыми и сглаженными краями, которая вдруг неистово затрепетала, и затем резко «взорвалась», образовав пять раковых клеток.

В какой-то момент Гай произнес: «А теперь позвольте показать вам бутыль, в которой мы вырастили огромное количество раковых клеток». С этими словами он взял чистую стеклянную колбу объемом в пинту [0,47 л], полную клеток Генриетты, и начал крутить ее в руках, объясняя, что его лаборатория пользовалась этими клетками для поиска

возможностей остановить рак. «Вполне вероятно, что с помощью подобных фундаментальных исследований мы научимся разрушать или полностью уничтожать раковые клетки», — заявил Джордж.

Гай рассылал клетки Генриетты всем ученым, кто мог бы использовать их для исследований рака. В то время живые клетки еще не отправляли почтой — обычная практика в наши дни, — и поэтому Гай отправлял их самолетом, они находились в пробирке с несколькими каплями питательной среды — вполне достаточно, чтобы поддерживать жизнь клеток в течение небольшого промежутка времени. Порой пилоты или стюарды засовывали пробирки в карманы рубашки, чтобы поддерживать у клеток температуру тела, как в инкубаторе. Если клеткам приходилось путешествовать в багажном отсеке, Гай засовывал их в отверстия, вырезанные в блоках льда, чтобы избежать перегрева, после чего упаковывал этот лед в картонные коробки с опилками для поглощения воды. Как только груз бывал готов к отправке, Гай предупреждал получателей, что клетки вот-вот «дадут метастазы» в их городе. Получатели встречали груз и в темпе возвращались в свои лаборатории. Если все проходило нормально, клетки выживали; в противном случае Гай упаковывал следующую партию и повторял попытку.

Гай отправлял груз с клетками HeLa исследователям в Техас, в Индию, в Нью-Йорк, в Амстердам и во многие другие места. Те исследователи, в свою очередь, делились клетками с другими и так далее. Клетки Генриетты путешествовали по горам Чили в седельных сумках вьючных мулов. Гай летал то в одну, то в другую лабораторию, демонстрируя свою технику выращивания клеток и помогая создавать новые лаборатории, и всегда клал в нагрудный карман пробирки с клетками Генриетты. Если же ученые сами приезжали в лабораторию Гая, чтобы научиться его технике, он давал им с собой флакон или два с клетками HeLa. В письмах Гай и некоторые из его коллег стали называть эти клетки «драгоценными малютками».

Открытие клеток HeLa стало благословением для исследователей. Ибо клетки Генриетты позволили им проводить эксперименты, которые было невозможно провести с участием человека. Клетки HeLa разрезали на части и бесконечно обрабатывали токсинами, облучали и заражали разными инфекциями. Их бомбардировали лекарствами в надежде обнаружить то, что убивало бы злокачественные клетки и оставляло в живых здоровые. Ученые исследовали, как подавляется иммунитет и как развивается рак, вводя клетки HeLa крысам с ослабленной иммунной системой, — у крыс развивались

злокачественные опухоли, очень схожие с опухолями Генриетты. Не страшно, если клетки погибали во время эксперимента, — ученые могли попросту воспользоваться запасами непрерывно растущих клеток HeLa и начать все заново.

Однако, несмотря на шквал новых исследований и на широкое распространение HeLa, никто не слышал новых историй о рождении удивительной линии клеток HeLa и их способности остановить рак. Во время единственной телепередачи со своим участием Гай не упомянул ни имени Генриетты, ни названия ее клеток, так что широкой публике не было ничего известно о HeLa. Но даже если бы и было известно, это вряд ли привлекло бы широкое внимание.

На протяжении десятилетий в прессе то и дело появлялись сообщения о культуре клеток, призванной спасти мир от болезней и сделать человека бессмертным. Однако к 1951 году обыватели уже не покупались на подобные истории, для широкой публики культура клеток стала не столько выдающимся достижением в области медицины, сколько чем-то из области ужасов научной фантастики.

Это началось 17 января 1912 года, когда Алексис Каррель — французский хирург из Института медицинских исследований Рокфеллера — вырастил «бессмертное» цыплячье сердце.

К тому времени ученые уже более двадцати лет пытались выращивать живые клетки, однако образцы всегда погибали. Многие исследователи утверждали, что поддерживать жизнь тканей вне тела невозможно. Каррель решил доказать их неправоту. К тридцати девяти годам он изобрел технику сшивания кровяных сосудов и успешно применял ее для проведения коронарного шунтирования. Кроме того, он разработал методы трансплантации органов. Он надеялся когда-нибудь выращивать в лаборатории органы и наполнять громадные хранилища легкими, печенью, почками и тканями, которые можно было бы отправлять для трансплантации по почте. В качестве первого шага Каррель попытался культивировать кусочек ткани сердца цыпленка. К всеобщему изумлению, эта ткань росла. И продолжала сокращаться, как если бы она по-прежнему находилась в теле цыпленка.

Спустя несколько месяцев Каррель получил Нобелевскую премию за разработанную им технику сшивания кровеносных сосудов и за свой вклад в трансплантацию органов и внезапно стал знаменитым. Премия не имела никакого отношения к опытам с цыплячьим сердцем, однако посвященные ей статьи сопоставляли бессмертные клетки цыплячьего сердца с работой

Карреля в области трансплантологии. Вдруг это стало выглядеть так, будто он изобрел источник молодости. По всему миру появились похожие заголовки:

> НОВОЕ ЧУДО КАРРЕЛЯ ПОМОЖЕТ ПРЕДОТВРАТИТЬ СТАРОСТЬ!
>
> УЧЕНЫЕ ВЫРАЩИВАЮТ БЕССМЕРТНОЕ ЦЫПЛЯЧЬЕ СЕРДЦЕ…
>
> СМЕРТЬ, ВОЗМОЖНО, НЕ НЕИЗБЕЖНА

Ученые утверждали, что клетки цыплячьего сердца, выращенные Каррелем, были одним из важнейших достижений XX века, ибо эта культура клеток поможет раскрыть все тайны, начиная от приема пищи и секса вплоть до «музыки Баха, поэм Мильтона [и] гениальности Микеланджело». Каррель превратился в ученого-мессию. Журналы называли созданную им питательную среду «элексиром молодости» и провозглашали, что купание в ней может даровать человеку вечную жизнь.

Однако Карреля не интересовало бессмертие для масс. Он был последователем евгеники: трансплантация органов и продление жизни представлялись ему способами сберечь то, что он считал «высшей белой расой», которую, как он полагал, загрязнило и испортило неинтеллектуальное и низшее человеческое «поголовье», а именно бедные, необразованные и цветные. Он мечтал о бесконечной жизни для тех, кого он считал достойными, и о смерти или насильственной стерилизации для всех остальных. Он даже восхвалял гитлеровскую армию за «энергичные меры», предпринятые ею в данном направлении.

Эксцентричность Карреля подпитывала восторженное отношение СМИ к его работе. Француз крепкого сложения, с быстрой речью, обладатель разноцветных глаз — один был карий, другой голубой — Каррель редко выходил на улицу без хирургической шапочки. Он ошибочно считал, что свет может убить культуры клеток, поэтому его лаборатория напоминала негатив фотографии собрания ку-клукс-клана: лаборанты ходили в длинных черных халатах, надев на голову черные капюшоны с крохотными прорезями для глаз. Они сидели на черных сиденьях за черными столами в лишенных теней комнатах, в которых полы, потолки и стены были выкрашены черной краской. Единственным источником света служили маленькие, запыленные световые окна в потолке.

Каррель был мистиком, верил в телепатию и ясновидение и считал, что люди могут жить в течение нескольких столетий, если временно прекратить все жизненные функции. В конце концов он превратил свою квартиру в молитвенный дом, начал читать

лекции о чудесах медицины и рассказал журналистам, что мечтает уехать в Южную Америку и стать диктатором. Другие ученые дистанцировались от Карреля, критикуя его за ненаучность, однако многие в белой Америке восприняли его идеи и видели в нем духовного советника и гения.

Журнал *Reader's Digest* публиковал статьи Карреля, в которых тот советовал женщинам «не предъявлять чрезмерных сексуальных требований к мужчинам-гениям», ибо секс истощает ум. В своем бестселлере «Человек — это неизвестное» Каррель предложил исправить пункт в Конституции США, который он считал ошибкой, — провозглашенное равенство для всех людей. «Слабоумный и гений не должны быть равны перед законом, — писал он. — Глупые, несообразительные, рассеянные, неспособные сохранять внимание или сделать усилие не имеют права на высшее образование».

Было продано два миллиона экземпляров этой книги, она была переведена на двадцать языков. Тысячи людей слушали выступления Карреля, во время которых порой требовалась помощь полиции в боевом снаряжении для поддержания порядка, поскольку здания были переполнены и приходилось «разворачивать» прочь восторженных поклонников.

На этом фоне пресса и публика по-прежнему были одержимы бессмертным цыплячьим сердцем. Каждый год 1 января из газеты *New York World Telegram* звонили Каррелю насчет этих клеток; каждое 17 января на протяжении десятилетий, когда Каррель и его лаборанты выстраивались в линейку в своих черных балахонах и пели клеткам Happy Birthday («С днем рождения»), какая-нибудь газета или журнал обязательно вновь рассказывали одну и ту же историю:

> КЛЕТКИ ЦЫПЛЯЧЬЕГО СЕРДЦА ЖИВУТ УЖЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ…
> ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ…
> ДВАДЦАТЬ ЛЕТ…

Каждый раз в конце сообщения провозглашалось, что эти клетки изменят облик медицины, однако этого не происходило. Тем временем заявления Карреля в отношении клеток становились все более фантастическими, и они стали представляться не столько чудом медицины, сколько ночным кошмаром.

Как-то он заявил, что клетки «достигнут большего объема, чем Солнечная система». *The Literary Digest* сообщал, что клетки уже способны «покрыть Землю», а в одном британском таблоиде было заявлено, что из клеток можно «создать петуха… уже

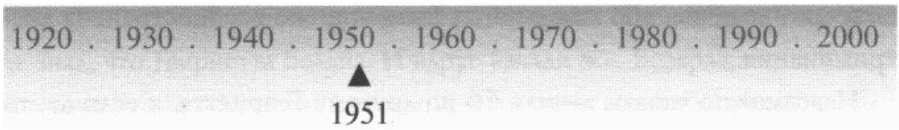
достаточно большого, чтобы он смог разом перешагнуть Атлантику, [птицу] настолько гигантскую, что, когда она сидит на земном шаре, то напоминает петуха на флюгере». Ряд книг-бестселлеров предупреждали об опасностях культуры тканей: в одной из них предсказывалось, что вскоре 70 % младенцев будут выращиваться искусственно; в другой фантазировали, как с помощью культуры тканей производятся гигантские «негры» и двухголовые монстры.

Однако тема клеточной культуры поистине проложила себе дорогу в гостиные американцев уже после одного из эпизодов радиошоу ужасов 1930-х годов «Уходящие в спешке», в котором рассказывалась история о вымышленном докторе Альбертсе, вырастившем у себя в лаборатории бессмертное цыплячье сердце. Оно безудержно росло и заполнило улицы города, как это делала позже жидкая плазма в фильме ужасов «Капля», пожирая всех и вся. Всего за две недели оно уничтожило целую страну.

Однако реальные клетки цыплячьего сердца поживали далеко не столь хорошо. На самом деле, как оказалось, клетки, вероятно, никогда не выживали сколь-нибудь долго. После того как Каррель умер в 1944 году — в тот момент он дожидался судебного разбирательства за сотрудничество с нацистами, — Леонард Хейфлик — ученый, занимавшийся культурой клеток — решил провести расследование в отношении этих цыплячьих клеток. Казалось, они игнорировали законы биологии. Кроме того, никто так и не смог не смог повторить работу Карреля. Хейфлик пришел к выводу, что исходные клетки цыплячьего сердца погибли вскоре после того, как Каррель поместил их в питательную среду. Затем он — случайно или преднамеренно — помещал новые клетки в чашки для культивирования всякий раз, когда «кормил» культуру, используя «эмбриональный сок», который он извлекал из основной паренхимы. По крайней мере один из бывших лаборантов Карреля подтвердил подозрение Хейфлика. Тем не менее никто не мог проверить данную теорию, ибо спустя два года после смерти Карреля его лаборант бесцеремонно выкинул в помойку знаменитые клетки цыплячьего сердца.

В любом случае, к 1951 году, когда клетки Генриетты Лакс начали расти в лаборатории Гая (всего через пять лет после широко освещенной в прессе «смерти» «бессмертного» цыплячьего сердца), образ бессмертных клеток потускнел в глазах общественности. Культивирование тканей стало чем-то связанным с расизмом, ужасами из научной фантастики, нацистами и панацеей от всех болезней. По его поводу не стали бы праздновать. На самом деле, никто не уделил произошедшему событию сколь-нибудь серьезного внимания.

8
«Несчастнейшее существо»



В начале июня Генриетта неоднократно сообщала врачам, что, как ей кажется, рак распространяется, что она ощущает его движение внутри себя, однако они не обнаружили никаких отклонений. «Пациентка утверждает, что чувствует себя вполне хорошо, — написал один из врачей в ее медицинской карте, — однако продолжает жаловаться на неясный дискомфорт в нижней части живота… Признаки рецидива отсутствуют. Повторный осмотр через месяц».

Нигде не написано, что Генриетта не верила врачам. Как и большинство пациентов в 1950-х годах, она подчинялась всему, что говорили ее доктора. В то время «великодушный обман» был обычным делом — зачастую врачи не сообщали пациентам даже основную информацию, а порой вообще не сообщали им никакого диагноза. Они считали, что лучше не смущать и не расстраивать пациентов такими пугающими терминами, как «рак», которые те не смогут понять. Врачам виднее, и большинство пациентов в этом не сомневались.

Особенно черные пациенты бесплатных больничных отделений. Так было и в Балтиморе в 1951 году — сегрегация была узаконена. Считалось само собой разумеющимся, что черные люди не должны смотреть в глаза белым людям и заговаривать с ними на улице, не говоря уже о том, чтобы ставить под сомнение их мнение и решения как профессионалов. Многие черные пациенты были рады уже тому, что вообще получают лечение, ибо в больницах была широко распространена дискриминация.

Невозможно узнать, лечили бы по-другому Генриетту, и если да, то как, будь она белой. Если верить Говарду Джонсу, она получала то же самое лечение, что и любой белый пациент с аналогичным диагнозом: хирургическое вмешательство, курс лечения радием и облучение были в то время повсеместным стандартом. Однако, как показали некоторые исследования, черных пациентов лечили и госпитализировали на более поздних стадиях заболеваний, нежели белых пациентов. Будучи госпитализированы, они получали меньше обезболивающих, а уровень их смертности был выше.

Достоверно известны только данные, внесенные в медицинскую карту Генриетты: через несколько недель после того, как врач сказал, что с ней все в порядке, она вновь явилась в больницу Хопкинса с жалобой, что «дискомфорт», который она чувствовала в последнее время, превратился теперь в «двухсторонние боли». Однако врач написал в карте то же, что и неделей раньше: «Нет признаков рецидива. Повторный осмотр через месяц».

Спустя две с половиной недели живот Генриетты сильно болел, и она еле-еле могла мочиться. Боль почти не позволяла ей передвигаться. Она опять отправилась в больницу, врач установил ей катетер для опорожнения мочевого пузыря и отправил домой. Еще через три дня Генриетта вновь пришла с жалобами на боль, врач надавил ей на живот и почувствовал «каменной твердости» массу. Рентген показал, что эта масса распространилась до стенок таза и почти блокировала мочеиспускательный канал. Дежурный врач вызвал Джонса и других лечащих врачей Генриетты; все они осмотрели ее и изучили рентгеновские снимки, после чего вынесли вердикт: «Неоперабельна». Всего несколько недель спустя после последней записи в карте, утверждавшей, что Генриетта здорова, один из врачей написал: «Пациентка выглядит хронически больной. Явно испытывает боль». Он отправил ее домой и рекомендовал постельный режим.

Позднее Сэди так описывала ухудшение состояния Генриетты: «Хенни не угасала, знаешь, ее внешний вид, ее тело совсем не выглядели увядшими. Бывает, некоторые люди, которые болеют раком, лежат в постели и выглядят настолько плохо! Но не она. Об этом могли сказать только ее глаза. Они говорили, что жить ей осталось недолго».

До этого момента никто, кроме Сэди, Маргарет и Дэя, не знал, что Генриетта больна. И вдруг узнали все. Возвращаясь с завода Sparrows Point после каждой смены, Дэй и кузены еще в соседнем квартале могли слышать, как Генриетта умоляет Господа о помощи. Когда на следующей неделе Дэй отвез Генриетту в больницу Хопкинса на рентген, опухоли каменной твердости заполнили всю брюшную полость: одна находилась на матке, по одной на каждой почке и одна на мочеиспускательном канале. Всего спустя месяц после записи о хорошем состоянии здоровья Генриетты в ее карте другой врач написал: «В виду быстрого распространения болезненного процесса пациентка выглядит совершенно неудовлетворительно». По его словам, существовал единственный вариант: «Дальнейшее облучение в надежде, что это хотя бы уменьшит боль».

Генриетта не могла дойти от дома до машины, но каждый день Дэй или кто-нибудь из кузенов привозил ее в больницу Хопкинса на облучение. Они не понимали, что она умирает. Они думали, что врачи по-прежнему пытаются ее вылечить.

Каждый день врачи Генриетты увеличивали дозу облучения, надеясь, что это поможет уменьшить размер опухолей и облегчить ее боль, прежде чем она умрет. Каждый день кожа на животе Генриетты становилась еще чернее от ожогов, а боль все сильнее.

8 августа, всего через неделю после своего тридцать первого дня рождения, Генриетта приехала в больницу Хопкинса на облучение, однако на этот раз она заявила, что хочет остаться. Врач написал в карте: «Пациентка очень жалуется на боль и выглядит действительно несчастной. Ей приходится ездить издалека и, наверное, ее стоит госпитализировать, так как уход в больнице за ней будет лучше».

Как только Генриетту приняли в больницу, медсестра взяла у нее кровь, слила ее в пробирку и поместила на хранение на случай, если позднее пациентке понадобится переливание. На пробирке она сделала пометку «ЦВЕТНАЯ». Врач опять посадил Генриетту на гинекологическое кресло, чтобы взять еще немного клеток с шейки матки по просьбе Джорджа Гая, который хотел посмотреть, будет ли вторая партия расти так же, как и первая. Однако тело Генриетты оказалось настолько отравлено токсинами, которые в норме выводятся с мочой, что ее клетки погибли сразу после того, как их поместили в питательную среду.

Первые несколько дней в больнице Генриетту навещали Дэй и дети, но после их ухода она часами плакала и стонала. Вскоре медсестры попросили Дэя не приводить больше детей, потому что их посещение чересчур сильно расстраивало больную. С тех пор каждый день в одно и то же время Дэй парковал свой «бьюик» позади больницы Хопкинса и садился с детьми на маленькой лужайке на Вулф-стрит — как раз под окнами палаты Генриетты. Она заставляла себя встать с кровати, прижималась лицом и руками к окну и смотрела, как ее дети играют на лужайке. Но через несколько дней у нее не осталось сил, чтобы подойти к окну.

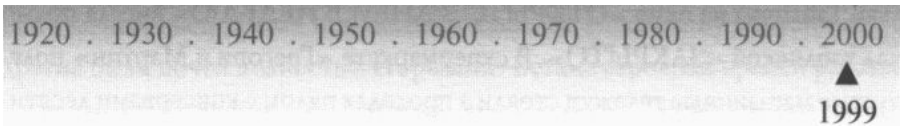
Врачи тщетно пытались облегчить ее страдания. «Судя по всему, демерол не уменьшил боль, — написал один из них, после чего попробовал морфий. — Этот препарат тоже не помог». Генриетте дали дроморан. «Помогает», — написано в карте. Но ненадолго. В конце концов один из врачей попытался ввести чистый спирт прямо в позвоночник Генриетты. «Инъекции спирта завершились неудачей», — написал он после.

Казалось, что новые опухоли появлялись у нее каждый день — на лимфоузлах, костях таза, половых губах. Почти все время у Генриетты держалась высокая температура — до 40,6°С. Врачи прекратили облучение и выглядели потерпевшими поражение в борьбе с раком — как и сама Генриетта. «Генриетта по-прежнему несчастнейшее существо, — написали они. — Она стонет», «Ее постоянно тошнит и она говорит, что ее рвет от любой еды», «Пациентка сильно не в порядке… очень беспокойна», «Насколько я вижу, мы делаем все, что может быть сделано».

Нет записей о том, посещал ли Джордж Гай Генриетту в больнице и говорил ли он ей о ее клетках. Все, с кем мне удалось побеседовать, и кто мог быть в курсе этого события, утверждали, что Гай и Генриетта никогда не встречались. Все, за исключением Лауры Орельен — микробиолога и коллеги Гая из больницы Хопкинса.

«Никогда не забуду, — рассказывала Орельен, — как Джордж поведал мне, как склонился над кроватью Генриетты и сказал ей: „Твои клетки принесут тебе бессмертие“. Он объяснил ей, что эти клетки помогут спасти жизни бесчисленного количества людей, и она улыбнулась. Она сказала ему, что рада, что ее боль принесет кому-то пользу».

9
Станция Тернер



Спустя несколько дней после моего первого разговора с Дэем я ехала из Питтсбурга в Балтимор, чтобы встретиться с его сыном Дэвидом (Сонни) Лаксом-младшим. Он, наконец, перезвонил мне и согласился на встречу, заявив, что мой номер стерся из памяти его пейджера. Я тогда не знала, что, прежде чем перезвонить мне, он пять раз в панике звонил Патилло и задавал тому вопросы на мой счет.

План был такой: по приезде в Балтимор я отправляю сообщение Сонни на пейджер, затем он встречает меня и отвозит в дом к своему брату Лоуренсу, где мы встречаемся с их отцом и, если повезет, с Деборой. Поэтому я поселилась в гостинице Holiday Inn в деловой части города, села на кровать с телефоном на коленях и набрала номер пейджера Сонни. Он не ответил.

Из окна своего номера я разглядывала находящуюся напротив через улицу высокую готическую кирпичную башню с большими часами наверху из потемневшего серебра, с крупными буквами B-R-O-M-O-S-E-L-T-Z-E-R вокруг циферблата. Я смотрела, как стрелки медленно проплывали мимо букв, каждые пять минут звонила Сонни и ждала телефонного звонка.

В конце концов я схватила толстенную телефонную книгу Балтимора, открыла на букве «Л» и, ведя пальцем вниз, стала читать длинную вереницу имен: Аннет Лакс …Чарлз Лакс… Я решила обзвонить всех Лаксов, указанных в книге, и спрашивать их, знали ли они Генриетту. Однако у меня не было с собой мобильника, а городскую линию занимать надолго не хотелось, поэтому я еще раз набрала номер пейджера Сонни, затем села обратно на кровать с телефоном и телефонным справочником на коленях. Я принялась перечитывать пожелтевшую копию статьи в газете *Rolling Stone* («Катящийся камень») от 1976 года, написанной о Лаксах автором по имени Майкл Роджерс, который первым из репортеров смог пообщаться с семьей Лаксов. Эту статью я уже многократно перечитывала, но хотелось освежить в памяти каждое слово.

Примерно в середине текста Роджерс написал: «Сижу на седьмом этаже Holiday Inn в деловой части Балтимора. В термоизолирующее венецианское окно видны огромные

башенные часы, цифры которых заменены буквами B-R-O-M-O-S-E-L-T-Z-E-R. У меня на коленях телефон и телефонный справочник Балтимора».

Я внезапно выпрямилась с ощущением, будто очутилась в одном из эпизодов сериала «Сумеречная зона». Более двух десятилетий назад — мне тогда исполнилось всего три года — Роджерс просматривал тот же телефонный справочник. «Примерно на середине списка Лаксов стало понятно, что с Генриеттой был знаком практически каждый», — писал он. Так что я вновь открыла телефонную книгу и принялась набирать номера в надежде найти одного из тех, кто знал Генриетту. Однако либо никто не отвечал на звонки, либо вешали трубку, либо говорили, что никогда не слышали о Генриетте. Я раскопала старую газетную статью, где раньше видела адрес Генриетты на станции Тернер: дом 713 по авеню Нью-Питтсбург. Пришлось просмотреть четыре карты, прежде чем нашлась такая, где на месте Станции Тернер не были напечатаны объявления либо изображены соседние районы в увеличенном масштабе.

Как оказалось, Станция Тернер была не просто спрятана на карте. Чтобы туда попасть, пришлось проехать полмили мимо бетонной стены и забора, отделявшего поселок от межштатной автомагистрали, пересечь несколько местных дорог и попетлять, оставить позади церкви, разместившиеся на первых этажах в помещениях бывших магазинов, гудящую электростанцию размером с футбольное поле и ряды заколоченных досками магазинов и жилых домов. В конце концов на парковке опаленного пожаром бара с розовыми в кисточках занавесками я увидела потемневший деревянный указатель с надписью «Добро пожаловать на Станцию Тернер»).

До сих пор никто в точности не знает, как на самом деле называется этот поселок или как следует произносить его название. Иногда встречается вариант во множественном числе — Станции Тернер, иногда в притяжательном падеже — Станция Тернера, но чаще всего употребляется единственное число — Станция Тернер. Первоначально поселок был назван Гуд Лак («Удача»), но это название так никогда и не прижилось.

В 1940-х годах, когда Генриетта приехала сюда, поселок переживал бум. Однако окончание Второй мировой войны привело к сокращениям на заводе Sparrows Point. Компания Baltimore Gas and Electric снесла три сотни жилых домов, чтобы очистить место для строительства новой электростанции, оставив без крова более 1300 человек, главным образом черных. Все больше земли отводилось под промышленное использование, что означало снос все новых и новых домов. Люди поспешно

переселялись в Восточный Балтимор или уезжали обратно в сельскую местность; в результате к концу 1950-х годов население Станции Тернер сократилось вполовину. Когда я туда приехала, жителей осталось всего около тысячи, и их число неуклонно уменьшалось, поскольку здесь было мало работы.

Во времена Генриетты в этом поселке двери в домах никогда не запирались. Теперь же на поле, где когда-то играли ее дети, строили жилой комплекс, окруженный кирпично-бетонной стеной безопасности протяженностью 13 тысяч футов [3692,4 м]. Закрылись магазины, ночные клубы, кафе и школы, а торговля наркотиками, бандитизм и насилие все нарастали. Однако на Станции Тернер все еще было более десяти церквей.

В газетной статье, где я нашла адрес Генриетты, упоминалось о здешней женщине — Кортни Спид, владелице бакалейного магазина и основательнице фонда для строительства музея Генриетты Лакс. Однако когда я добралась до участка, где должен был быть магазин Спид, то увидела серый, в пятнах ржавчины жилой фургон. Его разбитые окна были затянуты проволокой. Маленькая деревянная лестница вела в открытую дверь с тремя нарисованными на ней крестами. На вывеске при входе была нарисована одна-единственная красная роза и надпись: «БЕЗ ОТКРОВЕНИЯ СВЫШЕ НАРОД НЕОБУЗДАН, А СОБЛЮДАЮЩИЙ ЗАКОН — БЛАЖЕН Притчи 29:18». Шестеро мужчин сидели на ступеньках и смеялись. Самый старший, лет тридцати, был в красных слаксах, красных подтяжках, черной рубашке и шоферской кепке; на другом была просторная красно-белая лыжная куртка. Вокруг них столпились молодые парни всех оттенков шоколадного цвета в мешковатых штанах. Двое мужчин в красном смолкли, посмотрели, как я медленно проехала мимо них, и продолжили смеяться.

Станция Тернер не больше мили в любом направлении. Окрестности дома Генриетты были заполнены одинаковыми одно- и двухэтажными домами из красного кирпича, по большей части расположенными тесно бок о бок, у некоторых из них были дворики. На горизонте высился ряд портовых кранов высотой с небоскреб, а из дымовых труб верфи Sparrows Point вырывались густые клубы дыма. Пока я кружила по поселку в поисках бакалейной лавки Спид, дети, игравшие на улице, прервав свое занятие, разглядывали меня и махали руками. Они бежали мне вслед между одинаковых домов красного кирпича мимо женщин, развешивавших белье после стирки, а их матери улыбались и тоже махали мне.

Я проезжала мимо трейлера с мужчинами у входа столько раз, что в конце концов они стали всякий раз махать мне. Столько

же раз я проезжала мимо прежнего жилья Генриетты — блока в коричневом кирпичном строении, разделенном на четыре дома, с забором из металлической сетки, с лужайкой в несколько футов перед входом и тремя ступеньками к маленькому крыльцу и белой двери-ширме. Из-за двери Генриетты на меня смотрел ребенок, махал рукой, играя при этом с палкой.

Я каждому махала в ответ и изображала удивление всякий раз, когда следовавшие за мной дети, ухмыляясь, появлялись на разных улицах, но ни разу не остановилась и не попросила о помощи. Я слишком нервничала. Жители Станции Тернер просто наблюдали за мной, улыбаясь и качая головами: «Зачем эта молодая белая женщина ездит тут кругами?»

В конце концов я увидела баптистскую церковь Новый Силом, которая упоминалась в статье как место собраний по поводу музея Генриетты Лакс. Однако она была закрыта. Пока я прижималась лицом к высокой стеклянной входной двери, рядом остановился черный «Таун Кар», из которого выскочил приятный видный мужчина лет сорока в очках с позолотой, черном костюме, черном берете и с ключами от церкви в руках. Сдвинув очки к кончику носа, он оглядел меня и поинтересовался, не может ли он чем-нибудь помочь.

Я рассказала ему о причине, которая привела меня в город.

— Никогда не слыхал о Генриетте Лакс, — сказал он.

— Мало кто слыхал, — успокоила я его и сказала, что читала, будто в бакалейной лавке Спид кто-то повесил мемориальную табличку в честь Генриетты.

— А-а, в магазине Спид? — сказал он, улыбнувшись вдруг во весь рот и положив руку мне на плечо. — Могу проводить вас туда!

С этими словами он предложил мне сесть в мою машину и следовать за ним.

Все, кто находился на улице, махали и кричали нам вслед, когда мы проезжали мимо: «Привет, преподобный Джексон!», «Как поживаете, преподобный?» В ответ он кивал головой и кричал: «Как вы?», «Благослови вас Господь!» Всего через два квартала мы остановились перед тем самым серым трейлером, возле которого стояли мужчины, Джексон втиснул свою машину на парковку и взмахом руки предложил мне выйти. Мужчины на ступеньках улыбнулась, они обеими руками ухватили руку пастора и принялись здороваться с ним: «Здорово, преподобный, подружку привез?»

— Да, верно, — ответил тот. — Она приехала поговорить с миссис Спид.

Парень в красных штанах и красных подтяжках — как

оказалось, Кейт, старший сын миссис Спид — сообщил, что ее нет дома и неизвестно, когда она вернется, так что я могу взять стул, присоединиться к юношам на крыльце и дожидаться ее. Когда я села, мужчина в красной с белым лыжной куртке широко и лучезарно улыбнулся и поведал, что он — Майк, сын миссис Спид. После представились сыновья Сайрус, Джо и Тирон. Все мужчины на крыльце оказались ее сыновьями, равно как и почти каждый, кто заходил в магазин. «Погодите-ка. У нее что, пятнадцать детей?»

— О! — воскликнул Майк. — Вы же не знаете Мамашу Спид, верно? О-о, я Маму уважаю — она крутая! Строит всю Станцию Тернер, подружка! Никого не боится!

Мужчины на крыльце согласно закивали и подтвердили: «Точно».

— Не бойтесь, если кто-то придет сюда и попытается напасть на Маму, пока нас нет поблизости, — сказал Майк, — потому что она напугает его до смерти!

Сыновья Спид хором соглашались с рассказом Майка, который поведал мне: «Однажды в магазин пришел тот мужчина и начал орать: „Щас перелезу через прилавок и доберусь до тебя“. Я прятался за мамой и был страшно напуган! И знаешь, что она сделала? Потрясла головой, подняла руки и произнесла: „Давай! Давай же! Если ты совсем спятил, то попробуй!“»

Майк сильно хлопнул меня по спине, и все сыновья рассмеялись.

В эту секунду на ступеньках появилась Кортни Спид — длинные черные волосы свободной копной лежали на голове, пряди были собраны в пучок, лицо — тонкое, красивое и совершенно не имевшее возраста. Глаза Кортни отливали мягким коричневым цветом с красивым ободком цвета морской волны. Она была нежной и утонченной, без единого острого угла. Крепко прижимая к груди продуктовую сумку, она прошептала: «Но разве тот мужчина прыгнул на меня через прилавок?»

Майк возопил и рассмеялся так сильно, что не смог ничего ответить.

Она спокойно взглянула на него с улыбкой: «Я спросила, прыгнул ли тот человек?»

— Нет, не прыгнул! — ответил Майк, ухмыльнувшись. — Он пустился наутек со всех ног! Вот почему у Мамы в магазине нет ружья. Оно ей не нужно!

— Я живу не ружьем, — сказала она, повернулась в мою сторону и улыбнулась. — Как ваши дела?

Она поднялась в магазин по лестнице, и мы все последовали за ней.

— Мама, — произнес Кейт, — пастор привел к тебе эту женщину. Это миссис Ребекка, и она приехала поговорить с тобой.

Кортни Спид улыбнулась красивой, почти застенчивой улыбкой, ее глаза сияли и были полны материнской теплоты.

— Бог благословит тебя, милый, — ответила она.

Внутри большая часть пола была покрыта сложенными картонками, потертыми из-за многолетнего хождения по ним. Вдоль стен располагались полки, некоторые пустые, на других штабелями лежали «Чудо-хлеб», рис, туалетная бумага и свиные ножки. На одной из полок Спид сложила сотни номеров газеты *Baltimore Sun* выпуска вплоть до 1970-х годов, когда умер ее муж. Она рассказала, что перестала менять стекла на окнах каждый раз, когда кто-нибудь их разбивал, — ведь опять разобьют. На всех стенах магазина висели рукописные вывески: одна гласила «Сэм — чемпион по снежкам», на других речь шла о спортивных клубах, религиозных группах и бесплатных занятиях для учеников средней школы и по обучению грамоте взрослых. У миссис Спид были дюжины «духовных сынов», к которым она относилась так же, как и к шести своим биологическим сыновьям. Когда дети заходили купить чипсов, конфет или минералки, Спид заставляла каждого считать, сколько мелочи она ему должна, за каждый правильный ответ все они получали бесплатную шоколадку Hershey's kiss.

Спид принялась выстраивать ровными рядами товары на полках, чтобы все этикетки смотрели наружу, затем крикнула мне через плечо: «Как вы смогли найти дорогу сюда?»

Я рассказала про четыре карты, и она швырнула коробку со шпиком на полку. «Теперь у нас синдром четырех карт, — сказала она. — Нас пытаются вытеснить с этой земли, но Господь не позволит им это сделать. Хвала Господу, он направляет сюда людей, с которыми нам действительно нужно поговорить».

Она вытерла руки о белую рубашку и спросила: «Итак, почему Он привел вас сюда? Чем я могу помочь?»

— Надеюсь узнать что-нибудь о Генриетте Лакс, — ответила я.

Кортни онемела от изумления и побледнела. Отступив несколько шагов назад, она прошипела: «Вы знакомы с мистером Кофилдом? Это он прислал вас?»

Я пришла в замешательство. Ответила, что никогда не слыхала о Кофилде, и что никто меня не присылал.

— Как вы узнали про меня? — резко спросила она, отступая еще дальше.

В ответ я достала из сумки старую мятую газету со статьей и

протянула ей.

— Вы уже разговаривали с семьей? — уточнила Кортни.

— Пытаюсь. Беседовала однажды с Деборой и собиралась встретиться сегодня с Сонни, но он не явился.

Она кивнула, будто хотела сказать: «Знаю».

— Ничего не могу вам рассказать, пока вы не заручитесь поддержкой семьи. Не могу этим рисковать.

— А табличка для музея? — поинтересовалась я. — Можно ее посмотреть?

— Ее здесь нет, — резко ответила Спид. — Ничего здесь нет, потому что вокруг всего этого происходят дурные вещи.

Она долго разглядывала меня, затем ее лицо смягчилось, она взяла мою руку в свою, а свободной рукой коснулась моего лица.

— Мне нравятся ваши глаза, — произнесла она. — Пойдемте.

Она быстро вышла и спустилась по ступенькам к своему старому коричневому «универсалу». На пассажирском кресле сидел мужчина и пристально смотрел прямо на дорогу, как если бы машина двигалась. Он не обернулся, когда Кортни вскочила в машину со словами: «Поехали за мной».

Мы пересекли Станцию Тернер и приехали на парковку местной публичной библиотеки. Едва я открыла дверь своей машины, как появилась Кортни — теперь она хлопала в ладоши, широко улыбалась и подпрыгивала на цыпочках. Она говорила без умолку: «1 февраля — день Генриетты Лакс в графстве Балтимор. В этом году 1 февраля здесь, в библиотеке, будет крупное мероприятие! Мы по-прежнему пытаемся собрать экспонаты для музея, несмотря на Кофилда, ситуация с которым доставляет столько проблем. Дебора очень напугана. Планировалось, что к этому времени музей будет уже практически готов, — мы почти закончили, когда начались все эти ужасы. Но я рада, что Он прислал вас, — сказала Кортни, указывая пальцем на небо. — Эта история должна быть рассказана! Слава богу, люди должны узнать о Генриетте!»

— Кто такой Кофилд? — поинтересовалась я.

Она вся сжалась и хлопнула рукой себе по губам. «Я действительно не могу ничего рассказать, пока семья не даст согласия», — с этими словами она схватила меня за руку и бегом потащила в библиотеку.

— Это Ребекка, — сказала она библиотекарше, опять подпрыгивая на кончиках пальцев. — Она пишет книгу о Генриетте Лакс!

— Ух ты, замечательно! Ты с ней беседуешь? — уточнила библиотекарша.

— Мне нужна кассета, — попросила Кортни.

Библиотекарша прошла вдоль рядов с видеокассетами, вытащила с полки белую коробку и подала ее миссис Спид.

Кортни сунула видеокассету под мышку, схватила меня за руку, и мы побежали обратно на парковку, где она вскочила в машину и рванула с места, помахав мне рукой, чтобы я ехала следом. Мы остановились рядом с ночным магазином, мужчина, сидевший на переднем сиденье ее машины, вышел купить хлеба. После мы довезли его до дома, где Кортни крикнула мне: «Это мой глухой кузен! Не может водить машину!»

В конце концов она привезла меня к салону красоты, владелицей которого являлась, недалеко от бакалейной лавки. Отперев два дверных замка на входной двери, она помахала рукой перед носом: «Воняет, будто в одну из ловушек попала мышь». Здесь было тесно, вдоль одной стены стояли парикмахерские кресла с регулируемыми спинками, вдоль другой — сушилки. Раковину для мытья волос подпирал кусок фанеры, засунутый в большую белую корзину, стены вокруг пестрели многолетними брызгами от краски для волос. Рядом с раковиной стояла табличка с расценками: стрижка и укладка — десять долларов, выпрямление и завивка — семь. Рядом с черной стеной, на шкафу электропитания в деревянной рамке на несколько дюймов больше нужного размера стояла копия фотографии Генриетты Лакс, где та держит руки на талии.

Я указала на фотографию и удивленно вскинула брови. Кортни пожала плечами.

— Я расскажу тебе все, что знаю, — прошептала она, — как только ты поговоришь с семьей и они скажут, что все в порядке. Не хочу больше проблем. И не хочу, чтобы Дебора опять заболела из-за всего этого.

Она ткнула пальцем на надломившееся красное виниловое парикмахерское кресло, покрутила его, чтобы оно встало лицом к маленькому телевизору рядом с сушилками для волос. «Тебе придется посмотреть эту кассету», — сказала Кортни, протянула мне пульт и уже направилась к двери, но затем вернулась. «Никому ни в коем случае не открывай эту дверь, кроме меня, слышишь? — предупредила она. — И ничего не пропусти в этой записи, вот кнопка обратной перемотки, если нужно, посмотри два раза, но ничего не пропусти».

После этого она ушла, заперев за собой дверь.

Передо мной на экране крутился часовой документальный фильм Би-би-си о Генриетте Лакс и клетках HeLa, назывался он «Судьба каждого тела». Уже несколько месяцев я пыталась достать его копию. Начинался фильм сентиментальной мелодией, под которую перед камерой танцевала молодая черная женщина

(не Генриетта). Англичанин начал повествование таинственным, мелодраматичным голосом, будто рассказывал страшилку, которая может оказаться правдой.

«В 1951 году в Америке в городе Балтимор умерла женщина, — произнес он с эффектной паузой. — Ее звали Генриетта Лакс». По мере того как он рассказывал историю о ее клетках, музыка становилась громче и мрачнее: «Эти клетки резко изменили современную медицину… Они определяли политику стран и президентов. Они даже участвовали в „холодной войне“. Ибо ученые были убеждены, что в ее клетках скрыт секрет победы над смертью…»

Что меня потрясло, так это метры пленки с изображениями Кловера — старого городка среди плантаций в Южной Виргинии, где, судя по всему, до сих пор жили некоторые из родственников Генриетты. В последнем кадре фильма был двоюродный брат Генриетты Фред Гэррет, он стоял позади старой хижины для невольников в Кловере. За его спиной виднелось семейное кладбище, где, по словам диктора, в безымянной могиле была похоронена Генриетта.

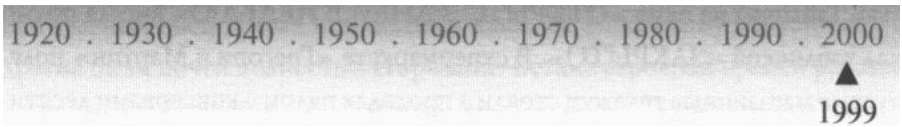
Фред показывал пальцем на кладбище и пристально смотрел в камеру.

«Как вы считаете, живы ли по-прежнему эти клетки? — спрашивал он. — Я про те, что в могиле». Немного помолчав, он громко и раскатисто рассмеялся: «Черт его знает, думаю, что нет. Но они до сих пор живут в пробирках. Такое чудо».

Экран погас, и я поняла, что, если дети Генриетты и ее муж не захотят со мной разговаривать, нужно будет поехать в Кловер и найти ее кузенов и кузин.

В ту ночь, вернувшись в отель, я, наконец, дозвонилась по телефону до Сонни. Он сообщил, что решил не встречаться со мной, но причину не объяснит. На мою просьбу познакомить меня с родственниками в Кловере он посоветовал ехать туда и искать их самой. После чего рассмеялся и пожелал удачи.

10
По другую сторону дороги



Кловер расположен на нескольких пологих холмах в стороне от трассы 360 в Южной Виргинии, на берегах Реки смерти (река Роанок) и сразу после Охотничьего ручья (Хантинг-Крик). Я въехала в город, над которым плескалось голубое декабрьское небо; воздух был теплым, как в мае, а на приборном щитке моей машины красовалась желтая наклейка со скупой информацией, которую дал Сонни: «Они так и не нашли ее могилу. Поезжай днем — там нет освещения, ночи становятся темнее. Спроси любого, как найти Лакстаун».

Деловая часть Кловера начиналась с заколоченной досками бензоколонки, у въезда на которую краской из баллончика было написано «Покойся с миром», и заканчивалась пустошью, где когда-то была станция, на которой Генриетта села в поезд до Балтимора. Крыша старого кинотеатра на Главной улице обвалилась много лет назад, а экран валялся на земле среди сорняков. Прочие заведения выглядели так, будто хозяин ушел на обед десятки лет назад и с тех пор не потрудился вернуться: вдоль одной стены магазина одежды Эбботта до потолка выстроились коробки новых рабочих ботинок Red Wing, покрытые толстым слоем пыли; за длинным стеклянным прилавком под древним кассовым аппаратом лежали в ряд мужские парадные рубашки, накрахмаленные и уложенные в пластиковые пакеты. Холл ресторана «Роузи» был заставлен мягкими стульями, кушетками и жесткими ковриками коричневых, рыжих и желтых тонов, покрытых пылью. Табличка на окне «ОТКРЫТО 7 ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ» висела прямо над табличкой «ЗАКРЫТО». В супермаркете «Грегори и Мартин» полупустые магазинные тележки стояли в проходах рядом с консервами десятилетней давности, а настенные часы остановились в 6.34 утра, когда Мартин закрыл магазин, чтобы в 1980-х годах стать гробовщиком.

Даже юные наркоманы и вымирающие старики Кловера не могли обеспечить достаточно работы владельцу похоронного бюро: в 1974 году население городка составляло всего 227 человек; в 1998 году их осталось 198. В тот же год Кловер потерял статус города. В нем по-прежнему имеется несколько церквей и салонов красоты, но они почти всегда закрыты. Единственным

стабильно работающим заведением в деловой части города было однокомнатное кирпичное почтовое отделение, но в день моего приезда оно оказалось закрыто.

Казалось, что на Главной улице можно часами сидеть на тротуаре и не увидеть ни пешехода, ни проезжающей машины. Однако перед рестораном «Роузи», прислонившись к своему красному мопеду, стоял человек, он махал любой проезжающей мимо машине. Невысокий, круглый и краснощекий белый мужчина. На вид ему можно было дать от пятидесяти до семидесяти лет. Местные звали его Зазывалой, и большую часть своей жизни он провел здесь на углу, с бесстрастным лицом махая рукой всем проезжавшим машинам. Я спросила, не покажет ли он, в какой стороне Лакстаун (я думала поискать там фамилию Лакс на почтовых ящиках и потом стучаться в двери и спрашивать про Генриетту). Но мужчина не произнес ни слова, лишь помахал мне и медленно указал куда-то позади себя, за железнодорожные пути.

Лакстаун был резко отделен от остальной части Кловера. С одной стороны двухполосной улицы, которая вела из деловой части города, лежали четко очерченные пологие холмы, акры и акры открытой всем ветрам частной земли, где паслись лошади, был небольшой пруд, аккуратный дом чуть в стороне от дороги, мини-вэн и белый штакетный забор. Прямо через улицу стояла маленькая однокомнатная хижина шириной около семи футов и длиной футов двенадцать, построенная из некрашеного дерева; между досками зияли широкие зазоры, в которые пророс бурьян.

Эта хижина отмечала начало Лакстауна — на его единственной улице длиной в милю стояла дюжина домов: некоторые выкрашены в яркий желтый или зеленый цвет, другие некрашеные, какие-то наполовину обрушились, а другие были почти полностью сгоревшие. Ветхие строения времен рабства соседствовали с трейлерами и домами из шлакоблоков, на некоторых висели спутниковые тарелки, рядом стояли качели под навесом, другие проржавели и наполовину вросли в землю. Вновь и вновь я проезжала вдоль улицы Лакстауна мимо таблички «КОНЕЦ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ДОРОГИ», после которой начиналась гравийная дорога, мимо табачного поля с баскетбольной площадкой — лишь клочок красной земли и голое металлическое кольцо, прикрепленное к верхней части ствола старого дерева.

Глушитель моей потрепанной «Хонды» отвалился где-то между Питсбургом и Кловером, а это значит, что все жители Лакстауна слышали, как я нарезала круги по улице. Они выходили на веранды и выглядывали в окна, когда я проезжала мимо. Наконец, на третьем или четвертом круге из зеленой

двухкомнатной деревянной постройки вышел, шаркая ногами, мужчина на вид лет семидесяти. На нем был ярко-зеленый свитер, такого же цвета шарф и черная шоферская кепка. Он в удивлении помахал мне негнущейся рукой.

— Потерялись? — крикнул он, стараясь перекричать шум двигателя.

Опустив стеклоподъемник, я ответила, что не совсем.

— Тогда куда вы пытаетесь приехать? — спросил он. — Я ведь знаю, что вы не из этих краев.

Я спросила, слыхал ли он о Генриетте.

В ответ он улыбнулся и представился — Кути, двоюродный брат Генриетты.

Настоящее его имя было Гектор Генри, а Кути его прозвали после того, как несколько десятков лет назад он переболел полиомиелитом. А почему именно так — он никогда и не знал. Кожа Кути была достаточно светлого оттенка, чтобы его можно было принять за латиноамериканца, поэтому, когда в девять лет он заболел, местный белый доктор тайком привез его в ближайшую больницу, выдав за белого, поскольку больницы не лечили чернокожих пациентов. Кути провел целый год внутри железного легкого, которое дышало вместо него, и с тех пор регулярно лежал в больницах.

Полиомиелит частично парализовал его шею и руки и повредил нерв, который с тех пор постоянно болел. В любую погоду Кути носил шарф, ибо тепло облегчало боль.

Я объяснила ему причину своего приезда, и он указал вверх и вниз на дорогу. «В Лакстауне все жители — родственники Генриетты, но она так давно умерла, что почти не осталось даже воспоминаний, — ответил он. — Умерло все связанное с Генриеттой, кроме этих клеток».

Он ткнул пальцем в мою машину и предложил: «Выключите эту шумную штуку и заходите. Угощу вас соком».

Наружная дверь его дома вела в крохотную кухню с кофеваркой, старомодным тостером и старой дровяной плитой, на которой стояли две кастрюли — одна пустая, вторая полная соуса чили. Стены кухни были окрашены в тот же темно-оливковый цвет, что и наружная часть дома, и увешаны удлинителями и мухобойками. Ему недавно провели в дом водопровод, но он по-прежнему предпочитал пользоваться уличным.

Хотя Кути с трудом мог шевелить руками, он сам построил дом, научившись строить в процессе работы, сам сколачивал из фанеры внутренние стены и штукатурил их. Но он забыл об изоляции, поэтому вскоре после окончания стройки ему

пришлось разломать стены и начать все заново. Спустя несколько лет весь дом сгорел, когда Кути заснул под электрическим одеялом, однако он отстроил свое жилье еще раз. Стены были немного кривоваты, по словам Кути, но он вколотил так много гвоздей, что вряд ли они когда-нибудь обрушатся.

Кути протянул мне стакан красного сока и отправил с кухни в темную жилую комнату, отделанную деревянными панелями. Кушетки там не было, лишь несколько металлических складных стульев и парикмахерское кресло, закрепленное на линолеумном полу. Сиденье кресла было полностью заклеено скотчем. Кути десятки лет проработал парикмахером в Лакстауне. «Сейчас этот стул стоит двенадцать сотен долларов, но когда-то я заплатил за него восемь, — крикнул он из кухни. — Стрижка — это было не только ради денег, иногда я стриг пятьдесят восемь голов за день». В конце концов он бросил стричь, ибо уже не мог достаточно долго держать руки на весу.

У одной из стен пристроился маленький радиоприемник, из которого в прямом эфире гремело религиозное шоу, — проповедник кричал что-то о Боге, излечивающем от гепатита того, кто позвонит в студию.

Кути поставил для меня складной стул и ушел в спальню. Подняв одной рукой матрас, он придавил его головой и принялся что-то тщательно искать среди груды наваленных под ним бумаг.

«Я знаю, что где-то здесь у меня есть кое-какая информация о Генриетте, — бормотал он из-под матраса. — Куда, черт побери, я это сунул… Вы в курсе, что другие страны покупают ее клетки по двадцать пять, а иногда и по пятьдесят долларов? Семья Генриетты не получает с этого ни гроша».

Закончив раскопки чего-то, внешне напоминавшего пачки газет, Кути вернулся в комнату.

— Вот тут единственная ее фотография, которая у меня есть, — сказал он, тыкая пальцем в копию статьи в *Rolling Stone* с изображением вездесущей фотографии Генриетты с руками на талии. — Не знаю, что тут написано. Всему, что знаю, я научился сам. Но никогда не умел считать, почти не могу читать и даже написать свое имя, потому что руки у меня дрожат.

Он спросил, написано ли в статье что-нибудь о детстве Генриетты в Кловере. Я отрицательно покачала головой.

— Генриетту все любили, потому что она была очень хорошим человеком, — произнес Кути. — Такая душка была, всегда улыбалась и заботилась о нас, когда мы домой приходили. Даже когда заболела, никогда не говорила: «Мне плохо, и я буду на вас отыгрываться». Не такая она была, даже когда ей было больно. Но, видимо, не понимала, что происходит. Не хотела

думать, что скоро умрет.

Он покачал головой. «Знаете, если б можно было собрать воедино все ее клетки, она весила бы больше восьмисот фунтов, — сообщил он. — А Генриетта никогда не была крупной. Просто она по-прежнему растет».

На заднем плане священник по радио прокричал многократное «Аллилуйя!», в то время как Кути продолжал говорить.

— Она, бывало, заботилась обо мне, когда полиомиелит совсем меня замучил. Она всегда говорила, что хочет победить его. Она не могла мне помочь, потому что я заболел раньше ее, но она видела, как мне плохо. Думаю, поэтому она отдала свои клетки — чтобы помочь другим людям избавиться от полиомиелита, — Кути помолчал, потом продолжил: — Никто тут в округе никогда не понимал, как это так — она умерла, а те штуки все еще живы. Вот где загадка-то.

Он оглядел комнату и кивнул в сторону щелей между стеной и потолком, в которые он засунул сухой лук и чеснок.

— Знаете, многие вещи, их создал человек, — произнес Кути почти шепотом. — Понимаете, что я хочу сказать? Созданы человеком.

Я отрицательно покачала головой.

— Колдовство, — прошептал он. — Некоторые люди говорят, что болезнь Генриетты и эти клетки сотворили мужчина или женщина. Другие говорят, что их сделали доктора.

По мере того как Кути рассказывал, голос священника по радио становился все громче: «Господь поможет вам, но вы должны позвонить мне прямо сейчас. Если бы моя дочь или сестра болела раком, я бы взял трубку, ведь время уходит!»

Кути стал ругаться с радио. «Врачи говорят, что никогда не слышали о другом таком случае, как с Генриеттой! Уверен, это дело рук человека или духа — одно из двух».

Затем он рассказал мне о духах Лакстауна, которые иногда приходили в дома и насылали болезни. Поведал, что видел у себя дома призрак человека — иногда он прислонялся к стене рядом с дровяной плитой, а порой стоял у кровати. Однако самым опасным духом, по мнению Кути, была безголовая и бесхвостая свинья весом в несколько тонн. Кути видел, как несколько лет назад она бродила по Лакстауну. С ее отрубленной окровавленной шеи свешивались остатки порванной цепи, волочившиеся по придорожной земле и бренчавшие при каждом шаге свиньи.

— Видел я, как эта штука переходила дорогу к семейному кладбищу, — сказал Кути. — Это привидение стояло прямо на

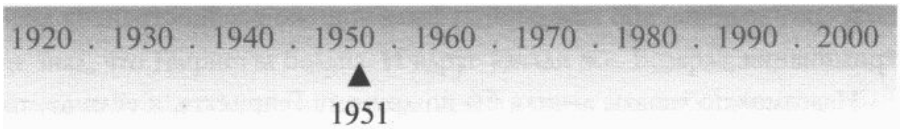
дороге, ее цепь качалась и звенела на ветру.

Он добавил, что свинья смотрела на него и притоптывала ногами, вздымая вокруг себя красную пыль и готовясь к нападению. Как раз в этот момент по улице промчалась машина с одной-единственной фарой.

— Машина подъехала, свет от нее попал прямо на привидение, и, клянусь, это была свинья. И тогда привидение исчезло. До сих пор слышу звон этих цепей, — Кути решил, что машина спасла его от какой-то новой болезни.

— Теперь уж и не знаю точно, добралось ли привидение до Генриетты, или это врачи сделали, — добавил он, — но знаю, что ее рак не был обычным, потому что обычный рак не растет после того, как умирает сам человек.

11
«Дьявольская боль»



К сентябрю почти все тело Генриетты было поражено опухолями — они появились на диафрагме, в мочевом пузыре и в легких. Опухоли закупорили ей кишечник, и живот Генриетты раздулся, как на шестом месяце беременности. Переливания крови следовали одно за другим, ибо ее почки уже не могли очищать кровь от токсинов, и яды в ее теле вызывали у нее тошноту. Генриетте перелили уже так много крови, что один из врачей сделал пометку в ее медицинской карте с указанием прекратить переливания, «пока не восполнят дефицит в банке крови».

Кузен Генриетты Эмметт Лакс, услышав от кого-то на заводе Sparrows Point, что Генриетта больна и что ей нужна кровь, бросил стальную трубу, которую резал в тот момент, и бросился искать своего брата и нескольких друзей. Все они были рабочими, со стальной и асбестовой пылью в легких, с мозолистыми руками и поломанными ногтями — ведь они не один год занимались тяжелым физическим трудом. Все они спали на полу в доме Генриетты и ели ее спагетти, когда впервые приехали в Балтимор из деревни или если не хватало денег. В течение первых недель после их приезда в город Генриетта ездила на трамвае на завод и обратно, чтобы убедиться, что они не потерялись. Она собирала им завтраки, пока они не встали на ноги, а после передавала с Дэем на завод еду, чтобы кузены не ходили голодными между получками. Она настойчиво напоминала, что им пора жениться или завести подружку, и иногда помогала найти достойных девушек. Эмметт так долго жил у Генриетты, что у него на верхней лестничной площадке стояла своя кровать. Он стал самостоятельным и съехал всего несколько месяцев назад.

Последний раз Эмметт видел Генриетту, когда, прямо перед тем как съехать от нее, он вместе с ней навещал Эльси в Краунсвилле. Девочка сидела у колючей проволоки в углу двора, в стороне от кирпичного барака, где она спала. Завидев их, Эльси издала свой птичий крик, подбежала к ним и остановилась, уставившись на них. Генриетта обняла Эльси, посмотрела на нее долгим пристальным взглядом, и обернулась к Эмметту.

— Похоже, что ей лучше, — произнесла она. — Да, Эльси

хорошо выглядит, чистенькая, и вообще.

Они долго сидели в полной тишине. Генриетта как-то успокоилась, увидев, что с Эльси все в порядке. Она виделась с дочерью в последний раз — Эмметт понял, что Генриетта знала, что прощается с нею. Не знала она только, что с того дня никто никогда больше не приедет к Эльси.

Спустя несколько месяцев Эмметт, узнав, что Генриетте нужна кровь, погрузился в грузовик вместе с братом и шестью друзьями и отправился прямо в больницу Хопкинса. Медсестра провела их через палату для цветных, мимо рядов больничных кроватей к постели Генриетты. От 140 фунтов веса [63,7 кг] в Генриетте осталось лишь около 100 [45,5 кг]. Рядом с ней сидели Сэди и сестра Генриетты Глэдис с опухшими от слез и недосыпа глазами. Глэдис приехала из Кловера на автобусе Greyhound, как только узнала, что Генриетта в больнице. Они никогда не были близки, и окружающие до сих пор дразнили Глэдис, будто бы она слишком жалкая и некрасивая, чтобы быть сестрой Генриетты. Но Генриетта была членом семьи, и Глэдис сидела подле нее, прижав к коленям подушку.

Стоявшая в углу медсестра смотрела, как восемь здоровенных мужчин сгрудились вокруг постели. Генриетта попыталась пошевелить рукой, чтобы привстать, и Эмметт увидел на ее запястьях и лодыжках ремни, крепившиеся к каркасу кровати.

— Что вы здесь делаете? — простонала она.

— Мы пришли помочь тебе выздороветь, — ответил Эмметт, и мужчины дружно согласились с ним.

Генриетта не произнесла ни слова, лишь откинулась головой обратно на подушку.

Внезапно ее тело одеревенело. Генриетта закричала, в то время как медсестра подбежала к кровати и затянула ремни вокруг ее рук и ног, чтобы Генриетта не упала на пол, как это случалось уже много раз. Глэдис вставила лежавшую у нее на коленях подушку между зубами Генриетты, чтобы та не прикусила язык, извиваясь в конвульсиях от боли. Сэди плакала и держала Генриетту за волосы.

— Господи, — спустя годы говорил мне Эмметт, — Генриетта поднялась на этой кровати так, будто ею овладела дьявольская боль.

Медсестра выпроводила Эмметта с братьями из палаты в комнату, предназначенную для забора крови у цветных, где они сдали восемь пинт [3,76 л]. Отходя от кровати Генриетты, Эмметт повернулся и увидел, что приступ уже ослабел, и Глэдис убрала подушку из ее рта.

— Эти воспоминания я пронесу с собой до могилы, —

рассказывал он мне потом. — Когда подступали боли, казалось, это ее разум говорил: «Генриетта, тебе лучше уйти». Она была так больна, как я никогда не видел. Самая милая девушка, которую только можно повстречать, и красивая, как никто другой. Но эти клетки, дружище, эти ее клетки — это что-то иное. Неудивительно, что их никогда не могли убить… Страшная вещь этот рак.

Вскоре после того, как Эмметт и его друзья навестили Генриетту в больнице, в 4 часа пополудни 24 сентября 1951 года врачи вкололи Генриетте большую дозу морфина и написали в ее карте: «Отмена всех медикаментов и процедур, кроме обезболивающих». Спустя два дня Генриетта проснулась в страхе, ничего не понимала, спрашивала, где она находится и что с ней делают врачи. В какой-то момент она забыла собственное имя. Потом обернулась к Глэдис и сказала, что скоро умрет.

— Проследи, чтобы Дэй позаботился о детях, — попросила сестру Генриетта; слезы струились по ее лицу. — Особенно о малышке Деборе. Деборе было чуть больше года, когда Генриетта легла в больницу. Ей так хотелось держать дочь на руках, одевать ее в красивые одежды и заплетать косы, научить ее красить ногти, завивать волосы и обходиться с мужчинами.

Взглянув на Глэдис, Генриетта прошептала: «Постарайся, чтобы с детьми не случилось ничего плохого, когда меня не станет».

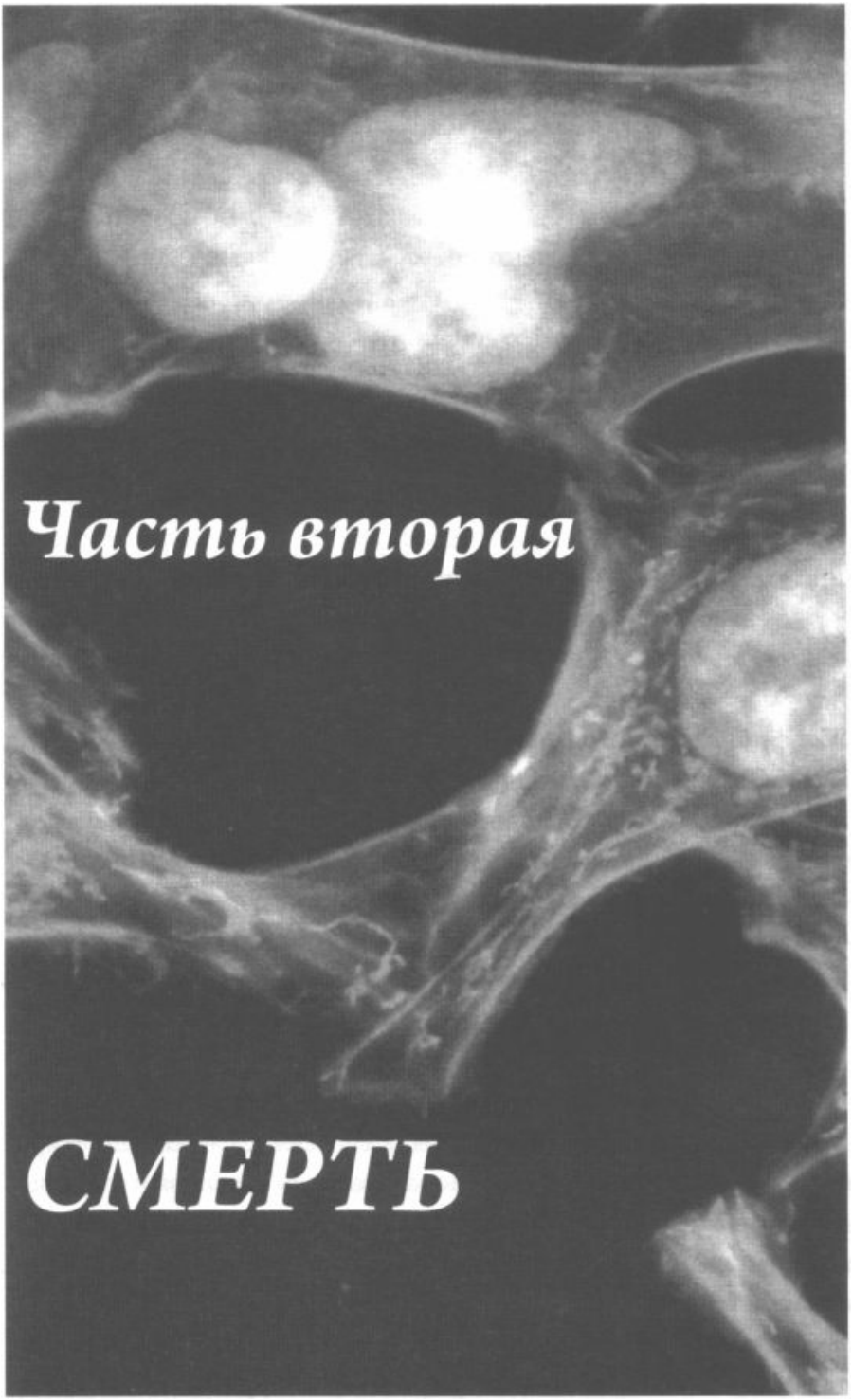
С этими словами она повернулась к Глэдис спиной и закрыла глаза.

Глэдис выскользнула из больницы и села обратно на Greyhound до Кловера. В тот же вечер она позвонила Дэю.

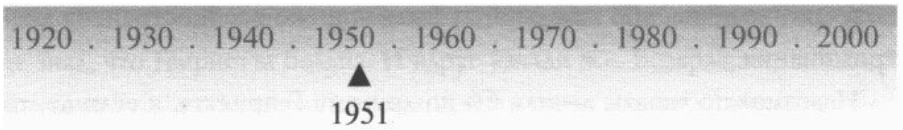
— Генриетта умрет сегодня ночью, — сообщила она ему. — Она просит тебя позаботиться о детях, я обещала передать тебе ее просьбу. Смотри, чтобы с ними ничего не случилось.

Генриетта умерла 4 октября 1951 года в 12 часов 15 минут.

Часть вторая
СМЕРТЬ


Часть вторая
СМЕРТЬ

12
Буря



Некролога о смерти Генриетты Лакс не было, однако весть о ее кончине быстро достигла лаборатории Гая. Пока тело Генриетты остывало в холодильнике для цветных, Гай спросил у ее лечащих врачей, будут ли они делать посмертное вскрытие. Культиваторы тканей по всему миру пытались создать «библиотеку» бессмертных клеток, подобных клеткам Генриетты, так что Гаю требовались образцы как можно большего числа органов ее тела, чтобы посмотреть, будут ли их клетки расти так же, как и HeLa. Но после ее смерти для получения подобных образцов требовалось разрешение мужа Генриетты.

И закон, и этические нормы позволяли врачам не спрашивать разрешения у живого пациента, прежде чем взять образец ткани. Однако вскрытие умершего или изъятие у него тканей без разрешения являлось незаконным.

Насколько помнит Дэй, кто-то из больницы Хопкинса позвонил ему, чтобы сообщить о смерти Генриетты, и спросил разрешение на вскрытие. Дэй ответил: «Нет». Спустя несколько часов, когда Дэй и его кузина отправились в больницу посмотреть на тело Генриетты и подписать кое-какие бумаги, врачи еще раз спросили насчет вскрытия. Они сказали, что хотели бы сделать некоторые анализы, которые могут когда-нибудь помочь его детям. Кузина убедила Дэя, что в этом нет ничего страшного, и в конце концов тот согласился и подписал разрешение на вскрытие.

Вскоре тело Генриетты уже лежало на столе из нержавеющей стали в похожем на пещеру подвале, где располагался морг. Мэри, лаборантка Гая, стояла в дверном проеме и часто дышала, чувствуя, что готова упасть в обморок. Ей никогда еще не приходилось видеть мертвое тело. И вот теперь она стоит со стопкой чашек Петри рядом с трупом и патологоанатомом доктором Уилбуром, который нагнулся над столом для вскрытия. Руки Генриетты были вытянуты так, будто она пыталась дотянуться до чего-то у себя над головой. Мэри подошла к столу, шепча про себя: «Ты же не хочешь показаться дурой и потерять сознание».

Она обошла руку Генриетты и встала рядом с Уилбуром, так что ее бедро оказалось под мышкой у Генриетты. Доктор

поздоровался, Мэри поприветствовала его в ответ. Затем оба замолчали. Дэй хотел, чтобы Генриетта пристойно выглядела на похоронах, поэтому дал разрешение только на частичное вскрытие — то есть чтобы не разрезали грудную клетку и не отделяли конечности или голову. Одну за другой Мэри открывала чашки Петри и протягивала их Уилбуру, который отрезал образцы тканей с тела Генриетты, — от мочевого пузыря, кишечника, матки, почки, влагалища, яичника, аппендикса, печени, сердца, легких. Положив каждый образец в чашку Петри, Уилбур поместил в контейнеры с формалином кусочки пораженной опухолью шейки матки, чтобы сохранить для использования в будущем.

Официальной причиной смерти Генриетты считалась терминальная стадия уремии: ее кровь отравляли токсины, которые накапливались и которые в норме должны были выводиться из организма с мочой. Опухоли полностью перекрыли мочеиспускательный канал, и врачи не могли ввести в мочевой пузырь катетер, чтобы опорожнять его. Опухоли размером с бейсбольный мяч почти что заместили почки, мочевой пузырь, яичники и матку. А другие органы были так густо покрыты мелкими белыми опухолями, что казалось, будто кто-то нашпиговал Генриетту жемчужинами.

Стоявшая рядом с Уилбуром Мэри ждала, пока он зашьет брюшную полость Генриетты. Ей хотелось выскочить из морга, но вместо этого она пристально разглядывала руки и ноги Генриетты, — что угодно, лишь бы не смотреть в ее безжизненные глаза. Внезапно ее взгляд упал на ступни, и Мэри оцепенела: ногти на ногах Генриетты были покрыты облезшим ярко-красным лаком.

«Я как увидела эти ногти, — рассказывала мне Мэри годы спустя, — так чуть в обморок не упала. *О боже, она же реальный человек.* Я представила, как она сидела в ванной и красила эти ногти, и впервые подумала, что те клетки, с которыми мы все это время работали и которые рассылали по всему миру, были взяты у живой женщины. Никогда раньше такие мысли не приходили мне в голову».

Через несколько дней тело Генриетты отправилось в долгий путь на поезде по извилистой дороге от Балтимора до Кловера. Она ехала в простом сосновом ящике, — ничего другого Дэй не мог себе позволить. Шел дождь, когда местный гробовщик встретил гроб с телом на станции в Кловере, погрузил его в кузов ржавого грузовика и покатил через центр города, мимо магазина скобяных изделий, где Генриетта, бывало, наблюдала, как

пожилые белые мужчины играли в шашки, в сторону Лакстауна, и развернулся прямо перед постройкой, где она танцевала всего лишь несколько месяцев назад. Когда гробовщик въехал в Лакстаун, кузены и кузины выходили на пороги своих домов, чтобы проводить Генриетту в последний путь: они стояли, уперев руки в бока или обняв детей, качали головами и шепотом взывали к Всевышнему.

Волоча ноги, вышел во двор Кути, глянул на дождь и воскликнул: «Боже милостивый, оставь бедную женщину в покое, слышишь? С нее и так достаточно!»

С соседнего крыльца ответили: «Аминь».

Четвертью мили ниже по дороге на сломанных деревянных ступеньках дома-пристройки сидели Глэдис и Сэди; на коленях у них лежало длинное розовое платье, а у ног стояла корзинка с косметикой, бигуди, красным лаком для ногтей и двумя мелкими монетками, которыми они должны были закрыть глаза Генриетты. Они молча смотрели, как гробовщик медленно продвигался по полю, отделявшему дорогу от их дома, как утопали в красной грязи колеса его грузовика.

Клифф и Фред стояли на кладбище за домом — комбинезоны у них промокли насквозь и отяжелели от дождя. Большую часть этого дня они вгрызались лопатами в каменистую кладбищенскую землю, копая могилу для Генриетты. Начали копать в одном месте, затем в другом, меняя его всякий раз, когда лопаты натыкались на гробы неизвестных родственников, похороненных в безымянных могилах. Наконец, рядом с могильной плитой матери Генриетты нашлось свободное место и для нее самой.

Заслышав шум приближающегося грузовика гробовщика, Фред и Клифф пошли к дому-пристройке помочь выгрузить гроб с телом. Гроб поставили в передней, и когда открыли сосновый ящик, Сэди расплакалась. Больше всего ее поразил не вид безжизненного тела Генриетты, а ногти на ее ногах: Генриетта скорее согласилась бы умереть, нежели позволила бы лаку столь ужасно облупиться.

«Боже, — воскликнула Сэди, — наверное, Хенни испытывала боль худшую, чем смерть».

Несколько дней тело Генриетты пролежало в передней дома-пристройки. Двери на противоположных концах дома открыли нараспашку, чтобы холодный влажный ветерок не давал телу испортиться. Члены семьи и соседи пробирались через поле воздать Генриетте дань уважения, и все эти дни, не переставая, шел дождь.

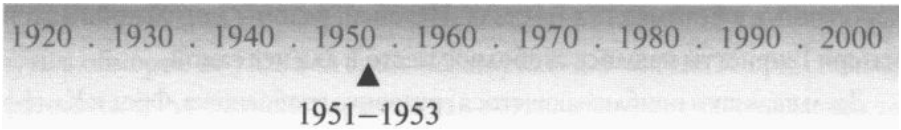
В то утро, когда хоронили Генриетту, Дэй шел по грязи вместе с Деборой, Джо, Сонни и Лоуренсом. Однако с ними не

было Эльси, — она по-прежнему находилась в Краунсвилле и даже не знала о смерти матери.

Кузены и кузины Генриетты мало что помнят о самой церемонии — кажется, кто-то сказал несколько слов и, может быть, спели одну-две песни. Однако все помнят, что случилось потом. Как только Клифф и Фред стали опускать гроб в могилу и засыпать ее пригоршнями земли, небо вдруг сделалось черным, как ром с патокой. Застучали частые, тяжелые капли дождя. Затем раздался долгий глухой раскат грома, закричали дети, порывы ветра были такими сильными, что сорвали металлическую крышу с сарая за кладбищем. Эта крыша пролетела над могилой Генриетты, а ее длинные металлические скаты хлопали на ветру, как крылья огромной серебряной птицы. От ветра загорелись табачные поля; он выворачивал с корнем деревья, рвал линии электропередачи на многие мили, ветер сорвал с места и поднял деревянную хижину одного из Лаксов. Тот вывалился из комнаты в огород, а хижина упала прямо на него, убив наповал.

Спустя годы кузен Генриетты Питер со смехом вспоминал этот день, качая лысой головой: «Хенни никогда, как мы говорим, не ходила вокруг да около. Нам бы следовало понять, что этой бурей она пыталась нам что-то сказать».

13
Фабрика клеток HeLa



Вскоре после смерти Генриетты стали создавать фабрику HeLa — масштабное предприятие, которое дало бы возможность еженедельно выращивать триллионы клеток HeLa. Фабрику построили по одной-единственной причине — чтобы остановить полиомиелит.

К концу 1951 года мир охватила крупнейшая в истории эпидемия полиомиелита. Закрывались школы, родители были в панике. Срочно требовалась вакцина. В феврале 1952 года Джонас Солк из Университета Питтсбурга объявил, что он разработал первую в мире вакцину против полиомиелита, но не может предлагать ее детям, пока не проверит всесторонне ее безопасность и эффективность. Для этого требовались культивируемые клетки в таких огромных промышленных объемах, в каких их никогда прежде не производили.

Национальный фонд детского паралича (NFIP) — благотворительная организация, созданная президентом Франклином Делано Рузвельтом, который сам был поражен параличом в результате полиомиелита — готовил крупнейшие в истории медицины полевые испытания вакцины от полиомиелита. Планировалось, что Солк сделает прививки двум миллионам детей, а NFIP возьмет у них кровь, чтобы проверить, появился ли иммунитет. Однако придется провести миллионы тестов нейтрализации, когда сыворотка крови привитых детей смешивается с живыми вирусами полиомиелита и культивируемыми клетками. Если вакцина сработала, то сыворотка крови привитых детей должна заблокировать вирус полиомиелита и защитить клетки. В противном случае вирус инфицирует клетки и вызовет повреждения, которые ученые смогут увидеть под микроскопом.

Сложность заключалась в том, что для тестов нейтрализации использовали клетки обезьян, которые в процессе этой реакции погибали. Это было проблемой — не потому, что заботились о животных (об этом тогда, в отличие от нашего времени речь не шла), но потому, что обезьяны стоили дорого. Миллионы реакций нейтрализации с клетками обезьян обошлись бы в миллионы долларов, поэтому NFIP стал лихорадочно искать такую клетку

для культивирования, которая была бы способна массово размножаться и которая стоила бы дешевле, нежели клетки обезьян.

NFIP обратился за помощью к Гаю и к некоторым другим специалистам по культивированию клеток, и Гай понял, что это поистине золотое дно. В результате благотворительности NFIP ежегодно получал в среднем 50 миллионов долларов пожертвований, и большую часть этой суммы его директор хотел передать клеточным культиваторам, чтобы те нашли способ массового производства клеток, о чем все мечтали уже многие годы.

Предложение поступило как нельзя вовремя: по счастливой случайности вскоре после звонка от NFIP с просьбой о помощи Гай понял, что клетки Генриетты растут не так, как любые человеческие клетки, которые он до сих пор встречал.

Большинство клеток в культуре растут в один слой в виде сгустка на поверхности стекла, а это означает, что быстро заканчивается свободное пространство. Увеличение числа клеток требует больших трудозатрат: ученым нужно вновь и вновь соскребать клетки из пробирки и распределять их по нескольким новым емкостям, чтобы дать клеткам новое пространство для роста. Как выяснилось, клетки HeLa очень неприхотливы: для роста им не требовалась стеклянная поверхность, они могли расти, плавая в культуральной среде, которую непрерывно помешивало «волшебное устройство» — важная технология, разработанная Гаем, сегодня ее именуют выращиванием в суспензии. Это означало, что клетки HeLa не были ограничены пространством, как все прочие; они могли делиться до тех пор, пока оставалась культуральная среда. Чем больше емкость с культуральной средой, тем больше вырастало клеток. Это открытие означало, что, если клетки HeLa чувствительны к вирусу полиомиелита (ибо некоторые клетки к нему нечувствительны), это решило бы проблему массового производства клеток и помогло бы избежать испытания вакцины на миллионах обезьяньих клеток.

И вот в апреле 1952 года Гай и его коллега из совещательного комитета NFIP Уильям Шерер — молодой научный сотрудник из Университета Миннесоты, недавно защитивший диссертацию — попытались инфицировать клетки Генриетты вирусом полиомиелита. Через несколько дней они обнаружили, что HeLa на самом деле более чувствительны к вирусу, нежели любые другие до сих пор культивированные клетки. И они поняли, что нашли именно то, что требовалось NFIP.

Они также понимали, что, прежде чем начать массовое

производство любых клеток, нужно найти новый способ их транспортировки. Отправка в багажном отсеке самолета, которой пользовался Гай, отлично подходила для того, чтобы переслать несколько пробирок коллегам, но была слишком дорогостоящей для больших объемов. Миллиарды выращенных клеток не принесут пользы, если эти клетки нельзя будет доставить в нужное место. И ученые начали экспериментировать.

В 1952 году, в День поминовения, Гай взял несколько пробирок с HeLa и с достаточным объемом питательной среды, так чтобы хватило на несколько дней для жизни клеток, и поместил их в жестяную емкость, выстланную пробкой и наполненную льдом во избежание перегрева. Снабдив все это подробными инструкциями по уходу, он послал Мэри на почту отправить посылку с пробирками Шереру в Миннесоту. В связи с праздником все почтовые отделения Балтимора были закрыты, кроме центрального офиса в деловой части города. Чтобы попасть туда, Мэри пришлось сменить несколько трамваев, но в конце концов она добралась. Равно как и клетки: спустя четыре дня посылка прибыла в Миннеаполис. Шерер поместил клетки в инкубатор и начал выращивать. Впервые живые клетки успешно перенесли отправку почтой.

В последующие месяцы, чтобы удостовериться, что клетки могут перенести длительное путешествие в любом климате, Гай и Шерер отправляли пробирки с HeLa самолетом, поездом и в грузовом автомобиле по всей стране — из Миннеаполиса в Норвич (штат Нью-Йорк) и обратно. Клетки погибли только в одной пробирке.

Когда в NFIP узнали, что HeLa чувствительны к вирусу полиомиелита и могут выращиваться в больших количествах при невысоких затратах, немедленно был заключен договор с Уильямом Шерером, и он стал контролировать развитие Центра распространения HeLa в Университете Таскиги — в одном из самых престижных в стране университетов для черных. NFIP выбрал для этого проекта Университет Таскиги из-за Чарльза Байнума, директора «Мероприятий для негров» (Negro Activities) этого фонда. Байнум — учитель-естественник и активист борьбы за гражданские права, первый в стране черный директор фонда — хотел разместить центр в Таскиги ради сотен тысяч долларов финансирования, множества рабочих мест и возможности обучения для молодых черных ученых.

Уже через несколько месяцев команда из шести черных ученых и лаборантов построила в Таскиги фабрику, невиданную ранее: вдоль стен выстроились промышленные стальные автоклавы для паровой стерилизации, рядами стояли огромные

чаны с механически перемешиваемой культуральной средой, инкубаторы, полные стеклянных бутылей для клеточных культур, и автоматические дозаторы клеток — высокие, с длинными тонкими металлическими ручками, впрыскивающими клетки HeLa в одну пробирку за другой. Каждую неделю команда в Таскиги готовила тысячи литров культуральной среды по рецепту Гая, смешивая соли, минералы и сыворотку крови, взятой у множества учащихся, солдат и фермеров-хлопкоробов, откликнувшихся на объявления в местной газете о сдаче крови за деньги.

Несколько лаборантов выполняли функции конвейера контроля качества и каждую неделю просматривали в микроскопы сотни тысяч культур клеток HeLa, чтобы убедиться в их жизнеспособности и здоровье. Другие строго по расписанию отправляли клетки исследователям по всей стране в 23 центра тестирования вакцины против полиомиелита.

В конце концов штат команды в Таскиги вырос до 35 ученых и лаборантов, которые производили еженедельно 20 тысяч пробирок с HeLa — около 6 триллионов клеток. Это была самая первая фабрика по производству клеток, и началась она с одной-единственной пробирки HeLa, которую Гай отправил Шереру в первой пробной посылке вскоре после смерти Генриетты.

С помощью этих клеток ученые смогли доказать эффективность вакцины Солка. Вскоре в *New York Times* появились фотографии склонившихся над микроскопами черных женщин, которые рассматривали клетки и держали в своих черных руках пробирки с HeLa. Заголовок гласил:

> ОТДЕЛЕНИЕ В ТАСКИГИ ПОМОГАЕТ БОРОТЬСЯ С ПОЛИОМИЕЛИТОМ
>
> Коллектив ученых-негров играет ключевую роль в разработке вакцины доктора Солка
>
> КЛЕТКИ HELA РАСТУТ

Черные ученые и лаборанты, многие из них были женщинами, использовали клетки черной женщины во имя спасения жизней миллионов американцев — большинство из которых были белыми. И происходило это в том самом университете и в то же самое время, когда государственные официальные лица проводили исследование сифилиса, получившее позорную известность.

Поначалу центр в Таскиги поставлял клетки HeLa только в лаборатории, которые испытывали вакцины от полиомиелита. Однако, когда стало ясно, что клеток HeLa хватит на всех, их

стали отправлять всем ученым, готовым их приобрести за десять долларов плюс стоимость доставки авиапочтой. Если ученые хотели выяснить, как будут вести себя клетки в той или иной среде, как они отреагируют на определенный химический препарат или как они строят определенный белок, то обращались к клеткам HeLa. Хотя они и были раковыми, у них были все основополагающие характеристики нормальных клеток: они строили белок и сообщались между собой, подобно нормальным клеткам, делились и продуцировали энергию, переправляли генетический материал и регулировали этот процесс, были чувствительны к инфекциям, что делало их оптимальным инструментом для синтеза и изучения всего, что только можно, — в том числе бактерий, гормонов, белков и особенно вирусов.

Вирусы размножаются путем «впрыскивания» в живую клетку частиц своего генетического материала. Клетка радикальным образом меняет свою программу и начинает воспроизводить вирус вместо самой себя. Когда дело дошло до выращивания вирусов, то — как и во многих других случаях — злокачественная природа HeLa лишь делала их более полезными. Клетки HeLa росли намного быстрее нормальных и поэтому быстрее приносили результаты. Клетки HeLa были «рабочей лошадкой» — выносливой, недорогой и вездесущей.

Время было самое подходящее. В начале 1950-х годов ученые только начинали понимать природу вирусов, и когда клетки Генриетты появились в лабораториях по всей стране, исследователи принялись заражать их всевозможными вирусами — герпесом, корью, свинкой, ветрянкой, лошадиным энцефалитом, — чтобы изучить, каким образом вирус проникает в клетки, размножается в них и распространяется.

Клетки Генриетты помогли заложить основы вирусологии, однако это было только началом. В первые годы после смерти Генриетты, получив первые пробирки с ее клетками, исследователи по всему миру смогли сделать несколько важных научных открытий. Во-первых, группа ученых использовала HeLa для разработки методов заморозки клеток без их повреждения или изменения. Благодаря этим методам клетки стали пересылать по всему миру отработанным и стандартизированным способом, который использовался для транспортировки замороженных пищевых продуктов и замороженной спермы для разведения скота. Это также означало, что ученые могут сохранять клетки и в промежутках между экспериментами, не беспокоясь об их питании и стерильности. Однако больше всего ученых порадовал тот факт, что заморозка позволяла «зафиксировать» клетки в их самых разных состояниях.

Клетка замораживалась подобно нажатию кнопки «пауза»: деление, метаболизм и все прочие процессы останавливались и возобновлялись после разморозки, как если бы просто нажали кнопку «пуск». Теперь ученые могли приостанавливать развитие клеток с любой периодичностью на протяжении эксперимента, чтобы сравнить реакцию тех или иных клеток на лекарственный препарат через одну, две или шесть недель. Они могли наблюдать состояние одних и тех же клеток в разные периоды развития: ученые надеялись увидеть, в какой именно момент нормальная клетка, растущая в культуре, становится злокачественной — феномен, названный *спонтанной трансформацией.*

Заморозка стала первой в списке поразительных усовершенствований, которые появились в сфере культивирования тканей благодаря HeLa. Еще одним прорывом можно считать стандартизацию процесса культивирования клеток — область, в которой до той поры наблюдалась сплошная неразбериха. Гай с коллегами жаловались, что тратят чересчур много времени на приготовление питательной среды и на то, чтобы клетки оставались живыми. Однако более всего их беспокоило, что, поскольку все пользовались разными ингредиентами при составлении питательной среды, разными рецептами, разными клетками и разными техниками и мало кто знал о методах коллег, было сложно или практически невозможно повторить проведенный кем-либо эксперимент. А повторение — необходимая часть науки: открытие не считается действительным, если другие не могут повторить и получить те же результаты. Гай и другие ученые опасались, что без стандартизации методов и материалов может наступить застой в области культивирования тканей.

Гай и несколько его коллег уже организовали комитет по разработке процедур в целях «упрощения и стандартизации техники культивирования тканей». Они также убедили две недавно возникшие компании, поставляющие биопрепараты, — Microbiological Associates и Difco Laboratories — начать производство и продажу ингредиентов для культуральной среды, для чего обучили их необходимым техникам. Эти компании еще только приступили к продаже этих ингредиентов, и поэтому культиваторам клеток, как и прежде, приходилось готовить среду самостоятельно, используя совершенно разные рецепты.

Стандартизация в этой области была невозможна до тех пор, пока не случилось несколько событий: во-первых, в Университете Таскиги было начато массовое производство HeLa: во-вторых, исследователь Гарри Игл из Национального института здравоохранения (National Institutes of Health, NIH) использовал

HeLa для разработки первой стандартизированной культуральной среды, которую можно было бы производить галлонами и поставлять готовой к использованию; а в-третьих, с помощью HeLa Гай и некоторые другие ученые выяснили, какая стеклянная посуда и какие пробки для пробирок наименее токсичны для клеток.

Лишь теперь ученые во всем мире впервые смогли работать с одними и теми же клетками, растущими в одной и той же культуральной среде, используя одно и то же оборудование, которое все они могли купить и доставить в свои лаборатории. А вскоре они смогут даже пользоваться первыми клонами человеческих клеток, к чему стремились многие годы.

Сегодня при слове «клон» нам представляются ученые, создающие живых животных целиком — как известную всем овечку Долли — используя ДНК единственного родителя. Однако, прежде чем начать клонировать целый животный организм, ученые клонировали отдельные клетки — клетки Генриетты.

Чтобы понять важность клонирования клеток, нужно знать две вещи: во-первых, что культура HeLa выросла не из *единственной* клетки Генриетты, а из среза ее опухоли, который представлял собой скопление клеток. Во-вторых, даже клетки из одного и того же образца зачастую ведут себя по-разному. Это значит, что некоторые из них растут быстрее других, некоторые быстрее воспроизводят вирус полиомиелита, тогда как другие обладают большей сопротивляемостью к определенным антибиотикам. Ученые хотели вырастить клоны клеток — линии клеток, произошедшие от одной-единственной клетки — и использовать их уникальные особенности. С HeLa группа ученых из Колорадо добилась успеха вскоре ученый мир пользовался не только HeLa, но и сотнями, а затем и тысячами их клонов.

Первые технологии клонирования и выращивания клеток, разработанные благодаря HeLa, привели науку к значительным успехам, включая выделение стволовых клеток, клонирование целых животных и экстракорпоральное (in vitro) оплодотворение. Тем временем клетки HeLa, будучи в большинстве лабораторий стандартными человеческими клетками, использовались для исследований, благодаря которым, возможно, появилась и новая область генетики человека.

Долгое время ученые считали, что человеческие клетки содержат сорок восемь хромосом — нитей ДНК внутри клеток, в которых собрана вся наша генетическая информация. Однако хромосомы слипались вместе, и точно сосчитать их не удавалось. В 1953 году один генетик из Техаса по ошибке смешал не ту жидкость с HeLa и некоторыми другими клетками. Эта

случайность оказалась счастливой. Хромосомы в клетках набухли и отделились друг от друга, и ученые впервые смогли подробно рассмотреть каждую из них. Это случайное открытие стало первым в череде открытий, позволивших двум исследователям из Испании и Швеции обнаружить, что нормальная человеческая клетка содержит сорок шесть хромосом.

Теперь, зная, сколько хромосом *должен* иметь человек, ученые могли сказать, что у кого-то их больше или меньше, и с помощью этой информации диагностировать генетические заболевания. Довольно скоро исследователи во всем мире начали выявлять хромосомные нарушения. Так, было выяснено, что у больных с синдромом Дауна была дополнительная хромосома в двадцать первой паре, страдавшие синдромом Клайнфельтера имели лишнюю половую х-хромосому, а у пациентов с синдромом Шерешевского — Тернера эта хромосома отсутствовала или была дефектной.

С появлением всех этих новых разработок спрос на клетки HeLa вырос, и центр в Таскиги уже был не в состоянии его удовлетворить. Владелец Microbiological Associates — военный по имени Сэмюел Ридер — в науке не разбирался, однако его деловой партнер Монро Винсент сам был исследователем и понимал, насколько велик потенциальный рынок клеток. Клетки требовались множеству ученых, и мало кто из них имел время или возможность самостоятельно выращивать их в достаточных количествах. Исследователи хотели просто покупать клетки, и поэтому Ридер и Винсент решили использовать HeLa в качестве «трамплина» для запуска первого промышленного коммерческого центра по поставке клеток.

Все началось с фабрики клеток — как ее называл Ридер. В городе Бетезда, штат Мэриленд, посреди просторного склада, бывшего некогда фабрикой по производству чипсов Fritos, он соорудил огороженное стеклом помещение и установил движущийся ленточный конвейер с сотнями встроенных штативов для пробирок. За пределами стеклянной комнаты все было организовано почти как в Таскиги — огромные чаны с культуральной средой, только еще больших размеров. Когда клетки были готовы к отгрузке, раздавался громкий звонок и все рабочие фабрики, включая служащих отдела почтовых отправлений, прерывали текущие дела, как следует мылись в стерилизационной, надевали халат и шапочку и выстраивались у ленты конвейера. Одни наполняли пробирки, другие закрывали их резиновыми пробками, запечатывали или помещали их в переносной инкубатор, где те хранились до момента упаковки к отправке.

Крупнейшими клиентами Microbiological Associates стали лаборатории вроде Национального института здравоохранения, они постоянно заказывали миллионы клеток HeLa по установленному графику. Однако ученые из любой точки мира могли сделать заказ, заплатить менее чем пятьдесят долларов, и Microbiological Associates тотчас высылала им пробирки с клетками HeLa. Ридер заключил договор с несколькими крупными авиакомпаниями, и поэтому, откуда бы ни поступил заказ, курьер отправлял клетки ближайшим рейсом, в аэропорту их забирали и доставляли в лаборатории на такси. Так шаг за шагом зарождалась многомиллиардная отрасль по продаже человеческих биоматериалов.

Ридер нанял лучших специалистов по выращиванию клеток, чтобы те рассказали ему о самом важном в этом процессе и показали, как их надо готовить. Одним из ученых, консультировавших Ридера, был Леонард Хейфлик — возможно, самый известный из первых культиваторов клеток, который по сей день работает в этой области. Когда я беседовала с ним, он сказал: «Microbiological Associates и Сэм Ридер совершили настоящую революцию в этой области, и я не единственный, кто с легкостью называет это *революцией*».

По мере роста бизнеса Ридера спрос на клетки центра в Таскиги неуклонно падал. NFIP закрыла свой центр по выращиванию HeLa, ибо компании вроде Microbiological Associates теперь снабжали ученых необходимым количеством клеток. Вскоре HeLa перестали быть единственными клетками, которые продавали и покупали в исследовательских целях. Благодаря стандартизации средств и оборудования культивировать клетки стало проще, и исследователи принялись выращивать всевозможные клетки. Однако ни одна из них не выращивалась в таких количествах, как HeLa.

В период эскалации «холодной войны» некоторые ученые подвергали клетки HeLa воздействию больших доз облучения, чтобы узнать, как именно ядерные бомбы разрушают клетки, и найти способы исправить эти повреждения. Другие помещали HeLa в специальные центрифуги, которые вращались с такой скоростью, что в них создавалась сила тяжести в 100 тысяч раз больше земной гравитации, чтобы посмотреть, как поведут себя человеческие клетки в экстремальных условиях глубоководного погружения или полета в космос.

Казалось, что возможности безграничны. В один прекрасный день директор по просвещению в области здравоохранения Христианской ассоциации молодых женщин услышала о выращивании клеток и написала группе исследователей письмо, в

котором выразила надежду, что их исследования помогут пожилым женщинам ассоциации. «Они жалуются, что кожа лица и шеи неизбежно говорит о возрасте и выплаканных слезах, — писала она. — Я решила, что если вы знаете, как сохранить живую ткань, то, наверное, существует также и способ перенести резервный запас на область шеи и лица».

Клетки Генриетты не могли вернуть молодость женским шеям, однако косметические и фармацевтические компании Европы и США начали использовать их вместо лабораторных животных для испытания новой продукции и лекарств, вызывавших разрушение или повреждение клеток. Ученые резали клетки HeLa пополам, и доказали, что клетки способны жить после удаления ядра, они использовали их для разработки методов впрыскивания веществ в клетку, не убивая ее. HeLa использовали, чтобы понять, как влияют стероиды, лекарственная химиотерапия, гормоны, витамины и экологический стресс; их заражали туберкулезом, сальмонеллами и бактериями, вызывающими вагинит.

В 1953 году по просьбе правительства США Гай взял клетки Генриетты с собой на Дальний Восток для изучения геморрагической лихорадки, убивавшей американских солдат. Он впрыскивал HeLa крысам и смотрел, заболеют ли они раком. Однако по большей части он пытался перейти от HeLa к выращиванию нормальных и раковых клеток одного пациента, чтобы сравнить их между собой. Ему не удавалось избежать, как казалось, бесконечных вопросов о HeLa и культивировании клеток от других ученых. Каждую неделю в его лабораторию неоднократно наведывались ученые с просьбами обучить их технике, и ему часто приходилось разъезжать по всему свету, помогая наладить работу по размножению клеток.

Многие из коллег Гая настаивали, чтобы он опубликовал данные исследований и получил заслуженное признание, однако он всегда отговаривался занятостью. Он работал дома все ночи напролет. Он опаздывал со сроком подготовки документов для гранта, зачастую месяцами тянул с ответами на письма, а однажды три месяца платил зарплату умершему сотруднику, прежде чем кто-то заметил это. Мэри и Маргарет ворчали целый год, чтобы Джордж хоть что-нибудь опубликовал о выращивании HeLa; в конце концов он написал коротенький абзац для конференции. После этого Маргарет сама писала о его работе вместо него и хлопотала о публикации.

К середине 1950-х годов уже многие ученые стали работать с культурами клеток, и Гай устал. Он писал друзьям и коллегам: «Кто-нибудь должен придумать, как обозвать то, что сейчас

происходит, скажем: „Мир сошел с ума с этим выращиванием тканей и его возможностями“. Надеюсь, что хотя бы какая-то часть этой болтовни про культивирование тканей имеет под собой основание и принесла людям пользу… а больше всего мне хочется, чтобы эта шумиха немного улеглась…»

Гая раздражала шумиха вокруг HeLa. В конце концов, были и другие клетки, в том числе и те, которые он сам вырастил: A.Fi и D-1 Re, названные по имени пациентов, у которых был взят исходный образец. Гай все время предлагал их ученым, однако эти клетки было сложнее выращивать и потому они никогда не пользовались такой популярностью, как клетки Генриетты. Гай больше не распространял HeLa, так как эту задачу взяли на себя компании, однако ему не нравилось, что культивация HeLa полностью вышла из-под его контроля.

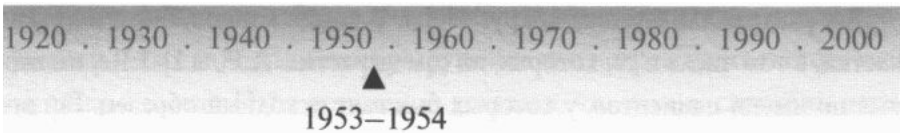
С тех пор как была пущена производственная фабрика в Таскиги, Гай рассылал письма ученым, пытаясь ограничить сферы использования клеток HeLa. Он как-то пожаловался в письме своему старому другу Чарлзу Поумрэту, что все кругом, в том числе и сотрудники лаборатории Поумрэта, использовали HeLa для исследований, провести которые Гай «был более способен», а некоторые уже и провел, но еще не опубликовал результаты. Поумрэт написал в ответ:

> Что касается твоего… неодобрения широкого изучения штамма HeLa, не понимаю, как ты можешь надеяться замедлить развитие событий, ибо ты сам распространил этот штамм настолько широко, что теперь его можно приобрести за деньги. Это почти то же самое, что просить людей не проводить эксперименты на золотистых хомячках!.. Я понимаю, что лишь благодаря твоему добросердечию клетки HeLa стали общедоступными. Поэтому, почему, собственно, теперь ты считаешь, что каждый хочет урвать себе кусок?

Поумрэт полагал, что Гай должен был закончить свое собственное исследование HeLa, прежде чем «выпускать [HeLa] в широкую публику, ибо после этого культура становится всеобщей научной собственностью».

Однако Гай этого не сделал. Как только клетки HeLa превратились во «всеобщую научную собственность», люди начали интересоваться, кто же был их донором.

14
Хелен Лэйн



Имя Генриетты знали столь многие, что неизбежно кто-то из них должен был проговориться. Гай назвал его Уильяму Шереру и его консультанту в Миннеаполисе Джерому Сайвертону, а также сотрудникам NFIP, которые, возможно, сообщили его членам команды в Таскиги. В лаборатории Гая ее имя знал каждый, равно как и Говард Джонс, Ричард Телинд и другие врачи больницы Хопкинса, занимавшиеся Генриеттой.

Поэтому нет ничего удивительного, что 2 ноября 1953 года в газете *Minneapolis Star* было впервые опубликовано имя женщины, от которой произошли клетки HeLa. Однако репортер неправильно указал ее имя — в публикации сообщалось, что HeLa были получены «от женщины из Балтимора по имени Генриетта Лейкс (Lakes)».

Никто не знает, как журналистам газеты стало известно имя Генриетты, оно было почти правильным. Вскоре после выхода статьи Гай получил письмо от Джерома Сайвертона, где тот писал: «Уверяю тебя, что ни я, ни Билл не сообщали *Minneapolis Star* имя пациентки. Как тебе известно, мы с Биллом сходимся во мнении, что культуру клеток следует называть HeLa и что имя пациентки употреблять не следует».

Тем не менее имя всплыло. Через два дня после публикации статьи Роланд Г. Берг, пресс-атташе NFIP, отправил Гаю письмо, в котором сообщал о своем намерении написать для одного популярного журнала более подробную статью о клетках HeLa. Берг писал, что он был «заинтригован научным и человеческим интересом к этой истории» и хотел бы побольше узнать о ней.

Гай ответил: «Я обсудил этот вопрос с Телиндом, и он согласился предоставить материал для статьи в популярном журнале. Однако имя пациента должно быть сокрыто».

Однако Берг настаивал:

> Возможно, мне стоит подробнее рассказать вам о своих замыслах, особенно в виду вашего утверждения о необходимости сохранения в тайне имени пациента… [Публике] нужна не просто информация; людей необходимо заинтересовать… вы не сможете привлечь

интерес общественности, пока в вашем рассказе не будет основополагающих, с точки зрения человеческих интересов, элементов. История же клеток HeLa, исходя из того немногого, что я знаю о ней сейчас, содержит все эти элементы…

Значительная часть статьи будет посвящена тому, как выращиваются и используются на благо рода человеческого клетки, взятые когда-то у Генриетты Лейкс… в такой истории, как эта, имя человека очень важно. На самом деле, если уж говорить начистоту, в мои планы входит взять интервью у родственников миссис Лейкс. Я не собираюсь публиковать эту историю без полного сотрудничества и одобрения со стороны семьи миссис Лейке. Кстати, возможно, вы не в курсе, но о личности пациентки уже шла речь в публикациях, ибо в газетных репортажах она полностью установлена. К примеру, я могу сослаться на статью в *Minneapolis Star* от 2 ноября 1953 года.

Я вполне симпатизирую причинам, которые заставляют вас скрывать имя пациентки и таким образом предупредить возможное вмешательство в частную жизнь. Однако уверяю вас, что в задуманной мной статье будут полностью защищены права всех конкретных лиц.

Берг не пояснил, каким образом сообщение публике имени Генриетты защитит частную жизнь или права ее родных. Фактически с этого момента Генриетта и ее семья оказались навсегда связаны с этими клетками и с медицинской информацией, полученной в дальнейшем из ДНК этих клеток. Если имя обнародовать, то это никак не убережет от вмешательства частную жизнь Лаксов, и их дальнейшая жизнь, безусловно, станет другой. Они узнают, что клетки Генриетты живы и что их взяли, покупали, продавали и использовали для исследований без ее или их согласия.

Гай переслал это письмо Телинду и другим врачам больницы Хопкинса, включая ответственного за связи с общественностью, и спросил, что, по их мнению, следует ответить.

«Не вижу причин не сделать интересную историю, не употребляя ее имени, — ответил Телинд. — А поскольку таких причин нет, то нет и смысла разглашать имя, рискуя создать проблемы».

Телинд не объяснил, о каких именно проблемах в связи с разглашением имени Генриетты он беспокоился. Конфиденциальность информации о пациентах стала

стандартной практикой, однако не была закреплена законодательно, и проблем в связи с этим не должно было возникнуть. Фактически же Телинд написал: «Если ты серьезно не согласен со мной по этому вопросу, я буду рад побеседовать лично».

Гай отправил Бергу ответ: «Интересную историю можно создать и с выдуманным именем». Тем не менее он не был категорически против раскрытия имени Генриетты. «Но у вас есть шанс. Я вполне понимаю, насколько важны основополагающие человеческие интересы в подобных историях, и потому предлагаю вам лично побеседовать со мной и доктором Телиндом».

Гай так и не сказал Бергу, что в статье в *Minneapolis Star* имя Генриетты было названо неверно, а Берг так никогда и не написал свою статью. Однако пресса не унималась. Спустя несколько месяцев с Гаем связался журналист из *Collier's* по имени Билл Дэвидсон, который хотел написать что-то похожее на задумку Берга. На этот раз Гай держался тверже, ибо Дэвидсон, в отличие от Берга, не являлся для Гая представителем одного из крупных источников финансирования. Он согласился на интервью при двух условиях: во-первых, он получит возможность прочесть и одобрить окончательный вариант статьи, а во-вторых, в журнале не будет фигурировать история жизни или полное имя пациента, у которого были взяты клетки.

И журналист отказался. Как и Берг, он утверждал, что «человеческая история, скрывающаяся за этими клетками, вызовет огромный интерес у публики». Тем не менее Гай стоял на своем: если Дэвидсон хочет получить интервью у него или у любого из его коллег, *Collier's* придется публиковать статью без имени пациента.

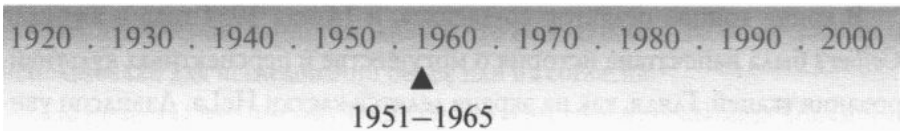
В конце концов редактор согласился, и 14 мая 1954 года в журнале *Collier's* была напечатана история о могуществе и перспективах культивирования тканей. Глядя, как на экране делятся клетки HeLa, Дэвидсон увидел «проблеск бессмертия». По его словам, благодаря культуре клеток мир стоит на пороге счастливой новой эры, когда рак, психические расстройства и фактически почти все болезни, до тех пор считавшиеся неизлечимыми, перестанут терзать людей. И большая часть этих достижений появилась благодаря клеткам одной женщины — «безвестной героини медицины». В статье она упоминалась как Хелен Л., «молодая женщина лет тридцати, у которой при поступлении в больницу Джона Хопкинса была неоперабельная форма рака шейки матки». Также говорилось, что Гай выращивал клетки Хелен Л. из образца ткани, взятого *после* ее смерти, а не при жизни.

Неизвестно, откуда взялись эти два ошибочных заявления, однако можно с большой долей уверенности предположить, что они родились в стенах больницы Хопкинса. В соответствии с договоренностью редактор *Collier's* отправил Гаю статью до ее публикации в журнале и через неделю получил исправленный вариант от Джозефа Келли, главы отдела по связям с общественностью больницы Хопкинса. По-видимому, Келли переписал статью с помощью Гая, поправив в ней несколько ошибок научного характера. Однако обе неточности — время, когда были выращены первые клетки, и имя Хелен Л. — не исправил.

Спустя десятилетия репортер из журнала *Rolling Stone* спросил Маргарет Гай, откуда взялось имя Хелен Лэйн, на что та ответила: «Ой, не знаю. Это издатели в Миннеаполисе ошиблись. В этой статье вообще не должно было фигурировать имя. Просто кто-то перепутал».

Один из коллег Гая рассказал мне, что это Гай придумал, чтобы журналисты в своих поисках реальной личности Генриетты пошли по ложному пути. Если это так, то его замысел сработал. С тех пор как в 1970-х годах вышла статья в *Collier's,* женщина, от которой были получены клетки HeLa, была чаще всего известна под именем Хелен Лэйн, иногда как Хелен Ларсон, однако ни разу ее не назвали Генриеттой Лакс. Поэтому ее семья и не подозревала о том, что клетки Генриетты живы.

15
«Слишком мала, чтобы ее помнить»



После похорон Генриетты из Кловера и со всей Станции Тернер приезжали и приходили кузены и кузины, чтобы готовить еду и заботиться о ее детях. Они являлись дюжинами, приводя с собой детей и внуков, племянников и племянниц. И кто-то из них — неизвестно, кто именно — принес туберкулез. Спустя несколько недель после смерти Генриетты у Сонни, Деборы и малыша Джо (им было от года до четырех лет от роду) тест на туберкулез оказался положительным.

Врач дал Деборе большие, похожие на пули таблетки от туберкулеза и отправил ее домой, однако с маленьким Джо было не так все просто. Ему только исполнился год, и туберкулез чуть было не убил его. Большую часть второго года жизни Джо провел в больнице, кашляя кровью в изолированной палате. После больницы он месяцами жил то у одного, то у другого родственника.

Дэй работал на двух работах, и поэтому Лоуренс бросил школу и ухаживал за братьями и Деборой. Но он так хотел покинуть дом и попытать счастья в бильярдных клубах! В свои шестнадцать он был слишком юн для этого. Тогда он солгал, заявив, что ему уже исполнилось восемнадцать, и получил карточку избирателя. Уличить его во лжи было некому, ведь Лоуренс родился на полу дома-пристройки, у него не было ни свидетельства о рождении, ни карточки социального страхования. Однако его план потерпел крах. Как раз в это время из-за войны в Корее Конгресс снизил минимальный призывной возраст до восемнадцати с половиной лет, и шестнадцатилетнего Лоуренса призвали в армию. Его отправили в Виргинию, где он и прослужил два года в медицинском подразделении в форте Бельвуар. С отъездом Лоуренса растить детей Лаксов должен был кто-то другой.

Никто не говорил Сонни, Деборе и Джо о том, что случилось с их матерью, а сами они боялись спрашивать. И раньше в доме существовало правило: «Делай, что велят взрослые, иначе не поздоровится». Дети должны были молча сидеть, сложив руки на коленях, и не произносить ни слова до тех пор, пока их не спросят. Малыши знали лишь, что мама сначала была дома, а

потом ушла и больше не вернется, а вместо нее появилась Этель.

Этель была той женщиной, от которой Сэди и Генриетта однажды прятались на танцах; это она, по клятвенным заверениям Сэди и Маргарет, ревновала к Генриетте. Они называли ее «та ненавистная баба», и когда она и ее муж Гален переехали в дом Генриетты со словами, что будут помогать с детьми, Сэди и Маргарет решили, что Этель пытается окрутить Дэя. В скором времени пошли слухи, будто Этель спит с Дэем вместо Галена. Многие родственники до сих пор считают, что Этель переехала в этот дом и стала жить с Дэем из ненависти к Генриетте, чтобы мучить ее детей.

Дети Генриетты голодали. Каждое утро Этель выдавала им по холодному сухому печенью, которым приходилось довольствоваться до обеда. Она установила защелки и засовы на холодильник и дверцы шкафов, чтобы дети не лазали туда в перерывах между едой. Им не разрешали класть лед в стакан с водой, потому что он громко стучал о стенки стакана. Если дети вели себя хорошо, Этель иногда давала им кусочек колбасы или холодную сосиску, или могла полить печенье растопленным жиром от своего бекона, или дать на десерт воду с сахаром и уксусом. Однако она редко считала их поведение достаточно хорошим.

В 1953 году Лоуренс вернулся со службы. Он и понятия не имел о том, как обращается Этель с его братьями и Деборой. Когда дети подросли, Этель стала будить их с рассветом, она заставляла их убираться в доме, готовить еду, ходить за покупками и стирать. Летом она забирала их в Кловер и отправляла в поле собирать вручную гусениц с табачных листьев. Табачный сок оставлял несмываемые пятна на руках и вызывал тошноту, если попадал в рот. Но они привыкли. Маленьким Лаксам приходилось работать с рассвета до заката. Им не разрешалось делать перерывы, они не получали ни еды, ни воды до самых сумерек, даже если летнее солнце нещадно палило. Иногда Этель наблюдала за ними с кушетки или из окна, и если кто-то из детей прекращал работу прежде, чем она им скажет, то бывал избит до крови. Как-то она так сильно избила Сонни шнуром от удлинителя, что он очутился в больнице. Однако больше всего от злобы Этель доставалось Джо.

Иногда она била его просто так, когда он лежал в кровати или сидел за обеденным столом. Била руками или тем, что попалось под руку: туфлями, стульями, палками. Она заставляла его стоять на одной ноге в углу темного подвала, прижавшись носом к стене, так, что в глаза Джо набивалась грязь. И если, когда Этель заглядывала в подвал, одна нога Джо не висела в

воздухе, она хлестала его ремнем по спине. Порой она связывала его веревкой и оставляла лежать в подвале часами, а порой и на всю ночь. Если он плакал, она лупила его еще сильнее. Сонни и Дебора ничем не могли помочь брату. Скажи они хоть слово, и Этель стала бы бить их еще больше. Однако со временем побои перестали действовать на Джо: вместо боли он ощущал лишь ярость.

Неоднократно в дом заглядывали полицейские и советовали Дэю или Этель стащить Джо с крыши дома, где он лежал на животе и стрелял в прохожих из своего пневматического ружья. На вопрос полицейских, что он делает там наверху, Джо отвечал, что тренируется, чтобы стать снайпером, когда вырастет. Они думали, что он шутит.

Джо вырос таким скверным и злобным ребенком, каких Лаксы еще не знали, и все в семье поговаривали, что, видимо, у него что-то повредилось в голове, когда уже больная раком Генриетта носила его в своем чреве.

В 1959 году Лоуренс переехал в новый дом вместе со своей подругой Бобеттой Купер. Пятью годами раньше она увидела Лоуренса, который шел по улице в военной форме, и мгновенно влюбилась. Бабушка предупреждала ее: «Не путайся с этим парнем, у него зеленые глаза, зеленый армейский мундир и зеленая машина. Ему нельзя доверять». Однако Бобетта не послушалась. Лоуренс и Бобетта стали жить вместе, когда ей исполнилось двадцать, а ему двадцать четыре, и в тот же год у них родился первый ребенок. Узнав, что Этель избивала Дебору и ее братьев, Бобетта настояла, чтобы вся семья переехала к ней и Лоуренсу. Она воспитывала Сонни, Дебору и Джо, как если бы они были ее собственными детьми.

Деборе исполнилось десять лет. С отъездом от Этель прекратились издевательства над ее братьями, но не над Деборой. Самой большой проблемой Деборы был муж Этель Гален, который находил девочку везде, куда бы она ни пошла.

Она пыталась рассказать Дэю, что Гален трогает ее неподобающим образом, однако Дэй никогда ей не верил. А Этель попросту обзывала Дебору непонятными девочке словами «сука» и «шлюха». Когда Дэй вел машину, рядом с ним на переднем сиденье сидела Этель, и все пили, кроме Деборы. Она же сидела сзади, вжавшись в дверцу, стараясь как можно дальше отодвинуться от Галена. Но тот лишь придвигался поближе. Впереди Дэй, одной рукой он держался за руль, а второй обнимал Этель, в то время как сзади Гален хватал Дебору, совал руки под блузку, в штаны и между ног. Когда это случилось впервые, Дебора поклялась никогда больше не надевать джинсы на

кнопках вместо молнии. Однако ни молнии, ни тугие ремни не могли остановить Галена. Деборе ничего не оставалось, как пялиться в окно, молясь, чтобы Дэй вел машину быстрее, пока она раз за разом отталкивала руки Галена.

В один из дней он позвал Дебору со словами: «Дейл, иди сюда возьми деньги, Этель хочет, чтобы ты принесла ей содовой».

Войдя в дом Галена, Дебора увидела, что он лежит на кровати голый. Никогда прежде она не видела мужской пенис и не знала, почему он так напряжен и почему Гален потирает его. Она лишь чувствовала, что происходит что-то неправильное.

«Этель хочет упаковку содовой из шести банок, — сказал Гален Деборе, хлопая рукой по матрасу рядом с собой. — Деньги вот здесь».

Дебора, стараясь не глядеть на него, схватила деньги с кровати и рванула со всех ног. Она понеслась вниз по лестнице, уворачиваясь от попыток Галена схватить ее. Он бежал за ней голый и вопил: «Вернись, я еще не закончил с тобой, Дейл! Маленькая шлюха! Ну, погоди, я скажу твоему отцу!» Дебора убежала, что еще больше взбесило Галена.

Несмотря на побои и приставания, Гален был Деборе ближе, чем родной отец. Когда Гален не бил ее, то оказывал внимание и дарил подарки: покупал красивую одежду и водил угощать мороженым. В такие минуты Дебора делала вид, что он ее отец, а себя чувствовала нормальной маленькой девочкой. Однако после того как он гонялся за ней голый, все это обесценилось в ее глазах. В конце концов она сказала Галену, что больше не хочет никаких подарков.

«Я куплю тебе туфли, — сказал он, затем помолчал, поглаживая ее руку. — Не стоит беспокоиться. Я надену резинку. Не бойся, ты не забеременеешь». Дебора никогда не слышала о «резинке» и не знала, что такое «беременность». Она лишь понимала, что хочет, чтобы Гален оставил ее в покое.

Дебора начала работать, за небольшую плату протирая полы и гладя белье у чужих людей. После работы она старалась возвращаться домой одна, но Гален обычно подбирал ее на полпути и лапал в машине. Однажды, вскоре после двенадцатого дня рождения Деборы, он остановил машину рядом с Деборой и сказал ей садиться. Но она шла дальше.

Гален прижал машину к газону и заорал: «Лезь в машину, чертова девчонка!»

Дебора отказалась: «Зачем мне туда садиться? Я не делаю ничего плохого, на улице еще светло, и я просто иду по улице».

«Тебя отец ищет», — рявкнул Гален.

«Так пусть он сам и явится за мной! Ты делаешь с моим

телом то, чего не должен делать, — закричала она. — Не хочу больше иметь с тобой дела. Господь дал мне достаточно разума, чтобы понять это».

Она побежала, но Гален ударил ее, схватил за руку, затащил в машину и удерживал всю дорогу. Спустя несколько недель, когда Дебора шла после работы домой с соседским парнем Альфредом Картером по кличке Гепард, Гален остановился рядом с ними и крикнул, чтобы она садилась в машину. Дебора отказалась, и он рванул по дороге, не жалея визжащих тормозов. Спустя несколько минут он опять остановился рядом с ней, но только на этот раз на пассажирском сиденье был Дэй. Гален выскочил из машины с криками и бранью, называя Дебору потаскухой. Схватив ее за руку, он втащил Дебору в машину и сильно ударил кулаком в лицо. Отец же только смотрел в ветровое стекло и не вымолвил ни слова.

Всю дорогу до дома Бобетты и Лоуренса Дебора рыдала, из разбитой брови сочилась кровь. У дома она выскочила, пулей пронеслась прямо к шкафу, где она пряталась, когда бывала расстроена, и плотно прикрыла за собой дверцу. Бобетта видела, как Дебора, плача, неслась по дому, заметила кровь на ее лице и побежала к ней. Дебора рыдала в шкафу, а Бобетта стучалась в дверцу и спрашивала: «Дейл, какого черта, в чем дело?»

Бобетта давно стала членом семьи и знала, что порой кузены и кузины вступали в связь друг с другом. Однако она ничего не знала о том, что Гален обижает Дебору, ибо та никогда никому об этом не рассказывала, боясь попасть в беду.

Бобетта вытащила Дебору из шкафа, схватила за плечи и сказала: «Дейл, если ты ничего не расскажешь мне, я ничего не узнаю. Пока что мне известно, что ты любишь Галена, как родного отца, но ты должна объяснить, что происходит».

Дебора рассказала Бобетте, что Гален ударил ее и что иногда в машине он заводил с ней грязные разговоры. Она не сказала о том, что он трогал ее, ибо была уверена, что Бобетта убьет Галена, и боялась, что, если он умрет, а Бобетта будет в тюрьме за убийство, то она, Дебора, лишится двух людей, которые заботились о ней больше всех на свете.

Бобетта понеслась к дому Галена и Этель, она вломилась в дверь, крича, что убьет их, если они еще хоть пальцем тронут кого-нибудь из детей Лаксов.

Вскоре после этого случая Дебора спросила Бобетту, что означает слово «беременная». Бобетта объяснила, затем обняла Дебору за плечи и велела ей внимательно слушать. «Я знаю, что и твои родители, и все кузены и кузины спали друг с другом, но ты никогда этого не делай, Дэйл. Кузены и кузины не должны

заниматься сексом друг с другом. Этого не стоит делать».

Дебора кивнула.

«Пообещай мне, — добавила Бобетта, — что ты будешь сопротивляться, если они начнут приставать к тебе, и мне наплевать, если ты сделаешь им больно. Не позволяй им тебя трогать».

Дебора дала слово, что не позволит.

«Тебе просто надо учиться, — заявила Бобетта. — Не путайся с кузенами и не заводи детей, пока не вырастешь».

Дебора и не думала заводить детей в ближайшее время, но к тринадцати годам уже подумывала выйти замуж за того соседского парня, которого звали Гепард, — она надеялась, что Гален перестанет приставать, когда у нее будет муж. Еще она хотела бросить школу.

Как и братьям, Деборе всегда было трудно в школе — она не слышала учителя. Все дети Лаксов почти ничего не слышали, если только к ним не подходили совсем близко и не говорили медленно и громко. Но детей приучили молчать в присутствии взрослых. Поэтому они никогда не рассказывали учителям, что ничего не понимают. Никто из детей не осознавал свою глухоту, слуховых аппаратов у них не было.

Бобетта, услышав от Деборы, что та хочет бросить школу, сказала: «Садись впереди, если не слышишь. Делай как знаешь, но ты должна выучиться, ведь это твоя единственная надежда».

Дебора осталась в школе. Лето она проводила в Кловере. Дебора выросла, и кузены приставали к ней. Иногда они пытались затащить ее в поле или за дом. Дебора отбивалась кулаками и зубами, и вскоре кузены оставили ее в покое, но принялись насмехаться над ней и обзывать уродиной: «Дейл противная — противной родилась, противной и останется». Однако трое или четверо кузенов все же предлагали Деборе выйти за них замуж, но она лишь смеялась в ответ: «Парень, да ты сошел с ума? Это не игрушки, понимаешь? Какой ребенок от этого получится?!»

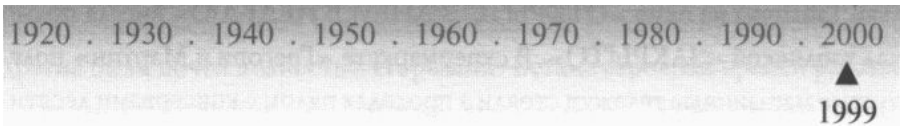
Бобетта сказала Деборе, что проблемы со слухом у нее и братьев возникли из-за того, что их родители были двоюродными братом и сестрой. Дебора знала, что у других кузенов рождались дети-карлики или дети, чей ум так и не развился. Не случилось ли что-то подобное с Эльси?

Дебора долго не знала о сестре. Когда, наконец, Дэй поведал ей об этом, то сказал лишь, что Эльси была глухонемой и умерла в больнице в возрасте пятнадцати лет. Дебора страшно расстроилась. Она настойчиво спрашивала, пытался ли кто-нибудь обучить ее сестру языку жестов. Оказалось, что никто и никогда.

Дебора умоляла Лоуренса рассказать о сестре, но он лишь обмолвился, что Эльси была красивой, и что ему приходилось везде таскать ее с собой, чтобы оберегать. Дебора не могла вместить в себя: раз уж Эльси не могла говорить, то она не смогла бы сказать «нет» парням, как это делала Дебора, и не смогла бы рассказать, случись с ней какая-нибудь беда. Дебора донимала Лоуренса просьбами поведать ей все, что он помнит о сестре и матери. В конце концов он так расстроился, что заплакал, и она перестала спрашивать.

Став постарше, Дебора, бывало, кричала и просыпалась по ночам с мыслями об ужасных вещах, которые могли происходить с ее сестрой и матерью. Она спрашивала Дэя и кузенов своих родителей: «Что случилось с моей сестрой? Какой была моя мать? Что с ней произошло?» Но Дэй каждый раз говорил лишь: «Ее звали Генриетта Лакс, и она умерла, когда ты была еще слишком мала, чтобы ее помнить».

16
«Проведут вечность в этом месте»



Когда я в первый раз встретилась с Кути, кузеном Генриетты, он рассказал мне, пока мы сидели и пили сок, что никто и никогда не заговаривал о Генриетте. Ни пока она болела, ни после ее смерти, ни теперь. «Мы не произносили таких слов, как *рак,* — сказал он. — И не перемывали косточки покойникам». По его словам, в семье уже так давно не говорили о Генриетте, что как будто ее и не было никогда на свете, а существовали только ее дети и эти клетки.

«Это странно, — сказал он, — но ее клетки живут дольше, чем память о ней самой».

И добавил, что если я хочу что-нибудь узнать о Генриетте, то мне нужно подняться выше по дороге и поговорить с ее кузеном Клиффом, с которым они росли вместе, как родные брат и сестра.

Когда я пришла по тропинке к дому Клиффа, он решил, что я — или свидетель Иеговы, или страховой агент, поскольку все навещавшие его белые люди были либо теми, либо другими. Он улыбнулся, помахал рукой и спросил: «Как дела?»

Клиффу было около семидесяти, и он все еще присматривал за табачным амбаром позади фермерского дома, построенным еще его отцом десятки лет назад. Он несколько раз в день проверял топки, дабы убедиться, что в них сохраняется нужная температура — 120°. Стены дома были выкрашены в белый цвет и в цвет электрик, но они были в пятнах жира и грязи. У другой двери он навалил картонки и одеяла, чтобы удержать теплый воздух, а дыры в потолке, стенах и окнах заделал газетами и изолентой. Сам Клифф спал внизу между холодильником и дровяной плитой на маленькой тощей двуспальной кровати, стоявшей рядом со складным столом, заваленным таким количеством таблеток, что он уже забыл, для чего они нужны. «Может, от рака простаты, — сказал он, — или, может быть, от давления».

Большую часть времени Клифф проводил на крыльце в клетчатом кресле — настолько потрепанном, что сидеть приходилось на пенопласте и пружинах, торчавших из него, — и махал рукой каждой проезжавшей мимо машине. В нем было бы больше шести футов [1,8 м], если бы не сутулость. Кожа его была

шершавая, обветренная, как у аллигатора, светло-коричневая; зрачки цвета морской волны окружала темно-синяя радужка. Десятилетия, проведенные на верфях и табачных полях, сделали его руки грубыми, как мешковина, ногти были желтыми, обломанными и стертыми до кожи. Разговаривая, Клифф смотрел в пол и то и дело сплетал скрюченные артритом пальцы, один на другой, будто скрестив на удачу. Потом расплетал их, и все начиналось заново.

Услышав, что я пишу книгу о Генриетте, он поднялся с кресла, натянул пиджак и пошел к моей машине, восклицая: «Ну так поехали, я покажу, где она похоронена!»

Около полумили вниз по дороге к Лакстауну Клифф велел мне припарковаться перед домом из шлакоблоков и прессованного картона — не больше трехсот квадратных футов [28 м^2]. Толчком открыв ворота из деревянных столбов, обтянутых колючей проволокой, он вышел на пастбище и махнул мне рукой, чтобы я шла следом на другую сторону. На дальнем конце пастбища, скрытая деревьями, стояла бревенчатая хижина, построенная еще во времена рабства; она была обшита досками, в щели можно было хорошенечко разглядеть, что внутри. Окна хижины были без стекол, заколочены деревяшками и ржавыми вывесками Coca-Cola 1950-х годов. Домик покосился, его углы опирались на каменные глыбы разного размера, более двухсот лет державшие строение над землей, фундамент был достаточно высоким, чтобы под ним мог проползти маленький ребенок.

«Вот старый дом-пристройка, где выросла Генриетта!» — воскликнул Клифф, указывая на хижину. Мы прошли к дому, ступая по красной земле и сухим листьям, шуршавшим под ногами. Пахло шиповником, соснами и коровами.

«Генриетта содержала тут все в полном порядке — настоящий дом был. Сейчас я его с трудом узнаю».

Пол внутри был покрыт соломой и навозом. В нескольких местах он провалился под тяжестью коров, которые теперь свободно бродили по дому. Наверху, в комнате, где когда-то жили Дэй и Генриетта, по полу были разбросаны останки воспоминаний о прежней жизни: порванный в лохмотья рабочий ботинок с металлическими глазками, но без шнурков, бутылка из-под минеральной воды TruAde с красно-белой наклейкой, крошечная женская выходная туфелька с открытыми пальцами. Я спросила, не принадлежала ли она Генриетте.

«Могла! Выглядит в точности, как ее туфля!» — ответил Клифф.

Он указал на бывшую подпорную стену, обвалившуюся много лет назад, на месте которой остались лишь остовы двух высоких

окон: «Вот тут спала Генриетта».

Она часто лежала на животе, глядя в эти окна на деревья и на семейное кладбище — открытый маленький клочок земли в четверть акра [10 соток] — несколько могильных плит, огороженных теперь несколькими рядами колючей проволоки. Те же коровы, что истоптали пол в доме-пристройке, повалили часть кладбищенской изгороди и оставили после себя навоз и отпечатки копыт на могилах, превратив убранство могил в груды стеблей, лент и стирофома, а также обрушили несколько могильных камней, которые теперь плашмя валялись рядом на земле.

Мы вошли в дом, и Клифф, качая головой, поднял куски сломанной таблички. На одном куске было написано «любим», на втором — «маму».

Некоторые могильные камни семейного кладбища были самодельными из бетона; другие были из мрамора и куплены в магазине. «У этих водились деньги», — пояснил Клифф, ткнув в один из мраморных камней. Многие могилы были отмечены металлическими пластинками размером с карточку из картотеки, закрепленными на палках, с именами и датами; другие же могилы остались безымянными.

«Бывало, мы помечали могилы булыжниками, чтобы потом можно было их найти, — сказал Клифф. — Но однажды по кладбищу прошелся бульдозер и снес большую часть тех камней». Теперь же, по его словам, на кладбище Лаксов похоронено столько народу, что уже давно не хватает места для новых могил и гробы ставят друг на друга.

Он указал на углубление в земле, ничем не помеченное: «Это был мой хороший друг». Затем он принялся тыкать пальцем в разные места кладбища, где в земле угадывались углубления. «Видите тут низинку… и тут яма… вот еще одна… Это все безымянные могилы. Со временем они проседают, когда раскисшая земля заполняет гробы». Время от времени он указывал на маленький плоский камень, торчавший из земли, и говорил, что тут лежит его двоюродный брат или тетя.

«А это мать Генриетты», — произнес Клифф, показывая на одинокий могильный камень на краю кладбища среди деревьев и кустов шиповника. Камень был в несколько футов высотой, передняя его часть потемнела от времени и дождей и потеряла былую гладкость. Надпись на нем гласила:

ЭЛАЙЗА
ЖЕНА ДЖ. Р. ПЛЕЗАНТА
12 ИЮЛЯ 1888 ГОДА

28 ОКТЯБРЯ 1924 ГОДА
УШЛА, НО ОСТАЛАСЬ В ПАМЯТИ

Только прочтя даты, я поняла, что Генриетте едва исполнилось четыре года, когда она потеряла мать; примерно столько же было Сонни, когда умерла Генриетта.

«Генриетта часто приходила сюда поговорить с матерью и по-настоящему ухаживала за ее могилой. Теперь она сама лежит где-то тут рядом, — сказал Клифф, размахивая руками в сторону клочка земли между могилой Элайзы и деревом в добрых пятнадцати футах от нее. — Ее могила всегда стояла без надписи, поэтому я не могу показать точное место, но всех прямых родственников хоронят рядом друг с другом. Так что она скорей всего где-то тут».

Он указал на три углубления: «В любой из них может лежать Генриетта».

Мы молча стояли, лишь Клифф стучал носком ботинка по земле.

«Не знаю, что случилось с клетками Генриетты, — произнес он в конце концов. — Никто в округе не говорит об этом. Я только знал, что она болела какой-то редкой болезнью, потому что очень быстро умерла, а ее клетки до сих пор живы, удивительное дело».

Он топнул ногой: «Слыхал, что было много исследований, и что ее клетки много сделали для лечения других болезней. Вот это чудо, что тут скажешь».

Внезапно он прокричал в землю, как будто говорил прямо с Генриеттой: «Они назвали их HeLa! И эти клетки по-прежнему живы!» — и вновь ударил ботинком по земле.

Спустя несколько минут на ровном месте, которое казалось пустым, Клифф ткнул пальцем в землю и сказал: «Знаете, тут белые и черные похоронены друг на друге. Кажется, здесь же лежат старый белый дед и его братья. Никак невозможно узнать, кто тут в земле». По его словам, единственное, в чем он был уверен, так это в том, что идея хоронить поверх белых предков-рабовладельцев их черных родственников была просто замечательной.

«Они проведут вечность в этом месте, — смеясь, промолвил он. — Теперь-то уж они наверняка решили свои проблемы!»

Прапрабабушка Генриетты была невольницей по имени Монинг (Скорбь). Белый мужчина Джон Смит Плезантс получил в наследство Монинг и ее мужа Джорджа от своего отца — одного из первых рабовладельцев Кловера. Отец Плезантсов происходил из квакерской семьи, и один из его дальних родственников

первым выиграл дело в суде Виргинии и отпустил на свободу своих рабов. Однако Плезантсы не продолжили эту антирабовладельческую традицию своей семьи.

Джордж и Монинг были рабами на табачной плантации в Кловере. Их сын Эдмунд, прадед Генриетты по отцовской линии, взял фамилию своего владельца, которая потеряла последнюю букву «с» и превратилась в Плезант. В сорок лет Эдмунд получил свободу и почти сразу же попал в приют для умалишенных. Однако, еще будучи рабом, он стал отцом многих детей, рожденных в неволе, в том числе и дочери по имени Генриетта Плезант — двоюродной бабушки Генриетты Лакс.

Альберт Лакс — белый прапрадедушка Генриетты со стороны матери — унаследовал часть плантации Лаксов в 1885 году, когда его отец поделил землю между тремя белыми сыновьями: Уинстоном, Бенджамином и Альбертом.

Уинстон Лакс — дородный мужчина с бородой до живота — почти каждый вечер напивался в салуне в подвале универсального магазина. Когда Уинстон напивался и начинал драться, местные жители знали, что пришло время самому трезвому из них сходить за Фанни. О жизни Фанни ничего не известно. Скорее всего, она родилась рабыней на земле Лаксов и после получения свободы там же и осталась — подобно большинству рабов Лаксов, оставшихся на плантации в качестве издольщиков. Она часто ездила вместе с Уинстоном в пролетке, а когда он напивался, приходила в бар, стаскивала его с барного стула за длинную бороду и тащила домой.

Два других брата, Альберт и Бенджамин, вели более скрытую жизнь и мало что оставили в память о себе, помимо завещаний и земли в наследство. Большинство черных Лаксов, с которыми мне довелось беседовать, помнили Бенджамина Лакса как «старого белого дедушку», хотя некоторые из них по-прежнему, как и их родители, называли его «масса Бен».

Альберт умер 26 февраля 1889 года; к тому времени рабство уже отменили, однако мало кто из черных владел собственной землей. Альберт завещал землю пяти «цветным» наследникам, в основном участками по десять акров [4 га], и одним из этих наследников оказался дедушка Генриетты и Дэя Томми Лакс. В завещании Альберта не было ни слова о его родственных отношениях со своими наследниками, но жители Лакстауна знали, что они были его детьми от бывшей невольницы по имени Мария.

После смерти Альберта его брат Бенджамин судился, пытаясь отобрать часть земли у черных наследников. В суде он утверждал, что, поскольку изначально эта земля принадлежала его отцу, то

он, Бенджамин, имеет право сам выбрать себе участок земли. Суд согласился с ним и поделил исходную плантацию Лаксов на два «равноценных» участка. Нижний участок — у реки — отошел Бенджамину Лаксу, а верхний — ныне известный как Лакстаун — получили черные Лаксы.

Через шестнадцать лет после этого судебного процесса находившийся при смерти Бенджамин Лакс продиктовал свое завещание, в котором выделил небольшие участки земли каждой из своих сестер, а оставшиеся 124 акра [49,6 га] и лошадей разделил между своими семью «цветными» наследниками, включая племянника Томми Лакса. Нет записей о женитьбе Бенджамина или Альберта Лаксов, и о рождении у них белых детей. Также в завещании Бенджамина — как и в завещании Альберта — не было ничего сказано о том, что указанные в завещаниях черные дети были его собственными. Однако Бенджамин называл их своими «черномазыми детьми», и, как гласят устные предания черных Лаксов, все жившие в той части земли Кловера, которая прежде была плантацией Лаксов, были потомками одного из двух белых братьев и их черных метресс, некогда бывших рабынями.

Когда я приехала в Кловер, расовые различия встречались повсеместно. Роузленд был «милым *цветным* парнем», который держал ресторан «Роузи», пока тот не закрылся; Бобкэт был *«белым* мужчиной», владельцем маленького магазинчика, а Генриетта ходила в *«цветную* церковь» Св. Матфея. Почти в первую минуту встречи Кути сказал мне: «Вы со мной говорите по-простому, хотя я черный. Вы не местная».

Все, с кем мне удалось побеседовать, клятвенно утверждали, что в Кловере отношения между расами никогда не были плохими. Однако они же рассказали, что всего в двенадцати милях [19,3 км] от Лакстауна находилось местное «дерево Линча», а на школьном бейсбольном поле, менее чем в десяти милях [16 км] от Мейн-стрит Кловера, вплоть до 1980-х годов проводил свои собрания ку-клукс-клан.

Стоя на кладбище, Клифф сказал мне: «Белые Лаксы знают, что здесь лежат все их родственники вместе с нашими, потому что мы — одна семья. Знают, но никогда не согласятся с этим. Они просто говорят: „Они — черные Лаксы, они нам не родня!“»

Когда я пришла к Карлтону и Руби Лакс — старейшим белым Лаксам в Кловере, они улыбались и болтали, пока вели меня от парадной двери в гостиную, заставленную пастельно-голубыми мягкими стульями и флагами Конфедерации. В каждой пепельнице стояло по флажку, несколько флажков — на

кофейном столике, и один флаг в полную величину стоял в углу на подставке. Карлтон и Руби, муж и жена, были друг другу дальними родственниками. Оба они приходились родственниками Робину Лаксу — отцу Альберта, Бена и Уинстона Лаксов. Соответственно они были дальними родственниками также Генриетте и Дэю.

Карлтон и Руби поженились десятки лет назад, и за это время у них появилось столько детей, внуков и правнуков, что их было сложно сосчитать. Знали только, что больше сотни. Карлтону было за восемьдесят; он выглядел болезненным и хрупким, с такой бледной кожей, что она казалась прозрачной. Пучки волос, будто перезревший хлопок, торчали у него на голове, бровях, в ушах и ноздрях, а сам он сидел в большом кресле и бормотал что-то про те годы, когда работал в банке при табачном складе.

«Я выписывал чеки, — произнес он скорее для себя, — был табачным королем».

Руби тоже было далеко за восемьдесят, однако она сохранила острый ум, который казался на десятки лет моложе ее хилого тела. Она говорила одновременно с Карлтоном, рассказывала мне о своих родственниках, которые вели хозяйство на плантации Лаксов, и об их родстве с Беном и Альбертом Лаксами. На мое упоминание о том, что Генриетта была родом из Лакстауна, Руби выпрямилась в кресле и резко произнесла:

«А, так она цветная! Не пойму, о чем вы говорите. Вы же не о цветных, правда?»

Я пояснила, что хотела бы узнать и о белых, и о черных Лаксах.

«Что ж, мы никогда не были знакомы, — ответила она. — В то время белые и черные не пересекались. Не так, как теперь, и не могу сказать, что одобряю это. Не думаю, что это к лучшему».

Она замолчала и покачала головой.

«Так смешивать белых и черных, и в школе, и в церкви, и повсюду… кончится все тем, что белые с черными будут влюбляться и жениться друг на друге, и тому подобное… Не вижу в этом ничего хорошего».

На мой вопрос о родстве Руби и Карлтона с черными Лаксами супруги, сидя по разные стороны кофейного столика, так посмотрели друг на друга, будто я спросила, не марсиане ли они.

«У дяди отца было много цветных Лаксов-рабов, — ответила Руби. — Наверное, от него и пошла их фамилия. Очевидно, они взяли ее, когда покидали плантацию. Вот единственный вариант, который мне приходит в голову».

Уже после я спросила сестру Генриетты — Глэдис, что она думает об этом. И Глэдис, прожившая большую часть своих

девяноста лет в миле от Карлтона и Руби, ответила, что никогда о них не слыхала.

«Черные и белые Лаксы — родственники, но мы никогда не пересекались», — пояснила она.

Она ткнула пальцем куда-то под кушетку, на которой я сидела.

«Достань письмо Лилиан», — попросила она сына Гэри.

Насколько Глэдис было известно, все родные братья и сестры Генриетты уже умерли; может быть, жива только одна, самая младшая — Лилиан. Последней весточкой от нее было письмо где-то в 1980-х годах, которое Глэдис хранила в обувной коробке под кушеткой. Лилиан писала: «Слышала, что папа погиб при пожаре» и спрашивала, правда ли это. Так оно и было: он умер в 1969 году, за двадцать лет до того, как она отправила это письмо. Однако больше всего Лилиан интересовало, кто и что рассказывал кому-нибудь постороннему о ее жизни. По ее словам, она выиграла в лотерею, она думала, что ее пытаются убить, потому что по округе ходили белые и спрашивали о ее жизни в Кловере, о семье и особенно о Генриетте. «Они знали такие вещи, о которых я понятия не имела, — писала Лилиан. — Мне кажется, нехорошо обсуждать других людей». С тех пор никто из родственников ничего не слышал о ней.

«Лилиан заделалась пуэрториканкой», — прижимая письмо к груди, сказала Глэдис.

Я взглянула на сидевшего позади нее Гэри.

«У Лилиан кожа была светлая, светлее, чем у мамы, — объяснил Гэри. — Она вышла замуж за пуэрториканца где-то в Нью-Йорке и с тех пор отрицала, что она черная, — обратилась в пуэрториканку, потому что не хотела больше оставаться черной».

17
Незаконное, аморальное и прискорбное

Покуда клетки HeLa росли в лабораториях по всему миру как сорная трава, у вирусолога по имени Честер Саутэм родилась пугающая мысль: а что, если раковые клетки Генриетты могут заразить работающих с ними ученых? Гай и другие исследователи уже доказали, что у некоторых крыс, получивших инъекцию клеток HeLa, вырастали опухоли. Так почему это не может быть у людей?

Исследователи вдыхали воздух рядом с HeLa, трогали и переносили их из пробирки в пробирку и даже обедали за столами рядом с ними. Один из ученых использовал HeLa для получения вакцины от вируса обычной простуды, которую вколол — вместе с некоторым количеством клеток HeLa — более чем четырем сотням людей. И никто по-прежнему не знал, может ли человек заразиться раком от HeLa или других раковых клеток.

«Существует возможная опасность инициирования опухолевого заболевания в результате случайной инокуляции во время лабораторных исследований или в результате инъекции таких клеток или их продуктов, если они используются для производства противовирусной вакцины», — писал Саутэм.

Саутэм считался заслуженным и уважаемым исследователем в области раковых заболеваний и заведовал отделением вирусологии в Мемориальном институте онкологии Слоан-Кеттеринг. Он, так же как и многие другие ученые, верил, что рак вызывается вирусом или сбоями в работе иммунной системы и поэтому решил воспользоваться клетками HeLa для проверки этой теории.

В феврале 1954 года Саутэм набрал в шприц физиологический раствор, смешанный с HeLa, и вколол около пяти миллионов клеток HeLa в плечо женщины, недавно госпитализированной с диагнозом «лейкемия». Второй иглой Саутэм сделал тушью татуировку в виде небольшого пятнышка рядом с маленькой шишечкой, образовавшейся на месте укола. Таким образом, он знал, какое место на плече женщины надо будет осматривать спустя дни, недели и месяцы, чтобы посмотреть, развивается ли там рак такого же типа, что и у Генриетты. Ту же процедуру Саутэм повторил с дюжиной других

онкологических больных. Он говорил, что проверяет их иммунную систему. При этом он помалкивал о том, что вводит чьи-то злокачественные клетки.

Через несколько часов плечо у всех пациентов краснело и распухало, а спустя пять-десять дней в области укола появлялись твердые узелки. Саутэм удалил несколько узелков, чтобы убедиться в их злокачественной природе, а другие оставил, желая посмотреть, будет ли иммунитет больного отторгать эти узелки, или же рак будет распространяться. Через две недели некоторые узелки достигли двух сантиметров в диаметре — примерно такого же размера была опухоль у Генриетты на момент начала облучения радием.

В конце концов Саутэм удалил большую часть узелков с клетками HeLa, а те, что он оставил, исчезли сами собой через несколько месяцев. Однако у четырех пациентов узелки выросли повторно. Доктор опять удалил их, но они вырастали снова и снова. У одной больной раковые клетки Генриетты метастазировали в лимфоузлы.

Все эти пациенты еще до исследования болели раком, а Саутэм хотел для сравнения посмотреть, как отреагируют на инъекции здоровые люди. Поэтому в мае 1956 года он дал объявление в информационный бюллетень тюрьмы штата Огайо: *«Врачу требуются* 25 *добровольцев для изучения рака».* Через несколько дней у него было 96 добровольцев, и вскоре их число выросло до 150 человек.

Тюрьма штата Огайо была выбрана не случайно: ее узники уже участвовали в нескольких других исследованиях, включая намеренное заражение потенциально смертельной болезнью туляремией. Опыты над заключенными начнут проводить под наблюдением и жестко регламентировать пятнадцатью годами позже, когда заключенных сочтут уязвимой частью населения, которая не может дать действительно информированное согласие. Однако в то время заключенных по всей стране использовали для самых разных исследований — от испытаний химического оружия до выяснения того, как влияет рентгеновское облучение тестикулов на количество вырабатываемой спермы.

В июне 1956 года Саутэм начал вводить заключенным клетки HeLa, которые его коллега Элис Мур привезла из Нью-Йорка в Огайо в дамской сумочке. Шестьдесят пять заключенных — убийц, воров, грабителей и фальшивомонетчиков — сидели рядами на деревянных скамьях в ожидании уколов. На некоторых были белые госпитальные халаты, другие пришли с рабочей смены в синей рабочей одежде.

Вскоре на плечах заключенных выросли опухоли, как прежде

вырастали у раковых больных. В прессе появлялись статьи об отважных мужчинах из тюрьмы Огайо, которых прославляли как «первых здоровых людей, согласившихся на столь жесткий онкологический эксперимент». Цитировали слова одного из мужчин: «Совру, если скажу, что не волновался. Лежишь на койке и думаешь, что у тебя на руке — рак… Приятель, ну и мысли лезут в голову!»

Вновь и вновь журналисты задавали вопрос: «Почему вы добровольно согласились на этот эксперимент?»

Ответы заключенных были в таком духе: «Я очень жестко обошелся с одной девчонкой, и думаю, это в некотором смысле расплата за то, что я ей сделал» или «Надеюсь этим компенсировать вред, который, по мнению общества, я принес».

Каждому заключенному Саутэм делал несколько инъекций клеток, и в отличие от смертельно больных пациентов все эти мужчины победили рак. С каждой новой инъекцией организм реагировал быстрее, и, казалось, что эти клетки усилили иммунный ответ на рак у инфицированных заключенных. Когда Саутэм обнародовал полученные результаты, пресса приветствовала его исследование как огромный прорыв, который однажды может привести к созданию вакцины от рака.

В последующие годы Саутэм в целях исследований ввел HeLa и другие живые раковые клетки более чем шести сотням людей, около половины которых были уже больны раком. Те же инъекции Саутэм начал делать каждой пациентке, обратившейся в отделение гинекологической хирургии Мемориального ракового центра Слоун-Кеттеринг или в больницу им. Джеймса Ивинга, где он работал. Если он и снисходил до объяснений, то просто говорил, что делает анализ на наличие рака. И он действительно в это верил: поскольку, по-видимому, онкологические больные отторгали введенные клетки медленнее, нежели здоровые люди, Саутэм решил, что, измерив степень такого отторжения, он мог бы выявить недиагностированные случаи рака.

В своем отчете, который позднее он будет неоднократно цитировать во время слушаний по поводу своего исследования, Саутэм писал: «Конечно, не важно, раковые это клетки или нет, так как они являются чужеродными по отношению к реципиенту и потому отторгаются. Единственная сложность в использовании раковых клеток — страх и невежество, когда люди слышат слово *рак*».

Из-за «страха и невежества», по словам Саутэма, он не сообщал пациентам, что клетки были раковыми, ибо не хотел вызвать ненужные тревоги. Как он скажет потом: «Слово *рак* применительно к любой клинической процедуре, которую

проводят над больным человеком, потенциально пагубно для благополучия пациента, так как это может натолкнуть его на мысль (как верную, так и ошибочную), что он болен раком или что его шансы на выздоровление невелики… Скрывать такие подробности, которые могут встревожить человека, но которые не относятся к делу с медицинской точки зрения… в духе лучших традиций ответственной клинической практики».

Однако Саутэм не был лечащим врачом этих больных, который скрывал информацию об их здоровье, чтобы их не расстроить. Его обман был ради собственной выгоды: он скрывал информацию, потому что пациенты могли отказаться от участия в его исследовании, если бы знали, что он им вкалывает. Возможно, Саутэм еще не один год продолжал бы это делать, если бы 5 июля 1963 года он не договорился с Эммануэлем Манделем, медицинским директором Еврейского госпиталя для хронических больных (JCDH) в Бруклине о том, что привлечет пациентов больницы для своих исследований.

Планировалось, что Мандель по просьбе Саутэма поручит врачам своей больницы сделать инъекции раковых клеток двадцати двум пациентам. Однако, когда Мандель стал инструктировать сотрудников, чтобы те делали инъекции, не сообщая пациентам о том, что в шприце раковые клетки, три молодых врача-еврея отказались, заявив, что не станут проводить исследования на пациентах без их согласия. Все трое знали об исследованиях, которые нацисты проводили на еврейских заключенных. Знали они и о знаменитом Нюрнбергском процессе.

Шестнадцатью годами ранее, 20 августа 1947 года, военный трибунал, возглавляемый США, заседавший в городе Нюрнберге в Германии, приговорил семь нацистских врачей к смертной казни через повешение. Их преступление состояло в проведении немыслимых опытов над евреями без их согласия — они пришивали братьев и сестер друг к другу, чтобы получить сиамских близнецов и резали живых людей, чтобы изучить работу внутренних органов.

Трибунал сформулировал десять этических законов — так называемый нюрнбергский кодекс — для регламентирования всех экспериментов над людьми во всем мире. Первый закон кодекса гласил: «Добровольное согласие подопытного человека абсолютно необходимо». Это была революционная идея. Клятва Гиппократа, написанная в IV веке до н. э., не требовала согласия пациента. И хотя Американская медицинская ассоциация издала правила, защищающие лабораторных животных, еще в 1910 году, для людей подобных правил не существовало вплоть до

Нюрнбергского процесса.

Однако нюрнбергский кодекс — подобно прочим кодексам, появившимся позже — не являлся законом. В сущности, он был списком рекомендаций. Его не преподавали в плановом порядке в медицинских учебных заведениях, и многие американские исследователи — включая Саутэма — заявляли, что не знают о его существовании. Те же, кто знал, зачастую считали его «кодексом для нацистов» — чем-то таким, что имеет отношение только к варварам и диктаторам, а не к американским врачам.

В 1954 году, когда Саутэм начал делать людям инъекции клеток HeLa, в США не существовало официального контроля над научными исследованиями. С начала XX века политики предлагали ввести законы на федеральном уровне и на уровне штатов с целью регламентации экспериментов над людьми, однако врачи и исследователи всегда выступали против. Подобные законопроекты многократно отвергались при голосовании из-за боязни помешать научному прогрессу, даже при том, что в других странах — включая, по иронии судьбы, и Пруссию — еще с 1891 года имелись законодательные нормы, регламентирующие опыты над людьми.

В США обязать ученого придерживаться этических норм научных исследований можно было только в гражданском суде. Только там адвокаты могли воспользоваться нюрнбергским кодексом, чтобы установить, действовал ли ученый в рамках этических норм своей профессии. Однако для того, чтобы привлечь исследователя к суду, требовались деньги, знание дела и, главное, знание того, что вас действительно использовали для исследований.

Понятие «информированное согласие» впервые появилось в судебных документах в 1957 году, в ходе разбирательства гражданского дела пациента по имени Мартин Сальго. Ему дали наркоз, когда врач решил провести рутинную (как думал пациент) процедуру, а очнулся он парализованным ниже пояса. Врач не сказал, что процедура связана с каким-либо риском. Судья, выносивший постановление по делу, заявил: «Врач нарушил свои обязательства по отношению к своему пациенту и поэтому несет ответственность за сокрытие любых фактов, необходимых для того, чтобы пациент дал согласие на предлагаемое лечение, понимая обстоятельства дела». Судья написал, что требовалось полное раскрытие всех фактов, необходимых для информированного согласия.

Понятие информированного согласия относилось прежде всего к тому, что врачи должны были рассказывать пациентам. При этом практически не обсуждалось другое: как все это

применить к исследованиям, подобным исследованию Саутэма, ведь подопытные не являлись пациентами данного врача. Пройдут еще десятилетия, прежде чем кому-нибудь придет в голову спросить, применимо ли понятие информированного согласия к случаям, подобным случаю Генриетты, когда ученые проводят исследования на тканях, уже не являющихся частью тела человека.

Однако три врача, отказавшиеся помогать в исследованиях Саутэма, считали инъекции раковых клеток людям без их согласия явным нарушением основных прав человека и нюрнбергского кодекса. Мандель считал иначе. Он нашел местного жителя, согласившегося вместо них делать инъекции, и 27 августа 1963 года три врача написали заявления об увольнении, причиной которого указали несоблюдение этических законов в исследовательской практике, и отправили их Манделю и как минимум одному журналисту. Получив письмо, Мандель созвал совещание с участием одного из этих врачей и обвинил всех троих в чрезмерной чувствительности вследствие их еврейского происхождения.

Однако один из членов совета директоров больницы — адвокат Уильям Хаймэн — не считал, что они были чрезмерно чувствительны. Узнав об увольнении врачей, он изъявил желание увидеть записи о пациентах — участниках данного исследования. В просьбе ему было отказано. Тем временем, спустя всего несколько дней после увольнения врачей, на одной из страниц *New York Times* появилась крохотная статья под заголовком «Швеция наказала онколога», посвященная исследователю Бертилю Бьёрклунду. Он вводил внутривенно себе и пациентам вакцину, созданную на основе клеток HeLa, которые он получил из лаборатории Джорджа Гая в таких огромных количествах, что мог бы, как шутили в статье, наполнить клетками HeLa бассейн или даже озеро и плавать в нем для повышения иммунитета. За эти инъекции HeLa Бьёрклунда выгнали из лаборатории, и Хаймэн надеялся на аналогичный исход для Саутэма. Итак, в декабре 1963 года он возбудил против больницы иск о доступе к медицинским записям, связанным с данным исследованием.

Хаймэн сравнивал исследование Саутэма с исследованиями нацистов и представил данные под присягой письменные показания трех уволившихся врачей, где те описывали исследование Саутэма такими словами, как «незаконное, аморальное и прискорбное». Также Хаймэн взял письменное свидетельство под присягой у четвертого врача, который объяснил, что пациенты не смогли бы дать информированное согласие, даже если бы Саутэм спросил их: один из пациентов

страдал тяжелым случаем болезни Паркинсона и не мог говорить, другие говорили только на идише, еще один пациент страдал рассеянным склерозом и депрессивным психозом. Тем не менее Хаймэн писал: «Мне сообщили, что согласие было необязательно… и что маловероятно, чтобы пациенты-евреи согласились на инъекции живых раковых клеток».

Это привлекло внимание СМИ. Администрация больницы отвечала, что все происходящее «вводит в заблуждение и ошибочно», однако газеты и журналы печатали материалы со следующими заголовками:

> ПАЦИЕНТАМ ВКОЛОЛИ КЛЕТКИ, НЕ ПРЕДУПРЕДИВ, ЧТО ЭТИ КЛЕТКИ РАКОВЫЕ…
>
> НАУЧНЫЕ ЭКСПЕРТЫ ОСУЖДАЮТ ЭТИЧЕСКУЮ СТОРОНУ РАКОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Они утверждали, что, похоже, нюрнбергский кодекс не распространяется на США, где отсутствуют законы, защищающие подопытных в научных исследованиях. Журнал *Science* назвал происходящее «самыми жаркими публичными дебатами о медицинской этике со времен Нюрнбергского процесса». В журнале говорилось: «Нынешняя ситуация представляется скорее опасной для любого человека». Репортер *Science* спросил Саутэма, почему он не делал инъекции себе самому, если они были такими безвредными, как он клятвенно утверждал.

«Давайте посмотрим правде в глаза, — ответил Саутэм. — Квалифицированных исследователей рака достаточно мало, и явно глупым было бы идти даже на малый риск».

Пациенты, без их ведома получившие от Саутэма инъекции раковых клеток, прочли статьи и начали связываться с журналистами. Генеральный прокурор штата Нью-Йорк Луи Лефковиц, как и многие, узнал об исследовании Саутэма из СМИ и немедленно начал свое собственное расследование. В пятистраничном документе, полном восклицательных знаков, он обвинил Саутэма и Манделя в мошенничестве и непрофессиональном поведении, а также потребовал, чтобы попечительский совет Нью-Йоркского университета аннулировал их медицинские лицензии. Лефковиц писал: «Каждое человеческое существо имеет неотчуждаемое право решать, что будут делать с его собственным телом. Поэтому эти пациенты имели право знать… о содержимом шприца, а если это знание вызвало бы у них страх и беспокойство или испугало бы их, они имели право устрашиться и испугаться и соответственно отказаться от участия в эксперименте».

Многие врачи свидетельствовали в пользу Саутэма перед

попечительским советом и СМИ, говоря, что они десятки лет проводили похожие исследования. Они доказывали, что не было необходимости открывать подопытным всю информацию об исследовании или получать их согласие во всех случаях, и поэтому поведение Саутэма считалось этичным. Адвокат Саутэма заявлял: «Если все — профессионалы в данной области поступают так же, то как вы можете называть это непрофессиональным поведением?»

Это заявление привело попечительский совет в замешательство. 10 июня 1965 года Комитет по медицинским жалобам признал Саутэма и Манделя виновными в «мошенничестве или обмане, а также в непрофессиональном ведении медицинской практики» и рекомендовал приостановить действие их медицинских лицензий на один год. В решении совета было написано: «В ходе данного судебного разбирательства была письменно засвидетельствована позиция некоторых врачей, согласно которой они могут и впредь делать что угодно… и что согласие пациента является пустой формальностью. Мы не можем с этим согласиться».

Было высказано требование более детально регламентировать клинические исследования: «Мы верим, что данная дисциплинарная мера послужит строгим предупреждением, что страсть к исследованиям не должна доходить до нарушения основных прав и неприкосновенности человеческой личности».

Приостановку действия лицензий Саутэма и Манделя было решено заменить годовым испытательным сроком для обоих. Этот случай, похоже, мало повлиял на профессиональную репутацию Саутэма — вскоре по окончании испытательного срока он был избран президентом Американской ассоциации исследований в области рака. Тем не менее этот прецедент привел к одному из крупнейших изменений в сфере контроля над научными исследованиями за всю историю экспериментов на людях.

Еще до оглашения решения попечительского совета негативная информация в прессе о работе Саутэма привлекла внимание национального института здравоохранения (NIH), который финансировал это исследование и требовал от исследователей получать согласие от всех принимавших в нем участие. NIH отреагировал на ситуацию с Саутэмом, проверил все институты, получавшие его гранты, и выяснил, что лишь девять из пятидесяти двух имели хоть какую-то политику по защите прав испытуемых в исследованиях. Только шестнадцать организаций использовали формы для получения согласия пациентов. Заключение NIH гласило: «В обстоятельствах, при которых

пациент был привлечен к участию в эксперименте, решение, принятое исследователем, не является достаточной основой, чтобы делать выводы об этических и моральных вопросах, которые относятся к данному исследованию».

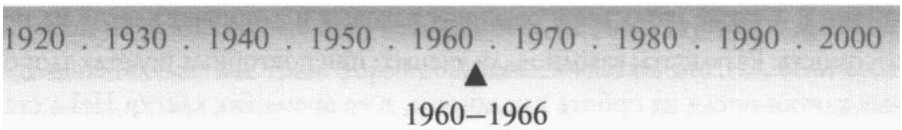
После расследования NIH заявил, что для получения финансирования все предложения о проведении исследований над испытуемыми-людьми должны быть одобрены экспертными советами — независимыми учреждениями, состоящими из профессионалов и присяжных, относящихся к разным расам, классам и имеющих разный жизненный и профессиональный опыт, — дабы удостовериться, что они удовлетворяют этическим требованиям NIH, включая подробное информированное согласие.

Ученые утверждали, что медицинские исследования обречены на провал. В письме редактору журнала *Science* один из них предупреждал: «После того как нас лишили возможности совершенно безопасно изучать рак у людей… мы можем считать 1966 год годом, когда был прекращен всякий прогресс медицины».

Чуть позже в тот же год анестезиолог из Гарварда Генри Бичер опубликовал в *New England Journal of Medicine* исследование, которое показало, что эксперименты Саутэма были лишь частью из сотен подобных неэтичных исследований. Бичер опубликовал подробный список из двадцати двух наихудших преступников, включая исследователей, делавших инъекции гепатита детям, и тех, кто травил углекислым газом пациентов, находившихся под наркозом. Исследование Саутэма шло в списке под номером 17.

Вопреки страхам ученых этические «карательные меры» не замедлили научный прогресс. На самом деле, исследования процветали. И многие из них — благодаря HeLa.

18
«Самая странная гибридная форма жизни»



К 1960-м годам ученые шутили, что клетки HeLa настолько жизнестойки, что, возможно, могли бы выжить в водостоке или на дверной ручке. Они встречались повсюду. Обыватели могли выращивать HeLa у себя дома с помощью инструкций из статьи типа «сделай сам» в журнале *Scientific American*. И русские, и американские ученые выращивали HeLa в космосе.

Клетки Генриетты отправились на орбиту на борту второго в истории спутника, запущенного в 1960 году в рамках русской космической программы. Почти сразу же после этого события НАСА (Национальное управление США по аэронавтике и исследованию космического пространства) запустило в космос со спутником «Дискаверер-18» несколько пробирок с HeLa. Благодаря исследованиям на животных в условиях имитации нулевой гравитации исследователи знали, что космическое путешествие может привести к изменениям в сердечно-сосудистой системе, ослаблению костей и мышц, а также к уменьшению количества эритроцитов в крови. Они также знали, что выше озонового слоя уровень радиации значительно повышается. Однако они не знали, как это может повлиять на людей: не вызовет ли это изменения на клеточном уровне или даже гибель клеток?

Когда первые люди отправились на орбиту, клетки Генриетты отправились вместе с ними, и исследователи смогли изучить воздействие космического путешествия, равно как и потребности клеток в питании в условиях космоса, а также различие в реакциях раковых и здоровых клеток на невесомость. Результаты взволновали ученых: при повторных полетах здоровые клетки росли на орбите как обычно, в то время как клетки HeLa становились все более жизнеспособными и делились все быстрее с каждым последующим полетом.

Но странно себя вели не только клетки HeLa. С начала 1960-х годов ученые отмечали два процесса, которые затронули все культивируемые клетки. Во-первых, создавалось впечатление, что все здоровые клетки в культуре рано или поздно погибали либо подвергались спонтанной трансформации и превращались в раковые. Этот феномен очень воодушевил исследователей,

пытавшихся понять механизмы раковых заболеваний, поскольку он наводил на мысль, что они могли бы поймать момент превращения здоровой клетки в злокачественную. Однако это же мешало тем, кто стремился использовать культуры клеток для разработки лекарственных средств.

Врач ВМС США Джордж Хайэтт, работавший в Национальном институте онкологии, одним из первых столкнулся с этим феноменом. Для лечения тяжелых ожогов у солдат он вырастил клетки человеческой кожи, затем сделал рану на руке молодого военнослужащего-добровольца и нанес на нее выращенные клетки в надежде, что они вырастут и образуют новый слой кожи. В случае удачи врачи могли бы использовать трансплантаты клеток кожи для лечения ран в полевых условиях. Клетки выросли, однако результаты взятой спустя несколько недель биопсии показали, что все они раковые. Хайэтт запаниковал, удалил все клетки, и с тех пор больше не пытался трансплантировать клетки кожи.

Второй необычный факт, отмеченный учеными при работе с культурами клеток, заключался в том, что, став злокачественными, все клетки вели себя одинаковым образом — одинаково делились и продуцировали в точности те же самые белки и ферменты, хотя, прежде чем стать злокачественными, они продуцировали разные. Знаменитый культиватор клеток Льюис Кориэлл опубликовал исследование, в котором предложил возможное объяснение этому факту. По его мнению, трансформировавшиеся клетки, возможно, вели себя одинаково не потому, что стали раковыми, но потому, что они были чем-то заражены, — скорее всего, вирусами или бактериями, — которые заставили их вести себя сходным образом. Почти мимоходом он указал на еще одну возможность, не рассмотренную другими исследователями: все трансформировавшиеся клетки, похоже, вели себя идентично клеткам HeLa, что, по его мнению, могло означать, что именно эта культура заразила их.

Вскоре после выхода этой публикации Кориэлл вместе с несколькими ведущими культиваторами тканей созвал срочное совещание, чтобы обсудить состояние дел в их области, которое, как они опасались, приобретало характер бедствия. Они овладели техникой выращивания клеток и упростили ее до такой степени, что, как сказал один из исследователей, «теперь даже простой любитель может вырастить некоторые культуры».

На протяжении последних лет с помощью образцов тканей, взятых у себя, членов своих семей и своих пациентов, ученые вырастили самые разные виды клеток — рака простаты, аппендикса, крайней плоти и даже кусочки человеческой

роговицы, — и зачастую с удивительной легкостью. С помощью этой растущей коллекции клеток исследователи совершили исторические открытия, узнав, что сигареты приводят к раку легких и каким образом рентгеновские лучи и некоторые химические вещества превращают здоровые клетки в злокачественные, а также почему нормальные клетки прекращали расти, а раковые — нет. Национальный институт онкологии использовал различные клетки, включая HeLa, для проверки более тридцати тысяч химических веществ и растительных экстрактов, благодаря чему были получены некоторые из наиболее широко используемых и эффективных современных лекарств для химиотерапии, в том числе винкристин и таксол.

Несмотря на важность этих исследований, многие ученые, по-видимому, были небрежны со своими культурами клеток. Мало кто из них должным образом записывал, из тканей какого донора какая культура выросла. Многие неверно маркировали свои культуры, если вообще удосуживались это сделать. Ученые, проводившие исследования, при которых было не важно, какие именно клетки используются, — например, те, кто изучал влияние радиации на ДНК, — могли не знать, с какими именно клетками они работали, ибо это не влияло на результаты исследования. Однако при исследовании конкретного типа клеток (а таковыми было большинство исследований) в случае загрязнения или неверной маркировки результаты могли оказаться лишенными всякой ценности. В любом случае, как заявили собравшиеся культиваторы, в науке важна точность, и исследователи должны знать, что за клетки они использовали и не были ли эти клетки загрязнены.

По мнению Роберта Стивенсона, одного из участников совещания, их целью было не допустить в данной области «дегенерации до полного хаоса». Ученые из этой группы пытались побудить исследователей использовать меры безопасности — например, работать под вытяжным шкафом, который всасывал бы воздух и потенциальные загрязнители в систему фильтрации. Участники совещания также рекомендовали данному национальному институту здравоохранения (NIH) создать справочно-информационный фонд клеток: центральный банк, в котором все клетки будут проверять, каталогизировать и хранить, придерживаясь максимальных мер безопасности, с использованием современных технологий стерилизации. Руководство NIH согласилось и сформировало комитет по сбору культур клеток, членами которого стали культиваторы тканей, в том числе Уильям Шерер, Льюис Кориэлл и Роберт Стивенсон. В их задачи входило организовать некоммерческий федеральный

банк клеток на базе Американской коллекции типовых культур (ATCC), которая с 1925 года занималась распространением и контролем чистоты бактерий, грибов, дрожжей и вирусов, но никогда прежде не культивировала клетки.

Ученые из комитета по сбору культур клеток занялись созданием своего рода «Форта Нокс» чистых, незагрязненных клеточных культур. Они перевозили культуры в закупоренных чемоданчиках и разработали перечень критериев, которым должны были отвечать все клетки, прежде чем попасть в банк: каждая культура должна быть проверена на наличие любых возможных загрязнений и должна поступить непосредственно из первоисточника.

Первой клеткой в коллекции ATCC стала L-клетка — подлинная бессмертная линия клеток мыши, выращенная Уилтоном Эрлом. За вторым экспонатом коллекции комитет обратился к Гаю и попросил у него образец исходной культуры HeLa. Однако тот в самом начале в порыве воодушевления отдал все исходные клетки HeLa другим исследователям, ничего не оставив себе. В конце концов он нашел некоторое количество их в лаборатории Уильяма Шерера, который использовал часть исходного образца HeLa в своих исследованиях полиомиелита.

Поначалу комитет мог только проверять образцы на наличие вирусного или бактериального загрязнения, однако вскоре был разработан тест на загрязнение образца клетками другого вида, теперь можно было определить, не относится ли культура, маркированная как происходящая от одного вида животных, к какому-нибудь другому виду. Они быстро выяснили, что из десяти линий клеток, которые, как предполагалось, принадлежали девяти различным видам животных — в том числе собаке, свинье и утке, все, кроме одной, были на самом деле взяты у приматов. Эти культуры они быстро перемаркировали и, судя по всему, взяли ситуацию под контроль, избегая нежелательной огласки.

Как оказалось, СМИ значительно больше интересовали новости, связанные с клетками HeLa, которые были почти так же знамениты, как «бессмертное» цыплячье сердце Алексиса Карреля. А началось все с «клеточного секса».

В 1960 году французские исследователи обнаружили, что выращенные в культуре клетки, инфицированные определенными вирусами, собирались вместе и иногда сливались друг с другом. В процессе слияния генетический материал обеих клеток смешивался, как при встрече сперматозоида с яйцеклеткой. Официально это явление называлось «слиянием (гибридизацией)

соматических клеток», однако некоторые исследователи прозвали его «клеточным сексом». От слияния сперматозоида с яйцеклеткой он отличался по нескольким важным параметрам: во-первых, соматические клетки были клетками тела — например, клетками кожи — и в результате слияния порождали потомков каждые несколько часов. И что, возможно, является самым важным — «клеточный секс» всецело контролировался учеными.

С точки зрения генетики человеческие существа — ужасные объекты для исследования. Мы генетически неразборчивы — спариваемся с тем, кого выберем — и не настолько расположены к ученым, чтобы спрашивать у них, с кем нам лучше размножаться. Кроме того, в отличие от растений и мышей нам требуются десятилетия на то, чтобы воспроизвести достаточное количество потомков, которых хватило бы ученым для получения большого количества значимых данных. С середины XIX века ученые изучали гены путем размножения животных и растений особым образом: гладкий горошек скрещивали с морщинистым, коричневых мышей — с белыми, потом выращивали их потомков и наблюдали, каким образом генетические признаки передавались из поколения в поколение. Однако таким образом нельзя изучать генетику человека. «Клеточный секс» решил эту проблему, ибо давал ученым возможность комбинировать клетки с любыми желаемыми признаками и потом изучать, каким образом эти признаки передавались.

В 1965 году два британских ученых — Генри Харрис и Джон Уоткинс сделали еще один важный шаг в отношении «клеточного секса». Гибридизировав клетки HeLa с мышиными, они создали первый гибрид животного и человека — клетки, которые содержали равное количество ДНК от Генриетты и от мыши. Теперь можно было изучать, как гены функционируют и как они оказывают свое воздействие.

В дополнение к гибриду HeLa и мыши Харрис гибридизировал HeLa и клетки цыпленка, уже потерявшие способность к воспроизводству. Он подозревал, что, когда эти деактивированные клетки сольются с HeLa, то нечто внутри HeLa отторгнет эти цыплячьи клетки. Он оказался прав. Харрис не знал механизма этого процесса, однако его открытие показало, что нечто в клетках управляет генами. И если бы ученым удалось выяснить, как избавляться от генов, ответственных за заболевания, они могли бы создать некую разновидность генной терапии.

Вскоре после эксперимента Харриса с клетками HeLa и цыпленка двое исследователей из Нью-Йоркского университета

обнаружили, что человеческо-мышиные гибриды со временем потеряли свои человеческие хромосомы и сохранили только хромосомы мыши. Это позволило ученым начать картографировать человеческие гены в конкретных хромосомах путем отслеживания порядка, в котором исчезали генетические признаки. Если при исчезновении хромосомы прекращалось продуцирование определенного фермента, то исследователи знали, что ген, отвечавший за продуцирование данного фермента, должен был находиться на хромосоме, исчезнувшей самой последней.

В лабораториях Северной Америки и Европы ученые начали гибридизировать клетки и использовать их для картографирования генетических признаков по конкретным хромосомам, создавая предшественника карты генома человека, которую мы имеем сейчас. Они пользовались гибридами для создания первых моноклональных антител — специальных белков, которые использовали впоследствии при создании таких лекарств для лечения рака, как герцептин, и для определения групп крови с целью снижения риска при переливаниях крови. С помощью гибридов также изучали роль иммунитета при трансплантации органов. Благодаря гибридам удалось доказать, что ДНК двух неродственных особей, и даже относящихся к разным видам, могут выживать вместе *внутри* клеток без взаимного отторжения, а это значит, что механизм отторжения трансплантируемых органов находился *вне* клеток.

Ученые были в восторге от гибридов. Однако широкая публика в США и Великобритании запаниковала, когда в СМИ одна за другой стали появляться статьи с сенсационными заголовками:

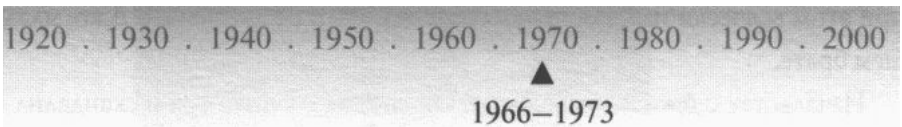
> В ЛАБОРАТОРИИ ВЫРАЩЕНЫ КЛЕТКИ ЧЕЛОВЕКА-ЖИВОТНОГО…
>
> СЛЕДУЮЩИМ ШАГОМ МОЖЕТ СТАТЬ ЧЕЛОВЕК-ДЕРЕВО…
>
> УЧЕНЫЕ СОЗДАЮТ МОНСТРОВ

The Times в Лондоне назвала клетки, полученные слиянием HeLa и мышиных, «самой странной гибридной формой жизни, когда-либо существовавшей в лаборатории или за ее пределами». Редактор *Washington Post* изрек: «Нельзя допустить появления искусственно созданных человеко-мышей». Он назвал это исследование «ужасающим» и предложил ученым «вернуться к своим дрожжам и грибам» и оставить людей в покое. В одной статье поместили изображение получеловека-полумыши с длинным чешуйчатым хвостом; в другой была карикатура, на

которой женщина-гиппопотам читала газету на автобусной остановке. Британская пресса назвала гибриды HeLa «оскорблением жизни» и живописала Харриса как «безумного ученого». Сам Харрис никак не способствовал улучшению ситуации: он заявил в документальном фильме BBC, что теперь можно соединить яйцеклетки человека (man) и человекообразной обезьяны (ape) и создать человеко-обезьяну (tape), это вызвало общее негодование.

Харрис и Уоткинс писали редакторам письма с жалобами на то, что их слова цитировали вырванными из контекста, а из их открытия сделали сенсацию с целью «извратить, представить в ложном свете и вселить страх». Они уверяли публику, что всего лишь создавали клетки, а не «пытались породить кентавров». Однако ничего не помогало. Мнение общественности, согласно опросу, оказалось преимущественно негативным. Исследование называли бессмысленным и опасным, как если бы «люди пытались стать собаками». И «проблема PR» в области культивирования клеток с тех пор только усугублялась.

19
«Сейчас самый решающий момент на этой земле»



Когда 16-летняя Дебора училась в предпоследнем классе средней школы, она забеременела своим первым ребенком. Бобетта, узнав об этом, устроила скандал. Дебора перестала ходить в школу, но Бобетта сказала: «Не очень-то расслабляйся, ты закончишь школу». В ответ Дебора закричала, что не может ходить в школу вся такая большая и беременная.

«Это не важно, — сказала Бобетта, — ты пойдешь в специальную школу для девочек, где у всех учениц такие же огромные животы, как у тебя».

Дебора отказалась, однако Бобетта заполнила заявление на прием вместо нее и притащила ее на первое занятие в школе. 10 ноября 1966 года у Деборы родился сын Альфред-младший, которого она назвала в честь отца мальчика, Альфреда Картера по кличке Гепард, — парня, к которому ее когда-то ревновал Гален. Каждое утро Бобетта собирала Деборе обед, отправляла ее в школу, а сама нянчилась с Альфредом весь день и большую часть ночи, чтобы дать Деборе возможность ходить на занятия и учиться. По окончании школы Бобетта помогла Деборе устроиться на ее первую работу. Нравилось это Деборе или нет, но Бобетта была настроена помогать ей и ее ребенку.

Старшие братья Деборы хорошо устроились сами. Лоуренс завел собственный бизнес, открыв ночной магазин в подвале старого городского дома. Сонни окончил среднюю школу, отслужил в ВВС и превратился в представительного дамского угодника. Он вел довольно беспорядочную жизнь, но при этом всячески избегал неприятностей. Чего не скажешь о Джо, младшем брате.

Начальству с Джо не было сладу. Он спорил с учителями и скандалил с другими учениками, бросил школу в седьмом классе и, наконец, предстал перед судом за «оскорбление побоями» сразу же после своего семнадцатого дня рождения. В восемнадцать лет он пошел в армию, но там его злость и душевный настрой доставили ему еще больше неприятностей. Он дрался со старшими по званию и с солдатами. Иногда он в результате

оказывался в госпитале, однако чаще всего драки заканчивались для Джо в карцере — темной дыре с грязными стенами, пугающе похожей на подвал, в котором Этель некогда запирала его, когда он был ребенком. Джо предпочитал карцер, там ему никто не досаждал. Как только Джо выпускали, он устраивал драку с другим солдатом или нарывался на конфликт с офицером, и его бросали обратно. Он провел на военной службе девять месяцев, большую часть из которых просидел в карцере, становясь все злее и злее. После многочисленных психиатрических обследований и курсов лечения Джо был освобожден от службы за неспособность эмоционально приспособиться к армейской жизни.

В семье Джо надеялись, что армия поможет ему контролировать свой гнев и научит его некоторой дисциплине и уважению к властям. Нет, Джо вернулся из армии еще злее, чем был.

Спустя примерно неделю после его возвращения из армии длинный и тощий соседский мальчишка по имени Айви подошел к Джо с ножом и поинтересовался, не хочет ли тот «пройтись». Мало кто отважился бы на такое. Хотя в свои девятнадцать лет Джо был как минимум на четыре дюйма [10,16 см] ниже Айви и весил всего 155 фунтов [70,37 кг], однако в округе его прозвали Сумасшедшим Джо, ибо казалось, насилие доставляло ему наслаждение. Но Айви было на это наплевать. Уже не первый год он много пил и кололся героином, и все его тело покрывали шрамы от драк. Айви заявил Джо, что собирается убить его.

Поначалу Джо не обращал на Айви внимания. Примерно три месяца спустя, 12 сентября 1970 года Джо с подругой Джун шел по улице Восточного Балтимора. Был субботний вечер, они уже успели выпить. Едва они заговорили с группой юных девушек, как к ним подошли трое мужчин. Одним из них был Элдридж Ли Айви.

Увидев, что Джо и Джун беседуют с девушками, он завопил, что одна из них — его родственница, и лучше бы им держаться от нее подальше.

«Надоел ты мне, барахло», — крикнула в ответ Джун.

Они начали препираться, и когда Айви стал угрожать Джун, что ударит ее кулаком в лицо, Джо встал между ними и спокойно объяснил Айви, что делать этого не стоит.

Айви схватил Джо за шею и принялся душить, в то время как двое его друзей пытались оттащить его. Джо лягался и кричал: «Убью тебя, жопа ублюдочная!» Но Айви бил его в кровь, а Джун с ужасом наблюдала.

В тот вечер Джо постучался в дверь Деборы. Он смотрел прямо перед собой, весь в крови, глаза горели ненавистью, в то

время как сестра промыла ему израненное лицо и положила Джо на кушетку, чтобы приложить лед к ушибам. Всю ночь он лежал, уставившись в стену, он выглядел ужаснее и злее, чем любой человек, которого Деборе приходилось когда-либо видеть.

На следующее утро Джо зашел на кухню к Деборе и взял ее добротный разделочный нож с черной деревянной ручкой. Двумя днями позже, 15 сентября 1970 года, он отправился на работу — он работал водителем в одной из местных компаний грузовых перевозок. К пяти часам вечера Джо вместе с товарищем по работе уже распили на двоих бутылку [примерно 0,9 л] виски Old Granddad, потом взяли еще пинту [0,47 л]. Было еще светло, когда Джо вышел с работы и направился к пересечению авеню Лэнвейл и Монтфорд в Восточном Балтиморе, где на крыльце своего дома стоял Айви, разговаривая с приятелями. Джо перешел улицу, сказал «Привет, Айви» и ударил его в грудь ножом Деборы. Лезвие вошло прямо в сердце. Шатаясь, Айви дошел по улице до соседнего дома, следом за ним шел Джо, Айви упал лицом прямо в лужу собственной крови, крича: «О, я умираю, вызовите скорую!» Но было слишком поздно: когда через несколько минут прибыл пожарный, Айви был мертв.

Джо ушел с места убийства, бросил нож в соседнем переулке и направился к телефону-автомату позвонить отцу, но полиция успела первой сообщить Дэю, что его сын убил парня. Сонни и Лоуренс посоветовали отцу увезти Джо в Кловер, на табачные фермы, где он сможет спрятаться от правосудия и будет в безопасности. Дебора сказала, что они сошли с ума.

«Ему придется вывернуться наизнанку, — объяснила она. — У полиции ордер на его арест живым или мертвым».

Но мужчины не послушали ее. Дэй дал Джо двадцать долларов и посадил его в междугородный автобус до Кловера.

В Лакстауне Джо целыми днями пил, дрался с кузенами и угрожал убить некоторых из них, включая Кути. К концу первой недели Кути позвонил Дэю и сказал, что лучше бы кто-нибудь забрал Джо, прежде чем он убьет еще кого-нибудь или сам словит пулю. Сонни одолжил машину Дэя, забрал Джо из Кловера и привез его пожить к одному своему приятелю в округ Колумбия. Но и здесь Джо не смог ужиться. На следующее утро он позвонил Сонни и попросил: «Приезжай и забери меня, я хочу сам сдаться».

Утром 29 сентября 1970 года Джо пришел в главное полицейское управление Балтимора и спокойно произнес: «Я Джо Лакс. Меня разыскивают, потому что я убил Айви», после чего заполнил следующую форму:

Работает ли обвиняемый? Нет
Сумма наличных средств илиНоль

средств в банке?

Имена родителей	Дэвид Лакс
Приходили ли они повидаться с обвиняемым	Нет
Есть ли у обвиняемого друзья или члены семьи, которые могли бы оплатить адвоката?	Нет

Джо закончил писать и ждал. Он явился сюда, чтобы признать себя виновным — он именно этого и хотел. Проведя пять месяцев в тюремной камере в ожидании суда, Джо написал письмо в уголовный суд судье:

> Уважаемый сэр, или Ваша честь.
>
> Сейчас самый решающий момент на этой земле, в этой атмосфере моей ошибки нет, я бы сказал, неправильного понимания порочности, которое я сам для себя установил. Очень сбивающая с пути проблема, которой не должно было быть. Я так расстроен и так погано внутри. Прошу (скорого суда), чтобы я мог знать, что мне предстоит в будущем. Думаю, меня точно накажут или покарают за то плохое, что я сделал, так что я готов получить это, вот и все.
>
> Джо Лакс
> (Скорый суд)
> (Спасибо)
> (Ваша честь)

Наконец, 6 апреля 1971 года — через семь месяцев после смерти Айви — в зале суда Джо признал себя виновным в убийстве второй степени. Все это время Сонни наблюдал за ним неподалеку. Судья несколько раз предостерегала Джо, что признание себя виновным означает отказ от своих прав на судебное разбирательство, свидетельские показания и на апелляцию по поводу судебного решения. Пока судья говорила, Джо отвечал «да, мэм» и «нет, мэм». Он говорил, что это алкоголь заставил его так поступить, и он вовсе не собирался убивать Айви.

«Я пытался ударить его в плечо, а он испугался и повернулся, и удар пришелся прямо в грудь, — сказал Джо. — Я хотел ранить его — так, чтобы он не мог меня ударить… он сказал, что убьет меня в тот субботний вечер, когда мы поспорили. Надеюсь, вы видите, что я пытался защитить свою жизнь. Я вовсе не хотел причинить кому-то зло».

Однако четырнадцатилетний сосед Айви, который видел, как все произошло, утверждал, что Джо подошел прямо к Айви и

ударил его в грудь, а затем попытался ударить еще раз в спину, пока Айви уходил, шатаясь.

Когда Джо закончил давать показания, назначенный ему судом адвокат приблизился к судье и сказал заключительно слово:

> Хочу лишь добавить, Ваша честь, что я говорил об этом молодом человеке с его братом. Та проблема, которая была у него во время службы в армии, возможно, и привела его сегодня на скамью подсудимых. По какой-то причине, в какой-то период его жизни у него появился комплекс неполноценности, и, судя по всему, серьезный. Видимо, любую конфронтацию с любым человеком он воспринимает чаще всего агрессивно, намного агрессивнее, чем обычный средний человек… Для справки, во время службы в армии [подзащитному] оказывали некоторую психиатрическую помощь, но он никогда не лечился в больнице.

Ничего не зная ни о жизни Джо, ни о жестоком обращении, которому тот подвергался в детстве, адвокат сказал: «Он испытывает большую потребность защищать себя, нежели обычный человек. И может быть, по этой причине он „заводится“ там, где обычный человек остался бы спокоен».

— Люди называли вас Сумасшедшим Джо? — спросила судья.

— Так звали меня некоторые друзья, — ответил Джо.

— Знаете ли вы, почему они так вас звали?

— Нет, мэм.

Судья приняла заявление Джо о признании его виновным, но изъявила желание, прежде чем выносить приговор, посмотреть акты его медицинского и психиатрического освидетельствования. Эти акты скрыты за семью печатями, но их содержание заставило судью приговорить Джо лишь к пятнадцати годам заключения вместо максимальных тридцати. Его отправили в исправительное учреждение штата Мэриленд в Хэйгерстауне — тюрьму общего режима примерно в семидесяти пяти милях [120 км] от Балтимора.

Поначалу большую часть времени в тюрьме Джо проводил так же, как и в армии, — в карцере, куда его отправляли за неповиновение и драки. Однако в конце концов он перестал драться и направил всю свою энергию внутрь себя. Джо принял ислам и все свободное время, будучи в камере, изучал Коран. Вскоре он сменил имя и стал Захарией Бари Абдул Рахманом.

Тем временем на воле дела двух других братьев Лаксов выглядели неплохо. Сонни только что вышел в почетную отставку

после службы в BBC, а у Лоуренса была хорошая работа в железнодорожной компании. Но у Деборы дела были не столь хороши. К тому моменту когда Захария оказался в тюрьме, она в голубом шифоновом платье уже вышла замуж за Гепарда в гостиной в доме Бобетты и Лоуренса.

Деборе исполнилось восемнадцать. Когда они впервые встретились, Гепард кинул в Дебору шар для боулинга прямо на тротуаре перед ее домом. Она тогда решила, что это просто игра, однако после свадьбы стало только хуже. Вскоре после рождения их второго ребенка — ЛаТоньи — Гепард подсел на наркотики и начал бить Дебору, когда был под кайфом. Затем он начал шляться по улицам и проводить ночи с другими женщинами, и возвращался лишь затем, чтобы торговать наркотиками на дому, а Дебора и дети сидели и наблюдали это.

В один из дней Дебора мыла на кухне в раковине тарелки и ее руки были в мыльной пене. Гепард влетел на кухню, вопя что-то типа того, что она ему изменяет, и вдруг ударил ее.

«Никогда больше не делай этого», — сказала Дебора, застыв на месте, как каменное изваяние, так и не вынув руки из раковины с тарелками.

Гепард схватил тарелку с сушилки и разбил ее прямо перед лицом жены.

«Не смей больше ко мне прикасаться!» — воскликнула она, резко выдернула руки из раковины и схватила зазубренный столовый нож.

Гепард занес было руку для следующего удара, но оказался неповоротливым после принятых наркотиков и выпивки. Дебора успела подставить свободную руку и прижала его к стене. Острием ножа она ткнула его в грудь ровно настолько, чтобы проткнуть кожу, и провела лезвием вниз до пупка, в то время как Гепард орал и обзывал ее чокнутой.

После этого случая он оставил ее в покое на несколько дней, но потом опять пришел домой пьяный и под кайфом, и вновь принялся избивать ее. Как-то вечером в гостиной после очередного удара Дебора воскликнула: «Почему ты со мной все время ссоришься и споришь?» Не получив ответа, она поняла, что хочет его смерти. Гепард повернулся и побрел, шатаясь, к лестнице, по-прежнему крича, и Дебора изо всех сил толкнула его. Скатившись по ступенькам до самого низа, он лежал там, истекая кровью. Дебора смотрела на него сверху и не ощущала ничего — ни страха, ни волнения. Когда он зашевелился, она спустилась по ступенькам и вытащила его через цокольный этаж на тротуар. Была середина зимы, шел снег. Дебора бросила его на землю перед домом без верхней одежды, хлопнула дверью и ушла

наверх спать.

Наутро она проснулась с надеждой, что он замерз насмерть, однако Гепард сидел на крыльце дома, в синяках и озябший.

«Такое чувство, что какие-то парни скакали по мне и били», — пожаловался Гепард.

Дебора пустила его в дом, дала ему помыться и накормила, не переставая думать при этом, какой же он непроходимый дурак. Пока Гепард отсыпался, она позвонила Бобетте и сказала: «Все, хватит, сегодня вечером он умрет».

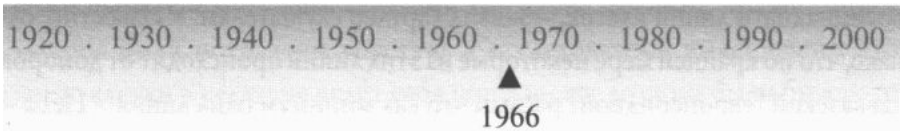
«О чем это ты?» — спросила Бобетта.

«У меня есть разводной ключ, — ответила Дебора. — Размажу его мозги по стене. Мне надоело».

«Не делай этого, Дейл. Посмотри, что случилось с Захарией — он в тюрьме. Если убьешь этого мужика, что будет с твоими детьми? Так что убери ты этот ключ».

На следующий день, после того как Гепард ушел на работу, перед домом остановился мебельный фургон. Дебора взяла детей, собрала свои пожитки и приютилась у своего отца, пока не найдет себе отдельное жилье. Она тянула на двух работах, с трудом приспосабливаясь к новой жизни матери-одиночки. Дебора даже не подозревала, что вскоре узнает такие новости, что справиться с ними ей будет сложнее, чем с любыми выходками Гепарда.

20
Бомба HeLa



В сентябре 1966 года генетик Стенли Гартлер взошел на подиум аудитории в отеле города Бедфорд (штат Пенсильвания), где объявил перед Джорджем Гаем и другими гигантами в области культивирования клеток, что в их работе есть «техническая проблема».

Дело происходило на Второй десятилетней обзорной конференции по культивированию клеток, тканей и органов, на которую собралось более семисот ученых. Многие представляли биотехнологические компании и академические учреждения; они приехали из Нью-Йорка, Англии, Нидерландов, с Аляски, из Японии и других мест, чтобы обсудить будущее культуры клеток. Аудитория гудела от возбужденных голосов — все говорили о клонировании клеток и гибридах, о составлении карты человеческих генов и об использовании культур для лечения рака.

Мало кто из присутствующих слышал о Стенли Гартлере, но вот и он, и скоро дело примет иной оборот. Придвинувшись к микрофону, он поведал аудитории, что во время поиска новых генетических маркеров для своего исследования обнаружил, что восемнадцать из наиболее широко используемых клеточных культур содержали один общий компонент: редкий генетический маркер глюкозо-6-фосфатдегидрогеназу-А (G6PD-A), который встречается почти исключительно у черных американцев, причем даже у них достаточно редок.

«У меня не было возможности выяснить расовое происхождение всех восемнадцати линий клеток, — заявил Гартлер слушателям. — Известно, однако, что по крайней мере некоторые из этих линий происходят от доноров кавказской [европеоидной] расы, и что как минимум одна линия — HeLa — негритянского происхождения».

Он знал об этом, так как несколькими месяцами раньше написал Джорджу Гаю:

> Хотелось бы узнать расовую принадлежность человека, от которого была изначально взята ваша линия клеток HeLa. Я изучил ряд старых газет с описанием

развития линии HeLa, однако не нашел никакой информации, относящейся к расе донора.

Когда Гай ответил, что клетки HeLa были взяты у «одной цветной женщины», Гартлер понял, что нашел источник проблемы. «Мне кажется, самое простое объяснение состоит в том, что все эти линии клеток были заражены HeLa», — объявил он аудитории.

Ученые знали, что они должны не допускать заражения своих культур клеток бактериями и вирусами; они также знали, что клетки могли загрязнять друг друга при их смешивании в культуре. Однако в случае с HeLa они не понимали, с чем столкнулись. Оказалось, что клетки Генриетты могли переноситься по воздуху вместе с частицами пыли, могли путешествовать из одной культуры в другую на немытых руках или использованных пипетках, могли переезжать из лаборатории в лабораторию на куртках и ботинках исследователей, либо через систему вентиляции. Клетки HeLa были невероятно жизнеспособны: если хотя бы *одна* из них попадала в чашку для культивирования, то она захватывала ее, потребляя всю культуральную среду и заполняя все свободное пространство.

Открытие Гартлера произвело на ученых удручающее впечатление. С тех пор как пятнадцать лет назад Джордж Гай вырастил первую партию HeLa, число опубликованных статей на тему культивирования клеток ежегодно возрастало более чем втрое. Ученые тратили миллионы долларов на проведение исследований клеток, чтобы изучить, как ведет себя каждый тип тканей, сравнивали их друг с другом, проверяли специфические реакции различных типов клеток на те или иные лекарственные препараты, химические вещества и окружающую среду. А если все эти клетки были на самом деле клетками HeLa, это означает, что миллионы долларов были потрачены впустую, а исследователи, выяснившие, что разные клетки в культуре ведут себя по-разному, должны были бы как-то это объяснить.

Спустя годы Роберт Стивенсон — к тому времени президент Американской коллекции типовых культур (ATCC) — так описал мне выступление Гартлера: «Он появился на этом собрании, не имея отношения к культивированию клеток, и принялся гадить в чашу для пунша».

Стивенсон и другие члены Комитета по сбору культур клеток сидели в зале, совершенно ошеломленные, в то время как Гартлер тыкал указкой в висевшую на стене схему с перечнем восемнадцати линий клеток, зараженных HeLa и с именами людей или мест, откуда он их получил. По крайней мере шесть

зараженных линий поступили из ATCC. Итак, HeLa проникла в «Форт Нокс».

К тому времени коллекция ATCC выросла до дюжин различных типов клеток. Все они гарантированно не были заражены вирусами и бактериями, и они были проверены на загрязнение клетками других видов живых существ. Однако не существовало еще теста, с помощью которого можно было бы узнать, не были ли клетки, взятые от одного человека, загрязнены клетками другого человека.

В сущности, теперь Гартлер сообщил аудитории, что все эти годы исследователи считали, будто создают коллекцию человеческих тканей, тогда как на самом деле, возможно, они всего лишь вновь и вновь выращивали HeLa. Он отметил, что несколькими годами ранее, когда ученые начали принимать меры по предохранению от межвидового загрязнения (например, стали работать под стерильными вытяжками), вдруг стало сложнее выращивать новые линии клеток. И фактически «с тех пор было описано очень мало [новых линий человеческих клеток]». Более того, по его словам, с тех пор не было новых случаев «так называемой спонтанной трансформации культур человеческих клеток».

Все присутствующие в аудитории понимали, что это значит. Помимо того, что они, возможно, потеряли более десяти лет и миллионы долларов, выделенных на исследования, Гартлер предположил, что спонтанной трансформации — одного из самых знаменитых перспективных направлений поиска лекарства от рака — возможно, попросту не существует. По его мнению, нормальные клетки не превращаются спонтанно в раковые, а просто замещаются HeLa.

Он закончил свое выступление словами: «Если исследователь предполагал, что конкретная линия клеток происходит от конкретной ткани — например, печени… или костного мозга, — то результаты его работы оказываются под серьезным вопросом и, с моей точки зрения, должны быть отвергнуты».

Над ошеломленной аудиторией повисла гробовая тишина, — пока слово не взяла Тао Чу Сю — председатель отделения конференции, на котором выступал Гартлер. Сю была генетиком в Техасском университете, чьи ранние эксперименты с HeLa и другими клетками позволили определить точное количество хромосом у человека.

«Несколько лет назад я высказала некоторые подозрения относительно загрязнения линий клеток, — произнесла она. — Так что я рада докладу доктора Гартлера. Я также уверена, что этот доклад многих людей сделал несчастными».

Она была права, и от этих бедолаг посыпались вопросы:

«Как долго вы держали их в вашей лаборатории?» — спросил один из ученых, предположив, что Гартлер сам заразил клетки уже после того, как они поступили в его лабораторию.

«Анализ клеток проводился до того, как они стали выращиваться в моей лаборатории», — ответил Гартлер.

«Не отправляли ли вам клетки в замороженном виде?» — поинтересовался ученый, зная, что заражение могло произойти в процессе разморозки.

Гартлер сказал, что это не имеет значения, ибо для проведения анализа нет необходимости размораживать клетки.

Другой ученый желал знать, не являлось ли замеченное Гартлером сходство разных линий клеток просто следствием спонтанной трансформации, заставляющей все клетки вести себя сходным образом.

В конце концов слово взял Роберт Стивенсон из Комитета по сбору культур клеток: «Судя по всему, требуется более тщательное расследование, чтобы понять… не придется ли нам начинать все сначала, чтобы выделить некоторые новые линии человеческих клеток».

Тут вмешалась Сю, добавив: «Хотелось бы дать высказаться первыми тем, кто положил начало этим линиям клеток, — тем, кого атаковал доктор Гартлер. Если им есть что сказать в свою защиту, мы хотели бы это выслушать».

Роберт Чанг из Гарварда, чья широко использовавшаяся «линия клеток печени Чанга» числилась в списке Гартлера среди прочих зараженных HeLa линий, сердито глянул со своего места. Он использовал эти клетки для открытия ферментов и генов, специфичных для клеток печени. Если Гартлер был прав, и эти клетки действительно происходили из шейки матки Генриетты, то исследование печени, проведенное Чангом с их помощью, оказывалось лишенным всякой ценности.

Леонард Хейфлик имел особую личную связь со своей линией клеток WISH, которую Гартлер тоже назвал в числе зараженных: он вырастил ее из клеток, взятых из амниотической оболочки, в которой когда-то плавала его неродившаяся дочь. Хейфлик спросил Гартлера, возможно ли обнаружить G6PD-A в образцах, взятых у белых людей.

«О субъектах кавказской [европеоидной] расы с G6PD-A сообщений не поступало», — ответил Гартлер.

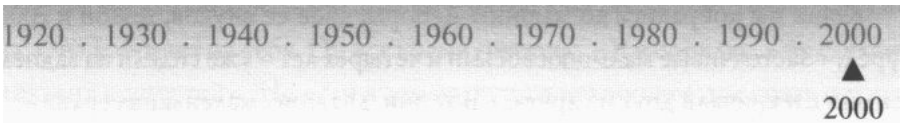
Чуть позже — во время беседы под председательством Джорджа Гая — Хейфлик сделал доклад о «фактах и теориях» спонтанной трансформации клеток в культуре. Прежде чем начать речь, Хейфлик поднялся на подиум и заявил, что,

поскольку при тестировании клеток линии WISH предположительно был выявлен генетический маркер, обнаруженный только у черных людей, он во время перерыва позвонил своей жене и поинтересовался, действительно ли он был отцом своей дочери. «Она заверила меня, что мои наихудшие страхи были необоснованными», — сказал он. Аудитория разразилась смехом, и больше никто ничего не сказал публично об открытиях Гартлера.

Однако некоторые люди приняли Гартлера всерьез: прежде чем покинуть конференцию, Стивенсон встретился за обедом с несколькими лучшими культиваторами клеток и попросил их по возвращении в свои лаборатории заняться проверкой клеток на наличие генетического маркера G6PD-A, чтобы понять масштаб проблемы. Проверки показали, что многие линии клеток содержали G6PD-A, включая клетки кожи, которые Джордж Хайэтт несколько лет назад трансплантировал на руку солдата. Поскольку в лаборатории Хайэтта в то время не было клеток HeLa, то использованные в его эксперименте клетки могли быть заражены еще до того, как они к нему попали. И хотя мало кто осознавал это, то же самое происходило в лабораториях по всему миру.

И все же многие ученые по-прежнему отказывались верить в реальность заражения клетками HeLa. После конференции, на которой Гартлер «сбросил» то, что стало известно как «бомба HeLa», большинство исследователей продолжали работать с клетками, которые, по утверждению Гартлера, были зараженными. Тем не менее Стивенсон и несколько других ученых осознали потенциальный масштаб проблемы заражения клетками HeLa и потому начали разрабатывать генетические тесты, которые могли бы идентифицировать клетки HeLa в культуре, вместо того чтобы просто проверять культуру на наличие G6PD-A. И в конце концов эти тесты привели их к семье Генриетты.

21
Ночные доктора



Спустя два месяца после того, как Сонни Лакс меня «продинамил», я вновь поджидала его, на этот раз в холле гостиницы Holiday Inn в Балтиморе. Было 1 января, и Сонни уже опаздывал на два часа. Решив, что он опять уклонился от встречи, я стала собираться к отъезду, как вдруг услышала мужской голос, воскликнувший: «Так это вы мисс Ребекка?!»

Неожиданно рядом со мной вырос Сонни с широкой и застенчивой щербатой улыбкой, делавшей его похожим на пятидесятилетнего подростка. Он рассмеялся и похлопал меня по спине.

«Вы же не отстанете, верно? — спросил он. — Признаться, я знаю только одного человека еще упрямее вас — это моя сестра Дейл».

Ухмыльнувшись, он поправил свою черную шоферскую кепку: «Я пытался убедить ее встретиться с вами сегодня, но она даже слышать не хотела».

Смеялся Сонни оглушительно. Его озорные глаза превращались в узенькие щелки, когда он улыбался. Лицо его было доброжелательным и приятным, открытым миру. Он был худ, ростом самое большее пять футов и девять дюймов [175,26 см] и носил тщательно подстриженные усы. Протянув руку к моей сумке, он сказал: «Что ж, пора в путь».

Я последовала за ним к «вольво», который он оставил незапертым и со включенным двигателем прямо на парковке рядом с гостиницей. Машину он одолжил у одной из дочерей. «Никто не хочет ездить в моем старом потрепанном фургоне, — пожаловался Сонни, включая передачу. — Готовы ли вы к встрече с Большим Кахуной?»

— Большим Кахуной?

— Ага, — ухмыльнулся Сонни. — Дебора говорит, чтобы вы сначала поговорили с нашим братом Лоуренсом, прежде чем с вами будет говорить кто-то другой. Он проверит вас и решит, что к чему. Если он скажет, что все в порядке, то, может быть, и остальные из нас тоже поговорят с вами.

Несколько кварталов мы проехали в полном молчании.

«Лоуренс — единственный из нас, детей, кто помнит мать, —

в конце концов сказал Сонни. — Ни Дебора, ни я ничего о ней не знаем».

Затем, не отрывая глаз от дороги, он поведал мне все, что знал о своей матери.

«Все говорят, что она была очень милая и хорошо готовила, — сказал он. — И еще красивая. Ее клетки взрывали в ядерных бомбах. Из ее клеток появились все эти разные открытия — чудеса медицины, вроде вакцины от полиомиелита, какие-то лекарства от рака и прочих болезней и даже от СПИДа. Ей нравилось заботиться о людях, так что понятно, почему так поступили с ее клетками. То есть люди всегда говорили, что она — само радушие, понимаете? Все приведет в порядок, приберется, встанет, приготовит завтрак для всех, даже если в доме двадцать человек народу».

Он въехал на пустую дорожку позади выстроившихся в ряд домов из красного кирпича и впервые взглянул на меня с тех пор, как мы сели в машину.

«Вот сюда мы привозим ученых и репортеров, которые хотят узнать про нашу мать. Как раз тут на них ополчается вся семья, — произнес он со смехом. — Но вы вроде бы хорошая, так что я окажу вам услугу и на этот раз не привезу сюда своего брата Захарию».

Я вылезла из машины, и Сонни уехал, крикнув напоследок из окна: «Удачи!»

О братьях Сонни мне было известно только, что они были сердитыми, а один из них кого-то убил — кто именно и почему, я не знала. Несколько месяцев тому назад, давая мне телефон Лоуренса и поклявшись никогда со мной больше не разговаривать, Дебора сказала: «Братья выходят из себя, когда приходят белые выспрашивать про нашу мать».

Пока я шла через узкий, наполовину зацементированный двор к дорожке, которая вела в дому Лоуренса, через сетчатую дверь кухни, где на складном столике громко шумели помехи в маленьком телевизоре, потянуло дымком. Я постучалась, подождала. Тишина. Тогда я просунула голову на кухню, где на плите жарились жирные свиные отбивные, и крикнула «здрасьте». Опять никого.

Сделав глубокий вдох, я вошла внутрь. Лоуренс возник, как только я закрыла дверь за собой, и показался более чем вдвое больше меня самой; его фигура весом в 275 фунтов [124,85 кг] и шести футов [182,88 см] ростом заполнила всю небольшую кухню — одной рукой он касался кухонного стола, другой опирался о стену напротив.

«Ну, здравствуйте, мисс Ребекка, — сказал он, бегло взглянув

на меня. — Будете пробовать мясо, которое я приготовил?»

Последний раз я ела свинину лет десять назад, но это вдруг показалось неважным, и я ответила: «Как я могу отказаться?»

Лицо Лоуренса расплылось в усмешке. Ему исполнилось шестьдесят четыре года, однако, если не обращать внимания на седину его вьющихся волос, он казался моложе на несколько десятков лет благодаря гладкой орехово-коричневой коже и молодым зеленым глазам. Он подтягивал мешковатые синие джинсы, болтал и вытирал руки о футболку в жирных пятнах.

«Ну ладно, — сказал Лоуренс, — хорошо. Очень хорошо. Я щас еще пожарю вам яичницу. А то вы слишком тощая».

Пока он готовил, я слушала о том, как раньше жили у них в деревне. «Когда взрослые ехали в город продавать табак, то всегда привозили детям кусок болонской колбасы. А иногда, если мы хорошо себя вели, нам дозволяли собрать хлебом жир от жареного бекона». Лоуренс помнил неимоверное количество деталей: описывал фургон, в который запрягал лошадей, который Дэй смастерил сам из подручных материалов. С помощью салфеток и веревки показал мне, как ребенком нанизывал табак в связки для просушки.

Однако стоило мне спросить о его матери, как Лоуренс замолчал. В конце концов он произнес: «Она была красивой» и снова заговорил про табак. Когда я вновь спросила про Генриетту, он ответил: «Мой отец с друзьями, бывало, устраивали лошадиные скачки вверх и вниз по дороге мимо Лакстауна». Так мы ходили вокруг да около, пока, наконец, Лоуренс не вздохнул и не ответил, что не помнит свою мать. По его словам, он практически ничего не помнил о тех годах, когда был подростком.

«Я вычеркнул их из памяти, потому что это печально и болезненно», — промолвил он. И добавил, что не желает вновь вспоминать те годы.

«Единственное, что я помню о матери, так это ее строгость», — произнес Лоуренс. Он помнил, как она заставляла его вручную стирать в раковине пеленки; он развешивал их сушиться, а она сбрасывала их обратно в воду со словами, что они недостаточно чистые. Но лупила она его только за купание с пирса на Станции Тернер. «Она посылала меня за хворостиной для порки, затем отправляла за хворостиной побольше, потом — еще больше, а затем связывала их в пучок и вдруг принималась хлестать меня по заднице».

Пока Лоуренс рассказывал, кухня опять наполнилась дымом, ибо мы оба забыли о готовившейся на плите еде. Он прогнал меня от кухонного стола в гостиную, где посадил за стол, положил

передо мной пластиковую рождественскую подставку и поставил на нее тарелку с яичницей и ломтем обуглившейся свинины размером с мою кисть, только толще. После чего, бухнувшись на деревянный стул рядом, положил локти на колени и уставился в пол. И не проронил ни слова, пока я ела.

Наконец он произнес: «Вы пишете книгу о моей матери».

Я кивнула, продолжая жевать.

«Ее клетки выросли такими большими, как этот мир, ими можно покрыть всю Землю, — сказал Лоуренс. Он размахивал руками в воздухе, как бы изображая планету вокруг себя, на его глазах были слезы. — Так прям странно… Они просто упорно растут и растут, упорно борются со всем, с чем они борются».

Он придвинулся ко мне на стуле, так что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от моего, и прошептал: «Знаете, что я слышал? Что к 2050 году детям будут вкалывать сыворотку из маминых клеток, чтобы они жили по восемьсот лет, — и улыбнулся так, как будто хотел сказать: *Спорим, вашей маме такое не по силам.* — Они избавят от болезней. Они — чудо».

Лоуренс откинулся на стуле и уставился на свои колени. Его улыбка погасла. Помолчав, он обернулся и посмотрел мне в глаза.

«Вы можете мне рассказать, что на самом деле сделали мамины клетки? — прошептал он. — Знаю, что что-то важное, но никто нам ничего не говорит».

На вопрос, знает ли он, что такое клетка, он уставился на свои ботинки, как будто бы я вызвала его к доске, а он не выучил урок.

«Ну, вроде… на самом деле, нет».

Я выдернула страницу из своего блокнота, нарисовала большой круг с маленькой черной точкой посередине и объяснила, что такое клетка, затем рассказала кое о чем из того, что клетки HeLa сделали для науки, а также о том, как далеко вперед с тех пор продвинулось культивирование клеток.

«Сегодня ученые могут вырастить даже роговицу глаза», — сказала я, вытащив из сумки вырезанную из газеты статью, протянула ее Лоуренсу и пояснила, что с помощью техник культивирования, разработанных благодаря HeLa, ученые теперь могут взять у человека образец роговицы, вырастить ее в культуре, и затем трансплантировать ее человеку, тем самым помогая ему избавиться от слепоты.

«Вот это да, — произнес Лоуренс, качая головой. — Вот так чудо!»

Вдруг в сетчатую дверь влетел Сонни, крича: «Мисс Ребекка тут еще жива?» — и встал, изогнувшись вбок, в дверном проеме

между кухней и гостиной.

— Похоже, вы прошли проверку, — сказал он, указывая на мою наполовину пустую тарелку.

— Мисс Ребекка рассказывает мне о маминых клетках, — произнес Лоуренс. — Удивительные вещи она рассказала. Ты знаешь, что клетки нашей матери будут использовать для того, чтобы вернуть зрение Стиви Уандеру?

— Ну, на самом деле, в глаза людям помещают не ее клетки, — уточнила я, запнувшись. — С помощью ее клеток была разработана технология, чтобы выращивать роговицы *других* людей.

— Удивительно, — сказал Сонни. — Я об этом не знал, но как-то президент Клинтон сказал, что появление вакцины от полиомиелита стало одной из важнейших вещей, случившихся в XX веке, и ее клетки тоже приняли в этом участие.

— Удивительно, — повторил Лоуренс.

— Так и есть, — Сонни медленно развел руками и шагнул в сторону, дав дорогу своему восьмидесятичетырехлетнему отцу Дэю, который пошатывался позади сына на нетвердых ногах.

Дэй почти неделю не выходил из дома из-за носового кровотечения, которое не удавалось остановить. Теперь он стоял в дверях в выцветших джинсах, фланелевой рубашке и голубых пластиковых шлепанцах, хотя на дворе стоял январь. Худой и болезненный, он с трудом удерживал себя в вертикальном положении; его светло-коричневое лицо с годами загрубело и покрылось морщинами, но осталось мягким, будто пара сильно поношенных рабочих ботинок. Его серебристые волосы покрывала такая же, как у Сонни, черная кепка.

«У него гангрена ступней, — сказал Сонни, указывая на пальцы Дэя. Они были несколько темнее кожи на других частях тела и покрыты болячками. — В обычной обуви у него очень болят ноги».

Гангрена уже распространялась от пальцев к коленям, и врач посоветовал Дэю ампутировать пальцы. Однако тот отказался, сказав, что не хочет, чтобы врачи кромсали его, как Генриетту. В свои пятьдесят два года Сонни вел себя так же: доктора сообщили ему о необходимости проведения ангиопластики [операции по восстановлению нормального просвета в сосудах], однако он поклялся, что никогда на это не пойдет.

Дэй присел рядом со мной; коричневые пластмассовые солнечные очки скрывали его постоянно слезящиеся глаза.

«Пап, — прокричал Лоуренс, — ты знаешь, что мамины клетки помогут вернуть зрение Стиви Уандеру?»

Дэй медленно качнул головой. «Не-а, — пробормотал он. —

До сих пор не знал. Меня уже ничем не удивишь».

Неожиданно раздался глухой удар в потолок и шум, как от чьих-то шагов, и Лоуренс вскочил со стола и бросился на кухню. «Без утреннего кофе моя жена — сущий огненный дракон, — объяснил он. — Так что лучше я его приготовлю». Было два часа пополудни.

Через несколько минут Бобетта Лакс спустилась по лестнице вниз и медленно прошла в гостиную в линялом голубом махровом халате. Все замолчали, пока она шла на кухню, не произнеся ни слова и даже ни на кого не глянув.

Бобетта производила впечатление шумной персоны в спокойном состоянии, женщины — обладательницы громового хохота и буйного нрава, которые могут прорваться в любую минуту. От нее так и исходило *«Не лезьте ко мне».* Ее лицо было суровым, и она смотрела прямо перед собой. Она знала, зачем я оказалась здесь, и много чего могла сказать на эту тему. Однако казалось, что сама мысль говорить со мной — с очередным белым, которому что-то понадобилось от семьи — чрезвычайно утомила ее.

Она скрылась на кухне, и Сонни сунул Дэю в руку помятый клочок бумаги — отпечатанную на принтере копию фотографии Генриетты, где та держит руки на бедрах. Сонни схватил с центра стола мой магнитофон, передал его Дэю и сказал: «Ладно, пап, у мисс Ребекки к тебе вопросы. Расскажи ей, что знаешь».

Дэй принял магнитофон из рук Сонни и не вымолвил ни слова.

«Она просто хочет знать все, о чем тебя всегда спрашивает Дейл», — уточнил Сонни.

Я спросила Сонни, может ли он позвонить Деборе и узнать, придет ли она, но Лаксы рассмеялись и покачали головами.

«Дейл сейчас ни с кем не хочет говорить», — ответил Сонни.

«Это потому, что она от этого устала, — проворчал Дэй. — Они всегда задают вопросы и спрашивают о всяких вещах, она все отвечает и отвечает, а в обмен ничего. Даже открытку не дали ей».

«Угу, — подтвердил Сонни, — верно. Все они хотят все узнать. И мисс Ребекка хочет того же. Так что давай, папочка, расскажи ей, чтобы уж покончить с этим делом».

Но Дэй не хотел говорить о жизни Генриетты.

«Сначала я услышал, что у нее рак, — произнес он, почти дословно повторяя то, что уже многие годы рассказывал уже дюжинам журналистов. — Мне позвонили из больницы Хопкинса и сказали прийти, потому что она умерла. Они спросили разрешения оставить Генриетту у себя, но я не согласился. Я

сказал: „Не знаю как, но вы ее убили. Не дам еще ее резать“. Но позже моя кузина сказала, что это никому не повредит, ну, я и разрешил».

Дэй стиснул три оставшихся зуба. «Я не подписал бумаги, — сказал он. — Я только сказал им, что можно делать скрытие. И ничего больше. Эти доктора никогда ничего не говорили о сохранении ее живой в пробирках или о выращивании клеток. Они сказали мне, что хотят сделать вскрытие и посмотреть, вдруг это может помочь моим детям. А я всегда попросту твердо знал: они — это доктора, и надо делать так, как они сказали. Я не знаю столько, сколько они. И эти врачи сказали, что, если я отдам им мою старушку, они могут использовать ее для изучения этого рака и, может быть, это поможет моим детям, моим внукам». «Ага, — воскликнул Сонни. — Они сказали, что это может помочь его детям, если те тоже заболеют раком. У него было пятеро детей, и что ему еще оставалось делать?»

«Когда я пришел туда после ее смерти, они знали, что эти клетки уже росли, — произнес Дэй, тряся головой. — Но они ничего мне об этом не сказали. Они только спросили, можно ли ее разрезать и посмотреть насчет того рака».

«Так что еще нам ждать от больницы Хопкинса? — крикнула Бобетта из кухни, где она смотрела по телевизору мыльную оперу. — Я бы туда даже ногти стричь не пошла».

«М-ммм, хм-хммм», — громко промычал ей в ответ Дэй, ударяя по полу своей серебристой палкой, как восклицательным знаком.

«Раньше они делали дела, — сказал Сонни. — Особенно с черными. Больница Джона Хопкинса была известна своими экспериментами над черными людьми. Они похищали их на улице…»

«Это верно! — подтвердила Бобетта, появившись в двери кухни со своим кофе в руках. — Это всем известно».

«Они попросту похищали их на улице», — повторил Сонни.

«Хватали людей!» — еще громче крикнула Бобетта.

«Опыты на них ставили!» — воскликнул Сонни.

«Вы бы удивились, если бы знали, сколько людей пропадало в Восточном Балтиморе, когда я была девчонкой, — сказала Бобетта, качая головой. — Говорю вам, я здесь жила в пятидесятых, когда они заполучили Генриетту, и нам не разрешали вообще приближаться к больнице Хопкинса. Когда мы были маленькими, с наступлением темноты мы должны были сидеть *на ступеньках,* иначе Хопкинс мог до нас добраться».

Лаксы не были единственными, кто в свои юные годы слышал

истории о том, что больница Хопкинса и другие больницы забирали черных людей. Как минимум с XIX века устные предания черных изобиловали рассказами о «ночных докторах», похищавших черных людей для исследований. И за этими историями крылась тревожная правда.

Некоторые из этих историй были инспирированы белыми владельцами плантаций, которые хотели воспользоваться издавна бытовавшей у африканцев верой в духов, приносящих болезни и смерть. Чтобы отбить у рабов желание встречаться друг с другом или убегать, рабовладельцы рассказывали истории об отвратительных исследованиях, проводимых с телами черных, после чего облачались в белые простыни и крались в ночи, изображая духов, пришедших заразить черных болезнью или похитить их для исследований. Позднее эти простыни превратились в ку-клукс-клановские белые плащи с капюшонами.

Однако «ночные доктора» были не просто выдуманы для запугивания. Многие врачи испытывали на рабах лекарства и оперировали их, разрабатывая новые хирургические техники, — зачастую даже не применяя обезболивания. Страх перед «ночными докторами» еще более возрос в начале 1900-х годов, когда черное население мигрировало на север в направлении Вашингтона (округ Колумбия) и Балтимора.

Вскоре стали распространяться известия о медицинских школах, предлагавших деньги в обмен на тела. Тела черных в плановом порядке извлекались из могил для исследований, и существовала целая подпольная индустрия по поставке в учебные заведения Севера тел черных с Юга для занятий по анатомии. Порой тела прибывали одновременно дюжинами в бочках с надписью *«Скипидар»*.

Из-за подобных историй черные, жившие близ больницы Хопкинса, долго верили, что эту больницу построили по соседству с бедным черным районом в интересах ученых — чтобы обеспечить им легкий доступ к потенциальным объектам исследований. На самом же деле она была построена для блага всех бедняков Балтимора.

Джон Хопкинс родился на табачной плантации в Мэриленде. Его отец освободил своих рабов почти на шестьдесят лет раньше официальной отмены рабства. Хопкинс нажил миллионы, будучи банкиром и бакалейщиком и продавая собственную марку виски. Но он никогда не был женат и не имел детей. В 1873 году, незадолго до смерти, он пожертвовал 7 миллионов долларов на создание медицинской школы и благотворительной больницы. Свои пожелания Хопкинс изложил в письме, адресованном двенадцати членам совета попечителей, которых он

собственноручно выбрал. В письме он разъяснял, что цель больницы Хопкинса — помогать тем, кто не может получить медицинскую помощь иным путем:

> Нуждающиеся больные из этого города и его окрестностей, невзирая на пол, возраст и цвет кожи, которым требуется хирургическая или иная медицинская помощь и кого можно принять в больницу, не подвергая опасности прочих ее пациентов, а также бедняки из этого города и этого штата любой расы, пострадавшие в результате любого несчастного случая, должны быть приняты в эту больницу бесплатно.

Хопкинс уточнил, что плату дозволяется брать только с пациентов, которые легко могут себе это позволить, а все полученные с них деньги следует употребить на лечение тех, кто лечится бесплатно. Он также выделил собственность стоимостью 2 миллиона долларов и 20 тысяч долларов ежегодно наличными специально на помощь черным детям:

> В дальнейшем вы должны будете обеспечить… подходящие здания для приема, содержания и обучения цветных детей-сирот. Приказываю вам обеспечить жилье для трех-четырех сотен таких детей. Вы также имеете право на свое усмотрение взять в этот приют, как принадлежащих к тому же классу, цветных детей, потерявших только одного родителя, а в исключительных случаях — цветных детей, не являющихся сиротами, но оказавшихся в обстоятельствах, которые требуют вмешательства благотворительной организации.

Хопкинс умер вскоре после написания этого письма. Его совет попечителей — большинство из которых были его друзьями и членами его семьи — создал одну из лучших медицинских школ страны и больницу, в бесплатных палатах которой неимущие, многие из которых были черными, получали медицинскую помощь на миллионы долларов.

Однако история больницы Хопкинса отнюдь не безупречна, если говорить о черных пациентах. В 1969 году исследователь из этой больницы использовал образцы крови более семи тысяч детей из окрестностей больницы — по большей части из бедных черных семей — с целью выявить генетическую предрасположенность к преступному поведению. Согласия на это он не получал. Американский союз защиты гражданских свобод

(АСШ) предъявил иск, заявив, что данное исследование нарушало гражданские права мальчиков, а также конфиденциальность взаимоотношений между врачом и пациентом, поскольку его результаты были представлены в суд штата и в суд по делам малолетних. Исследование было остановлено и возобновлено спустя несколько месяцев, но уже с использованием форм для получения согласия.

В конце 1990-х годов две женщины подали в суд на больницу Хопкинса, заявив, что ее исследователи сознательно подвергали их детей воздействию свинца и не информировали сразу их родителей о том, что анализы крови показали повышенный уровень свинца в крови детей, даже когда у одного из детей развилось отравление свинцом. Данное исследование являлось частью исследований по изучению методов снижения содержания свинца. Все семьи, которые были в нем задействованы, были черными. Исследователи обработали несколько домов свинцом в различной степени, а затем побуждали домовладельцев сдавать эти дома в аренду семьям с детьми, чтобы затем можно было отслеживать уровень свинца в крови детей. Поначалу судебное дело было закрыто. При апелляции один из судей сравнил это исследование с инъекциями клеток HeLa, которые делал Саутэм, с исследованием Института Таскиги, и с исследованиями нацистов. В конце концов это дело было урегулировано без суда. Министерство здравоохранения и социального обеспечения провело собственное расследование и пришло к выводу, что формы для получения согласия, которые использовали в данном исследовании, «не обеспечивали адекватного описания» различных уровней снижения содержания свинца в домах, подвергшихся обработке.

Однако сегодня, когда люди говорят об истории взаимоотношений больницы Хопкинса с черным населением, многие из них считают самым ужасным оскорблением случай с Генриеттой Лакс — черной женщиной, чье тело, по их словам, эксплуатировали белые ученые.

Сидя в гостиной Лоуренса, Сонни и Бобетта около часа на все лады поносили больницу Хопкинса, похищающую черных людей. Наконец, Сонни откинулся на стуле и сказал: «Больница Джона Хопкина не дала нам никакой информации. Вот что плохо. Не печально, но плохо, потому что непонятно, то ли они не дали информации, потому что делали на этом деньги, то ли просто хотели держать нас в неведении. Думаю, они делали на этом деньги, потому что они продавали ее клетки по всему миру и поставляли их за доллары».

«В Хопкинсе говорят, что у них не осталось больше клеток, — воскликнул Лоуренс, — но ведь они нажили миллионы! Нечестно это! Она — самый важный человек в мире, а ее семья живет в бедности! И если наша мать так нужна для науки, то почему мы не можем получить медицинскую страховку?»

У Дэя был рак простаты, а его легкие были полны асбестовой пыли; у Сонни было больное сердце, а у Деборы — артрит, остеопороз, глухота, связанная с поражением слухового нерва, повышенная тревожность и депрессия. Помимо всего этого, у всех членов семьи были повышенное давление и диабет. Лаксы считали, что они изрядно поддерживают фармацевтическую промышленность и некоторых врачей. А страховка у Лаксов была да сплыла. Некоторые из них пользовались федеральной программой медицинской помощи престарелым, лечение других время от времени оплачивали супруги. Но в целом все Лаксы так и перебивались — ни постоянной медицинской страховки, ни денег на лечение.

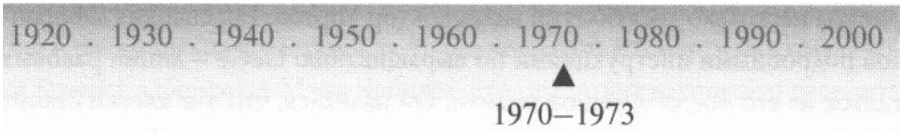
Пока Лаксы-мужчины говорили о больнице Хопкинса и о страховке, Бобетта, фыркнув от отвращения, отправилась в свое откидное кресло в гостиной. «У меня давление подымается, и вообще я не буду из-за этого помирать, вы понимаете?» По ее словам, все это попросту не стоило того, чтобы злиться и выходить из себя. «Все знали, что черные исчезали из-за того, что врачи из Хопкинса экспериментировали над ними! — крикнула она. — И я верю, что во многом так оно и есть».

«Возможно, что и так, — подтвердил Сонни. — Но многое может быть и мифом, никогда этого не знаешь. Но одно мы знаем точно: что клетки моей матери — никакой не миф».

Дэй опять стукнул своей палкой.

«Знаете, что на самом деле тут миф? — Бобетта вскочила с кресла. — Все всегда говорили, что Генриетта Лакс подарила эти клетки. Она ничего не дарила. Их просто взяли без спросу, — она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Что на самом деле могло расстроить Генриетту, так это то, что доктор Гай никогда ничего не рассказывал семье — мы ничего не знали об этих клетках, а его это не заботило. Для нас это было как „глажение против шерсти“. Я просто постоянно спрашиваю у каждого: „Почему они не сказали ничего семье?“ Они же знали, как с нами связаться! Думаю, если бы доктор Гай не умер, я бы сама убила его».

22
«Наслаждаться славой, которую она вполне заслуживает»



В один из дней в конце весны 1970 года Джордж Гай в своих любимых болотных сапогах стоял на берегу реки Потомак, куда он уже не первый год каждую среду ездил на рыбалку вместе с несколькими коллегами-исследователями из больницы Хопкинса. Внезапно он ощутил такой упадок сил, что с трудом смог удержать в руках удилище. Приятели дотащили его через дамбу до белого джипа, который Гай купил на деньги с премии за изучение рака.

И вскоре после той поездки на рыбалку — ему был семьдесят один год — он узнал, что у него заболевание, с которым он пытался бороться всю свою жизнь. Джордж нашел у себя одну из самых убийственных форм рака — рак поджелудочной железы. Он знал, что без операции проживет всего несколько месяцев, а скальпель хирурга, возможно, подарит ему немного времени. Или не подарит…

8 августа 1970 года около 6 утра Маргарет вызвала всех сотрудников лаборатории Гая — включая докторанта, только что прилетевшего утренним рейсом из Европы.

«Приходите как можно быстрее в лабораторию. Сегодня утром будет выполняться срочная процедура», — попросила она их, не уточнив, о какой именно процедуре идет речь.

Прежде чем пройти в операционную, Джордж заявил хирургам, что хочет, чтобы они взяли образцы его опухоли, как это сделал с опухолью Генриетты несколько десятилетий назад доктор Уортон. Гай снабдил лаборантов подробными инструкциями по выращиванию GeGe — линии раковых клеток из его поджелудочной железы. Он надеялся, что эти клетки станут бессмертными — как клетки Генриетты.

«Работайте день и ночь, если потребуется, но добейтесь результата», — увещевал он молодых научных сотрудников и лаборантов.

Вскоре Гай уже лежал в глубоком наркозе на операционном столе. Хирурги вскрыли его брюшную полость и обнаружили, что рак уже неоперабелен, так как многочисленные новообразования

покрыли желудок, селезенку, печень и кишечник больного. Они побоялись, что, отрезая образец от раковой ткани, они могут убить Гая, и поэтому, вопреки его желанию, зашили все обратно, не взяв образцов. Проснувшись после наркоза и узнав, что линии GeGe не суждено появиться на свет, он пришел в ярость. Раз уж раку суждено его убить, Гай хотел, чтобы это способствовало научному прогрессу.

Достаточно оправившись после операции, чтобы начать путешествовать, Гай принялся связываться с исследователями по всей стране, изучавшими рак. Он спрашивал, кто из них занимается раком поджелудочной железы и кто нуждается в пациенте для постановки экспериментов. Его засыпали ответами — от неизвестных ему ученых, от друзей и коллег.

На протяжении трех месяцев после операции и до самой смерти Гай ездил в Миннесоту в клинику Мэйо, где проходил недельные курсы лечения экспериментальным японским препаратом, после которых он чувствовал себя гораздо хуже. Его сын Джордж-младший, только что окончивший медицинскую школу, постоянно находился при отце и следил за тем, чтобы у него каждый день был свежевыглаженный костюм. После клиники Мэйо Джордж проводил несколько дней в Нью-Йорке, в Мемориальном раковом центре Слоан-Кеттеринг (MSKCC), где принимал участие в другом исследовании, а также проходил курс химиотерапии в больнице Хопкинса, в котором применялся препарат, еще не утвержденный в качестве средства для лечения людей.

При постановке диагноза Гай весил около 215 фунтов [97,61 кг] при росте шесть с половиной футов [198,12 см], однако теперь он быстро худел и слабел. Часто он скрючивался от болей в животе, у него постоянно возникала рвота, и вскоре в результате курсов лечения он оказался прикован к инвалидному креслу. Однако Гай по-прежнему появлялся в своей лаборатории и писал письма коллегам. Как-то раз незадолго до смерти он сказал своей бывшей лаборантке Мэри Кубичек, что она может наконец-то раскрыть имя Генриетты, если кто-то спросит, ибо с тех пор прошло уже столько лет. Тем не менее Мэри не открыла эту тайну ни одной живой душе.

Джордж Гай умер 8 ноября 1970 года.

Несколько месяцев спустя после смерти Гая Говард Джонс и несколько врачей из больницы Хопкинса — в их числе ведущий генетик Виктор МакКьюсик — решили отдать дань уважения научной карьере Гая и написать статью об истории линии клеток HeLa. Прежде чем приняться за статью, Джонс достал

медицинскую карту Генриетты, чтобы освежить в памяти относящиеся к ее случаю детали. Увидев фотографии ее биопсии, он тут же понял, что врачи ошиблись в диагнозе опухоли. Для пущей уверенности он откопал исходный образец биопсии, который с 1951 года хранился на одной из полок.

В декабре 1971 года Джонс и его коллеги опубликовали в качестве дани уважения Гаю статью в журнале *Obstetrics and Gynecology* («Акушерство и гинекология»), в которой сообщили, что патолог, изначально ставивший диагноз, «неверно понял» и «неверно обозначил» рак Генриетты. Ее опухоль была инвазивного типа и не была эпидермоидной карциномой, как она была определена в изначальном диагнозе. Напротив, в статье говорилось, что имела место «чрезвычайно агрессивная аденокарцинома шейки матки». Это означало, что рак зародился из железистой ткани шейки матки, а не из эпителиальной.

Ошибки в диагнозе подобного типа в то время не были редкостью. В 1951 году — в тот же год, когда Джонс взял у Генриетты биопсию опухоли — исследователи из Колумбийского университета сообщили, что два типа рака легко и часто путали между собой.

Согласно Говарду Джонсу и другим онкологам-гинекологам, с которыми я говорила, правильный диагноз никоим образом не изменил бы метода лечения рака Генриетты. К 1951 году как минимум двенадцать исследований обнаружили, что аденокарциномы шейки матки и эпидермоидные карциномы одинаково реагируют на облучение, которое было предпочтительным лечением для опухолей обеих типов.

Пусть это никоим образом и не изменило бы метода лечения Генриетты, однако новый диагноз помог объяснить, почему ее рак распространился по всему телу куда быстрее, чем предполагали врачи. Известно, что аденокарциномы шейки матки зачастую более агрессивны, нежели эпидермоидные карциномы. (Как оказалось, сифилис, которым страдала Генриетта, также мог стать одним из факторов, ибо он мог подавить иммунную систему и дать возможность раку распространяться быстрее обычного.)

В любом случае, по словам Джонса и его коллег, новый диагноз «только лишний раз говорит о неопровержимой гениальности Джорджа Гая… Часто говорят, что научное открытие происходит тогда, когда правильный человек оказывается в правильном месте в правильное время». По их мнению, именно таким человеком и был Гай, а клетки HeLa стали результатом его удачи. «Если бы клеткам HeLa позволили беспрепятственно расти в оптимальных условиях культивирования, к сегодняшнему дню они уже заполонили бы

весь мир», — говорилось в статье. «Данная биопсия… обеспечила пациентке Генриетте Лакс бессмертие в качестве [линии клеток] HeLa, которой исполнилось уже 20 лет. Станет ли она жить вечно, если будет получать питание из рук будущих работников? Уже сейчас Генриетта Лакс — сначала как Генриетта, а затем как HeLa — прожила в общей сложности 51 год».

Так истинное имя Генриетты впервые появилось в печати. Тогда же впервые была напечатана вездесущая ныне фотография Генриетты, где она стоит, положив руки на бедра. В подписи под фотографией она была именована как «Генриетта Лакс (HeLa)». Вот так лечащий врач Генриетты и его коллеги навсегда связали Генриетту, Лоуренса, Сонни, Дебору, Захарию, их детей и все будущие поколения Лаксов с клетками HeLa и с содержащейся в них ДНК. А знание о подлинной личности Генриетты вскоре стало распространяться из лаборатории в лабораторию так же, как и ее клетки.

Как раз три недели спустя после того, как имя Генриетты было впервые обнародовано, Ричард Никсон утвердил своей подписью Закон о борьбе с раком и положил начало «войне с раком», выделив 1,5 миллиарда долларов на исследования рака в течение ближайших трех лет. Этот шаг, по мнению многих, был призван отвлечь внимание от войны во Вьетнаме. При этом Никсон объявил, что ученые за пять лет найдут способ лечения рака — как раз к двухсотлетию США.

Новое финансирование вызвало со стороны политиков сильное давление на ученых, которые должны были уложиться в отведенный президентом срок. Исследователи в спешке искали то, что считали неуловимым вирусом рака, надеясь разработать вакцину для его предотвращения. А в мае 1972 года Никсон пообещал, что американские и русские ученые будут совместно работать в рамках программы биомедицинского обмена с целью найти этот вирус.

Несмотря на то что в основе «войны с раком» были исследования с использованием клеточных культур, немногие люди знали, что эти культуры были заражены HeLa. Один репортер из *Washington Post* присутствовал на конференции, когда Гартлер объявил о проблеме заражения линий клеток, однако он не осветил это событие, а большинство ученых по-прежнему вообще отрицали существование этой проблемы. Более того, некоторые из них даже проводили исследования, стремясь опровергнуть открытие Гартлера.

Однако проблема никуда не делась. В конце 1972 года русские ученые объявили, что нашли вирус рака в клетках, взятых

у русских онкологических больных, и передали правительству США образцы этих клеток, которые, в свою очередь, были переданы в Научно-исследовательскую биомедицинскую лабораторию ВМС в Калифорнии для анализа. Как выяснилось, эти клетки вообще не были клетками русских онкологических больных. Это были клетки от Генриетты Лакс.

Выяснил это Уолтер Нельсон-Рис — специалист по хромосомам, занимавший пост директора по культивированию клеток в лаборатории ВМС. Нельсон-Рис был в аудитории, когда Гартлер доложил о своем скандальном исследовании, и был одним из немногих ученых, кто поверил в его правоту. После того Нельсон-Рис был нанят Национальным институтом рака, чтобы помочь справиться с проблемой заражения. Позднее он станет известен как истинный «бдительный», автор списка линий, загрязненных клетками HeLa, который он публиковал в журнале *Science.* В этот список он помещал все обнаруженные им зараженные линии клеток вместе с именами исследователей, от которых он эти клетки получил. Он не предупреждал исследователей, если обнаруживал, что их линии заражены HeLa. Он попросту публиковал их имена, будто выжигал алую букву «Н» на двери их лаборатории.

Несмотря на очевидные факты, большинство исследователей все еще отказывались верить в то, что проблема существует. Пресса тоже не уделяла внимания этому вопросу — до тех пор, пока не появилась ошеломляющая новость о заражении русских клеток американскими. Только после этого газеты Лондона, Аризоны, Нью-Йорка и Вашингтона запестрели заголовками вроде «КЛЕТКИ ДАВНО УМЕРШЕЙ ЖЕНЩИНЫ ЗАХВАТИЛИ ДРУГИЕ КУЛЬТУРЫ». Газеты сообщали о «серьезной путанице», «вводящем в заблуждение исследовании» и миллионах долларов, потраченных впустую.

Внезапно, впервые после статьи в журнале *Collier's,* появившейся в 1950-х годах, пресса весьма заинтересовалась женщиной, благодаря которой родились эти клетки. Одна за другой выходили статьи о ее «необычного рода бессмертии», где ее называли то Хелен Ларсен, то Хелен Лейн, но ни разу не назвали ее реальным именем — Генриеттой Лакс, поскольку Джонс и МакКьюсик опубликовали статью с ее именем в маленьком научном журнале, который мало кто читал.

По поводу личности загадочной Хелен Л. поползли слухи. Некоторые считали ее секретаршей Гая или, возможно, его любовницей. Другие полагали, что она была уличной проституткой из окрестностей больницы Хопкинса или вообще плодом воображения Гая — фиктивным персонажем, который он

придумал с целью скрыть истинную личность женщины, у которой взял клетки.

По мере того как Хелен вновь и вновь появлялась в журналах под разными фамилиями, некоторые ученые понимали, что необходимо внести ясность в этот вопрос. Итак, 9 марта 1973 года в журнале *Nature* было опубликовано письмо Дж. Дугласа — биолога из Университета Брюнеля:

> Двадцать один год прошел с тех пор, как Джордж Гай основал знаменитую культуру клеток HeLa. По оценкам, сегодня вес этих клеток в лабораториях по всему миру уже превышает вес американского негра, из чьей опухоли шейки матки они были изначально взяты. Эта леди стала поистине бессмертной — как в пробирке, так и в сердцах и умах ученых во всем мире, — ибо значение клеток HeLa для исследований, диагностики и тому подобного неоценимо. Однако мы до сих пор не знаем ее имени! Повсеместно утверждали, что He и La — начальные буквы ее имени и фамилии, но в одном учебнике ее называют Хелен Лейн, в других — Генриеттой Лакс. Мои письма в адрес авторов с целью узнать их источник информации, равно как и письмо в больницу, откуда появилась статья о Гае, остались без ответа. Знает ли кто-то точный ответ? Будет ли нарушением медицинской этики теперь, в годовщину совершеннолетия линии HeLa, установить подлинное имя и дать возможность He… La… наслаждаться славой, которую она вполне заслуживает?

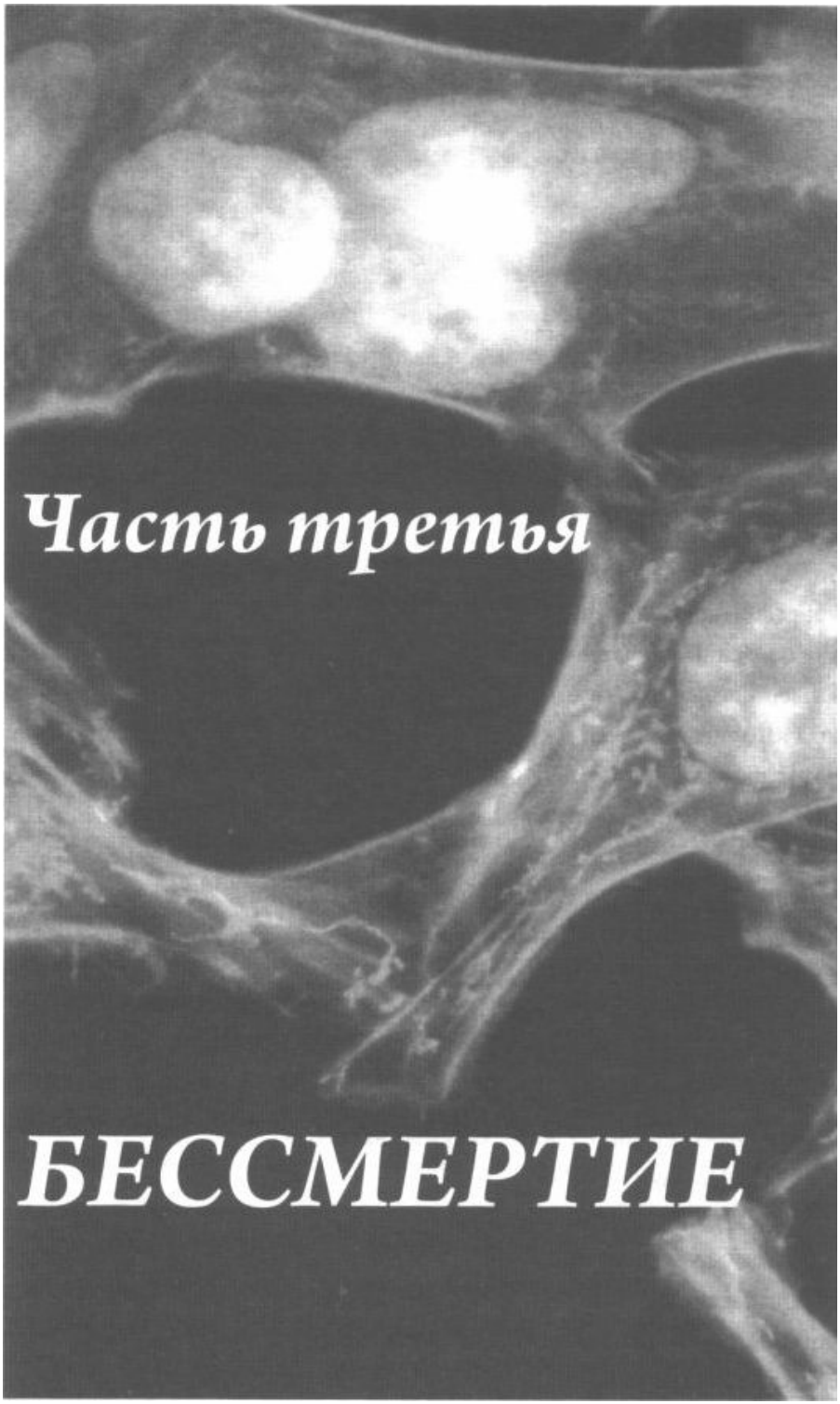
Дугласа завалили ответами. Неизвестно, затрагивали ли читатели вопросы медицинской этики, однако они исправили грамматические ошибки Дугласа и употребление им слова «негр» (negro) вместо «негритянки» (negress). Во многих ответах предлагали женские имена, которые, по мнению читателей, скрывались за клетками HeLa: Хельга Ларсен, Хизер Лэнгтри и даже актриса Хеди Ламарр. В повторном письме от 20 апреля 1973 года Дуглас объявил, что всем этим женщинам следует «как можно грациознее удалиться», так как он получил письмо от Говарда У Джонса, которое «не оставляет сомнений, что клетки HeLa получили свое имя от Генриетты Лакс».

Джонс был не единственным, кто внес ясность в поиски настоящего имени Генриетты: вскоре один из соавторов Джонса — Виктор МакКьюсик — отправил журналистке из журнала *Science* похожее письмо, в котором исправил использованное этой журналисткой имя «Хелен Лейн». В ответ она поместил в *Science*

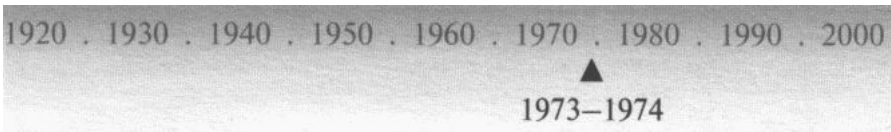
короткую повторную статью под заголовком «HeLa (то есть Генриетта Лакс)», где объяснила, что по невнимательности неверно «воспроизвела сведения о происхождении этих клеток». Затем в одном из самых широко читаемых научных журналов мира она исправила свою ошибку: «Судя по всему, Хелен Лейн никогда не существовало. Однако существовала Генриетта Лакс, долгое время скрывавшаяся под псевдонимом Хелен Лейн». Она также сообщила, что опухоль Генриетты была неверно диагностирована.

«Все это никоим образом не влияет на ценность и достоверность работ, выполненных с использованием клеток HeLa, — писала она. — Однако об этом, возможно, стоит упомянуть — для официального оглашения».

Часть третья
БЕССМЕРТИЕ


Часть третья
БЕССМЕРТИЕ

23
«Она жива»



Туманным днем 1973 года в коричневом кирпичном доме с террасой — пятью дверями ниже своей собственной — Бобетта Лакс сидела за обеденным столом у своей подруги Гардении. Зять Гардении приехал из Вашингтона (округ Колумбия), и они только что закончили обедать. Пока Гардения гремела на кухне тарелками, ее зять спросил у Бобетты, чем она зарабатывает на жизнь. Когда та ответила, что ухаживает за больными в городской больнице Балтимора, он удивился: «Правда? А я работаю в Национальном институте рака».

Они беседовали о медицине и растениях Гардении, которыми были заставлены окна и полки. «В моем доме они, наверное, не выживут», — сказала Бобетта, и они рассмеялись.

«Вы откуда родом?» — спросил он.

«Из северного Балтимора».

«Надо же, я тоже. А фамилия у вас какая?»

«Ну, сначала Купер, а после замужества Лакс».

«Ваша фамилия Лакс?»

«Ага, а что?»

«Забавно, — произнес он, — в своей лаборатории я уже не один год работаю с клетками, и вот только что прочел статью, где говорится, что они происходят от женщины по имени Генриетта Лакс. Никогда и нигде больше не слышал этого имени».

Бобетта рассмеялась. «Моя свекровь — Генриетта Лакс, но уверена, вы говорите не о ней — она умерла почти двадцать пять лет назад».

«Генриетта Лакс — ваша свекровь? — взволнованно уточнил он. — Она умерла от рака шейки матки?»

Бобетта перестала улыбаться и отрывисто спросила: «Откуда вы знаете?»

«Эти клетки в моей лаборатории, должно быть, от нее, — ответил он. — Они от черной женщины по имени Генриетта Лакс, которая умерла от рака шейки матки в больнице Хопкинса в пятидесятых».

«Что?! — воскликнула Бобетта, подпрыгнув на стуле. — Что значит у *вас в лаборатории ее клетки?»*

Он поднял руки вверх, как будто хотел сказать: «Ну вот,

приехали».

«Я их заказал у поставщика, как и все остальные».

«Что значит *все остальные?* — резко спросила Бобетта. — Что за поставщик? У кого находятся клетки моей свекрови?»

Это было похоже на ночной кошмар. В газете она читала статью об исследовании сифилиса в Таскиги, которое только что, сорок лет спустя, прекратило правительство, и вот теперь зять Гардении говорит, что в больнице Хопкинса живет какая-то часть Генриетты, все ученые проводят на ней исследования, а семья совсем ничего об этом не знает. Казалось, вдруг стали реальностью те страшные рассказы, которые Бобетта всю жизнь слышала о больнице Хопкинса, и все это происходит именно с ней. Она подумала: «Раз они проводят исследования над Генриеттой, то скоро доберутся до ее детей и даже внуков».

Зять Гардении рассказал Бобетте, что в последнее время о клетках Генриетты говорят во всех новостях, потому что они, заражая другие культуры, вызвали проблемы. Но Бобетта лишь продолжала качать головой: «Как так получилось, что никто не сообщил семье, что часть Генриетты все еще жива?»

«Если бы я знал», — ответил он. Как и большинство исследователей, он никогда не задумывался о том, добровольно ли дала свои клетки женщина, благодаря которой родилась линия HeLa.

Бобетта извинилась, побежала домой, влетела на кухню через сетчатую дверь и крикнула Лоуренсу: «Твоя мать, она немного жива!»

Лоуренс позвонил отцу рассказать, что узнала Бобетта, и Дэй не знал, что и думать. «Генриетта жива?» — думал он. Бессмыслица. Он своими глазами видел ее тело на похоронах в Кловере. Они ее выкопали? Или, может быть, они что-то сделали с ней во время вскрытия?

Лоуренс позвонил в центральную справочную больницы Хопкинса и сказал: «Я звоню по поводу своей матери, Генриетты Лакс, — она у вас там отчасти живая». Когда оператор не смог найти записей о пациентке по имени Генриетта Лакс, Лоуренс бросил трубку. Он не знал, кому еще позвонить.

В июне 1973 года — вскоре после звонка Лоуренса в больницу Хопкинса — в Йельском университете на Первом международном рабочем совещании по картографированию человеческих генов за столом собралась группа ученых. Это был первый шаг к зарождению проекта «Геном человека». Говорили о том, как покончить с проблемой загрязнения клетками HeLa других линий. Затем кто-то заметил, что со всей этой путаницей

можно справиться, если найти генетические маркеры, специфичные для Генриетты, и с их помощью отделить ее клетки от всех прочих. Однако для этого требовались образцы ДНК всех ближайших родственников, — предпочтительно ее мужа и детей, — чтобы сравнить их ДНК с ДНК HeLa и создать карту генов Генриетты.

Виктор МакКьюсик — один из ученых, впервые опубликовавших имя Генриетты — также, по счастью, был за этим столом и вызвался помочь. По его словам, муж и дети Генриетты по-прежнему были пациентами больницы Хопкинса, так что найти их не составит труда. Как штатный врач, МакКьюсик имел доступ к их медицинским картам и контактной информации.

Присутствовавшие на конференции генетики были взволнованны. Имея доступ к ДНК детей Генриетты, они смогли бы не только разрешить проблему загрязнения, но и изучить клетки Генриетты совершенно по-новому. МакКьюсик согласился и, повернувшись к одной из своих научных сотрудниц, Сьюзен Сю, сказал: «Займитесь этим сразу же по возвращении в Балтимор».

МакКьюсик не поручал Сю объяснить семье Лакс суть исследования. Она знала лишь, что Виктор МакКьюсик велел ей связаться с семьей.

«Он был как бог, — рассказывала она мне годы спустя. — Очень, очень знаменитый человек, у него училось большинство других знаменитых медицинских генетиков со всего мира. Когда доктор МакКьюсик сказал: *Возвращайтесь в Балтимор и добудьте эти образцы крови,* — я так и сделала».

Вернувшись домой после конференции, Сю позвонила Дэю и спросила, может ли она взять кровь у членов его семьи. Годы спустя Дэй в беседе со мной вспоминал: «Они сказали, что у них моя жена и что она частично живая. Что они ставят над ней опыты и хотят проверить моих детей, чтобы посмотреть, есть ли у них тот рак, что убил их мать».

Однако Сю не сказала ни слова о проверке детей на рак. Никакого такого теста на рак не существовало в природе, и даже если бы он и существовал, то лаборатория МакКьюсика не проводила бы его, ибо он не был исследователем рака. МакКьюсик был прославленным генетиком — основателем первого в мире отделения генетики человека в больнице Хопкинса, где он вел каталог сотен генов, включая несколько генов, которые он сам обнаружил в популяции амишей [протестантская религиозная секта]. Он собирал информацию об известных генах и проведенных над ними исследованиях в базе данных под названием «Менделевская наследственность у человека», ставшей библией в данной области, содержащей на

сегодняшний день более двадцати тысяч статей и продолжающей пополняться.

С помощью гибридизации соматических клеток МакКьюсик и Сю надеялись протестировать семью Лаксов на наличие нескольких различных генетических маркеров, включая специфические белки — так называемые маркеры HLA. В результате тестирования детей Генриетты они надеялись выявить возможные маркеры HLA Генриетты и с их помощью определять ее клетки.

Сю приехала в Америку из Китая, и английский не был ее родным языком. По ее словам, когда она позвонила Дэю в 1973 году, она произнесла буквально следующее: «Мы придем взять кровь на антиген HLA, мы составляем профиль генетических маркеров, поскольку мы сможем установить значительную часть генотипа Генриетты Лакс через генотип ее детей и мужа».

На мой вопрос, понял ли Дэй смысл сказанного, Сю ответила: «Они очень хорошо понимали меня, когда я говорила по телефону. Они были очень сообразительными. Думаю, мистер Лакс уже довольно много знал о вкладе его жены и был хорошо осведомлен о ценности клеток HeLa. Наверное, они слышали, как люди говорили, насколько важна эта линия клеток. Тогда все говорили о HeLa. Это была очень милая семья, и они любезно разрешили нам взять кровь».

Сю говорила с сильным акцентом — как и Дэй. Он говорил, сильно растягивая слова, как это принято в сельской местности на Юге, причем настолько неразборчиво, что его собственные дети зачастую с трудом понимали его. Однако их разделял не только языковый барьер. Дэй был не в состоянии воспринять такие понятия, как «бессмертные клетки» или «маркеры HLA», кто бы ему о них ни рассказывал, с акцентом или без. Ведь он закончил только четыре класса школы, и он никогда не изучал естественные науки. Единственные клетки, о которых ему доводилось слышать, были клетки наподобие той, в которой обитал в Хейгерстауне Захария. И Дэй поступил так, как всегда поступал, когда не понимал, о чем говорит врач, — он кивнул головой и согласился.

Спустя годы на мой вопрос, пытался ли кто-нибудь получить информированное согласие от семьи Лакс, МакКьюсик ответил: «Подозреваю, что никто не пытался ничего особо объяснить. Однако не верю, что кто-то мог сказать им, будто мы их проверяем на рак, ибо это был не тот случай. Могли просто сказать: „У вашей матери был рак, ее раковые клетки выращивают по всему миру и тщательно изучают, чтобы лучше понять их. Поэтому мы бы хотели взять кровь у вас, как родственников“».

Когда я задала тот же вопрос Сьюзан Сю, та ответила: «Нет, мы никогда не даем форму согласия, ведь мы просто берем кровь. Мы, знаете ли, не проводим каких-либо длительных медицинских исследований. Нам было нужно только несколько пробирок с кровью, для анализа на генетические маркеры. Этот вопрос не входит в круг интересов никакого комитета по исследованиям на человеке или других подобных организаций».

Хотя в те времена подобная позиция не была чем-то из ряда вон выходящим, однако инструкции национальных институтов здравоохранения США (NIH) предписывали, что во всех исследованиях, проводимых на людях и финансируемых NIH — таковым было и исследование МакКьюсика, — требовалось как информированное согласие, так и одобрение от комиссии по рассмотрению больницы Хопкинса. Эти инструкции появились в 1966 году, после судебного процесса над Саутэмом, а в 1971 году в них было добавлено детальное определение информированного согласия. Когда Сю позвонила Дэю, они как раз были в процессе кодификации, чтобы вскоре превратиться в закон.

МакКьюсик начал исследовать семью Лакс во время резкого ужесточения контроля над исследованиями. Всего годом раньше в ответ на исследования в Таскиги и несколько других неэтичных исследований Министерство здравоохранения, образования и социальных служб США (HEW) провело расследование качества федерального контроля над исследованиями, в которых подопытными являлись люди, и обнаружило, что контроль этот был недостаточен. Как говорилось в одном государственном отчете, в то время полно было случаев, когда «царила неразбериха с оценкой рисков», «некоторые исследователи отказывались сотрудничать» с контролирующими органами, а «ответственные за проведение исследований и соблюдение их правил на местах проявляли безразличие». После прекращения исследования в Таскиги HEW предложило новые правила по защите лиц, принимающих участие в исследованиях, требовавшие, помимо прочего, получения информированного согласия. Уведомление с предложением публично комментировать предложенный новый закон будет опубликовано в Федеральном реестре США в октябре 1973 года — всего через несколько месяцев после звонка Сю Дэю.

Закончив разговор с Сю, Дэй позвонил Лоуренсу, Сонни и Деборе и сказал: «Вам надо прийти завтра утром сюда, домой, доктора из больницы Хопкинса будут брать у всех кровь и смотреть, есть ли у вас рак, как у вашей матери».

Когда умерла Генриетта, Дэй позволил врачам провести

вскрытие, ведь они сказали, что когда-нибудь это может помочь его детям. «Наверное, они правду говорили», — подумал Дэй. Захария еще находился во чреве матери, когда та заболела раком, и с тех пор он такой злой и раздражительный. Деборе уже исполнилось двадцать четыре — чуть меньше, чем было Генриетте, когда она умерла. Вполне логично, что врачи позвонили и сказали, что самое время провериться.

Дебора запаниковала. Она знала, что мать заболела в тридцать лет, и потому давно со страхом ждала свой тридцатый день рождения, считая, что с ней в этом возрасте случится то же, что и с матерью. И Деборе было невыносимо представить собственных детей, растущих без матери, — как росла она сама. На тот момент ЛаТонье было два года, а Альфреду — шесть лет, и Гепард никогда не давал денег на детей. Три месяца скрепя сердце Дебора жила на пособие, но после устроилась на работу — днем в пригородном магазине игрушек Toys «R» Us, до которого приходилось добираться больше часа на трех автобусах, а ночами рядом с домом в гамбургерной Gino's.

Так как у Деборы не было денег на няню для детей, ее начальник в Gino's разрешил ЛаТонье и Альфреду сидеть вечерами в уголке зала, пока их мать работала. В половине девятого, во время перерыва на ужин, Дебора спешила в свою квартиру, чтобы уложить детей спать. Они знали, что дверь можно открывать только на секретный мамин стук, и никогда не ставили керосиновые лампы возле шторы или одеяла. Дебора проводила с ними пожарные учения на случай какого-нибудь происшествия, пока она на работе: учила подползать к окну, выбрасывать наружу канат из связанных простынь, который всегда был привязан к ножке кровати, и выбираться в безопасное место.

Дети были ее единственным сокровищем, и она не могла допустить, чтобы с ними что-нибудь случилось. Поэтому, когда позвонил отец и сообщил, что врачи из больницы Хопкинса хотят проверить, не больна ли она раком, как ее мать, Дебора, рыдая, ответила: «Боже, не забирай меня от моих малюток. Не сейчас, не теперь, когда мы уже столько всего преодолели».

Через несколько дней после звонка Сю Дэй, Сонни, Лоуренс и Дебора сидели вокруг обеденного стола в доме Лоуренса, пока Сю и врач из лаборатории МакКьюсика набирали в пробирки кровь от каждого из них.

Следующие несколько дней Дебора без устали звонила в больницу Хопкинса и говорила телефонисткам: «Я звоню узнать результаты своего анализа на рак». Однако никто из них не знал, о каких анализах идет речь, и к кому она могла бы обратиться за

помощью в этом.

Через некоторое время Сю написала Лоуренсу письмо с вопросом, нельзя ли послать медсестру в тюрьму в Хейгерстаун взять образцы крови у Захарии. К письму она приложила копию статьи в память Джорджа Гая, написанную МакКьюсиком и Джонсом, и добавила, что, по ее мнению, Лоуренсу было бы приятно прочесть статью о клетках своей матери. Никто из членов семьи не помнит, чтобы кто-нибудь из них читал эту статью, — они считают, что Лоуренс просто сунул ее в ящик комода и забыл.

Мужчины семейства Лакс не очень-то задумывались о клетках своей матери или об анализах на рак. Лоуренс целыми днями работал на железной дороге и жил в доме с кучей ребятишек. Захария все еще сидел в тюрьме, а для Сонни, торговавшего наркотиками, настали трудные времена.

Одна Дебора не могла унять тревогу. Она была в ужасе от того, что тоже может быть больна раком, и беспрестанно думала о том, что ученые делали — и, возможно, до сих пор делают — ужасные вещи над ее матерью. Она слышала истории о том, как больница Хопкинса похищала черных людей для исследований, и читала статью в журнале *Jet* об исследовании в Таскиги, авторы которой предположили, что на самом деле врачи могли умышленно заразить мужчин сифилисом для того, чтобы потом их изучать. «Инъекции болезнетворных организмов ничего не ведающим подопытным людям уже происходили в американской медицинской науке, — разъяснялось в статье. — Восемь лет назад в городе Нью-Йорке онколог доктор Честер Саутэм делал инъекции живых раковых клеток пожилым хронически больным пациентам».

Дебора стала интересоваться: а что, если вместо того, чтобы проверять детей Генриетты Лакс на рак, МакКьюсик и Сю вводили им ту самую «дурную кровь», которая убила их мать? Она принялась задавать Дэю массу вопросов о Генриетте: как она заболела? Что случилось, когда она умерла? Что с ней сделали врачи? Ответы, казалось, только подтвердили ее страхи: Дэй рассказал, что Генриетта вовсе не казалась больной. Он сказал, что привез ее в больницу Хопкинса, там ее стали лечить, после чего живот у нее стал черным, как уголь, и она умерла. Сэди сказала то же самое, равно как и остальные двоюродные братья и сестры. Однако на вопросы Деборы, что за рак был у ее матери, какие лечебные процедуры назначали ей врачи и какая ее часть до сих пор жива, никто из членов семьи ответить не мог.

Так что, когда один из лаборантов МакКьюсика позвонил Деборе с просьбой прийти в больницу Хопкинса, чтобы еще сдать

кровь, она отправилась, думая, что, раз ее семья не может ответить на вопросы по поводу Генриетты, то, возможно, это смогут сделать ученые. Она не знала, что ее кровь требовалась исследователю из Калифорнии, который хотел получить образцы для собственного исследования клеток HeLa, и не знала, почему лаборант МакКьюсика позвонил именно ей, а не ее братьям. Дебора решила, что это оттого, что болезнь, которой страдала ее мать, не поражает мальчиков. Она все еще считала, что ей делают анализ на рак.

Дебора явилась в офис МакКьюсика сдавать дополнительную порцию крови 26 июня 1974 года — за четыре дня до вступления в силу нового федерального закона, в соответствии с которым для всех исследований, финансируемых из федерального бюджета, требовались одобрение Ведомственной экспертной комиссии (IRB) и информированное согласие. Под этот новый закон, спустя месяц опубликованный в Федеральном реестре США, подпадали все «подопытные, подвергающиеся риску», то есть «любой человек, который в результате участия в исследовании в качестве подопытного может быть подвержен вероятности понести ущерб, включая физический, психологический или социальный ущерб». Однако происходили ожесточенные дебаты о том, в чем именно состоят ущерб и риск. Многие исследователи обращались в HEW с просьбой вывести из сферы действия данного закона забор крови и тканей. В конце концов, веками врачи брали кровь для постановки диагноза и, исключая боль от укола иглой, эта процедура не выглядела рискованной. Однако HEW не исключила эти процедуры из-под действия закона; более того, чуть позже министерство внесло дополнительные разъяснения в текст закона, чтобы конкретно они подпадали под его действие.

Исследование МакКьюсиком семьи Лакс совпало с началом новой эры генетических исследований, когда полностью изменится само понятие риска для пациентов. Благодаря возможности идентифицировать гены по образцу крови или даже по отдельной клетке, теперь пациент при заборе крови подвергался риску не только получить легкую инфекцию или боль от укола иглой. Эта процедура была чревата также и раскрытием его генетической информации. А это уже из области нарушения неприкосновенности частной жизни.

Дебора встретилась с МакКьюсиком лишь однажды, когда пришла в больницу Хопкинса сдавать кровь. Он пожал ей руку и сказал, что Генриетта внесла важный вклад в науку, после чего Дебора засыпала его вопросами: Отчего заболела ее мать? Как получилось, что часть ее до сих пор жива? Что это значит? Что сделала Генриетта для науки? И правда ли, что все эти анализы

крови, которые сдает Дебора, означают, что она умрет молодой, так же как и ее мать?

МакКьюсик не объяснил, зачем по его распоряжению кто-то берет кровь у Деборы. Вместо этого он рассказал ей о том, что клетки Генриетты использовались для получения вакцины от полиомиелита и для генетических исследований. Также он сказал, что они принимали участи в первых полетах в космос и использовались при испытаниях атомных бомб. Дебора слушала все это и представляла свою мать на Луне или взорванной бомбами. Она была испугана и не переставала задаваться вопросом, могут ли частички ее матери, которые по-прежнему используются в исследованиях, действительно чувствовать все то, что делают с ними ученые.

Когда Дебора попросила объяснить подробнее, МакКьюсик дал ей книгу «Медицинская генетика» под своей редакцией, которая станет одним из важнейших учебников в данной области. МакКьюсик сказал, что там она найдет все, что ей нужно знать, и оставил на обороте лицевой обложки автограф. Под подписью он написал свой номер телефона и предложил звонить, чтобы договориться о времени сдачи очередной порции крови.

МакКьюсик открыл вторую страницу введения, где между диаграммами «Удельная детская смертность от заболеваний» и описанием «гомозиготного состояния врожденных пороков Гаррода» была фотография Генриетты, где та стоит, положив руки на бедра. Он указал на посвященный ей абзац:

> Между прочим, медицинские генетики, проводя исследования на клетках вместо исследований на пациенте, «извлекли выгоду» из резервуара морфологической, биохимической и прочей информации в клеточной биологии, полученной в немалой степени благодаря изучению знаменитой линии клеток, выращенной в культуре из клеток пациентки Генриетты Лакс, фотографию которой вы видите на этой странице.

В книге было полно сложных высказываний о клетках Генриетты, наподобие: «…с их атипичной гистологией может быть связано необычно злокачественное поведение карциномы», или что-то вроде «корреляции специфичности данной опухоли».

Чтение журналов отнимало у Деборы массу времени, ведь ей приходилось часто останавливаться и искать в словаре незнакомые слова. Теперь же она сидела в клинике в обнимку с книгой МакКьюсика и даже не пыталась ее читать. Она могла думать только о том, что никогда прежде не видела фотографии своей матери. «Как так получилось, что ее жизнь закончилась в

больнице? — спрашивала себя Дебора. — И откуда у него эта фотография?» Дэй клялся, что никогда не давал фотографию МакКьюсику или кому-либо из лечащих врачей Генриетты. Братья Деборы клялись, что тоже не делали ничего подобного. Единственное, что приходило в голову Дэю, что, возможно, Говард Джонс попросил у Генриетты фотографию, а потом приклеил ее в медицинскую карту. Однако насколько Дэй помнил, никто никогда не спрашивал разрешения на публикацию этой фотографии.

Я беседовала с МакКьюсиком за несколько лет до его смерти в 2008 году. Ему было уже семьдесят девять, однако он по-прежнему проводил исследования и обучал молодых ученых. Он не помнил, откуда взял эту фотографию, однако полагал, что семья Генриетты, должно быть, дала ее Говарду Джонсу, либо другому врачу из больницы Хопкинса. Хотя МакКьюсик и помнил об исследовании, которое он проводил над семьей Лакс, он не припоминал, чтобы встречался с Деборой или давал ей свою книгу, и утверждал, что никогда сам непосредственно не контактировал с семьей. Этим занималась Сю.

В личной беседе Сьюзен Сю — теперь уже директор отделения медицинской генетики американского Красного Креста — рассказала мне, что работа с клетками HeLa вместе с МакКьюсиком была самым важным этапом ее карьеры. «Я очень горжусь этим, — поведала она мне. — Возможно, я сниму ксерокопию с этой бумаги и расскажу своим детям, как это важно». Однако она была шокирована, когда я пояснила, что Лаксы считали, что она проверяла их на рак и что они расстроены тем, что ученые используют их клетки без их ведома.

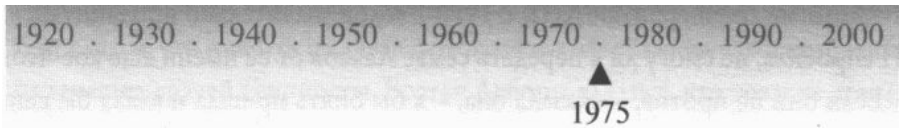
«Мне так неловко, — произнесла она. — Люди должны были им рассказать. Знаете, мы в то время даже не думали, что они не понимают».

Еще она попросила меня кое-что передать семье Лакс от ее имени при следующей с ними беседе: «Просто скажите, что я действительно им благодарна. Они должны гордиться своей матерью или женой. Я думаю, что они сердятся потому, что, вероятно, не понимают, насколько известными стали ее клетки по всему миру. То, что случилось, прискорбно, но они все равно должны гордиться. Их мать никогда не умрет, пока существует медицинская наука, она навсегда останется знаменитостью».

Под конец нашего разговора Сю упомянула, что теперь она может на основании анализа крови членов семьи узнать намного больше, поскольку технологии расшифровки ДНК с 1970-х годов значительно продвинулись. И спросила, не смогу ли я передать семье Лаксов от ее имени еще кое-что: «Если они не против, —

сказала она, — я бы опять пришла и взяла бы еще раз образцы крови».

24
«Они по крайней мере могли бы»



Лаксы ничего не знали о проблеме загрязнения клетками HeLa, которая привела к ним МакКьюсика и Сю, пока в их доме не появился Майкл Роджерс — молодой журналист из газеты *Rolling Stone,* длинноволосый и одетый как фанат рок-н-ролла.

Роджерс был поистине прирожденным журналистом. К девятнадцати годам он получил степень по писательскому мастерству и по физике и опубликовал свой первый рассказ в журнале *Esquire.* Ему было чуть больше двадцати, когда он заинтересовался историей HeLa; к тому времени он уже опубликовал две книги и стал штатным сотрудником *Rolling Stone.* Впоследствии он стал редактором *Newsweek,* а затем — *Washington Post.*

Роджерс впервые узнал о клетках HeLa, прочтя надпись «Хелен Лейн жива!» на писсуаре в туалете медицинской школы. Он начал читать новостные статьи о клетках HeLa и о проблеме загрязнения и понял, что из этого может получиться отличный материал для *Rolling Stone* — идеальная смесь науки и человеческих интересов. Итак, Роджерс решил найти эту загадочную Хелен Лейн.

Он позвонил Маргарет Гай, которая охотно и дружелюбно беседовала с ним, пока он не спросил о Хелен Лейн, после чего она сказала, что не разделяет его энтузиазма по поводу личной встречи, и повесила трубку. В конце концов Роджерс нашел подход к Уолтеру Нельсону-Рису, который как бы вскользь упомянул, что на самом деле женщину — родоначальницу этих клеток звали Генриетта Лакс. Вскоре, сидя на кровати в отеле Балтимора с видом на часы с буквами B-R-O-M-O-S-E-L-T-Z-E-R, Роджерс нашел в телефонном справочнике Лоуренса Лакса.

Стояла зима 1975 года, улицы обледенели, и на середине одного из перекрестков по пути к дому Лоуренса в такси Роджерса въехал другой автомобиль. Такси опрокинулось и пять или шесть раз перекувырнулось, как будто чья-то гигантская рука вертела его как бутылку. Роджерсу доводилось делать рискованные репортажи по всему миру; теперь же он сидел на заднем сиденье такси, вцепившись в дверную ручку, и думал про себя: «Черт! Будет действительно глупо, если я погибну в

Балтиморе, работая над этим заданием. Ведь эта история — ничуть не опасная!»

Спустя десятилетия, когда я беседовала с Роджерсом в его бруклинской квартире, мы полушутя сошлись во мнении, что перевернувшееся такси, возможно, не было случайностью. Позднее Дебора скажет, что это Генриетта таким образом предупреждала Роджерса, чтобы он оставил в покое ее семью, потому что он собирался сообщить им печальные новости. Еще она скажет, что Генриетта устроила знаменитый пожар в Окленде (штат Калифорния), во время которого сгорел дом Роджерса, из-за чего погибли все записи и документы, собранные им о HeLa и семье Генриетты.

Добравшись, наконец, до дома Лоуренса, Роджерс собирался взять у Лаксов интервью о Генриетте, однако вместо этого сам очутился под градом вопросов.

«Было совершенно очевидно, что с ними нехорошо обошлись, — сказал мне Роджерс. — Они действительно понятия не имели о том, что происходит, и они действительно хотели понять. Однако врачи, ничего им не объясняя, просто брали у них образцы крови и оставляли семью в тревоге».

Лоуренс спросил: «Мне вот интересно… по поводу этих клеток… Говорят, они сильнее, они берут верх — это хорошо или плохо? Значит ли это, что если мы заболеем, то будем дольше жить?»

Роджерс ответил Лаксам, что бессмертие клеток не означает, что члены семьи тоже бессмертны или что они умрут от рака. Однако он не был уверен, что ему поверили. Он, как мог, объяснил, что такое клетка, рассказал Лаксам о своих репортажах о HeLa, которые к тому времени были уже напечатаны, и пообещал отправить им копии для ознакомления.

На тот момент никто из ближайших родственников Генриетты, за исключением Деборы, похоже, не был особенно расстроен историей с Генриеттой или фактом существования этих клеток.

«Меня не слишком заботили эти клетки, когда я впервые узнал, что они живы, — объяснил мне Сонни годы спустя. — Помогают они кому-то — ну и хорошо. Вот как я тогда думал».

Однако все изменилось в тот день, когда Сонни и его братья прочли статью Роджерса и узнали, что:

> Исследовательские учреждения по всему миру обменивают, продают, пересылают, выпрашивают и одалживают друг у друга линии клеток… Клетки теперь могут предоставлять как учреждения, поддерживаемые

> [государством] — наподобие лаборатории Нельсона-Риса, так и коммерческие предприятия с бесплатными телефонными номерами, начинающимися на 800, где примерно за 25 долларов можно заказать небольшую стеклянную пробирку с клетками HeLa.

Прочтя этот абзац, братья Лаксы сразу же заинтересовались историей HeLa. И пришли к убеждению, что Джордж Гай и больница Хопкинса украли клетки их матери и нажили миллионы, продавая их.

Однако на самом деле история жизни Гая свидетельствует о том, что его не особенно интересовала наука ради прибыли: в начале 1940-х годов он отказался от предложения создать и возглавить первую коммерческую лабораторию клеточных культур. Сегодня патентование линий клеток — норма, но в 1950-х годах это было неслыханным делом. Однако в любом случае маловероятно, чтобы Гай запатентовал HeLa. Он не запатентовал даже вращающийся барабан, который по сей день используется и который мог бы принести своему изобретателю целое состояние.

В конце своей карьеры Гай получал неплохую зарплату в больнице Хопкинса, но не был богат. Они с Маргарет жили в скромном доме, который он купил у приятеля, уплатив первоначальный взнос в один доллар, а затем годами ремонтировал его и выплачивал полную стоимость. Более десяти лет Маргарет руководила лабораторией Гая, не получая за это зарплату. Порой она не могла внести плату за дом или купить продукты, потому что Джордж в очередной раз опустошил их общий счет, приобретя лабораторное оборудование, которое было им не по карману. В конце концов она заставила Джорджа открыть для лаборатории отдельный текущий счет и старалась держать мужа как можно дальше от их личных денег. На тридцатую годовщину свадьбы Джордж преподнес Маргарет чек на сто долларов и записку, нацарапанную на обертке из-под упаковки оксида алюминия: «Следующие 30 лет будут не такими суровыми. С любовью, Джордж». Маргарет так никогда и не обналичила этот чек, а их жизнь не сильно изменилась к лучшему.

За прошедшие годы представители больницы Джона Хопкинса, среди которых был как минимум один бывший президент университета, официально сообщали мне и другим журналистам, что больница никогда не получала ни цента за клетки HeLa, поскольку Джордж Гай всегда раздавал их бесплатно.

Документальных подтверждений получения больницей

Хопкинса и Гаем денег за клетки HeLa нет, однако их немало относительно банков клеток и биотехнологических компаний. HeLa начала продавать Microbiological Associates, которая впоследствии стала частью Invitrogen и BioWhittaker — двух крупнейших в мире биотехнологических компаний. Поскольку Microbiological Associates являлась частной фирмой и продавала массу прочих биологических продуктов, то невозможно выяснить, какая часть ее доходов получена именно благодаря HeLa. То же можно сказать и о многих других компаниях. Известно, что на сегодняшний день компания Invitrogen поставляет продукты, полученные из HeLa, по цене от 100 до почти 10 тысяч долларов за пробирку. Поиск по базе данных Патентного ведомства США (PTO) показывает более 17 тысяч патентов, связанных с клетками HeLa, а подсчитать профессиональные достижения многих ученых, полученные благодаря использованию HeLa, вообще невозможно.

Американская коллекция типовых культур (ATCC) — некоммерческая организация, средства которой идут преимущественно на поддержание культур клеток в чистоте и предоставление их для научных целей — продает HeLa с 1960-х годов. Во время написания этой книги цена за пробирку составляла 256 долларов. ATCC не склонна раскрывать, сколько денег ежегодно приносит ей продажа HeLa. Однако, поскольку HeLa — одна из самых востребованных линий клеток, цифра эта наверняка внушительная.

Лоуренс и Сонни ничего этого не знали. Все, что им было известно, — это то, что Гай выращивал клетки их матери в больнице Хопкинса, кто-то где-то делал на этих клетках деньги и этот кто-то не имел никакого отношения к Генриетте Лакс. Поэтому, пытаясь заставить больницу Хопкинса дать им то, что они рассматривали как свою долю прибылей от HeLa, братья наделали листовок о том, что причитается семье Генриетты Лакс, и раздавали эти листовки покупателям в магазине Лоуренса.

Дебора не имела ни малейшего желания бороться с больницей Хопкинса — она была слишком занята воспитанием детей и попытками самостоятельно узнать о клетках своей матери. Она вооружилась несколькими учебниками по основам естествознания, хорошим словарем и толстой тетрадью, куда абзац за абзацем переписывала фразы из учебников по биологии. «Клетки — мельчайшие единицы живого вещества, — записывала она. — Они образуют и обновляют все части тела». Однако по большей части она делала записи в дневнике о том, что происходило:

продолжаю с болью

…мы должны знать, что происходит с ее клетками у всех тех, у кого они есть. Ты можешь спросить, почему так долго мы ничего не знали. Что ж, за долгие годы были и видеозаписи, и книги, журналы, радио- и телепередачи по всему миру… я была в шоке. Спрашиваю, а мне никто не отвечает. Меня воспитывали быть тихой, не разговаривать, только слушать… теперь мне есть о чем рассказать. Генриетта Лакс вышла из-под контроля… как моя мать, с таким жестокосердным врачом, прошла через всю эту боль сама. О, отец говорил мне, как они, облучая ее, поджаривали ее живьем. О чем она думала в эти короткие месяцы перед смертью. Ей не становилось лучше, и она медленно умирала, покидала свою семью. Видишь, я пытаюсь мысленно воскресить этот день. Младший, еще младенец — в больнице с туберкулезом, старшая дочь — в другой больнице, и трое других детей дома, а муж все это время пропадает, — слышишь, пропадает на работе, чтобы прокормить своих детей. А жена умирает… она лежит в мрачной палате больницы Джона Хопкина, о да, я знаю, в отделении для черных. Когда пришел ее день, и моя мать умерла, у нее украли ее клетки. В больнице Джона Хопкинса знали об этих клетках и оставили их себе, раздавали кому хотели и даже переименовали клетки в HeLa. Они скрывали это от нас больше двадцати лет. Они говорят: «Подарены». Нет. Нет. Нет, от обокрали ее. Мой отец не подписывал никаких бумаг… Я хочу, чтобы они предъявили доказательства. Где бы они ни находились.

Чем больше Дебора стремилась узнать о клетках своей матери, тем больше ужаса ей внушали исследования клеток HeLa. Увидев в *Newsweek* статью, озаглавленную «ЛЮДИ-РАСТЕНИЯ», в которой рассказывалось, что ученые скрестили клетки Генриетты Лакс с клетками табака, Дебора решила, что они создали монстра в виде человека-растения, который был наполовину ее матерью, а наполовину — табаком. Узнав, что ученые использовали клетки HeLa для изучения вирусов наподобие вирусов СПИДа и лихорадки Эбола, Дебора представила, будто ее мать бесконечно страдает от симптомов каждой из этих болезней: боль, сокрушающая кости, кровоточащие глаза, удушье. Она ужаснулась рассказу «духовного целителя», который, изучая, может ли духовное целительство вылечить рак, пытался убить клетки HeLa наложением рук. Он писал:

> Держа бутыль, я сосредоточился на мысленной картине клеток, которую я создал в уме, представляя, как поля клеток приходят в беспорядок, а сами они лопаются… Пока я работал, то мог чувствовать, как будто между моими руками и мощной силой сцепления клеток происходит «перетягивание каната» … Затем я ощутил, как поле ослабло, как я одержал победу… клетки выглядели так, как если бы в каждую из них кто-то вставил маленькую ручную гранату — всю культуру просто снесло напрочь! Число плавающих на поверхности погибших клеток выросло в двадцать раз!

Для Деборы эту звучало как насильственное нападение на ее мать. Однако больше всего ее беспокоило, что многие ученые и журналисты по всему миру продолжали называть ее мать Хелен Лейн. «Раз уж они осмелились взять ее клетки и те оказались настолько важными для науки, — думала Дебора, — то они по крайней мере могли бы похвалить ее за это».

25 марта 1976 года в газетных киосках появился свежий выпуск *Rolling Stone* со статьей Майка Роджерса — впервые миру была рассказана правдивая история Генриетты Лакс и ее семьи, и впервые одно из ведущих СМИ сообщило, что родоначальница линии HeLa была черной. Время было самое подходящее: новости об исследовании в Таскиги были еще свежи в памяти, а «Черные пантеры» открывали бесплатные больницы для черных в местных парках и протестовали против системы здравоохранения, которую они рассматривали как расистскую. Расовую подоплеку истории происхождения клеток HeLa было невозможно проигнорировать. Генриетта — черная женщина, потомок рабов и издольщиков — отправилась на Север в поисках лучшей доли, и все только для того, чтобы белые ученые использовали ее клетки как инструменты, без ее согласия. Это была история о том, как белые продают черных, о «черных» культурах клеток, заражающих «белые» культуры одной-единственной клеткой, — и это в эпоху, когда тот, в ком имелась хоть одна капля «черной» крови, лишь недавно обрел законное право заключать брак с белым человеком. Это была также и история о клетках безвестной черной женщины, ставших одним из важнейших инструментов в медицине. Это были очень важные новости.

Статья Роджерса привлекла внимание нескольких других журналистов, которые связались с семьей Лакс. В течение трех месяцев после публикации материала Роджерса статьи о Генриетте — «одной из ключевых фигур в борьбе против рака» — опубликовали журналы *Jet, Ebony* и *Smithsonian,* а также

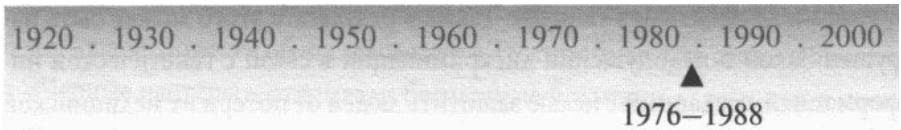
различные газеты.

Тем временем Виктор МакКьюсик и Сьюзан Сю только что опубликовали в журнале *Science* результаты своих исследований: в таблице примерно на полстраницы под заголовками «Муж», «Ребенок 1», «Ребенок 2», «Г. Лакс» и «HeLa». МакКьюсик, Сю и несколько соавторов представили карту сорока трех различных генетических маркеров, присутствующих в ДНК Дэя и двух детей Лаксов. С помощью этой информации они создали карту ДНК Генриетты, которую ученые планировали использовать для идентификации клеток HeLa в культурах клеток.

Сегодня ни один ученый даже помыслить не может о том, чтобы опубликовать чье-то имя с любой его генетической информацией, ибо известно, как много данных можно получить на основании ДНК, в том числе информацию о риске развития определенных заболеваний. Публикация личной медицинской информации такого рода может нарушить Закон об обеспечении доступности и подотчетности в медицинском страховании (HIPAA) от 1996 года, что влечет за собой выплату до 250 тысяч долларов штрафа и до десяти лет тюрьмы. Также в результате этого может быть нарушен Закон о недопущении дискриминации в связи с генетической информацией, созданный с целью защитить людей от потери их медицинской страховки или рабочего места из-за генетической дискриминации. Однако в то время еще не существовало подобного федерального контроля.

Адвокат мог бы рассказать Лаксам, что они могут подать в суд за нарушение тайны частной жизни или за отсутствие информированного согласия. Но Лаксы не обратились к адвокату — они даже не знали, что кто-то исследует их ДНК, не говоря уже о публикации данных такого исследования. Дебора по-прежнему ожидала известий о результатах того, что она считала анализом крови на рак, а Сонни и Лоуренс, как и прежде, пытались выяснить, как получить деньги с больницы Хопкинса. Они не знали, что на другом конце страны белый мужчина по имени Джон Мур собирался начать аналогичную борьбу. Однако он, в отличие от семьи Лакс, знал, кто и как использовал его клетки и сколько денег на этом нажил. А еще у него были средства на то, чтобы нанять юриста.

25
«С чего это вы взяли, что можете продать мою селезенку?»



В 1976 году — в год, когда Майк Роджерс опубликовал свою статью в *Rolling Stone,* а семья Лакс узнала, что люди покупают и продают клетки Генриетты — Джон Мур работал по двенадцать часов в сутки, семь дней в неделю инспектором нефтепровода на Аляске. Он думал, что его убивает его работа. У него кровоточили десны, вздулся живот, а все тело покрылось кровоподтеками. Выяснилось, что в тридцать один год он болен волосатоклеточным лейкозом — редким и смертельным онкологическим заболеванием, которое заполнило его селезенку злокачественными кровяными клетками так, что она раздулась, как перекачанная шина.

Местный лечащий врач Мура направил его к Дэвиду Голду — известному исследователю рака из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, который сказал, что единственный способ лечения в данном случае, — удалить селезенку. Мур подписал форму согласия, в которой говорилось, что больница может «подвергнуть кремации любую удаленную ткань или часть тела», и ему удалили селезенку. Селезенка здорового человека весит меньше фунта. Селезенка Мура весила больше двадцати двух.

После операции Мур переехал в Сиэтл, занялся продажей устриц и продолжал жить своей жизнью. Но раз в несколько месяцев в период между 1976 и 1983 годом он летал к Голду в Лос-Анджелес на повторные обследования. Поначалу Мур не задумывался об этих поездках, однако через несколько лет полетов из Сиэтла в Лос-Анджелес, где Голд брал у него анализ костного мозга, крови и спермы, Мур задумался: «А разве врач в Сиэтле не может делать то же самое?» Он сообщил Голду, что хотел бы проходить контрольный осмотр поближе к дому, на что тот предложил оплачивать билеты на самолет и размещать его в фешенебельном отеле Beverly Wilshire. Мур счел это странным, однако по-прежнему ничего не подозревал, пока в 1983 году — спустя семь лет после операции — в один из приездов медсестра не вручила ему новую форму согласия, в которой было написано:

> Я (согласен, не согласен) добровольно пожертвовать Калифорнийскому университету все права, которые я или мои наследники могут иметь в отношении любой линии клеток или иного потенциального продукта, который, возможно, будет получен из взятых у меня крови и/или костного мозга.

Поначалу Мур выбрал «да». Спустя годы в интервью журналу *Discover* он расскажет: «Никому не хочется ставить себя под удар. Ты думаешь: *А вдруг этот парень прикончит тебя, и ты умрешь, мало ли».*

Однако Мур подозревал, что Голд что-то скрывает, и поэтому, когда медсестра дала ему аналогичную форму во время следующего контрольного визита, он спросил Голда, имеют ли коммерческую ценность контрольные процедуры, которые тот выполняет. По словам Мура, Голд ответил отрицательно, однако Мур на всякий случай обвел «нет» в форме согласия.

После приема у врача Мур зашел к гости к родителям, жившим неподалеку. Войдя в дом, он услышал телефонный звонок. Звонил Голд, уже второй раз с той минуты, как Мур вышел от врача. Голд сказал, что тот, видимо, случайно обвел неверный ответ в форме согласия, и попросил вернуться обратно в больницу и исправить ошибку.

«Мне было неприятно сталкиваться с ним, — рассказывал Мур журналистам через несколько лет, — и поэтому я ответил: „Вот это да, доктор! Не знаю, как это я мог ошибиться“. При этом уточнил, что вернуться не могу, потому что должен лететь в Сиэтл».

Вскоре та же форма согласия появилась в почтовом ящике Мура с наклейкой, гласившей: «Обведите „согласен“». Мур не выполнил просьбу. Через несколько недель он получил от Голда письмо с предложением прекратить валять дурака и подписать форму. После этого Мур отправил эту форму одному адвокату который выяснил, что почти все семь лет, прошедшие после оперирования Мура, Голд занимался выращиванием и маркетингом линии клеток, которую назвал Мо.

Мур поведал одному из журналистов: «Очень бесчеловечно, когда о тебе думают как о Мо и называют Мо в медицинских записях: „Сегодня видел Мо“. Я вдруг перестал быть человеком, которого лечил Голд, я был Мо, я был линией клеток, каким-то куском мяса».

За несколько недель до того, как предложить Муру новую форму согласия — после продолжавшихся годами «контрольных» осмотров — Голд подал заявку на патент на клетки Мура и на

несколько крайне ценных белков, которые эти клетки продуцировали. Голд еще не продал права на этот патент; однако, как выяснилось в результате судебного разбирательства, которое в конце концов затеял Мур, Голд уже заключил соглашения с одной биотехнологической компанией, которая предложила ему долю акций и финансирование в размере более 3,5 миллиона долларов на коммерческую разработку и научное исследование линии клеток Мо. На тот момент ее рыночная стоимость оценивалась в 3 миллиарда долларов.

Биологические материалы не патентовали, пока в 1980 году, за несколько лет до судебного дела Мура, Верховный суд не принял решение по делу Ананды Мохана Чакрабарти — ученого, инженера из *General Electric,* который создал бактерию, ставшую в результате генной инженерии способной потреблять нефть и тем самым помогавшую убирать нефтяные разливы. Чакрабарти заполнил заявку на патент, которую отклонили на основании того, что никакой живой организм не может рассматриваться как изобретение. Адвокаты Чакрабарти утверждали, что, поскольку нормальные бактерии нефть не потребляют, то бактерия Чакрабарти не встречается в природе, — она существует только благодаря «человеческой изобретательности».

Победа Чакрабарти дала возможность патентовать и другие живые объекты, в том числе генетически модифицированных животных и линии клеток, которые в естественных условиях не встречаются вне организма. Кроме того, для патентования линий клеток не требовалось информировать доноров клеток или получать разрешение от них.

Ученые быстро выяснили, что клетки Джона Мура были необыкновенными — ведь мало какие линии клеток действительно стоило патентовать. Клетки Мура продуцировали редкие белки, которые использовались фармацевтическими компаниями для лечения инфекционных заболеваний и рака. Они также были носителями редкого вируса HTLV — отдаленного родственника ВИЧ, который исследователи надеялись использовать для создания вакцины, способной остановить эпидемию СПИДа. По этой причине фармацевтические компании были готовы платить огромные деньги за работу с этими клетками. Если бы Мур знал об этом до того, как Голд запатентовал их, то он мог бы напрямую связаться с этими компаниями и самостоятельно договориться о продаже своих клеток.

В начале 1970-х годов именно так и поступил с антителами своей крови человек по имени Тед Славин. Славин родился в

1950-х годах с врожденной гемофилией. В то время единственный доступный способ лечения предполагал переливание свертывающих факторов донорской крови, которая при этом не проверялась на наличие заболеваний. По этой причине Славина неоднократно заражали вирусом гепатита B, о чем он узнал лишь десятилетия спустя, когда анализ крови показал чрезвычайно высокую концентрацию антител к гепатиту B. Получив результаты анализа крови, лечащий врач Славина — в отличие от лечащего врача Мура — сообщил ему, что его тело вырабатывает нечто чрезвычайно ценное.

Исследователи всего мира трудились над разработкой вакцины от гепатита B, для чего требовался стабильный источник антител, подобных антителам у Славина, за которые фармацевтические компании готовы были щедро платить. Это было кстати, ибо Славин нуждался в деньгах. Он перебивался нерегулярными заработками, работая официантом и на стройке, но в конце концов с ним случилось очередное обострение гемофилии, и он опять оказался без работы. Поэтому Славин связался с лабораториями и фармацевтическими фирмами и спросил, не хотят ли они купить его антитела. Ему ответили, что хотят, и в большом количестве.

Славин стал продавать всем желающим сыворотку своей крови по десять долларов за миллилитр, до пятисот миллилитров за раз. Но он делал это не просто ради денег — он хотел, чтобы люди излечивались от гепатита B. Он написал письмо лауреату Нобелевской премии вирусологу Баруху Самуэлю Бламбергу, который открыл антиген гепатита B и разработал анализ крови, с помощью которого в первую очередь были обнаружены антитела в крови Славина. Славин предложил Бламбергу неограниченно и бесплатно использовать его кровь и ткани для исследовательских целей, так началось их многолетнее сотрудничество. С помощью сыворотки крови Славина Бламберг со временем открыл связь между гепатитом B и раком печени, а также создал первую вакцину от гепатита B, которая спасла миллионы жизней.

Славин понимал, что, возможно, он не единственный человек, чья кровь имеет такую ценность. Поэтому он привлек людей, наделенных сходными качествами, и основал компанию Essential Biologicals, которая впоследствии слилась с другой, более крупной корпорацией, производившей биологическую продукцию. Славин был лишь первым из многих, кто впоследствии превратил свое тело в источник дохода. В настоящее время почти два миллиона американцев продают плазму своей крови, и многие из них — регулярно.

Однако Мур не мог продавать клетки Мо, так как тем самым

нарушил бы права Голда как владельца патента. Поэтому в 1984 году Мур возбудил иск против Голда и Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, обвинив их в обмане и использовании его тела для исследования без его согласия. Он также заявил о праве собственности на свои ткани и обвинил Голда в краже последних. Благодаря этому судебному процессу Мур стал первым, кто попытался юридически отстоять свои права на собственные ткани и предъявил иск в отношении прибылей и убытков.

Когда судья Джозеф Уэпнер, известный как судья на телешоу «Народный суд», закончил слушать показания, Мур решил, что никто не воспримет его дело всерьез. Однако ученые во всем мире запаниковали. Если образцы тканей, включая кровяные клетки, являются собственностью пациентов, то исследователи, берущие их, не имея предварительного на то согласия доноров и не обладая правом собственности на них, рискуют быть обвиненными в воровстве. В материалах прессы вновь и вновь цитировали адвокатов и ученых, заявлявших, что победа Мура в этом судебном процессе «создаст хаос для исследователей» и «[зазвучит] похоронным звоном для университетских врачей-исследователей». Это также объявлялось «угрозой разделу тканей в исследовательских целях». Кроме того, все беспокоились, что пациенты будут мешать научному прогрессу, требуя непомерных прибылей, даже если их клетки не будут стоить миллионы, как клетки Мура.

Однако много чего в науке уже было приостановлено, ибо исследователи, университеты и биотехнологические компании возбуждали судебные дела друг против друга в связи с правами собственности на разные линии клеток. Лишь в двух из них упоминались люди, от которых эти клетки были изначально получены: в первом из них, имевшем место в 1976 году, речь шла о праве собственности на важную линию человеческих эмбриональных клеток. Леонард Хейфлик — исследователь, первым вырастивший эти клетки — доказывал, что в отношении любых культивируемых клеток существует множество сторон с законными имущественными интересами, включая ученого, который их вырастил, тех, кто финансировал любые выполненные работы, связанные с этими клетками, и донора исходного материала. По его словам, без любого из этих участников культивируемые клетки попросту не существовали бы — равно как и деньги, полученные в результате их продажи. Этот судебный процесс не стал прецедентом, поскольку спор был урегулировал без судебного разбирательства: стороны, вовлеченные в эту тяжбу, поделили права на эти клетки. Причем

донор клеток в данном деле не принимал участия. Аналогичным образом чуть позже закончилось и второе дело: молодой ученый забрал линию клеток, которую он помогал выращивать в США, и сбежал с ней в свою родную Японию, где заявил о своем праве собственности на нее, поскольку исходные клетки были взяты у его матери.

Общество не сознавало, насколько больших денег стоят линии клеток, пока не появились новости о судебном процессе Мура. По всей стране заголовки в прессе гласили примерно следующее:

> ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА КЛЕТКИ ПОРОЖДАЕТ НЕУДОБНЫЕ ВОПРОСЫ…
>
> КТО ДОЛЖЕН ИМЕТЬ ПРАВА НА КЛЕТКИ ПАЦИЕНТОВ?..
>
> С ЧЕГО ЭТО ВЫ ВЗЯЛИ, ЧТО МОЖЕТЕ ПРОДАТЬ МОЮ СЕЛЕЗЕНКУ?

Ученые, адвокаты, специалисты по этике и политики вели дебаты на эти темы: некоторые требовали издать закон, который сделал бы незаконным для врачей брать у пациентов клетки или извлекать с их помощью прибыль без согласия пациентов и без уведомления их о потенциальной прибыли; другие доказывали, что результатом этого может стать логистический кошмар, который положит конец прогрессу медицины.

В конце концов судья отказался рассматривать дело Мура, заявив, что оснований для этого нет. По иронии судьбы, судья в своем решении относительно линии клеток Мо сослался как на прецедент на линию клеток HeLa. По его мнению, случай с HeLa показывает, что пациенты не возражали, когда врачи брали их клетки и превращали их в коммерческие продукты. Судья счел возражения Мура странными. Однако фактически Мур всего лишь первым понял, что происходящее в принципе возможно опротестовать.

Мур подал апелляцию, и в 1988 году апелляционный суд Калифорнии принял решение в его пользу, опираясь на Закон о защите лиц, принимающих участие в медицинских экспериментах, принятый в Калифорнии в 1978 году. Согласно этому закону, исследования, проводимые над людьми, должны уважать «право индивидуума решать, что будут делать с его телом». Судья написал: «Пациент должен иметь максимальные полномочия контролировать, что происходит с его или ее тканями. Иная позиция может дать возможность для массового посягательства на частную жизнь и достоинство людей во имя медицинского прогресса».

Однако Голд подал апелляцию и выиграл дело. Каждое новое решение в этом судебном процессе порождало противоположные предыдущим заголовки в прессе:

> СУД ПОСТАНОВИЛ, ЧТО КЛЕТКИ ЯВЛЯЮТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ ПАЦИЕНТА…
>
> СУД ПОДДЕРЖИВАЕТ ПРАВО ВРАЧЕЙ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТКАНИ ПАЦИЕНТОВ

Спустя почти семь лет после первого иска, поданного Муром, Верховный суд Калифорнии принял решение, ставшее по данному делу окончательным: «После того как ткани были удалены из вашего тела — с вашего согласия или без оного, — любая ваша претензия в отношении владения ими, которая может иметь место, становится недействительной». Оставляя ткани в кабинете врача или в лаборатории, вы избавляетесь от них, как от отходов, и любой человек может взять ваш мусор и продать. Поскольку Мур избавился от своих клеток, они не являлись более продуктом его тела. Так гласило постановление судьи. Клетки «трансформировались» в изобретение и теперь являются результатом «человеческого мастерства» и «изобретательских усилий» Голда.

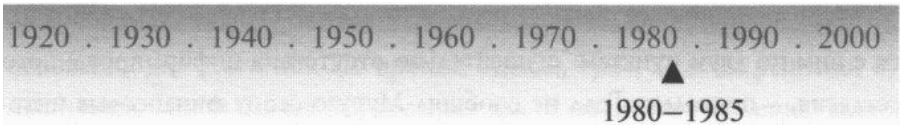
Муру не присудили никаких доходов от клеток. Однако судья согласился с ним по двум пунктам: относительно отсутствия информированного согласия, — поскольку Голд не сообщил Муру о своих финансовых интересах, и относительно нарушения фидуциарных обязательств, — ибо Голд воспользовался преимуществом своего положения как врача и обманул доверие пациента. Суд заявил, что исследователи должны раскрывать свои финансовые интересы в отношении тканей пациентов, несмотря на отсутствие закона, требующего этого. Он также указал на отсутствие законов, регулирующих и защищающих пациентов, задействованных в исследованиях тканей, и предложил законодательным органам исправить данную ситуацию. Однако суд заявил, что решение в пользу Мура могло бы «уничтожить экономический стимул, побуждающий проводить важные медицинские исследования», а предоставление пациентам прав собственности на их ткани может «воспрепятствовать исследованиям из-за затрудненного доступа к необходимому сырью» и создаст условия, где «с каждым образцом клеток исследователь приобретает билет на судебную лотерею».

Ученые торжествовали и даже испытывали самодовольство. Декан медицинской школы Стэнфордского университета в интервью журналисту заявил, что, раз исследователи раскрывают свои финансовые интересы, то пациенты не должны возражать

против использования их тканей. «А если бы вы возразили, — заявил он, — то, полагаю, вы сидели бы здесь со своим лопнувшим аппендиксом и вели бы переговоры».

Несмотря на широкое освещение дела Мура в прессе, семья Лакс не имела понятия о происходящем. В то время как по всей стране велись дебаты о владении человеческими тканями, братья Лакс продолжали рассказывать всем, кто их слушал, что больница Джона Хопкинса украла клетки их матери и должна им миллионы долларов. Дебора тоже стала раздавать листовки о своей матери и о ее клетках со словами: «Я только хочу, чтоб вы прочли, что тут написано! И всем расскажите! Пусть все убедятся! Мы хотим, чтобы каждый в мире знал о моей матери».

26
Нарушение неприкосновенности частной жизни



Вопреки своим страхам, Дебора не умерла, когда ей исполнилось тридцать лет. Она продолжала растить детей, работая в разных местах — парикмахершей, публичным нотариусом, техником по смешиванию компонентов на цементном заводе, продавцом в бакалейном магазине, водителем лимузинов.

В 1980 году — через четыре года после развода с Гепардом — Дебора забирала свою машину у механика по имени Джеймс Паллум, который по совместительству работал на местном сталелитейном заводе. Они поженились в 1981 году, когда Деборе исполнился тридцать один, а Паллуму — сорок шесть лет, и вскоре после этого Господь призвал его в проповедники — по вечерам. До этого у Паллума были некоторые стычки с законом, однако рядом с ним Дебора чувствовала себя в безопасности. Он разъезжал по Балтимору на «Харлее» с ножом в кармане и всегда держал под рукой пистолет. Однажды он спросил у Деборы, отчего она не познакомит его со своей матерью, и вместо ответа она положила на кровать статью из *Rolling Stone*. Прочтя ее, Паллум посоветовал Деборе нанять адвоката, на что она заявила, чтобы он не лез в чужие дела. В конце концов они открыли маленькую уличную церковь, и Дебора на какое-то время стала меньше переживать о клетках матери.

Захария вышел из тюрьмы, отсидев лишь семь лет из своего пятнадцатилетнего срока. Он получил сертификат монтажника-наладчика воздушных кондиционеров и работал водителем грузовиков. Однако он по-прежнему боролся с собственной гневливостью и пьянством, и в тех редких случаях, когда ему удавалось найти работу, он быстро терял ее. Ему было не по карману снять жилье, и поэтому большинство ночей он проводил на лавочке на Федерал-хилл в деловой части Балтимора или на ступеньках церкви напротив дома своего отца. Порой Дэй выглядывал из окна спальни и видел, что его сын лежит на бетоне. Однако, если он приглашал Захарию в дом, тот огрызался и отвечал, что на земле приятнее. Захария винил отца в смерти

Генриетты, ненавидел его за то, что мать похоронена в безымянной могиле, и никогда не мог простить ему, что он оставил детей на Этель. В конце концов Дэй перестал приглашать Захарию в дом, даже если иногда это означало пройти мимо спящего на тротуаре сына.

Однажды Захария увидел объявление о том, что больнице Хопкинса требуются добровольцы для медицинских исследований, и понял, что может стать объектом исследования за небольшую плату, еду, а иногда даже кровать, в которой можно поспать. Когда ему были нужны деньги на очки, он разрешил исследователям заразить его малярией ради изучения нового лекарства. Он нанялся добровольцем в исследование алкоголизма, чтобы оплатить новую программу переквалификации, затем подписался на изучение СПИДа, что дало ему возможность около недели спать в кровати. Захария бросил это дело, когда исследователи завели речь об инъекциях, ибо думал, что они заразят его СПИДом.

Никто из врачей не знал, что они проводят исследования над сыном Генриетты Лакс, потому что он сменил имя. Захария и Дебора всегда считали, что в больнице не отпустили бы его, узнай они, что он — один из Лаксов.

Самую большую сумму денег, которую когда-либо приходилось видеть детям Лаксов, принес Дэй, получив компенсацию по групповому иску против производителя бойлеров в связи с вредом для легких рабочих из-за воздействия асбеста на сталелитейном заводе Bethlehem Steel. Дэй получил чек на 12 тысяч долларов, и он дал по 2 тысячи каждому из своих детей. Дебора на свою долю купила небольшой участок земли в Кловере, чтобы когда-нибудь переехать туда в деревню и жить рядом с могилой матери.

Тяжелый период в жизни Сонни только усугубился: теперь основной доход ему приносила спекуляция продовольственными купонами в ночном магазине Лоуренса. Вскоре Сонни оказался в тюрьме за торговлю наркотиками. Судя по всему, Альфред, сын Деборы, пошел по той же дорожке, что и его дяди: к восемнадцати годам его уже несколько раз арестовывали за небольшие правонарушения, такие как взлом и проникновение в помещение. Поначалу Дебора неоднократно выручала его из беды и забирала под залог, однако потом стала оставлять его в тюрьме в воспитательных целях, говоря ему: «Ты тут останешься до тех пор, пока размер залога не сократится настолько, что ты сможешь сам его заплатить». Впоследствии, когда он поступил служить в морскую пехоту и вскоре ушел в самоволку, Дебора выследила его и заставила явиться в военную полицию. Она надеялась, что,

побыв в заведении общего режима, он никогда больше не захочет оказаться в тюрьме. Однако дела пошли только хуже — Альфред начал воровать и приходить домой «под кайфом», и в конце концов Дебора поняла, что ничего не может с этим поделать. Она сказала ему: «В тебя вселился дьявол, парень, эта наркота, на которой ты сидишь, сделала тебя чокнутым. Я тебя не знаю и не хочу больше тебя здесь видеть».

Примерно в то же время кто-то сообщил Деборе, что она, как ближайший родственник Генриетты, может запросить в больнице Хопкинса копию медицинской карты своей матери, чтобы узнать о причине ее смерти. Однако Дебора этого не сделала, ибо страшилась того, что может узнать, и того, как это на нее подействует. Затем в 1985 году издательство одного из университетов опубликовало книгу Майкла Голда, журналиста из журнала *Science 85,* о кампании Уолтера Нельсона-Риса по прекращению заражения других культур клетками HeLa. Называлась книга «Заговор клеток: бессмертное наследие одной женщины и вызванный им медицинский скандал».

Никто из членов семьи Лакс не помнит, как они узнали о книге Голда. Однако, когда Дебора раздобыла экземпляр, она со всей возможной скоростью пролистала всю книгу насчет матери. Она нашла фотографию Генриетты, где та стояла, положив руки на бедра, на внутренней передней стороне обложки и ее имя в конце первой главы. Дрожа от возбуждения, Дебора прочла вслух абзац:

> Все это были клетки одной американки, которая за всю свою жизнь, возможно, не бывала нигде дальше нескольких миль от своего дома в Балтиморе (Мэриленд) … Ее звали Генриетта Лакс.

Далее в десятистраничной главе Голд часто цитировал медицинские записи Генриетты: пятна крови на нижнем белье, сифилис, быстрое ухудшение состояния. Никто из членов семьи Генриетты никогда не видел этих записей, не говоря уже о том, чтобы давать разрешение больнице Хопкинса на передачу их журналисту для публикации в книге, которую будут читать во всем мире. Затем, пролистнув несколько страниц, Дебора внезапно наткнулась на подробности кончины своей матери: мучительная боль, жар и рвота; скопление токсинов в ее крови; запись врача: «Прекратить все препараты и лечение, кроме обезболивающих»; а также описание, как выглядели останки Генриетты во время вскрытия:

> Руки умершей женщины были заведены вверх и

> назад, чтобы патологоанатом мог вскрыть грудную клетку… на теле был сделан продольный разрез сверху вниз посередине и была широко вскрыта [полость тела] … серовато-белые шарики опухолей… заполняли труп. Это выглядело так, как будто тело внутри было усыпано жемчужинами. Нитки жемчужных бусин опутывали поверхность печени, диафрагмы, кишечника, аппендикса, прямой кишки и сердца. Плотные скопления покрывали верхнюю часть яичников и фаллопиевых труб. Хуже всего выглядела область мочевого пузыря, покрытая плотной массой раковой ткани.

Прочтя этот абзац, Дебора не могла уже убрать это из своей головы. Дни и ночи напролет она плакала, представляя, какую боль должна была испытывать Генриетта. Стоило ей закрыть глаза, как она видела тело матери, разрезанное посередине, с криво поднятыми руками и полное опухолей. У нее началась бессонница, и вскоре Дебора обозлилась на больницу Хопкинса столь же сильно, что и ее братья. Ночами вместо сна спрашивала себя: «Кто дал журналисту медицинские записи моей матери?» Лоуренс и Захария думали, что Майкл Голд имел какое-то отношение к Джорджу Гаю или к какому-нибудь другому врачу из больницы Хопкинса, иначе как еще у него могли оказаться медицинские записи их матери?

Годы спустя, когда я позвонила Майклу Голду, он не мог вспомнить, откуда взял эти записи. Он лишь сказал, что «долго и с пользой беседовал» с Виктором МакКьюсиком и Говардом Джонсом и был совершенно уверен, что именно Джонс дал ему фотографию Генриетты. Однако в отношении записей он не был так уверен. «Они лежали у кого-то в ящике письменного стола, — сказал он мне. — Не помню, был ли это Виктор МакКьюсик или Говард Джонс».

Когда я разговаривала с Джонсом, он ничего не помнил о Голде либо об его книге и отрицал, что он или МакКьюсик когда-либо давали кому-нибудь медицинские записи Генриетты.

Для журналиста не считалось незаконным публиковать медицинскую информацию, полученную из какого-нибудь источника. Однако если он при этом не связывался с семьей, о которой шла речь в его материале, чтобы задать дополнительные вопросы, подтвердить информацию и сообщить им о готовящейся огласке их частной информации, то такая публикация пользовалась дурной славой. На мой вопрос, пытался ли Голд поговорить с семьей Лакс, он ответил: «Думаю, я написал несколько писем и сколько-то раз звонил, но все адреса и номера

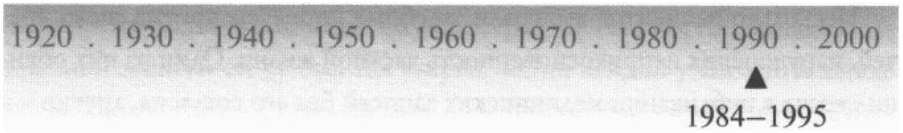
телефонов, по-видимому, были старыми. И если быть честным, эта семья на самом деле не находилась в центре моего внимания… я лишь подумал, что они могли бы добавить кое-какие интересные подробности к научной истории».

Тем не менее среди врачей не было стандартной практикой передавать репортерам медицинские записи пациента. Конфиденциальность информации о больных веками считалась этическим принципом: клятва Гиппократа, которую большинство врачей дает по окончании медицинской школы, гласит, что работа врачом требует соблюдения конфиденциальности. Ведь в противном случае пациенты никогда не раскроют врачу глубоко личную информацию, необходимую для постановки медицинских диагнозов. Однако, подобно нюрнбергскому кодексу и моральному кодексу Американской медицинской ассоциации, в которых ясно говорится, что врачи должны соблюдать конфиденциальность информации о пациентах, клятва Гиппократа не является законом.

Сегодня публикация медицинских записей без разрешения была бы нарушением федерального законодательства. Однако в начале 1980-х годов, когда кто-то дал Голду медицинские записи Генриетты, такого закона не существовало. Многие штаты — фактически более тридцати — приняли законы, защищающие конфиденциальность медицинских записей пациентов. Однако Мэриленд не вошел в их число.

Несколько пациентов выиграли судебные процессы против своих врачей, нарушивших неприкосновенность частной жизни. Один из них обвинил врача в публикации медицинских записей без его согласия, другие — в публикации фотографий или публичной демонстрации видеозаписей без их согласия. Однако все эти пациенты отличались от Генриетты в одном: они были живы. Тогда как мертвый не имеет права на приватность, даже если часть его до сих пор жива.

27
Секрет бессмертия



Спустя более чем тридцать лет после смерти Генриетты исследования HeLa, наконец, помогли выявить, как начался ее рак и почему ее клетки никогда не умирали. В 1984 году немецкий вирусолог Харальд цур Хаузен открыл новый штамм вируса, передающегося половым путем, который был назван вирусом папилломы человека-18 (Human Papillome Virus-18, HPV-18). Он считал, что данный вирус и HPV-16, обнаруженный им годом раньше, вызывают рак шейки матки. Проверка клеток HeLa из его лаборатории показала наличие штамма HPV-18. Однако цур Хаузен запросил в больнице Хопкинса исходный образец биопсии Генриетты, дабы удостовериться, что ее клетки не были заражены вирусом при их культивировании. Анализ этого образца оказался не просто положительным; он также показал, что Генриетта была инфицирована множественной копией HPV-18, которая оказалась одним из самых опасных штаммов вируса.

Существует более сотни различных штаммов HPV. Тринадцать из них вызывают рак шейки матки, прямой кишки, ротовой полости и пениса. На сегодняшний день около 90 % всего сексуально активного взрослого населения в течение жизни заражается хотя бы одним из штаммов этого вируса. В 1980-х годах ученые, используя HeLa и другие клетки, изучали вирус HPV, а также то, каким образом он вызывает рак. Они выяснили, что HPV внедряет свою ДНК в ДНК клетки хозяина, где начинает вырабатывать белки, приводящие к раку. Ученые также установили, что, если блокировать ДНК HPV, то раковые клетки шейки матки перестают быть злокачественными. Эти открытия помогли создать вакцину от HPV и в конечном итоге принесли цур Хаузену Нобелевскую премию.

Изучение HPV позволило, наконец, понять, каким образом развился рак у Генриетты: вирус HPV внедрил свою ДНК в длинное плечо ее одиннадцатой хромосомы и, по существу, отключил ген p-53 — подавитель роста опухоли. А вот что ученые до сих пор не выяснили, так это то, почему это породило столь чудовищно смертоносные клетки как в теле Генриетты, так и вне его (в особенности если учесть, что раковые клетки шейки матки являются одними из самых трудных для культивирования).

Когда я беседовала с Говардом Джонсом через пятьдесят лет после того, как он обнаружил опухоль на шейке матки Генриетты, ему было чуть больше девяноста лет, и он повидал на своем веку тысячи случаев этого заболевания. Однако на мой вопрос, помнит ли он Генриетту, Джонс рассмеялся: «Никогда не забуду эту опухоль, ибо она отличалась от всего, что я когда-либо видел».

Я говорила о HeLa со многими учеными, и ни один из них не мог объяснить, почему клетки Генриетты росли столь мощно, в то время как многие другие вообще не выживали. Сегодня ученые могут сделать клетки бессмертными, подвергнув их воздействию определенных вирусов, либо некоторых химических веществ. Однако мало какие клетки стали бессмертными сами по себе, как клетки Генриетты.

Члены семьи Генриетты придерживались своих собственных теорий о причине столь мощного роста клеток. Сестра Генриетты Глэдис так никогда и не простила ей переезда в Балтимор и того, что она оставила на Глэдис их отца, когда тот постарел. Глэдис считала, что рак был своего рода наказанием Божиим за то, что Генриетта покинула свой дом. Сын Глэдис Гэри верил, что все болезни — это гнев Божий, кара за то, что Адам ел яблоко, которое дала ему Ева. Кути говорил, что причиной были духи, вызывающие болезни. А Сэди, кузина Генриетты, никогда не знала, что и думать.

«Боже мой, — сказала она мне как-то, — когда я слышу об этих клетках, то думаю: может, это что-то живое в ней восстало, понимаете? Меня это пугало, ведь мы привыкли повсюду и всегда быть вместе. Мы с Хенни никогда не купались в этой мерзкой воде около Станции Тернер, — не так, как другие, не ходили на пляж или в подобные места, никогда не ходили без трусов и прочего. Так что не знаю, как что-то могло попасть внутрь Хенни. Но оно попало. Что-то живое попало в нее. Она умерла, а оно, на самом деле, продолжает жить. Знаете, я начинаю думать, что, может быть, что-то явилось из космоса, упало, и как раз оказалось на ее пути».

При этих словах Сэди рассмеялась, ибо понимала, что все это звучит бредово. «Однако именно это приходит мне на ум, — призналась она. — Честное слово. Все, что я могу подумать об этом. Как еще вы можете объяснить, что ее клетки так растут?»

Каждое десятилетие было ознаменовано какими-либо поворотными этапами в исследовании HeLa. В 1980-х годах одним из таких этапов стало выявление связи между HPV и раком шейки матки. В начале эпидемии СПИДа группа исследователей — включая молекулярного биолога Ричарда Акселя, будущего

лауреата Нобелевской премии — заразила ВИЧ клетки HeLa. В норме ВИЧ способен поражать только клетки крови; однако Аксель встроил в клетки HeLa специфическую последовательность ДНК клеток крови, что сделало возможным заразить их ВИЧ. В результате ученые смогли определить, что требуется ВИЧ для того, чтобы поразить клетку. Это стало важным шагом к пониманию данного вируса и, потенциально, к тому, чтобы остановить его.

Исследование Акселя привлекло внимание Джереми Рифкина — писателя и активиста, усердного участника нарастающих общественных дебатов о том, следует ли ученым изменять ДНК. Рифкин и многие другие считали, что любые действия с ДНК опасны — даже в контролируемых лабораторных условиях, — ибо могут привести к генетическим мутациям и способствовать появлению «спроектированных детей». С целью положить этому конец Рифкин регулярно возбуждал иски. Для этого он использовал — ввиду отсутствия законов, ограничивающих генную инженерию — любые из существующих законов, какие только можно было применить.

Чтобы остановить исследования Акселя, он в 1987 году подал иск в федеральный суд на том основании, что Аксель нарушает Закон о государственной экологической политике от 1975 года, ибо они никогда не проходили проверку на экологическую безопасность. Рифкин обращал внимание на то, что HeLa — как это было широко известно — «чрезвычайно опасная и заразительная линия клеток», которая может заразить другие культуры. По словам Рифкина, после того как Аксель заразил клетки HeLa ВИЧ, они могут заразить ВИЧ другие клетки и исследователей лабораторий по всему миру. Это «увеличит для вируса» круг хозяев и чревато дальнейшим опасным распространением генома вируса СПИДа.

В ответ на поданный иск Аксель объяснил, что клетки не способны расти вне культуры ткани и что существует огромная разница между загрязнением культуры и ВИЧ-инфицированием. Журнал *Science* так отозвался об этом судебном процессе: «Даже Рифкин признает, что увязывание вместе данных событий звучит скорее как сюжет второсортного фильма ужасов, нежели как описание нормального хода дел в биомедицинских исследовательских лабораториях страны». В конце концов иск был отклонен, Аксель продолжил использовать HeLa для изучения ВИЧ, а придуманный Рифкиным сценарий фильма ужасов так никогда и не воплотился.

Однако тем временем двое ученых выдвинули в отношении HeLa теорию, которая куда больше напоминала научную

фантастику, нежели все, что напридумывал Рифкин. По их мнению, HeLa уже не была человеческой клеткой.

В процессе выращивания в культуре клетки меняются, как они менялись бы и в человеческом теле. Они подвергаются воздействию химических веществ, солнечного света и разных окружающих сред. Каждое из этих воздействий может привести к изменению ДНК. Затем клетки передают эти изменения каждому последующему поколению клеток посредством клеточного деления — случайного процесса, который ведет ко все большим изменениям. Клетки эволюционируют подобно людям.

Все вышеописанное происходило и с клетками Генриетты с тех пор, как их принялись культивировать. Эти изменения клетки передавали своим дочерним клеткам, создавая новые семейства клеток HeLa, отличавшиеся друг от друга так же, как отличаются двоюродные, троюродные и четвероюродные родственники, несмотря на наличие общего предка.

К началу 1990-х годов маленький образец ткани шейки матки Генриетты, который Мэри начала культивировать в лаборатории Гая, породил многие тонны других клеток, которые по-прежнему были известны как HeLa, но при этом немного отличались друг от друга и от исходных клеток Генриетты. По этой причине Лей Ван Вален, эволюционный биолог из Чикагского университета, писал: «Итак, мы со всей серьезностью предполагаем, что [клетки HeLa] стали отдельным видом».

Ван Вален пояснил эту мысль годы спустя: «Клетки HeLa эволюционируют отдельно от людей, а наличие раздельной эволюции и есть, на самом деле, то, что делает вид отдельным видом». Поскольку видовое название Hela уже было присвоено одному виду крабов, исследователи предложили назвать новый вид клеток Helacyton gartleri, объединив HeLa с «cyton», что по-гречески означает «клетка», и gartleri в честь Стэнли Гартлера, бросившего «бомбу HeLa» двадцатью пятью годами ранее.

Никто не оспорил выдвинутую идею, однако никто и не поддержал ее, и клетки Генриетты по-прежнему классифицировались как человеческие. Тем не менее некоторые ученые до сих пор утверждают, что фактически некорректно говорить, будто бы клетки HeLa имеют отношение к Генриетте, поскольку их ДНК генетически уже более не идентичны ДНК Генриетты.

Роберт Стивенсон — один из исследователей, посвятивший большую часть своей карьеры исправлению затруднений, вызванных заражением HeLa других культур — рассмеялся, услышав этот довод. «Да это просто нелепо, — сказал он мне. — Ученые не любят считать клетки HeLa частичкой Генриетты, ибо

куда проще заниматься наукой, если отделять материалы от людей, у которых они были взяты. Однако если бы сегодня можно было получить образец от тела Генриетты и сделать генетический „отпечаток пальцев“, то ее ДНК, наверное, соответствовала бы ДНК клеток HeLa».

Примерно тогда же, когда Ван Вален утверждал, что HeLa не являлись более человеческими клетками, ученые взялись за выяснение вопроса — не могут ли клетки Генриетты таить в себе ключ к увеличению продолжительности человеческой жизни или даже к бессмертию. Газетные заголовки вновь провозглашали, что ученые открыли источник юности.

В начале XX века выращенные Каррелем клетки куриного сердца, как предполагалось, доказали, что любые клетки потенциально являются бессмертными. Однако нормальные человеческие клетки — как в культуре, так и в человеческом теле — не могут расти неограниченно долго, подобно раковым. Они делятся конечное число раз, после чего перестают расти и погибают. Они способны делиться конкретное число раз. Это число называется пределом Хейфлика в честь Леонарда Хейфлика, опубликовавшего в 1961 году результаты исследования, в котором он показал, что для нормальных клеток этот предел составляет около пятидесяти раз.

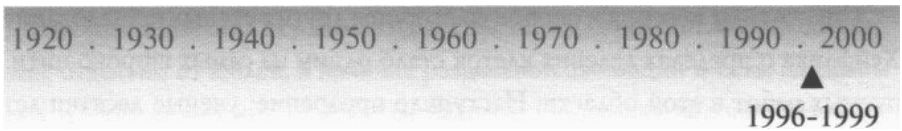
Спустя годы неверия и споров со стороны других ученых исследование Хейфлика о пределах деления клеток стало одним из самых широко цитируемых работ в этой области. Наступило прозрение: ученые десятки лет пытались вырастить линии бессмертных клеток не из злокачественных клеток, а из нормальных, однако всегда безуспешно. Они считали, что проблема состояла в технике выращивания, тогда как фактически дело было попросту в том, что продолжительность жизни нормальных клеток заранее запрограммирована. Только клетки, трансформированные в результате воздействия вируса либо генетической мутации, могут потенциально стать бессмертными.

Благодаря изучению HeLa ученые знали, что раковые клетки могут делиться неограниченно долго; годами они полагали, что рак возникает в результате сбоя в механизме, который заставляет клетки погибать, когда они достигают своего предела Хейфлика. Исследователи также знали, что на конце каждой хромосомы находится нить ДНК, которая называется теломер. Каждый раз, когда клетка делится, он чуть укорачивается, — как будто часы отсчитывают оставшееся время. В процессе жизни нормальных клеток их теломеры укорачиваются после каждого деления, пока почти полностью не исчезнут. После этого клетки перестают

делиться и начинают умирать. Этот процесс коррелирует с возрастом человека: чем мы старше, тем короче наши теломеры и тем меньшее число раз наши клетки могут делиться, прежде чем погибнут.

К началу 1990-х годов один ученый из Йельского университета с помощью HeLa открыл, что человеческие раковые клетки содержат фермент теломеразу, который восстанавливает теломеры клеток. Наличие теломеразы означает, что клетки могут воссоздавать свои теломеры неограниченное количество раз. Это объяснило механизм бессмертия HeLa: теломераза постоянно возвращала к исходному пункту тикающие часы на конце хромосом Генриетты, и поэтому клетки никогда не становились старыми и не умирали. В этом и состояла разгадка бессмертия, а также мощи, с которой росли клетки Генриетты. Благодаря этому клетки HeLa смогли взять верх над другими культурами — они попросту переживали и перерастали любые клетки, с которыми сталкивались.

28
После Лондона



История Генриетты Лакс в конце концов привлекла внимание продюсера BBC в Лондоне Адама Куртиса, и в 1996 году он начал снимать документальный фильм о Генриетте, который я буду смотреть через несколько лет в салоне красоты Кортни Спид. Когда Куртис прибыл в Балтимор со своими помощниками, камерами и микрофонами, Дебора решила, что все теперь изменится и что она и весь остальной мир узнают подлинную историю Генриетты Лакс и клеток HeLa, а она, Дебора, сможет, наконец, идти дальше. Она начала делить свою жизнь на «до Лондона» и «после Лондона».

Куртис и его команда занялись историей семьи Лакс основательно, как никто другой прежде. Часы напролет они записывали интервью с Деборой, побуждая ее говорить в камеру развернутыми предложениями и не отклоняться от темы. Дебора произносила такие фразы, как: «После замужества я часто забивалась в угол. Знаете, даже муж не догадывался, почему я грустила и плакала втихую… Я все задавала себе в уме эти вопросы… Господи, почему ты забрал мою мать именно тогда, когда она была мне так нужна?»

Ведущий спрашивал: «Что такое рак?»

Команда BBC брала у Деборы интервью перед домом-пристройкой в Кловере. Еще они фотографировали на фоне могильного камня матери Генриетты Дэя и Сонни, которые рассказывали, как хорошо готовила Генриетта и что они никогда ничего не слыхали об этих клетках, пока ученые не позвонили и не сообщили им, что хотят получить кровь. Команда BBC последовала за семьей Лакс в Атланту на конференцию, организованную в честь Генриетты Рональдом Патилло — ученым, который вскоре направит меня к Деборе.

Патилло рос в 1930-х годах. Он был сыном кузнеца, ставшего железнодорожным рабочим в маленьком расово сегрегированном городишке в Луизиане. Он был первым в своей семье, кто пошел в школу. Когда он узнал о Генриетте, работая над диссертацией в лаборатории Гая, то сразу почувствовал себя как-то связанным с ней. С тех пор его не отпускала мысль отдать ей дань уважения за ее вклад в науку. 11 октября 1996 года Патилло организовал в

медицинской школе Морхауз первый ежегодный «Симпозиум HeLa по вопросам контроля рака», на который пригласил исследователей со всего мира представить свои научные работы на тему рака среди меньшинств. Он также предложил администрации города Атланты объявить 11 октября (день проведения конференции) Днем Генриетты Лакс. Городская администрация согласилась и выдала ему официальный документ для мэрии. Патилло попросил Говарда Джонса написать статью со своими воспоминаниями о том, как была диагностирована опухоль Генриетты. Джонс ответил:

> С клинической точки зрения миссис Лакс никогда не отличалась хорошим здоровьем… Как говорил Чарлз Диккенс в «Повести о двух городах»: «Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время». Однако для науки оно было наилучшим, ибо эта крайне необычная опухоль дала начало линии клеток HeLa… Для миссис Лакс и ее семьи, которая осталась в этом мире, то были наихудшие времена. Научный прогресс, и, несомненно, прогресс любого рода зачастую достигается дорогой ценой, пример которой — жертва, принесенная Генриеттой Лакс.

Патилло достал номер телефона Деборы через своего друга — врача из больницы Хопкинса — и позвонил ей. Услышав о его планах в отношении конференции и официального появления Дня Генриетты Лакс, она пришла в восторг: наконец-то ученые почтят ее мать. Вскоре семья Лакс — Дэй, Сонни, Лоуренс, Дебора, Бобетта, Захария и внук Деборы Дэвон набились в автофургон-кемпер, арендованный для них Патилло, и отправились в Атланту. Вслед за ними поехала и съемочная группа BBC.

По пути на автозаправке Дебора улыбалась в камеру и объясняла, почему они направляются в Морхаус: «Там будет много врачей, будут обсуждать разные темы и области науки, — сказала она. — А еще они собираются выдать моим брату и отцу и мне почетные значки в честь нашей матери. Уверена, что это будет великое событие».

Так и случилось. Впервые с Лаксами обращались как со знаменитостями: они остановились в отеле, и люди просили у них автографы. Однако возникли и некоторые проблемы. Из-за возбужденной обстановки при подготовке к церемонии у Сонни резко подскочило давление, и в итоге он очутился в больнице и почти полностью пропустил мероприятие. Захария опустошил мини-бар в своем номере, и затем повторил это в номерах отца и

Деборы. Он принялся громко кричать и кидаться программами, когда обнаружил, что в них он был назван Джозефом Лаксом, а Генриетта — женщиной, «безвозмездно пожертвовавшей» клетки HeLa.

Дебора изо всех сил старалась не обращать на все это внимания. Выйдя на сцену, она так нервничала, что подиум шатался, когда она шла по нему. На протяжении нескольких недель она боялась, что в аудитории может находиться похититель — ученый, который захочет забрать ее, чтобы исследовать ее тело, или чтобы заставить ее семью не создавать проблемы. Однако Патилло заверял ее, что она в безопасности.

«Извините меня, если я неправильно произношу слова, — повторяла она каждому участнику конференции, — но у меня проблемы, и еще меня неправильно учили в школе. Я даже не могла позволить себе слуховой аппарат, пока не выросла. Но я этого не стыжусь».

Подбадриваемая стоявшим рядом Патилло, Дебора откашлялась и начала свою речь:

> Когда мне позвонил доктор Патилло, все стало реальным. Долгие годы это казалось мечтой. Не знаю, что происходило все эти годы. Даже не знаю, как об этом говорить. Неужели все это про нашу мать — правда? Не знаю, к кому пойти за разъяснениями. Медикам всегда не до того.

Затем, почти без паузы, она обратилась к своей матери:

> Мама, мы без тебя скучаем… Я думаю о тебе постоянно. Хотелось бы увидеть тебя и обнять, как ты — я знаю — обнимала меня. Отец говорил, что на смертном одре ты наказала ему заботиться о Деборе. Спасибо, мам, когда-нибудь мы с тобой опять увидимся. Мы читаем, что можем, и стараемся понять. Я часто думаю, как могла бы сложиться жизнь, если бы Господь оставил тебя здесь со мной… Глубоко в душе я храню все, что знаю о тебе, потому что я — часть тебя, а ты — часть меня. Мы тебя любим, мама.

Казалось, для Лаксов настали лучшие времена и что Генриетта наконец-то получит признание, на которое так надеялась Дебора. Вскоре сотрудники BBC приехали на Станцию Тернер и принялись расспрашивать местных жителей об их жизни в 1940-х и 1950-х годах. Известие об их приезде, как и всякие прочие новости Станции Тернер, быстро достигло дверей

бакалейного магазина Спид. Так Кортни Спид впервые узнала историю Генриетты Лакс. По счастливой случайности, она вместе с несколькими другими женщинами недавно основала Комитет по наследию Станции Тернер. Они организовывали мероприятия, чтобы привлечь внимание к черным людям со Станции Тернер, принесшим пользу миру, это были бывший конгрессмен, ставший президентом Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP), один астронавт, а также человек, выигравший несколько премий «Эмми» за озвучивание роли Элмо в телешоу «Улица Сезам».

Узнав о Генриетте и клетках HeLa, Спид и Барбара Уич — социолог из Государственного университета Моргана — загорелись энтузиазмом. Они писали письма в конгресс и в мэрию с требованием признать вклад Генриетты в науку. Они также связались с Терри Шеррером — куратором Национального Смитсоновского музея американской истории, который пригласил семью Лакс на небольшое мероприятие в музее. В музее Дэй восхищался старым фермерским инвентарем и настаивал, что хочет увидеть клетки своей жены. (Где-то в хранилище музея существовала колба с HeLa — субстанцией темной, как грязный пруд, однако в экспозиции ее не было.) Люди подходили к Деборе со слезами на глазах и рассказывали, что клетки ее матери помогли им справиться с раком. Дебора была потрясена. Услышав, как один из исследователей говорил о клонировании, она спросила Шеррера, можно ли ДНК клеток HeLa поместить в яйцеклетки Деборы, чтобы вернуть ее мать к жизни. Шеррер ответил «нет».

По окончании мероприятия Шеррер написал Уич письмо, в котором предложил ей и Спид подумать насчет основания музея здравоохранения афроамериканцев на Станции Тернер, дабы увековечить Генриетту. Вскоре женщины основали «Фонд Музея истории здравоохранения имени Генриетты Лакс инкорпорейтед», а миссис Спид стала его президентом. Планировалось провести мероприятия с участием двойников Генриетты Лакс — нескольких жительниц Станции Тернер с прическами, как у Генриетты, и надевших костюмы типа того, что был на ней на ее «канонической» фотографии. Чтобы как можно больше людей узнало о том, какой вклад внесла Генриетта, Спид на свои деньги заказала и раздала футболки с Генриеттой Лакс, а еще кто-то выпустил такие же ручки. В местных газетах писали об их планах создания музея за 7 миллионов долларов, и тогда Спид и Уич открыли банковский счет фонда Генриетты Лакс, указали его ИНН и стали пытаться собрать как можно больше денег и информации для музея. Одной из их первых целей было достать

восковую статую Генриетты в натуральную величину.

Дебору не назначили членом фонда или его правления, однако Спид и Уич время от времени звонили ей с предложениями выступить на разных праздниках в честь ее матери, — то под небольшим навесом возле магазина Спид, то в близлежащей церкви. Наконец, кто-то предложил Деборе пожертвовать для музея Библию Генриетты и спрятанные между ее страницами локоны волос Эльси и ее матери. Говорили, что это в целях безопасности — на случай, если в доме Деборы вдруг случится пожар. Услышав такое предложение, Дебора побежала домой и спрятала Библию Генриетты, сказав своему мужу: «Это единственное, что у меня осталось от матери, а они хотят забрать!»

Обнаружив, что Спид и Уич основали фонд и открыли банковский счет имени ее матери, Дебора рассвирепела. «Нашей семье не нужен музей, и нам точно не нужна восковая Генриетта, — заявила она. — Если кто и должен собирать на что-то деньги, так это дети Генриетты на то, чтобы пойти к врачу».

Дебора согласилась помочь проекту создания музея только после того, как выяснилось, что Спид и Уич могут наткнуться на информацию о Генриетте. Они втроем расклеивали рукописные объявления в бакалейном магазине Спид и по Станции Тернер с вопросами: «Кто знает ее любимый церковный гимн? Кто знает, какую цитату из Библии она любила больше всего? Кто знает ее любимый цвет? Кто знает ее любимую игру?» Первые два вопроса придумала Спид, два последних — Дебора.

Как-то раз Спид и Уич пригласили бывшую ассистентку Гая — Мэри Кубичек — на мероприятие в подвале баптистской церкви «Новый Силом» на Станции Тернер, чтобы она рассказала о том, как выращивала клетки HeLa. Мэри стояла перед аудиторией на маленькой сцене, закутанная в шарфы, она нервничала и плохо видела, а дальние родственники Лаксов и местные жители, не являвшиеся родственниками Генриетты, выкрикивали из зала вопросы, желая узнать, кто нажил деньги на клетках, и запатентовал ли их Гай.

«О, нет, — отвечала Мэри, переминаясь с ноги на ногу. — Нет, нет, нет… тогда невозможно было патентовать клетки». Она пояснила, что в пятидесятых годах никто и представить себе не мог, что когда-нибудь такие вещи будут возможны. По ее словам, Гай раздавал клетки бесплатно, на благо науки.

По залу прошел недовольный ропот, и напряжение росло. Одна женщина встала и сказала: «Эти клетки вылечили меня от рака. Будь у меня клетки, которые могли бы помочь кому-нибудь, как ее клетки помогли мне, я бы сказала: *Бери!»* Другая женщина

заявила, что она по-прежнему убеждена, что Гай запатентовал клетки, и затем крикнула: «Надеюсь, в будущем это смогут исправить!» Взволнованная Дебора суетливо бегала по залу и говорила всем, что это ее мать вылечила рак и что всем следует успокоиться. Затем она попросила Мэри рассказать, как во время вскрытия та увидела покрашенные красным лаком ногти на ногах Генриетты — об этом Дебора прочла в книге Голда. Мэри так и сделала, и в зале повисла тишина.

Пока Спид с помощью жителей Станции Тернер собирала воспоминания о Генриетте, Уич писала письма одно за другим, пытаясь добиться признания вклада Генриетты и привлечь спонсоров к финансированию музея. Ее старания не прошли даром: сенат штата Мэриленд отправил ей постановление, отпечатанное на красочной бумаге: «Да будет всем известно, что сенат Мэриленда передает свои искреннейшие поздравления Генриетте Лакс». 4 июня 1997 года член палаты представителей Роберт Эрлих-младший заявил в Палате представителей США: «Уважаемый спикер, я встаю, чтобы отдать дань уважения Генриетте Лакс». Он поведал конгрессу историю Генриетты и произнес: «Миссис Лакс не получила признания как донор этих клеток». По его словам, пришло время изменить это. Именно здесь, как все полагали, на сцене должна была появиться больница Хопкинса.

Этим занималась Уич: она написала подробное письмо на трех страницах Уильяму Броди — тогдашнему президенту больницы Джона Хопкинса. В письме она называла Генриетту «невоспетой местной героиней», объясняла важность клеток HeLa и цитировала слова одного историка, назвавшего судьбу HeLa «одной из самых драматичных и важных историй в исследованиях медицинского учреждения Джона Хопкинса». Еще она написала:

> [Семья] Лакс очень страдала… Эта семья, подобно многим другим сегодня, сталкивается со многими вопросами и моральными и этическими проблемами, связанными с «рождением» HeLa и смертью миссис Лакс… Вопросы эти следующие: 1) было или не было получено разрешение от донора или его семьи как на само по себе использование HeLa по всему миру, так и на массовое использование, а также на коммерческую рекламу, производство, продвижение и маркетинг клеток миссис Лакс, 2) этично или нет действовали при этом ученые, сотрудники университета, государственные чиновники и прочие лица, этичным ли было их взаимодействие с семьей… Возникают и другие

социальные проблемы, ибо миссис Лакс была афроамериканкой.

Спустя месяц пришел ответ от Росса Джонса, помощника президента больницы Хопкинса. Он сказал, что «неясно, какую роль больница Хопкинса может сыграть в любом плане чествования миссис Лакс», однако он хотел бы сообщить Уич следующую информацию:

> Позвольте подчеркнуть, что больница Хопкинса никогда не использовала клетки HeLa в коммерческих целях. Больница никогда не стремилась получать и не получала никаких денег от разработки, распространения или использования культур клеток HeLa. В соответствии с почти повсеместно принятой практикой того времени врачи и прочие ученые в больнице Хопкинса и в любых других учреждениях не спрашивали разрешения на использование тканей, удаленных в процессе диагностических и лечебных процедур. Опять же в соответствии с традициями академических исследований того времени данные культуры распространялись бесплатно, без какой-либо компенсации и с полным доверием между теми учеными по всему миру, которым они были нужны. Возможно, что именно готовность ученых больницы Хопкинса предоставить доступ к данным культурам — основная причина огромной пользы, полученной от их использования.
>
> Уверен, что мы с вами знаем, насколько сильно за последние годы изменились многие стандарты в практике академической медицины. Надеюсь и верю, что возросли также чуткость и осведомленность в отношении желаний и интересов пациентов, нуждающихся в медицинской помощи, или участвующих в исследованиях. Все это является благом для академической медицины и для тех, кому мы служим.

Он также сообщил Уич, что передал ее письмо «другим сотрудникам больницы Хопкинса для обсуждения и комментариев». Вскоре небольшая группа сотрудников больницы начала неофициально встречаться, чтобы обсудить, каким образом Университет Хопкинса мог бы воздать дань уважения Генриетте и ее семье, не сообщив об этом Уич или Спид.

И тут они услышали о Кофилде.

Сэр лорд Кинан Кестер Кофилд был двоюродным братом

бывшей падчерицы мужа Деборы или что-то в этом роде; в точности никто из членов семьи этого не помнит. Они также не знают, как или когда он узнал о клетках Генриетты. В их памяти осталось лишь то, что однажды Кофилд позвонил Деборе, представился адвокатом и заявил, что ей необходимо защитить себя и свою мать, оформив авторские права на имя Генриетты Лакс. Еще он сказал, что, по его убеждению, больница Хопкинса виновна в профессиональной небрежности с медицинской точки зрения, и пришло время подать в суд, чтобы получить часть, причитавшуюся семье Лакс, со всех денег, заработанных на клетках Генриетты с начала 1950-х годов. Процент с этой доли Кофилд собирался взять в уплату своих услуг. Он не требовал никаких денег авансом и утверждал, что, если судебный процесс не будет выигран, то Лаксам не придется ему платить.

Дебора никогда прежде не слыхала о необходимости авторских прав на что-либо. Однако в семье всегда считали, что им следует поговорить о клетках Генриетты с адвокатом, а Кофилд производил впечатление человека, услуги которого они могли себе позволить. Братья Деборы увлеклись этой идеей, и вскоре Дебора представила Кофилда Спид и Уич как своего семейного адвоката.

Кофилд начал проводить целые дни в больнице Хопкинса, роясь в ее архивах и делая заметки. Из всех людей, кто за все эти годы приходил к Лаксам поговорить о клетках, он был первым, кто рассказал членам семьи что-то конкретное о том, что произошло с Генриеттой в больнице Хопкинса. Насколько помнят Лаксы, его находки подтвердили их худшие опасения. Он поведал им, что один из лечащих врачей Генриетты не имел медицинской лицензии, а другой — был исключен из Американской медицинской ассоциации. В довершение Кофилд заявил, что врачи неверно диагностировали рак Генриетты и тем самым, возможно, убили ее чрезмерной дозой радиационного облучения.

Кофилд сообщил Деборе, что ему необходимо прочесть медицинские записи ее матери, дабы расследовать, как врачи ее лечили, а также чтобы получить документальное подтверждение всякой возможной профессиональной небрежности с их стороны. Поскольку запрашивать медицинские записи могли только члены семьи Генриетты, Дебора согласилась пойти с Кофилдом в больницу Хопкинса, где заполнила необходимую форму. Однако в тот день сломался копировальный аппарат, поэтому женщина-администратор предложила Деборе и Кофилду вернуться попозже, когда аппарат починят.

Когда Кофилд вернулся в одиночку, сотрудники больницы отказались выдать ему записи, поскольку он не являлся ни

врачом, ни членом семьи Генриетты. Когда Кофилд заявил, что он — «сэр доктор лорд Кинан Кестер Кофилд», сотрудники больницы Хопкинса, ведавшие медицинскими записями, связались с Ричардом Кидвеллом — одним из адвокатов больницы. У Кидвелла возникли подозрения, как только он узнал, что некто, именовавший себя «сэр доктор лорд», вынюхивает что-то в больнице Хопкинса, и он быстро навел необходимые справки.

Кинан Кестер Кофилд вообще не был ни доктором, ни адвокатом. На самом деле, он отсидел несколько лет в разных тюрьмах за мошенничество (преимущественно за фальсификацию чеков), а во время отбывания срока посещал юридические курсы и возбуждал «несерьезные» — по словам одного судьи — судебные иски. Кофилд обвинял охранников и чиновников штата, имеющих отношение к тюрьмам, где он сидел, а сам он был обвинен в том, что звонил из тюрьмы губернатору Алабамы и угрожал убить его. Кофилд обвинял рестораны McDonalds и Burger King в том, что они отравили его организм, используя для жарки свиной жир. Также он грозился возбудить иски об отравлении пищи в отношении нескольких других ресторанов, включая ресторан «Четыре сезона» в Нью-Йорке, и это при том, что в это время он находился в тюрьме и не мог питаться ни в каких ресторанах. Он подал иск на The Coca-Cola Company, заявив, что купленная им бутылка содовой была полна матового стекла, хотя в тюрьме, где он тогда пребывал, предлагались только алюминиевые банки. Он также был осужден за мошенничество: он опубликовал собственный некролог, а затем подал иск на опубликовавшую этот некролог газету за клевету, потребовав возмещения ущерба в размере 100 миллионов долларов. Кофилд заявил ФБР, что подал как минимум 150 аналогичных судебных исков.

В разных судебных документах судьи характеризовали Кофилда как «мошенника», «не более чем кровопийцу и эксплуататора судебной системы» и как «самого сутяжного заключенного в системе». К моменту, когда Кофилд связался с Лаксами по поводу обвинения больницы Хопкинса, ему запретили подавать иски как минимум в двух округах.

Но Дебора ничего этого не знала. Кофилд называл себя доктором и адвокатом и выглядел способным добыть и понять в больнице Хопкинса больше информации, нежели когда-либо удавалось членам семьи Лакс. И его манеры не оскорбляли. Когда несколько лет спустя Кортни Спид описывала мне Кофилда, она сказала: «Харизма! Оо-оо! *Я* хочу сказать — ловкач, каких поискать! Очень опытный, и обо всем знает хотя бы кое-что».

Узнав правду о Кофилде, Кидвелл первым делом защитил Дебору, чего семья Лакс уж никак не ожидала от кого-либо из

больницы Хопкинса. Он сообщил ей, что Кофилд — мошенник, и заставил подписать документ, запрещающий ему доступ к записям семьи Лакс. Насколько помнят все сотрудники больницы, с которыми я беседовала, Кофилд, вернувшись и узнав, что семья отказала ему в доступе к документам, поднял крик и требовал копии записей до тех пор, пока охрана не пригрозила силой выдворить его и позвонить в полицию.

Тогда Кофилд подал иск против Деборы, Лоуренса, Кортни Спид, фонда Музея истории здравоохранения имени Генриетты Лакс и многих представителей больницы Хопкинса: президента, администратора, ведавшего медицинскими записями, архивиста, Ричарда Кидвелла и главы патологоанатомического отделения Гровера Хатчинса. В общей сложности он выдвинул обвинение против десяти человек, причем некоторые из обвиненных им сотрудников больницы до получения вызова в суд никогда не слышали ни о Кофилде, ни о Генриетте Лакс.

Кофилд обвинял Дебору, Спид и фонд музея в нарушении контракта, являвшегося частью договора, в соответствии с которым ему требовался доступ к медицинским записям Генриетты, в чем ему в дальнейшем было отказано. Он утверждал, что Дебора не могла законным образом запретить ему заниматься расследованием для фонда Музея истории здравоохранения имени Генриетты Лакс, ибо она не являлась членом его совета директоров и вообще официально не имела никакого отношения к этому фонду. Он также заявил о расовой дискриминации, сказав, что его «изнурили своими действиями негры — охранники больницы Джона Хопкинса и работники архива» и что «все действия обвиняемых и сотрудников были расово мотивированными и в высокой степени направленными против черных». Он требовал доступа к медицинским записям и отчетам о вскрытии Генриетты и сестры Деборы Эльси, а также возмещения ущерба в размере 15 тысяч долларов с каждого обвиняемого плюс проценты.

Самой удивительной деталью судебного иска Кофилда было его заявление о том, что семья Лакс не имеет права на какую-либо информацию о Генриетте Лакс, так как она была урожденной Лореттой Плезант. Кофилд утверждал, что, поскольку официальных документов о перемене имени не было, то Генриетта Плезант никогда на самом деле не существовала и потому не существовала и Генриетта Лакс. Он говорил, что, кем бы она ни была, но с юридической точки зрения семья Лакс не имеет к ней отношения. В своем заявлении, пестревшем таким количеством ошибок, что его с трудом можно было понять, Кофилд назвал это дело «явным мошенничеством и тайным

сговором» и заявил, что судебный процесс «в конце концов приведет к торжеству правосудия лишь для миссис Генриетты Лакс — истицы, которая стала жертвой небольшого, но долговременного мошенничества».

Теперь к двери Деборы почти ежедневно приходили кипы юридических документов: судебные повестки и петиции, исправления и ходатайства. Она запаниковала. Затем она поехала на Станцию Тернер и с криками ворвалась в бакалейный магазин Спид, требуя отдать ей все, что та собрала о Генриетте: документы, которые Спид хранила в наволочке с изображением супергероя, футболки и ручки с Генриеттой Лакс, видеозапись интервью, которое Уич брала у Дэя в салоне красоты Спид. Дебора орала на Спид, обвиняя ее в тайном сговоре с Кофилдом, и заявила, что собирается нанять Джонни Кошрана, который был адвокатом О. Дж. Симпсона, и предъявить иск на все, что есть у Спид, если та не закроет фонд и не прекратит всякую деятельность, имеющую отношение к Генриетте Лакс.

Однако у Спид ничего не было, и она была напугана так же, как и Дебора. Одинокая мать шестерых сыновей, она планировала отправить всех их учиться в колледж на деньги, заработанные стрижкой волос и продажей чипсов, сладостей и сигарет. Ее магазин регулярно грабили, и она получала от Кофилда столько же судебных извещений, что и Дебора. Вскоре Спид прекратила вскрывать письма, и они стали скапливаться в кладовке в ее магазине до тех пор, пока не выросла куча в тридцать конвертов. Тогда она принялась складывать их в новую стопку. Она молилась Богу, чтобы эти письма перестали приходить, и ей хотелось, чтобы ее муж был по-прежнему жив, чтобы помочь справиться с Кофилдом.

К моменту выхода на экраны документального фильма BBC репортеры уже звонили Деборе с просьбами дать фотографии Генриетты и всей семьи, задавали вопросы о матери и о том, как она умерла. Однако Дебора, как и прежде, не знала ничего, кроме того, что она прочла в книге Голда. Наконец, она решила, что пришло время ознакомиться с содержанием медицинских записей матери, и запросила копию в больнице Хопкинса вместе с копией записей о сестре.

Дебора также встретилась с Кидвеллом, который сказал, чтобы она не тревожилась, и пообещал, что больница будет бороться с Кофилдом. Так оно и было. В конце концов судебное разбирательство было прекращено, однако все его участники были напуганы. Группа в больнице Хопкинса, члены которой собирались почтить память Генриетты, услышав о деле Кофилда, не поднимая шума, отказалась от своей идеи, и они никогда не

говорили Лаксам, что вообще думали об этом.

Спустя годы я беседовала с патологоанатомом Гровером Хатчинсом — одним из тех, против кого подал иск Кофилд. Он покачал головой и сказал: «Все это было очень печально. Они хотели какого-то признания для Генриетты, но затем начались опасные дела с этим Кофилдом. Он говорил, что семья подозревает больницу Хопкинса бог знает в чем, и в итоге они [сотрудники больницы] решили, что лучше всего будет „оставить в покое спящих собак“, и не связываться ни с чем, что имеет отношение к Лаксам».

Джо Энн Роджерс, представитель по связям с прессой больницы Джона Хопкинса, сказала мне, что больница никогда не предпринимала официальных шагов для того, чтобы почтить память Генриетты. «Это были индивидуальные усилия, может быть, одного или двух человек, и когда они прекратились, то это дело тоже прекратилось. Оно никогда не было инициативой со стороны нашего учреждения».

Хотя повестки в суд и перестали приходить, Дебора не верила, что эта тяжба действительно закончилась. Она не могла избавиться от мысли, что Кофилд мог послать людей к ее дому украсть Библию ее матери или локон волос, который был спрятан между страниц. Или он мог попытаться выкрасть клетки Деборы, решив, что они могут быть столь же ценными, что и клетки Генриетты.

Дебора перестала проверять свой почтовый ящик и почти не выходила из дома, кроме как на работу водителем школьного автобуса для детей-инвалидов. Потом произошел странный несчастный случай: на нее напал сидевший в автобусе подросток. Он бросился на нее сверху, начал бить и царапать, пока в автобус не вбежали двое мужчин и не вытащили его на улицу. Спустя несколько дней тот же мальчик опять накинулся на нее, но на этот раз он повредил Деборе несколько позвоночных дисков.

Дебора попросила мужа повесить на окна темные занавески и перестала отвечать на телефонные звонки. Так, через полтора года после окончания дела Кофилда, сидя в темной гостиной своего дома, она, наконец, начала читать и перечитывать медицинские записи своей матери, где подробно описывалась ее смерть. Также Дебора впервые узнала, что ее сестру отправили в психиатрическую больницу в Краунсвилле.

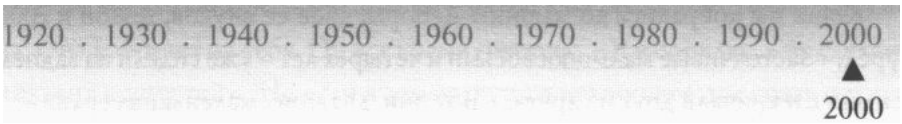
Она стала переживать, что с сестрой в этой больнице случилось что-то плохое. «Может быть, ее использовали для каких-нибудь исследований, как нашу мать», — думала Дебора. Она позвонила в Краунсвилл и попросила копию записей Эльси, но ей ответили, что большая часть документов, датированных до

1955 года — года смерти Эльси — была уничтожена. Дебора немедленно заподозрила, что больница в Краунсвилле скрывает информацию о ее сестре, точно так же как — она все еще верила в это — больница Хопкинса скрывает информацию о Генриетте.

Спустя несколько часов после звонка в Краунсвилл Дебора потеряла способность ориентироваться, возникли затруднения с дыханием. Затем появилась крапивница — красные пятна покрыли ее лицо, шею, тело и даже ступни ног. Она обратилась к врачу со словами: «Все случившееся с матерью и сестрой расшатывает мои нервы», на что врач сказал, что у нее так сильно подскочило давление, что чуть не случился инсульт.

Спустя несколько недель после возвращения Деборы из больницы Роланд Патилло оставил ей на автоответчике сообщение, из которого следовало, что он беседовал с журналисткой, которая хочет написать книгу о Генриетте и ее клетках, и подумал, что Деборе тоже стоит поговорить с ней. Этой журналисткой была я.

29
Целая деревня Генриетт



Почти целый год после нашего первого разговора Дебора отказывалась вновь беседовать со мной. Я ездила в Кловер снова и снова, сидела на верандах и ходила по табачным полям с Клиффом, Кути и сыном Глэдис Гэри. Я копалась в архивах, церковных подвалах и в заброшенном разваливающемся здании, где находилась школа Генриетты. Находясь в пути, я каждые несколько дней отправляла Деборе сообщения, надеясь убедить ее, что, если она будет со мной разговаривать, мы сможем вместе узнавать о Генриетте.

«Привет, я сейчас на табачном поле твоей матери рядом с домом-пристройкой, — писала я ей. — Стою на веранде с кузеном Клиффом, он передает тебе привет», «Сегодня нашла запись о крещении твоей матери», «Тетя Глэдис оправилась после инсульта. Она рассказала мне несколько замечательных историй из жизни твоей мамы». Я представляла, как Дебора склоняется над автоответчиком и слушает мои сообщения, сгорая от нетерпения узнать, что же я выяснила. Но она никогда не снимала трубку.

Однажды после второго звонка трубку снял ее муж, Реверенд Джеймс Паллум, и, не поздоровавшись, принялся кричать: «Они хотят гарантий, что получат денежную компенсацию. И пока кто-нибудь не заключит договор или не зафиксирует все это на бумаге, они не станут больше ни с кем разговаривать. Все получили какую-то компенсацию, кроме них, а ведь она была их матерью. Им просто все это не нравится. Для моей жены это был действительно долгий путь, и она действительно его прошла. Раньше она хотела лишь, чтобы больница Джона Хопкина выразила уважение ее матери и объяснила Деборе все про эти клетки, чтобы она поняла, что произошло с ее матерью. Но они не замечают нас, и это сводит с ума». И он бросил трубку.

Через несколько дней, спустя десять месяцев после нашего первого разговора, Дебора мне позвонила. Когда я сняла трубку, она воскликнула: «Отлично, я поговорю с тобой!» Она не представилась, да этого и не требовалось. «Если я сделаю это, ты должна пообещать мне кое-что, — сказала она. — Во-первых, раз моя мать так известна в истории науки, ты должна будешь всем

говорить ее настоящее имя. Она никакая не Хелен Лейн. Во-вторых, все всегда говорят, что у Генриетты Лакс было четверо детей. Это неправильно, их было пять. Моя сестра умерла, но это не причина не писать о ней в книге. Я знаю, что ты будешь рассказывать всю историю Лаксов, и там будет и плохое, и хорошее по поводу моих братьев. Тебе предстоит все это узнать, это меня не волнует. А вот что меня волнует — ты выяснишь, что случилось с моей матерью и сестрой, потому что мне нужно все это знать».

Она глубоко вздохнула и рассмеялась.

«Готовься, девочка. Ты представления не имеешь, во что сама себя втянула».

Я встретилась с Деборой 9 июля 2000 года в Балтиморе, в районе под названием Феллз-пойнт, в гостинице с полупансионом на углу мощеной булыжником улицы неподалеку от балтиморской гавани. Увидев меня, стоявшую в холле в ожидании ее, Дебора ткнула пальцем в свои волосы и сказала: «Видишь? Я седая, детка, потому что тревожусь в одиночку насчет нашей матери. Вот почему я не хотела говорить с тобой весь этот год. Я поклялась, что никогда больше ни с кем не заговорю о ней». Она вздохнула. «Однако вот… надеюсь, я не пожалею».

Дебора оказалась крепкого телосложения — ростом около пяти футов [152,4 см] и двухсот фунтов [90,72 кг] весом. Плотные, угольно-черные завитки ее волос были длиной меньше дюйма [2,5 см], и только несколько прядей естественной седины окружали ее лицо, будто обруч для волос. Ей исполнилось пятьдесят, но она казалась одновременно и старше, и младше лет на десять. Гладкая светло-коричневая кожа была испещрена крупными веснушками и ямками, а озорные глаза излучали свет. На ней были брюки капри и кеды. Она медленно шла, перенося большую часть своего веса на алюминиевую палку.

Дебора прошла за мной в мой номер, где на кровати лежал большой плоский пакет в яркой цветочной упаковке. Я пояснила, что это подарок ей от Кристофа Ленгауэра — молодого исследователя рака в больнице Хопкинса. Несколькими месяцами раньше он связался со мной по e-mail после того, как прочел мою статью в журнале *Jons Hopkins Magazine* о встрече с мужчинами семьи Лакс. «Мне так неловко перед семьей Лакс, — написал Ленгауэр. — Они заслужили лучшего».

По его словам, на протяжении всей своей карьеры он ежедневно работал с клетками HeLa, и теперь история Генриетты и ее семьи не выходит у него из головы. Будучи аспирантом, он использовал HeLa при разработке так называемой

флюоресцентной гибридизации in situ, известной также как FISH, — техники окраски хромосом разноцветными флюоресцентными красителями, которые ярко светятся в ультрафиолетовых лучах. Опытный глаз увидит в FISH подробную информацию о ДНК человека. Для неспециалиста это просто красивая мозаика окрашенных хромосом.

Кристоф вставил в рамку фотографию размером четырнадцать на двадцать дюймов [35 × 50 см] с изображением хромосом Генриетты, раскрашенных с помощью FISH. Фотография была похожа на снимок ночного неба с разноцветными светлячками, сверкающими красным, синим, желтым, зеленым, пурпурным и бирюзовым цветами.

«Я бы хотел немного рассказать им о том, что значит HeLa для меня как для молодого исследователя рака и как сильно спустя годы я благодарен им за этот дар, — написал он. — Я не представляю больницу Хопкинса, но являюсь ее частью. В каком-то смысле я даже хотел бы принести официальные извинения».

Дебора бросила на пол свою черную вышитую сумку, разорвала оберточную бумагу на фотографии, подняла фотографию и принялась рассматривать ее перед собой на вытянутых руках. Она не произнесла ни слова, только выбежала через застекленные створчатые двери в небольшой внутренний дворик, чтобы увидеть картину в лучах заходящего солнца.

«Они красивы! — крикнула она с веранды — Никогда не знала, что они такие нарядные!» С раскрасневшимися щеками она вернулась в номер, прижимая к груди фотографию. «Знаешь, что странно? В мире больше фотографий клеток моей матери, чем фотографий ее самой. Думаю, именно поэтому никто не знает, кто она такая. От нее только и осталось, что эти клетки».

Усевшись на кровать, Дебора добавила: «Хочу сходить в исследовательские лаборатории и на семинары, чтобы узнать, что полезного сделали клетки моей матери, и поговорить с людьми, излечившимися от рака». Она принялась подпрыгивать, воодушевившись, как маленькая девочка. «Только подумай, чего стоило мне выкарабкаться. Только что-нибудь всегда происходит, и я опять начинаю прятаться».

Я сообщила ей, что Ленгауэр хотел пригласить ее посетить его лабораторию. «Он хочет поблагодарить тебя и самолично показать клетки твоей матери».

Дебора водила пальцем по хромосомам на фотографии. «Я действительно хочу пойти посмотреть на эти клетки, но пока что не готова к этому, — ответила она. — Мой отец и братья тоже должны были бы пойти, но они считают меня сумасшедшей уже потому, что я пришла сюда. Они всегда кричат, что „эти белые

богатеют на нашей матери, а мы ничего не получаем“, — вздохнула Дебора. — Мы не станем богатыми от всего того, что связано с маминими клетками. Она оттуда помогает людям в медицине, и это хорошо. Я только хочу, чтобы люди узнали, что мою мать, HeLa, на самом деле зовут Генриетта Лакс. И еще я хотела бы узнать кое-что о своей матери. Уверена, что она кормила меня грудью, но я никогда не знала этого точно. Люди не хотят говорить о моей матери или сестре. Как будто они обе никогда не рождались на этот свет».

Дебора схватила с пола свою сумку и вывалила ее содержимое на кровать. «Вот что у меня есть о матери», — сказала она, тыкая пальцем в кучу предметов на покрывале. Тут было немало неотредактированных документальных видеозаписей, отснятых BBC, истрепанный английский словарь, дневник, учебник по генетике, много статей из научных журналов, патентные документы и неотправленные поздравительные открытки, — в том числе несколько поздравлений с днем рождения, которые она купила для Генриетты, и открытка ко Дню матери, которую Дебора вытащила из этой кучи.

«Я давно ношу это в сумке, — заявила она, протянув мне открытку. Белая с розовыми цветами снаружи, а внутри гладким почерком было написано: „Пусть дух Господа и спасителя нашего будет с тобой в этот день, когда мы благодарим тебя за любовь, что ты отдала своей семье и любимым. С молитвами и любовью. Счастливого Дня матери“. И подпись: „Люблю, Дебора“».

Однако главным образом ее сумка была набита газетными и журнальными статьями. Здесь хранилась статья о ее матери, напечатанная в бульварной газете *The Weekly World News* под заголовком «БЕССМЕРТНАЯ ЖЕНЩИНА!». Статья была помещена между заметкой о собаке-телепате и сообщением о ребенке — получеловеке-полуаллигаторе.

«Увидев это в бакалейном магазине, я испугалась до полусмерти, — поведала мне Дебора. — Думала: что они тут пишут? Что за сумасшедшие вещи произошли с моей матерью на этот раз? Все всегда говорили, что больница Хопкинса ловила черных и ставила над ними опыты в больничном подвале. Доказать никто ничего не мог, и я никогда по-настоящему в это не верила. А когда я узнала про клетки своей матери, то даже не знала, что и думать. В голову приходило только, что, может быть, все эти рассказы насчет экспериментов над людьми — правда».

Всего несколькими неделями раньше Дебора поведала мне, что Маргарет — новая жена Дэя, вернувшись после приема у врача, кричала, будто увидела что-то в подвале больницы

Хопкинса. «Она нажала не ту кнопку в лифте и уехала прямо в темный подвал, — объяснила Дебора. — Дверь открылась, она посмотрела прямо перед собой и увидела все эти клетки. Тут она закричала: „Дейл, не поверишь, но клетки были полны кроликов размером с человека!“»

Дебора со смехом рассказывала мне эту историю. «Я не поверила и сказала: „Кролики в человеческий рост? Да ты спятила!“ То есть разве кто-нибудь слышал о кроликах размером с человека? Но Маргарет обычно говорит мне правду, так что я уверена, что она увидела что-то, что ее напугало. Мне кажется, все возможно».

Потом она произнесла обыденным голосом — как если бы это была обычная фраза вроде «кажется, завтра будет дождь»: «Ученые ставят всевозможные эксперименты, и никогда не знаешь, чем они занимаются. Мне до сих пор интересно, сколько человек, похожих на мою мать как две капли воды, ходит по улицам Лондона».

«Что? — переспросила я. — С чего это в Лондоне появятся женщины, похожие на твою мать?»

«Они там клонировали мою мать, — объяснила Дебора, удивившись, что я не натолкнулась на эту информацию в процессе своих поисков. — Из Англии приезжал репортер и рассказывал, как они клонировали овцу. А теперь они занимаются клонированием моей матери».

Она достала статью из лондонской газеты *The Independent* и указала на обведенный карандашом параграф: «Клетки Генриетты Лакс бурно растут. Теперь их вес намного превосходит вес женщины, от которой они когда-то произошли, и, возможно, их стало вполне достаточно, чтобы населить Генриеттами целую деревню». Автор статьи шутил, что, если бы Генриетта в 1951 году положила в банк 10 долларов, то сегодня ее клоны были бы богачами.

Дебора шевельнула бровями, что означало: «Видишь? Я же сказала!»

Я начала было говорить, что ученые клонировали только клетки Генриетты, а не ее саму. Однако Дебора замахала рукой перед моим лицом, призывая замолчать, как будто я говорила чепуху, затем выудила из кучи вещей видеокассету и сунула ее мне. На торце кассеты было написано «Парк юрского периода».

«Я смотрела это кино тыщу раз, — сказала она. — Там говорят про гены, и с помощью клеток возвращают к жизни динозавра, и я думаю: боже, у меня есть статья о том, что они делают то же самое с клетками моей матери!» Она достала другую кассету — на этот раз телефильм под названием

«Клон», — где врач, лечивший бесплодие, тайно выращивает дополнительные эмбрионы от одной из пациенток и использует их для создания колонии клонов сына этой женщины, погибшего в молодости от несчастного случая.

«Тот врач взял у женщины клетки и сделал из них маленьких мальчиков, — в точности, как ее сын, — рассказывала мне Дебора. — Бедняжка даже не знала об этих клонах, пока не увидела, как один из них выходит из магазина. Не знаю, что бы я сделала, если бы встретила одного из клонов своей матери».

Дебора понимала, что эти фильмы были фантастикой. Однако для нее грань между научной фантастикой и реальностью сделалась нечеткой несколькими годами ранее, когда ее отцу впервые позвонили и сообщили, что клетки Генриетты до сих пор живы. Дебора знала, что клетки ее матери росли, как пресловутая Капля из одноименного фильма, пока их не стало так много, что ими можно было бы несколько раз обернуть земной шар. Звучит, неправдоподобно, но так оно и было на самом деле.

«Никогда не знаешь», — говорила Дебора, выуживая еще две статьи из кучи на диване и протягивая их мне. Одна называлась «СОЕДИНЕНИЕ КЛЕТОК ЧЕЛОВЕКА И РАСТЕНИЯ: ЧТО ДАЛЬШЕ? ХОДЯЧИЕ МОРКОВКИ?» Вторая была озаглавлена: «В ЛАБОРАТОРИИ ВЫРАЩЕНЫ КЛЕТКИ ЧЕЛОВЕКА-ЖИВОТНОГО». Обе эти статьи были о клетках ее матери, и ни та, ни другая не были научной фантастикой.

«Не знаю, что они делали, — сказала Дебора, — но для меня все это, как парк юрского периода».

Следующие три дня Дебора каждое утро приходила в мой номер, садилась на кровать и давала волю своим мыслям. Когда требовалось сменить обстановку, мы катались на катере и гуляли в районе балтиморской гавани, ели крабов, гамбургеры и картошку-фри и катались по городским улицам. Мы навестили дома, где Дебора жила ребенком. На фасадах большинства из них теперь висели таблички CONDEMNED («Под снос»). Мы проводили вместе дни и вечера, я старалась как можно больше почерпнуть из ее рассказов и все время боялась, что она передумает и перестанет со мной разговаривать. Однако на самом деле теперь казалось, что раз Дебора начала говорить, то уже никогда не остановится.

В мире Деборы не существовало тишины. Она кричала, сопровождая большую часть фраз высоким, резким смехом, и постоянно комментировала все вокруг: «Посмотри, какого размера эти деревья!», «Какой милый зеленый цвет у этой машины, правда?», «Боже мой, никогда не видела таких

прелестных цветов». Идя по улице, она заговаривала с туристами, мусорщиками и бездомными, махала своей палкой каждому встречному и повторяла снова и снова: «Привет, как поживаешь?»

У Деборы было полно странных и очаровательных причуд. Она возила в машине бутыль с лизолом [обеззараживающее средство с резким запахом], который частенько полушутя распыляла, где ни попадя. Несколько раз, когда я чихала, она распыляла его прямо у меня перед носом, но чаще всего брызгала им в окно, когда мы останавливались в каком-нибудь особенно антисанитарном на вид месте — что бывало часто. Еще она размахивала своей палкой во время разговора, часто хлопала меня ею по плечу, привлекая внимание, или шлепала ею мне по ноге, если хотела подчеркнуть какой-то момент.

Впервые она ударила меня этой палкой, когда мы сидели у меня в номере. Она только что передала мне «Медицинскую генетику» Виктора МакКьюсика и сказала: «Я встречалась с этим человеком, потому что он хотел взять кровь для каких-то анализов на рак».

Я объяснила, что он брал кровь для исследования клеток Генриетты, а не для того, чтобы проверить, нет ли у Деборы или у ее братьев рака. Тут она и стукнула меня палкой по ноге.

«Черт! — воскликнула она. — Теперь ты мне это говоришь! Когда я стала спрашивать его об этих анализах и клетках моей матери, он просто дал мне эту книгу, похлопал по спине и отправил домой». Она протянула руку, быстро открыла книгу и ткнула в нее пальцем: «Он подписал ее для меня, — сказала она, вращая глазами. — Было бы лучше, если бы он еще и объяснил, о чем эта чертова книга».

Каждый день мы с Деборой часами лежали, растянувшись, на кровати, читали ее материалы и беседовали о ее жизни. На третий день, ближе к вечеру, я заметила у себя на подушке толстую пеньковую папку.

«Это медицинские записи твоей матери?» — спросила я, протягивая руку.

«Нет!» — возопила Дебора. Ее глаза вдруг сделались дикими, она подпрыгнула и набросилась на папку, как будто боялась пропустить гол, прижала ее к груди и закрыла своим телом.

Я остолбенела; рука моя осталась протянутой к подушке, где только что лежала папка, и я бормотала, заикаясь: «Я… то есть… я не…»

«Вот именно, что ты „не“! — выкрикнула Дебора. — Ты что собиралась сделать с медицинскими записями моей матери?»

«Я думала, что ты положила их тут для меня… извини… мне не нужно читать их сейчас… все в порядке».

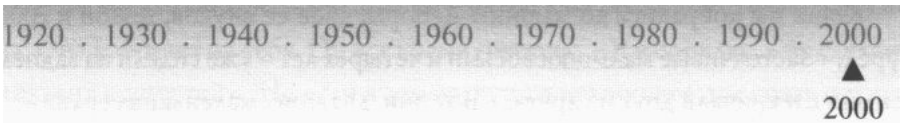
«Мы не готовы к этому!» — резко крикнула Дебора. Ее глаза были широко раскрыты, в них была паника. Она схватила свою сумку, набила в нее обратно все свои вещи, и кинулась к двери.

Я была ошеломлена. Женщина, которая валялась рядом со мной в течение нескольких дней, с которой я смеялась, пихалась и которую утешала, теперь убегала от меня, будто от погони.

«Дебора! — крикнула я вслед. — Я не собираюсь делать ничего плохого. Я лишь хочу узнать историю твоей матери, как и ты».

Она обернулась, в ее глазах все еще была паника. Она резко прошипела: «Не знаю, кому доверять», — и выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

30
Захария



На следующий день Дебора как ни в чем не бывало позвонила мне в номер со стойки регистрации. «Давай спускайся, — сказала она. — Пришло тебе время поговорить с Захарией. Он про тебя спрашивал».

Встречаться с Захарией я не жаждала. Неоднократно я слышала, что из всех Лаксов он, безусловно, больше всех злился по поводу случившегося с его матерью и искал любую возможность расквитаться. Я все еще надеялась отпраздновать свое тридцатилетие, и, судя по всему, этому мог помешать тот факт, что я была первым белым человеком, который пришел в квартиру Захарии задать ему вопросы о его матери.

На улице Дебора, пока мы шли к ее машине, сказала: «У Захарии, после того как он вышел из тюрьмы, дела никогда не были в полном порядке. Но не беспокойся. Совершенно уверена, что он опять может говорить о нашей матери».

«Ты совершенно уверена?» — уточнила я.

«Ну, я привыкла копировать информацию о нашей матери и передавать ему, но потом ему надоело и в один прекрасный день он послал меня к черту. Набросился на меня с криками: „Не хочу больше ничего слышать о моей матери и об этом проклятом докторе, который украл ее клетки!“ С тех пор на самом деле мы об этом не разговаривали, — она пожала плечами. — Но он утверждает, что он в порядке насчет того, чтобы ты сегодня задавала ему вопросы. Нам нужно только поймать его прежде, чем он запьет».

Когда мы добрались до машины Деборы, двое ее внуков, Дэвон и Альфред, — застенчивые мальчики восьми и четырех лет — уже сидели на заднем сиденье и кричали друг на друга. «Вот они, два моих маленьких сердца», — сказала Дебора. Это были поразительно красивые дети, с широкими улыбками и большими темными глазами. Альфред напялил на себя двое иссиня-черных пластмассовых солнечных очков, одни поверх других, которые были где-то в три раза больше его лица.

«Мисс Ребекка! — крикнул он, когда мы залезли в машину. — Мисс Ребекка!»

Я обернулась: «Да?»

«Я вас люблю».

«Спасибо».

Я повернулась обратно к Деборе, которая рассказывала, что можно и чего нельзя говорить Захарии.

«Мисс Ребекка! Мисс Ребекка!» — опять закричал Альфред, медленно опуская обе пары очков на самый кончик носа и делая мне знаки бровями.

«Вы моя», — заявил он.

«Ой, да прекрати ты, — воскликнула Дебора, отвесив ему шлепок с переднего сиденья. — Бог мой, он прямо как его отец, мистер дамский угодник».

Она покачала головой: «Мой сын все время кадрит женщин, носится по улицам, напивается и принимает наркотики, как это делал его собственный папаша. Боюсь, он доведет себя до беды, и не знаю, что тогда будет с маленьким Альфредом. Боюсь, он уже и так слишком много знает». Малыш Альфред, не переставая, лупил Дэвона, хотя тот был старше и крупнее. Дэвон ни разу не дал сдачи без разрешения Деборы.

На мою просьбу рассказать что-нибудь о дяде Захарии Дэвон выпятил грудь, втянул носом воздух, так что ноздри почти исчезли, и заорал: «Убирайтесь отсюда ко всем чертям!» самым глубоким голосом, какой, на мой взгляд, вообще возможен для восьмилетнего мальчика. Они с Альфредом рассмеялись и устроили кучу-малу на заднем сиденье. «Как борцы по телевизору!» — сказал Дэвон, переводя дыхание.

Альфред издал громкий вопль и подпрыгнул на своем сиденье. «Ты проссал! Ты проссал!»

Дебора посмотрела на меня с улыбкой. «Не беспокойся, я знаю, как с ним справиться. Просто не устаю повторять ему: не путай, Ребекка не одна из этих исследователей, она не работает на больницу Джона Хопкина. Она работает на себя. Он все время говорит: „Я в порядке, я не сделаю никаких глупостей“. Но если я замечу что-то нехорошее, мы сразу оттуда уедем».

Мы в полном молчании проехали несколько кварталов, мимо заколоченных витрин магазинов, заведений фаст-фуда и винных магазинов. Дэвон показал свою школу, рассказал нам о металлодетекторах и что во время уроков всех учеников запирают в школе. В конце Дебора наклонилась ко мне и шепотом сказала: «Младшему брату всегда казалось, что жизнь его обделила, поскольку наша мать заболела как раз на четвертом месяце беременности, когда носила его. В нем много злости. Убедись, что правильно произносишь его имя».

Это имя я выговаривала неверно, по словам Деборы, чего нельзя было допустить в присутствии Захарии. Он произносил его

как «За-ка́-ри-а» вместо «Зэк-а-ри-а». Бобетте и Сонни было нелегко запомнить это имя, и поэтому они звали его Абдул — одним из его средних имен. Но только за глаза.

«Что бы ты ни сделала, не называй его Джо, — сказала Дебора. — Один приятель Лоуренса назвал его Джо на Дне Благодарения, так Захария так ударил его, что тот свалился прямо в свое картофельное пюре».

Захарии скоро должно было исполниться пятьдесят; он жил в общежитии для пожилых инвалидов, куда ему помогла устроиться Дебора тогда, когда он обретался на улице. Захария считался инвалидом из-за своей глухоты и потому, что без очков практически ничего не видел. Прожил он там недолго, но уже числился на испытательном сроке за то, что был шумным и агрессивным по отношению к другим обитателям.

Дебора, я и мальчики шли от машины к входной двери подъезда, как вдруг она громко кашлянула и кивнула на большого неуклюжего человека в штанах цвета хаки, который, прихрамывая, шел к зданию. Ростом он был пять футов восемь дюймов [172,4 см], а весил без малого сотни четыре фунтов [181,44 кг]. Одет он был в ярко-синие ортопедические сандалии, линялую футболку с изображением Боба Марли и белую бейсбольную кепку с надписью HAM, BACON, SAUSAGE («Ветчина, бекон, колбаса»).

«Привет, Захария!» — крикнула Дебора, размахивая руками над головой.

Захария остановился и посмотрел на нас. Его черные волосы были коротко острижены под машинку, лицо было гладким и моложавым, как у Деборы, за исключением лба, испещренного складками из-за многолетней хмурости. Глаза под толстыми пластиковыми очками были припухшими, налитыми кровью и с глубокими темными кругами вокруг них. Одной рукой он опирался на металлическую палку, как у Деборы, а в другой держал большую бумажную тарелку, на которой лежала пинта, если не больше, мороженого. Под мышкой торчало несколько сложенных газет с объявлениями.

«Ты сказала, что придешь через час», — резко произнес он.

«Ах… да… извини, — пробормотала Дебора. — Дороги почти пустые».

«Я еще не готов», — сказал Захария, выхватил пачку газет из-под мышки и сильно шлепнул ею Дэвона по лицу.

«Ты чего их притащила? — громко крикнул он. — Знаешь ведь, что я терпеть не могу детей под боком».

Дебора схватила голову Дэвона, прижала ее к себе, потирая

его щеку, и, запинаясь, принялась что-то бормотать о том, что родители мальчиков работают и с детьми некому остаться. Но ведь она поклялась, что они будут вести себя тихо, правда же? Не говоря ни слова, Захария повернулся и направился к скамейке перед зданием.

Дебора хлопнула меня по плечу и указала на другую скамейку — по другую сторону от входа в дом, футах в пятнадцати от Захарии. Шепнув: «Садись тут со мной», она крикнула: «Давайте, ребята, почему бы вам не показать мисс Ребекке, как быстро вы умеете бегать?»

Альфред и Дэвон носились вокруг бетонного тупика перед домом Захарии и кричали: «Посмотри на меня! Посмотри на меня! Сфотографируй меня!»

Захария сидел на лавке, поедал свое мороженое и читал газетные объявления, как будто нас не существовало. Каждые несколько секунд Дебора кидала быстрый взгляд на него, потом на меня, на внуков, затем опять на Захарию. В какой-то момент она столкнулась с ним глазами и показала язык, однако он не заметил.

Наконец, Захария заговорил.

«Журнал принесла?» — спросил он, уставившись в сторону улицы.

Захария сказал Деборе, что, прежде чем беседовать со мной, он хотел бы прочесть в журнале *Jons Hopkins Magazine* статью, которую я написала про их мать, и хочет, чтобы я сидела рядом с ним, пока он будет читать. Дебора слегка подтолкнула меня к скамейке Захарии, затем подскочила со словами, что она с мальчиками подождет нас наверху, поскольку нам лучше поговорить на улице, пока хорошая погода, вместо того чтобы торчать в помещении. Жара стояла за тридцать, было ужасно влажно, однако ни я, ни Дебора не хотели, чтобы я в одиночку пошла с Захарией в квартиру.

«Я буду смотреть вон из того окна, — шепнула Дебора, указав на окно несколькими этажами выше. — Если начнется что-то не то, просто помаши, и я спущусь».

Пока Дебора и мальчики заходили в здание, я села возле Захарии и стала рассказывать ему о причине своего приезда. Не глядя на меня, и не говоря ни слова, он взял журнал из моих рук и начал читать. Каждый раз, когда он вздыхал (а случалось это часто), мое сердце испуганно екало.

«Черт! — внезапно воскликнул он, указывая на подпись к фотографии, где говорилось, что Сонни был младшим сыном Генриетты. — Не он младший, а я!»

Захария резко захлопнул журнал и уставился на него, пока я

говорила, что, конечно же, я знаю, что самый младший — он, и что подписи под фотографиями составляли сотрудники журнала, а не я.

«Думаю, мое рождение было чудом, — произнес он. — Я верю, что мать тянула с тем, чтобы идти к врачу, до моего рождения, потому что хотела, чтобы я появился на свет. Разве может ребенок, рожденный таким образом, от матери с опухолями и такой больной, как она, не получить какого-нибудь физического ущерба? А может быть, к этому приложил руку Господь».

Он взглянул на меня — первый раз с момента моего появления, — затем протянул руку и покрутил какое-то колесико на своем слуховом аппарате.

«Я его выключил, чтобы не слушать этих глупых детей, — пояснил он, регулируя громкость, пока не пропали помехи. — Думаю, врачи поступили неправильно. Они нам врали двадцать пять лет, скрывали от нас клетки, а потом заявили, что наша мать пожертвовала свои клетки. Эти клетки украли! Эти болваны пришли взять у нас кровь, сказали, что им нужно сделать анализы, и не сказали, что все эти годы извлекали из ее клеток прибыль! Это все равно что повесить нам на спину плакат: „Я олух, дай мне пинка!“. Люди не знают, что мы бедны как церковные крысы. Они, наверное, думают, что раз клетки нашей матери принесли столько пользы, то мы состоятельные. Надеюсь, Джордж Грай горит в аду. Если бы он был еще жив, я бы воткнул вилы в его чертову задницу».

Не подумав, почти рефлекторно, я поправила его: «Джордж Гай, а не Грай».

Он резко ответил: «Кого колышет его имя? Он всегда говорил людям, что мою мать зовут Хелен Лейн!» Захария стоял, возвышаясь надо мной, и кричал: «Он плохо поступил! Очень плохо! Пусть Бог судит. Люди говорят, что, может быть, на то была воля Божья, — чтобы они взяли ее клетки и сделали так, чтобы они жили всегда, чтобы создавать лекарства. Только я так не думаю. Если Он хочет исцелить болезнь, то исцеляет ее сам, и нечего людям тут портить. Нельзя врать и создавать клонов людей тайком от них. Это неправильно, вот в чем самое серьезное нарушение во всем этом деле. Это как если бы я зашел к тебе в ванную, когда ты там со спущенными штанами. Высшая степень неуважения. Вот почему я говорю, что, надеюсь, он горит в аду. Будь он сейчас здесь, я бы его убил».

Внезапно рядом со мной возникла Дебора со стаканом воды в руках: «Я только подумала, вдруг ты пить хочешь», — сказала она строго, будто хотела спросить: «Что происходит, черт побери?» —

потому что увидела, как Захария стоит надо мной и кричит.

«Все в порядке? — поинтересовалась она. — Вы все еще беседуете?»

«Ага», — ответил Захария, но Дебора положила руку ему на плечо, спросив, не пришло ли время всем нам подняться в квартиру.

Пока мы шли к парадному входу в здание, Захария повернулся ко мне. «Эти врачи говорят, что ее клетки очень важны и помогают людям тем-то и тем-то. Но ей, как и нам, они не принесли пользы. Если мне и моей сестре что-то нужно, мы не можем даже пойти на прием к врачу, ибо не можем себе этого позволить. Пользу от клеток моей матери могут получить только те, у кого есть деньги, и кто бы ни продавал ее клетки, все они разбогатели на нашей матери, а мы не получили ничего». Он покачал головой. «Все эти чертовы люди не заслуживают ее помощи так, как заслуживаю я».

Квартира Захарии представляла собой маленькую студию с длинной узкой кухней, из окна которой Дебора и мальчики наблюдали за нами. Все вещи Захарии без труда уместились бы в кузове пикапа: маленький столик фирмы Formica, два деревянных стула, большой матрас без каркаса, пустое пластиковое основание кровати и набор темно-синих простыней. Ни одеял, ни подушек. Напротив кровати стоял маленький телевизор и видеомагнитофон на нем.

Стены в квартире Захарии были голыми, за исключением нескольких копий фотографий. На одной из них Генриетта стояла, положив руки на талию, а рядом висела вторая из всего двух ее фотографий: сороковые годы, она стоит рядом с Дэем в студии, у обоих прямые, как доска, спины, широко открытые глаза пристально смотрят прямо перед собой, застывшие лица без тени улыбки. Кто-то навел ретушь на фотографию и раскрасил лицо Генриетты в неестественный желтый цвет. Рядом с ней висела изумительная фотография его сестры Эльси, стоявшей перед белыми перилами веранды рядом с корзиной засушенных цветов. Ей около шести лет, на ней платье из плотной шотландки, белая футболка, короткие белые носки и туфли, волосы выбились из кос, правая рука что-то крепко прижимает к груди. Рот немного приоткрыт, наморщенный лоб выражает беспокойство, а глаза смотрят вправо, где, по представлению Деборы, стояла ее мать.

Захария ткнул пальцем в несколько дипломов рядом с фотографиями по сварке, холодильному оборудованию и дизелям. «У меня столько этих чертовых дипломов, — заметил он

— а работа обходит стороной из-за моей судимости и всего прочего, так что у меня по-прежнему куча сложностей». Захария то и дело имел неприятности с законом, с тех пор как вышел из тюрьмы. Его обвиняли в словесных оскорблениях, пьянстве и буйном поведении.

«Думаю, я такой убогий из-за этих клеток, — произнес он. — Мне пришлось начать бороться за жизнь еще до рождения. Думаю, только благодаря этому раковые клетки не заполонили меня, пока я был внутри моей матери. Я начал борьбу, будучи ребенком у нее в матке, и никогда не знал ничего другого».

Дебора считала, что была и другая причина. «Эта дьявольская женщина, Этель, научила его ненавидеть, — сказала она. — Вколачивала ненависть по капле в его маленькое тело, вкладывала в него ненависть убийцы».

Услышав имя Этель, Захария фыркнул. «Жить с этой жестокой, чокнутой теткой было хуже, чем в тюрьме! — воскликнул он, сверкнув сузившимися от гнева глазами. — Тяжело говорить о том, что она сделала со мной. Когда я начинаю об этом думать, хочется убить ее и моего отца. Потому что из-за него я не знаю, где похоронена моя мать. Когда этот болван помрет, я тоже не хочу знать, где его закопают. Ему нужно в больницу? Пусть ловит такси! То же самое и остальные из этой так называемой семьи, которые ее хоронили. Видеть не хочу больше этих ниггеров».

Дебора сжалась. «Видишь ли, — сказала она, глядя на меня, — никто не дает ему говорить, потому что он говорит так, как хочет. А я говорю, пусть выговорится, даже если то, что он скажет, нас расстроит. Он же бешеный, так пусть его злость выйдет, иначе он будет продолжать ее копить, и в конце концов она разорвет его на части».

«Мне жаль, — сказал Захария. — Может, ее клетки и принесли некоторым пользу, но лучше бы у меня была мать. Если бы ее не принесли в жертву, я мог бы стать гораздо лучшим человеком, чем сейчас».

Дебора встала с кровати, где она сидела, положив головы обеих внуков себе на колени, подошла к Захарии и обняла его за талию. «Пошли, проводишь нас до машины, — предложила она. — Хочу отдать тебе кое-что».

На улице она резко распахнула багажник своего джипа и принялась рыться среди одеял, одежды и бумаг, пока не вытащила фотографию хромосом Генриетты, которую получила от Кристофа Ленгауэра. Проведя пальцами по стеклу, она протянула фотографию Захарии.

«Наверное, это ее клетки?» — спросил он.

Дебора кивнула. «Видишь яркие цветные пятна? Там все ее ДНК».

Захария поднял фотографию на уровень глаз, и в молчании уставился на нее. Дебора погладила его по спине и прошептала: «Думаю, если кто и заслуживает ее, так это ты, Захария».

Он крутил фотографию, чтобы посмотреть под разными углами. «Ты хочешь, чтобы она была у меня?» — наконец, спросил он.

«Ага, хочу, чтоб она у тебя была, повесь ее себе на стену», — ответила Дебора.

Глаза Захарии наполнились слезами. На мгновение исчезли темные круги вокруг глаз, и вся его фигура расслабилась.

«Да, — произнес он мягко, не так, как мы слышали в течение этого дня, и положил руку Деборе на плечо. — Ну, спасибо».

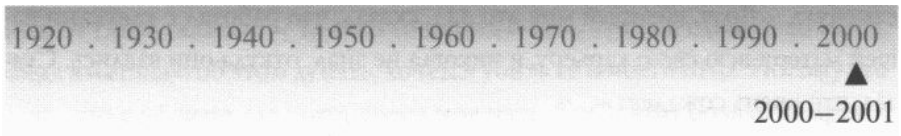
Дебора обхватила его руками так широко, как только могла, и крепко стиснула. «Врач, который мне это дал, сказал, что работал с клетками нашей матери всю свою карьеру, и никогда не знал, откуда они взялись. Сказал, что очень сожалеет».

Захария посмотрел на меня. «Как его зовут?»

Я ответила и добавила: «Он хочет встретиться и показать вам сами клетки».

Захария кивнул, все еще держа руку на плече Деборы. «Ладно, — вымолвил он, — это хорошо звучит. Так и сделаем». И медленно направился к дому, держа фотографию перед глазами и ничего не видя перед собой, кроме ДНК клеток своей матери.

31
HeLa, богиня смерти



На следующий день после нашего «марафонского» визита, когда я добралась к себе домой, Деборе позвонил какой-то неизвестный ей мужчина и спросил, не хочет ли она прокатиться на платформе HeLa на родео для черных. Он сказал, чтобы она остерегалась людей, которые хотят найти могилу Генриетты, потому что они могут пожелать выкрасть ее кости, раз ее тело было столь ценным для науки. Дебора сообщила ему, что беседует со мной по поводу книги, а он предупредил ее не рассказывать белым свою историю. Дебора запаниковала и позвонила брату Лоуренсу, который сказал, что тот человек прав. В итоге она оставила мне сообщение, сказав, что не может больше иметь со мной дело. Но когда я получила это сообщение и перезвонила, она уже передумала.

«Все все время кричат: „Расизм! Расизм! Белый украл клетки черной женщины! Этот белый убил эту черную женщину!“ Бред какой-то, — заявила она мне. — Мы все черные и белые, и всякие прочие — дело тут не в расе. Есть две стороны одной медали, и как раз это мы и хотим показать. Я выясняю про мою мать вовсе не для того, чтобы казнить исследователей, наказать врачей или опорочить больницу. Я не хочу этого».

Так мы провели с Деборой целый год. Каждый мой приезд мы гуляли в районе балтиморской гавани, катались на лодках, вместе читали научные книги и говорили о клетках ее матери. Мы брали Дэвона и Альфреда с собой в Мэрилендский научный центр, где они увидели стену в двадцать футов [6 м], которую от пола до потолка покрывала фотография увеличенных под микроскопом клеток с зеленой неоновой подсветкой. Дэвон схватил меня за руку и потянул в сторону этой стены из клеток с воплями: «Мисс Ребекка! Мисс Ребекка! Это прабабушка Генриетта?» Люди поблизости недоуменно уставились на нас, когда я ответила: «Действительно, вполне может быть», а Дэвон прыгал вокруг и пел: «Бабушка Генриетта знаменита! Бабушка Генриетта знаменита!»

Как-то поздним вечером мы с Деборой гуляли по мощеным булыжником улицам района Фелл-пойнт. Вдруг она повернулась ко мне и произнесла без какого-либо намека с моей стороны: «Я

принесу эти медицинские записи на своих условиях и когда сочту нужным». Она сказала, что в тот вечер, когда она схватила медицинские записи матери и убежала домой, она подумала, что я пыталась их украсть. «Мне нужен кто-то, кому можно доверять, кто бы говорил со мной и не держал меня в неведении», — призналась она и взяла с меня слово ничего от нее не скрывать. Я пообещала, что не буду.

Между поездками мы с Деборой каждую неделю часами беседовали по телефону. Порой кто-то убеждал ее, что не следует доверять белому и думать, будто тот расскажет историю ее матери, и тогда она в панике звонила мне и требовала сказать, платит ли мне больница Хопкинса за полученную от нее, Деборы, информацию, как это утверждают люди. В другое время она становилась подозрительной насчет денег, — как это было, к примеру, когда ей позвонил издатель учебника по генетике и предложил 300 долларов за разрешение напечатать фотографию Генриетты. Дебора ответила, что они должны заплатить 25 тысяч, издатель отказался, и тогда она позвонила мне, требуя сообщить, кто мне платит за то, что я пишу свою книгу, и сколько из этих денег я собираюсь ей дать.

Каждый раз я отвечала одно и то же: что я еще не продала книгу, поэтому пока что оплачиваю все расходы из студенческих займов и кредитных карт. В любом случае я не могу заплатить ей за то, что она мне сообщает. Вместо этого я обещала, что если книга когда-нибудь будет напечатана, то я открою стипендиальный фонд для потомков Генриетты Лакс. Когда у Деборы было хорошее настроение, эта идея приводила ее в восторг. «Образование — это все, — заявляла она. — Если бы у меня его было побольше, то, может быть, мне было бы легче понять все эти вещи насчет моей матери. Вот почему я всегда говорю Дэвону: давай учись, изучай все, что сможешь». В плохие дни она считала, что я вру, и опять переставала со мной общаться.

Такие моменты никогда не длились долго и всегда заканчивались просьбой Деборы снова и снова пообещать никогда ничего не скрывать от нее. В конце концов я сказала, что она может даже сопровождать меня в некоторых поездках, если хочет, и она ответила: «Хочу побывать в центрах, колледжах и все такое. Где учатся. И еще я хочу найти медицинские записи и отчет о вскрытии моей сестры».

Я стала отправлять ей массу информации, которую узнавала о ее матери, — статьи из научных журналов, фотографии ее клеток, порой даже романы, стихотворения или короткие рассказы на тему HeLa. В одном из них сумасшедший ученый

использовал HeLa в качестве биологического оружия для распространения бешенства; в другом рассказывалось о желтой малярной краске из клеток HeLa, которая умела разговаривать. Я отправляла Деборе новости о выставках, где несколько художников рисовали клетки HeLa на стенах, а другая художница показывала культуру в форме сердца, которую вырастила, смешав с HeLa свои клетки. Каждую посылку я сопровождала заметками с объяснениями, что сие означает, четко подписывала, где вымысел, а где факты, и предупреждала Дебору обо всем, что могло бы ее расстроить.

Каждый раз, получив посылку, она звонила мне обсудить прочитанное, и постепенно ее панические звонки становились все реже. Вскоре, поняв, что я того же возраста, что и ее дочь, она стала звать меня Бу и заставила купить мобильный телефон, ибо волновалась, когда я вела машину на федеральных автомагистралях. Каждый раз, когда я беседовала с ее братьями, она кричала им полушутя: «Не пытайся отбить моего журналиста! Иди ищи себе своего!»

Когда мы встретились для первой совместной поездки, Дебора вышла из машины в черной юбке до колен, черных сандалиях на каблуках и черной рубашке, поверх которой накинула открытый черный жакет. Обнявшись со мной, она пояснила: «Я надела журналистскую одежду!» И, показав на мою наглухо застегнутую черную рубашку, черные брюки и черные ботинки, добавила: «Ты всегда ходишь в черном, и я решила одеться как ты, чтобы не выделяться».

К каждой поездке Дебора под завязку набивала свой джип разной обувью и одеждой, которые могли пригодиться («Никогда не знаешь, в какой момент переменится погода»). Она брала с собой подушки и одеяла, на случай если мы где-нибудь застрянем, вентилятор, если нам станет жарко, все свои инструменты для стрижки и маникюра из школы красоты, коробки с видеокассетами, диски с музыкой, канцтовары и все документы, имевшие отношение к Генриетте. Мы всегда путешествовали на двух машинах, потому что Дебора еще не доверяла мне настолько, чтобы ехать вдвоем на моей. Я ехала следом и наблюдала, как ее черная водительская кепка покачивается в такт музыке. Иногда, скругляя повороты или останавливаясь на светофоре, я могла слышать, как она громко поет «Рожденный жить на воле» или свою любимую песню Уильяма Белла «Я забыл, что я твой любовник».

В конце концов Дебора разрешила мне зайти в ее дом. Там было темно, плотные шторы были задернуты, черные кушетки, неяркое освещение, а на темно-коричневых стенах, обитых

деревянными панелями, висели плакаты в черном цвете с религиозными сценами. Мы с ней все время проводили в ее кабинете, где она спала почти каждую ночь, вместо того чтобы ночевать в спальне вместе с Паллумом, — как она мне объяснила, они много ссорились, и им требовалось свободное пространство.

Комната Деборы была шириной около шести футов, у одной из стен стояла двуспальная кровать и рядом с ней, почти касаясь ее, — небольшой стол. На столе, под стопками бумаг, коробками с конвертами, письмами и счетами лежала Библия ее матери, с покоробившимися и потрескавшимися от времени страницами и в пятнах плесени, внутри которой по-прежнему были вложены локоны волос Генриетты и Эльси.

Стены комнаты Деборы от пола до потолка были увешаны цветными фото медведей, лошадей, собак и кошек, вырванными ею из календарей, с почти дюжиной ярких войлочных квадратов, которые они с Дэвоном вырезали вручную. На одном из них, желтом, крупными буквами было написано: «БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ИИСУС, ЗА ТО, ЧТО ТЫ ЛЮБИШЬ МЕНЯ»; другой — с надписью «СБЫВШИЕСЯ ПРОРОЧЕСТВА» — был украшен монетами из оловянной фольги. Полка в изголовье кровати была до краев завалена видеокассетами с инфорекламой: джакузи, автофургоны, путешествие в Диснейленд. Почти каждый вечер Дебора говорила: «Эй, Дэвон, хочешь поехать на каникулы?» После утвердительного кивка она спрашивала: «Куда хочешь отправиться — в Диснейленд, на курорт или в путешествие на автофургоне?» Каждую кассету они пересматривали по многу раз.

В конце одного из посещений я показала Деборе, как выходить в Сеть с ее старого компьютера, который кто-то отдал ей много лет назад, а потом научила пользоваться поисковиком Google. Вскоре она начала принимать амбиен — наркотический снотворный препарат — и просиживала ночи напролет в лекарственном тумане, набирая в Google «Генриетта» и HeLa.

Дэвон называл амбиен Деборы «дурацким лекарством», потому что после него она бродила по дому посреди ночи, как зомби, болтала ерунду и пыталась на завтрак рубить мясницким ножом злаковые хлопья. Дэвон, когда оставался с ней, зачастую, проснувшись среди ночи, находил бабушку спящей за компьютером; голова и руки ее мирно покоились на клавиатуре. Он просто стаскивал ее со стула, укладывал в кровать и укрывал одеялом. Если же Дэвона не было, то, проснувшись, Дебора часто обнаруживала, что спала лицом на столе в окружении горы распечатанных страниц, выпавших из принтера на пол: научных статей, заявок на патент, случайных газетных статей и постов блогов, включая и многое из того, что не имело ни малейшего

отношения к ее матери, зато содержало слова Henrietta, lacks или Hela.

На удивление, последнее слово встречалось довольно часто. Хела — исконное название страны Шри-Ланка, где активисты носят плакаты с требованиями «Справедливости для народа хела». Еще это имя не существующей более немецкой компании — производителя тракторов, собаки-призера породы ши-цу, приморского курорта в Польше, рекламной фирмы в Швейцарии, датского судна, на котором собираются желающие выпить водки и посмотреть кино, а также героини комиксов компании «Марвел», которая действует в нескольких онлайновых играх: семи футов ростом, наполовину черная, наполовину белая богиня, которая является отчасти мертвой, отчасти живой, обладательница неизмеримого интеллекта, сверхчеловеческой силы, божественной жизнестойкости и продолжительности жизни, а также пятисот фунтов [226,8 кг] крепких мышц. На ее совести мор, болезни и катастрофы; ей нипочем огонь, радиация, яды, едкие вещества, болезни и старение. Еще она способна левитировать и контролировать мысли людей.

Когда Дебора нашла страницы с описанием Хела из комиксов «Марвел», то подумала, что речь идет о ее матери, ибо каждая из черт Хелы в какой-то мере совпадала с тем, что Дебора слышала о клетках Генриетты. Однако оказалось, что на создание этой научно-фантастической Хелы автора вдохновила древнескандинавская богиня смерти, обитающая в земле между преисподней и миром живых.

Как-то часа в три ночи, когда я, больная гриппом, спала, забывшись в лихорадочном сне, вдруг зазвонил телефон. На другом конце провода Дебора прокричала в трубку: «Говорила я тебе, что в Лондоне клонировали мою мать!» Она говорила медленно и неотчетливо из-за приема амбиена.

Оказалось, она набрала в Google слова HeLa, Clone, London и DNA (ДНК) и получила список тысяч материалов, наподобие этого отрывка из обсуждения клеток HeLa в одном из чатов: «В каждом содержится программа для создания Генриетты Лакс… Можно ли ее клонировать?» Имя ее матери попадалось в заголовках типа Cloning («Клонирование») и Human Farming («Разведение людей»), и она решила, что эти найденные тысячи материалов доказывают, что ученые создали тысячи клонов Генриетты.

«Они ее не клонировали, — ответила я. — Они просто вырастили копии ее клеток. Честное слово».

«Спасибо, Бу, прости, что разбудила, — проворковала Дебора. — Но, если они клонировали ее клетки, не означает ли это, что когда-нибудь они смогут клонировать мою мать?»

«Нет, — ответила я. — Спокойной ночи».

После того как Дэвон несколько недель подряд регулярно заставал Дебору без сознания, с телефоном в руке или лежащей лицом на клавиатуре, он сообщил своей матери, что ему нужно все время жить с бабушкой, чтобы заботиться о ней после того, как она примет лекарство.

Дебора принимала в среднем 14 таблеток в день, что обходилось ей в месяц примерно в 150 долларов с учетом всех возможных компенсаций от страховки ее мужа и программ медицинской помощи неимущим (Medicaid) и престарелым (Medicare). «Кажется, этих рецептов одиннадцать, — сказала она мне однажды. — Или двенадцать. Не успеваю следить, они все время меняются». Один препарат от кислотного рефлюкса в одном месяце стоил 8 долларов, а в следующем уже 135, и поэтому она перестала его принимать; в какой-то момент страховая компания ее мужа отказалась оплачивать выписанные лекарства, и Дебора стала резать таблетки пополам, чтобы растянуть их подольше. Когда кончался амбиен, она переставала спать до тех пор, пока не покупала новую упаковку.

Дебора рассказала мне, что врачи начали выписывать ей эти лекарства в 1997 году после одного случая, который она назвала «золотоискательской ситуацией», отказавшись сообщать подробности. Это случилось после того, как она принялась хлопотать относительно оформления инвалидности, чего ей удалось добиться только после нескольких посещений суда.

«Люди из социального обеспечения сказали, что это все у меня в голове, — поведала она. — В конце концов они отправили меня на консультацию к пяти психиатрам и куче врачей. Те сказали, что у меня паранойя, шизофрения и что я очень нервная. У меня тревожность, депрессия, дегенеративные изменения коленных чашек, бурсит, грыжа позвоночных дисков, диабет, остеопороз, высокое кровяное давление и повышенный холестерин. Я не знаю названия всех моих болезней. Может, вообще никто этого не знает. Знаю только, что, когда у меня начинается такое настроение и когда мне страшно, я прячусь».

По словам Деборы, именно это и произошло после первого моего звонка: «Я было вся загорелась, говорила, что хочу, чтобы о моей матери написали книгу. Потом в голове стали появляться разные мысли, и я испугалась».

«Знаю, что моя жизнь могла бы быть лучше, и мне бы этого хотелось, — сказала она мне. — Когда люди слышат о клетках моей матери, то всегда говорят: „Ух ты, вы могли бы стать богачами! Вы все должны подать иск против больницы Джона Хопкина, вы должны сделать то-то и то-то“. Только я всего этого

не хочу, — она рассмеялась. — Честно говоря, я не злюсь на науку, потому что она помогает людям жить, без нее я была бы уже развалиной. Я ходячая аптека! Не могу сказать о науке ничего плохого, но не стану врать, мне бы хотелось иметь медицинскую страховку, чтобы не приходилось платить каждый месяц все эти деньги за лекарства, которые, может быть, клетки моей матери помогали создавать».

Мало-помалу Дебора освоилась с Интернетом и стала использовать его не только для того, чтобы пугать себя посреди ночи. Она написала для меня список вопросов и распечатала статьи об исследованиях, проводившихся над людьми без их уведомления или согласия — от испытаний вакцины в Уганде до испытания лекарств в войсках США. Информацию она теперь складывала в аккуратно подписанные папки: одна — про клетки, другая — про рак, еще одна — с определениями юридических терминов вроде «закон о давности уголовного преследования» и «врачебная тайна». Как-то она наткнулась на статью под названием «Что осталось от Генриетты Лакс?», которая привела ее в ярость из-за слов, что Генриетта, возможно, заразилась вирусом папилломы человека из-за того, что «спала с кем попало».

«Эти люди ничего не понимают в науке, — заявила она. — Наличие вируса папилломы человека в организме не значит, что моя мать была распущенной. Он есть у большинства людей, я читала об этом в Интернете».

Затем, в апреле 2001 года — почти через год после нашей первой встречи — Дебора позвонила мне, чтобы сказать, что «президент какого-то клуба по изучению рака» приглашает ее выступить на мероприятии в честь ее матери. Она пожаловалась, что боится и хочет, чтобы я узнала, все ли тут законно.

Оказалось, речь шла о Франклине Солсбери-младшем — президенте Национального фонда исследования рака, который решил провести конференцию фонда 2001 года в честь Генриетты. 13 сентября семьдесят известнейших исследователей рака со всего мира соберутся, чтобы представить свои исследования, будут сотни посетителей, в том числе мэр Вашингтона (округ Колумбия) и главный врач Службы здравоохранения США. Он надеялся, что Дебора согласится выступить и принять почетный знак в честь своей матери.

«Понимаю, что семья чувствует себя пострадавшей от злоупотреблений, — сказал он мне. — Мы не можем дать им денег, но надеюсь, эта конференция исправит историческую несправедливость и облегчит их бремя, пускай даже спустя пятьдесят лет».

Когда я объяснила все это Деборе, она пришла в восторг. Это будет как конференция Патилло в Атланте, решила она, только больше; немедленно принялась планировать, что надеть, и атаковала меня вопросами, о чем, по моему мнению, будут говорить исследователи. Она вновь стала переживать, будет ли она в безопасности на сцене, и не будет ли там ее ждать похититель.

«Что, если они решат, что я, например, собираюсь устроить им неприятности за то, что они взяли эти клетки, или что-нибудь вроде этого?»

«Не думаю, что тебе стоит об этом беспокоиться, — ответила я. — Ученые будут рады с тобой встретиться». Кроме того, я сообщила, что мероприятие будет проводиться в федеральном здании, где поддерживается высокий уровень безопасности.

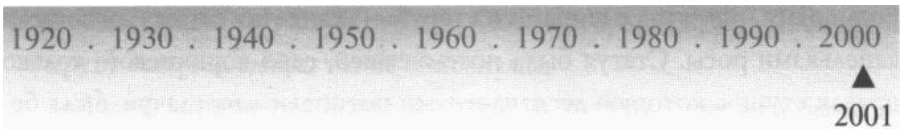
«Ладно. Но сначала я хочу увидеть клетки моей матери, чтобы знать лично то, о чем все будут говорить на конференции».

Мы закончили телефонный разговор, и я отправилась звонить Кристофу Ленгауэру — исследователю рака, который подарил Деборе фотографию окрашенных хромосом. Однако, прежде чем я раскопала его номер, мой телефон опять зазвонил. Это была плачущая Дебора. Я решила, что она запаниковала и передумала насчет того, чтобы увидеть клетки. Вместо этого она прорыдала: «О, мой малыш! Боже, помоги ему, они нашли его отпечатки на коробке с пиццей».

Ее сын Альфред с другом совершили преступление — ограбили как минимум пять винных магазинов «под дулом пистолета». На видеозаписи камер системы безопасности было видно, как Альфред кричит на работника магазина и размахивает у него над головой бутылкой вина Wild Irish Rose. Он украл бутылку пива в двенадцать унций [0,355 л], одну бутылку Wild Irish Rose, две пачки сигарет Newport и около сотни долларов наличными. Полицейские арестовали его возле его дома и запихнули в машину, а его сын, маленький Альфред, стоял на лужайке и смотрел.

«Я по-прежнему хочу пойти смотреть клетки, — всхлипывая, сказала Дебора. — Эта история не помешает мне узнать о матери и сестре».

32
«Все это — моя мать»



Когда Дебора, наконец, была готова впервые увидеть клетки матери, Дэй уже не мог пойти. Не раз он говорил, что, прежде чем умереть, он хотел бы увидеть клетки своей жены. Однако ему было восемьдесят пять, он часто лежал в больнице из-за сердца и высокого давления, и к тому же только что потерял ногу из-за диабета. Сонни нужно было работать, а Лоуренс заявил, что хочет поговорить с адвокатом насчет иска против больницы Хопкинса, а не смотреть клетки, о которых он отзывался как о «многомиллиардодолларовой корпорации».

Итак, 11 мая 2001 года Дебора, Захария и я договорились встретиться в больнице Хопкинса у статуи Христа, чтобы пойти смотреть клетки Генриетты. В тот же день утром Дебора предупредила меня, что Лоуренс уверен, будто больница Хопкинса платит мне за сбор информации об их семье. Он уже звонил ей несколько раз в тот день и сказал, что заберет материалы, которые она собрала о матери. Поэтому Дебора заперла все их в своем кабинете, забрала с собой ключ и позвонила мне со словами: «Не говори ему, где находишься, и не встречайся с ним без меня».

Приехав на место, я подошла к статуе Христа; она стояла там же, где и прежде, когда Генриетта приходила сюда полвека назад, все так же возвышаясь более чем на десять футов [около 3 м] под ярусным куполом. Глаза с пустыми мраморными глазницами смотрели прямо перед собой, простертые руки задрапированы каменными одеждами. Под ноги Иисусу люди накидали кучи мелочи, положили увядшие маргаритки и две розы: одну — свежую, с шипами и вторую — тканевую, с пластмассовыми капельками росы. Статуя была потемневшей, серо-коричневой; только правая ступня, которую десятилетиями потирали «на удачу» была белой и блестела, отполированная.

Дебора и Захария еще не подошли, и я прислонилась к дальней стене, разглядывая врача в зеленом, стоявшего на коленях в молитве перед статуей, в то время как другие люди потирали большой палец на ноге Иисуса, проходя мимо к зданию больницы, даже не глядя на статую и не замедляя шаг. Несколько человек остановились, чтобы записать молитвы в огромные

книги, лежавшие на деревянной подставке рядом со статуей: «Дорогой Отец небесный, если есть на то твоя воля, позволь мне поговорить с Эдди, этот раз будет уже последним». «Пожалуйста, помоги моим сыновьям справиться с их пристрастиями». «Прошу тебя найти мне и моему мужу работу». «Боже, благодарю тебя за то, что дал мне еще один шанс».

Я подошла к статуе, стуча каблуками по мрамору, и положила руку на ее большой палец. Никогда прежде я не подходила к Иисусу так близко для молитвы. Внезапно позади меня возникла Дебора, шепча: «Надеюсь, на этот раз Он был на нашей стороне». Ее голос звучал совершенно спокойно, без обычного нервного смеха.

Я ответила, что тоже была на ее стороне.

Дебора закрыла глаза и начала молиться. Затем за нашей спиной появился Захария и утробно хихикнул.

«Он теперь уже ничего не может сделать, чтобы вам помочь!» — воскликнул Захария. С последней нашей встречи Захария набрал вес, а в плотных серых шерстяных штанах и толстом синем пальто казался еще больше. Черные пластиковые дужки его очков так плотно сидели, что оставляли глубокие вмятины на голове, однако он не мог позволить себе купить новые.

Посмотрев на меня, Захария произнес: «Сестра моя вовсе спятила, раз не хочет за эти клетки денег».

Дебора сделала круглые глаза и стукнула его палкой по ноге, сказав: «Веди себя хорошо или не пойдешь смотреть клетки».

Захария перестал смеяться и последовал за нами к лаборатории Кристофа Ленгауэра. Через несколько минут Кристоф прошел через холл здания и с улыбкой направился к нам, протягивая руку. Ему было тридцать с небольшим. Пышная русая шевелюра. Одет он был в идеально потертые синие джинсы и синюю клетчатую рубашку. Пожав руку мне и Деборе, он протянул руку Захарии, однако тот не шелохнулся.

«Ладно, — произнес Кристоф, глядя на Дебору, — должно быть, вам очень тяжело прийти в лабораторию больницы Хопкинса после всего того, через что вы прошли. Я действительно очень рад видеть вас здесь».

Он говорил с австрийским акцентом, который заставил Дебору наморщить брови, когда Кристоф отвернулся нажать кнопку вызова лифта. «Я подумал, что мы начнем с морозильной камеры, где я смогу показать, как мы храним клетки вашей матери, а затем можно пойти посмотреть их живьем в микроскоп».

«Прекрасно», — ответила Дебора, как будто он предложил

нечто совершенно обыденное. В лифте она прижалась к Захарии, одной рукой опираясь на свою палку и держа в другой потертый словарь. Когда двери лифта открылись, мы гурьбой последовали за Кристофом через узкий длинный холл, стены и потолок которого вибрировали, издавая низкое гудение, пока мы шли. «Это система вентиляции, — крикнул Кристоф. — Она всасывает все химикаты и клетки и выводит их наружу, чтобы нам не приходилось их вдыхать».

Он кинулся открывать дверь своей лаборатории и широким приветственным жестом предложил нам войти. «Вот здесь мы храним все свои клетки», — крикнул он, стараясь перекричать оглушающий механический гул, из-за которого слуховые аппараты Деборы и Захарии заскрежетали. Захария резко поднял руку и выдернул аппарат из уха. Дебора отрегулировала громкость своего устройства и прошла мимо Кристофа в комнату, где от стены до стены друг на друге стояли белые морозильные камеры, шумя, как море стиральных машин в промышленной прачечной. Она бросила на меня взгляд широко открытых, испуганных глаз.

Кристоф потянул ручку белого морозильника высотой от пола до потолка; тот с шипением открылся, выпустив в комнату облако пара. Дебора закричала и, отпрыгнув, спряталась за Захарию, который стоял с невыразительной миной, засунув руки в карманы.

«Не беспокойтесь, — прокричал Кристоф — это не опасно, это просто холод. В этих морозильных установках не минус двадцать по Цельсию, как в морозилках у вас дома, здесь минус восемьдесят. Вот почему, когда я открываю их, наружу вырывается пар». И он сделал Деборе знак подойти поближе.

«Он полон ее клеток», — пояснил Кристоф.

Дебора отпустила Захарию и подошла чуть ближе, пока ледяной ветер не ударил ей в лицо, да так и застыла, разглядывая тысячи пластиковых пробирок в дюйм [2,54 см] высотой, наполненных красной жидкостью.

«О Боже! — ахнула она — Поверить не могу, что все это — моя мать».

Захария смотрел молча.

Тем временем Кристоф подошел к морозильнику, вытащил одну пробирку и показал на надпись сбоку: HeLa. «Здесь внутри миллионы и миллионы ее клеток, — сказал он, — может быть, миллиарды. Они могут тут храниться всегда. Пятьдесят лет, сто, даже больше, потом их просто оттаивают, и они начинают расти».

Рассказывая, какую осторожность следует соблюдать при обращении с клетками, он покачал в руках пробирку с HeLa. «У

нас есть дополнительная комната специально для клеток. Это важно. Потому что если их чем-то загрязнить, то их нельзя будет больше использовать. И нельзя допустить, чтобы клетки HeLa заразили другие культуры в лаборатории».

«Именно это и случилось в России, верно?» — уточнила Дебора.

Кристоф посмотрел на нее внимательно и ухмыльнулся. «Да, — подтвердил он. — Точно. Замечательно, что вы об этом знаете». Он объяснил, как возникла проблема с загрязнением HeLa, а затем добавил: «Ее клетки причинили убытков на миллионы долларов. Как будто в некотором смысле идеальная справедливость, не так ли?»

«Моя мать просто отомстила ученым за то, что они скрывали все эти секреты от семьи, — заявила Дебора. — Не связывайтесь с Генриеттой — она нашлет HeLa на вашу задницу!»

Все рассмеялись.

Кристоф протянул руку к морозильнику у себя за спиной, схватил еще одну пробирку с клетками HeLa и подал Деборе, глядя на нее мягким взглядом. Какое-то время она стояла, не шелохнувшись, уставившись на его протянутую руку, потом взяла пробирку и начала быстро тереть ее между ладонями, как будто пыталась согреться зимой.

«Ей холодно», — сказала Дебора, сложив ладони и дуя на пробирку. Кристоф дал нам знак следовать за ним в инкубатор, где он отогревал клетки, но Дебора не двинулась с места. Захария и Кристоф ушли, и тогда она подняла пробирку и коснулась ее губами.

«Ты знаменита, — прошептала она. — Просто никто об этом не знает».

Кристоф привел нас в небольшую лабораторию, заставленную микроскопами, пипетками и контейнерами, на которых сбоку красовались надписи BIOHAZARD («Биологическая опасность») и DNA (ДНК). Указав на вентиляционные колпаки на столах, он пояснил: «Мы не хотим, чтобы рак распространился тут повсюду, поэтому эти штуки засасывают воздух в систему фильтрации, которая улавливает и убивает любые клетки, летающие вокруг».

Он объяснил, что такое культуральная среда и как он переносит клетки из морозильника в инкубатор для выращивания. «В конце концов они заполняют вон те большие бутыли сзади, — сказал он, показывая на ряды емкостей объемом в галлон. — Потом мы ставим над ними эксперименты; например, если нашли новое лекарство от рака, то наливаем его на клетки и смотрим, что произойдет». Захария и Дебора кивали, когда

Кристоф рассказывал, что лекарства сначала проверяют на клетках, потом на животных и, наконец, на людях.

Кристоф встал на колени перед инкубатором, засунул руку внутрь и вытащил тарелку, на которой росли HeLa. «Они действительно очень-очень маленькие, эти клетки, — произнес он, — вот почему мы сейчас пойдем к микроскопу, чтобы я мог вам их показать». Он щелкнул выключателями электропитания, поставил тарелку на подставку микроскопа и указал на небольшой экран, закрепленный на микроскопе, который загорелся флюоресцентным зеленым светом. Дебора открыла рот от удивления.

«Какой прелестный цвет!»

Кристоф нагнулся над микроскопом, чтобы настроить фокус на клетки, и на экране появилось изображение, больше похожее на туманную зеленую воду из пруда, чем на клетки. «При таком увеличении вы мало что можете увидеть, — сказал он. — Изображение на экране такое скучное, потому что клетки настолько малы, что иногда их невозможно увидеть даже через микроскоп». Он нажал на небольшую кнопку и сделал увеличение еще больше, пока мутное море зеленого не превратилось в экран, полный сотен отдельных клеток с темной набухшей сердцевиной.

«О-о, — прошептала Дебора, — вот они». Она протянула руку и коснулась экрана, водя пальцем от одной клетки к другой.

Кристоф обвел пальцем контур клетки. «Это все одна клетка. Она похожа на треугольник с кружочком посередине, видите?»

Он взял лист черновой бумаги, и в течение почти получаса рисовал схемы и объяснял основы биологии клеток, а Дебора задавала вопросы. Захария включил свой слуховой аппарат и пододвинулся поближе к Кристофу и листочку со схемой.

«Все всегда говорят о клетках и ДНК, — сказала она в какой-то момент, — но я не понимаю, где ДНК и где ее клетки».

«А! — взволнованно ответил Кристоф. — ДНК находится внутри клетки! Внутри каждого ядра, если рассматривать его при большом увеличении, можно увидеть кусочек ДНК, примерно вот такой, — и он нарисовал длинную волнистую линию. — В каждом ядре человеческой клетки сорок шесть таких участков ДНК. Они называются хромосомами — это как раз те ярко окрашенные штуки на большой фотографии, которую я вам дал».

«О! Мой брат повесил эту фотографию дома на стену рядом с фотографиями нашей матери и сестры, — сказала Дебора и посмотрела на Захарию. — Ты знал, что это тот самый человек, который дал тебе эту фотографию?»

Захария кивнул, не поднимая глаз, и его губы изобразили вполне явную улыбку.

«Внутри ДНК на этой фотографии хранится вся генетическая информация, благодаря которой Генриетта является *Генриеттой,* — рассказывал им Кристоф. — Ваша мать была высокого или низкого роста?»

«Невысокой».

«И у нее были темные волосы, верно?»

Мы дружно кивнули.

«Так вот, вся эта информация хранится в ДНК, — объяснил он. — И ее рак тоже — он возник из-за ошибки в ДНК».

Лицо Деборы вытянулось. Ей часто приходилось слышать, что она унаследовала некоторые ДНК от этих клеток своей матери, и ей не хотелось думать, что рак ее матери тоже был в этих ДНК.

«Такие ошибки могут возникать при воздействии химикатов или радиации, — сказал Кристоф, — но у вашей матери ошибка была вызвана вирусом папилломы человека, — вирусом генитальных бородавок. К счастью для вас, дети не наследуют от родителей подобные изменения ДНК, которые могут возникнуть только при контакте с вирусом».

«То есть у нас нет того, что заставило ее клетки расти вечно?» — спросила Дебора. Кристоф покачал головой. «Теперь вы мне говорите, после стольких-то лет! — воскликнула Дебора. — Спасибо, Господи, потому что я хотела это знать!»

Она указала на клетку на экране, которая казалась длиннее других: «Это раковая, да? А остальные ее клетки нормальные?»

«На самом деле, *все* клетки HeLa раковые», — уточнил Кристоф.

«Погодите-ка, — удивилась Дебора, — вы хотите сказать, что ни одной здоровой клетки нашей матери нет в живых? Только ее раковые клетки?»

«Совершенно верно».

«О! А я-то все это время думала, что *нормальные* клетки моей матери по-прежнему живы!»

Кристоф опять склонился над микроскопом и начал быстро перемещать клетки по экрану, пока не воскликнул: «Вот, смотрите! Видите эту клетку? — и указал на центр экрана. — Видите, какое у нее большое ядро, которое выглядит так, будто его кто-то сжал пальцами посередине и почти разделил на две половинки? Эта клетка делится надвое прямо у вас на глазах! И обе получившиеся клетки будут содержать ДНК вашей матери».

«Господи, помилуй», — прошептала Дебора, прикрыв рот рукой.

Кристоф продолжал рассказывать о делении клеток, но Дебора не слушала. Она стояла, как зачарованная, и смотрела, как одна из клеток ее матери делится пополам, так же, как они

делали, когда Генриетта еще была в утробе матери.

Дебора и Захария уставились на экран, будто в трансе, с открытыми ртами и обвисшими щеками. Впервые со времен своего детства они видели так близко свою мать живой.

После долгой паузы Захария заговорил.

«Если все это клетки нашей матери, — произнес он, — то как получается, что они не черные, хотя она была черной?»

«Клетки не имеют цвета под микроскопом, — пояснил ему Кристоф. — Они все выглядят одинаково — прозрачными, до тех пор, пока мы не окрасим их красителем. Глядя на клетки, невозможно сказать, какого цвета кожа у человека». Он предложил Захарии подойти поближе: «Хотите посмотреть на них в микроскоп? Тут они лучше видны».

Кристоф показал Деборе и Захарии, как пользоваться микроскопом: «Смотрите в окуляр вот так… снимите очки… теперь поверните эту ручку, чтобы настроить фокус». Наконец, клетки попали в поле зрения Деборы. В этот момент она видела в микроскоп только океан клеток своей матери, окрашенных в божественный светящийся зеленый цвет.

«Они *красивы»,* — прошептала она и опять приникла к микроскопу, разглядывая клетки в полном молчании. В конце концов, не отрывая взгляда от клеток, она сказала: «Боже, никогда не думала, что увижу свою мать под микроскопом, я никогда не надеялась, что этот день наступит».

«Ну да, думаю, больница Хопкинса напортачила, как только могла», — заметил Кристоф.

Дебора резко выпрямилась и глянула на него, ошеломленная тем, что это произнес ученый, работающий — ни много ни мало — в больнице Хопкинса. Затем она вновь склонилась над микроскопом и произнесла: «Больница Джона Хопкина — школа знаний, и это важно. Но это же моя мать. Кажется, никто этого не понимает».

«Верно, — ответил Кристоф. — Во всех научных книгах пишут: „HeLa — то, HeLa — это“. Некоторые знают, что это начальные буквы имени человека, но не знают, кто этот человек. А ведь это важно».

Дебора выглядела так, как будто хотела броситься ему на шею. «Поразительно», — сказала она, тряхнув головой и посмотрев на Кристофа, как на мираж.

Внезапно Захария начал кричать что-то о Джордже Гае. Дебора сильно ударила его своей палкой по носку обуви, и он замолчал на полуслове.

«Захария очень злится из-за всего, что происходит, — объяснила она Кристофу. — Я пытаюсь заставить его сохранять

спокойствие. Иногда он взрывается, но пытается держать себя в руках».

«Я не виню вас за злость», — ответил Кристоф. Потом он показал им каталог, которым пользовался для заказа клеток HeLa. Там перечислялись разнообразные клоны HeLa, которые любой мог купить по 167 долларов за пробирку.

«Вы должны взять это», — сказал Кристоф Деборе и Захарии.

«Ну да, конечно, — ответила Дебора. — Что я буду делать с пробиркой с клетками своей матери?» — рассмеялась она.

«Нет, я хотел сказать, вы должны получать эти деньги. Хотя бы часть».

«Ох, — ответила Дебора, потрясенная, — да ну. Знаете, когда люди слышат, кто такая HeLa, то первое, что они говорят, это: „Да вы все должны быть миллионерами!“»

Кристоф согласно кивнул. «Все начиналось с ее клеток, — произнес он. — Если существует лекарство от рака, то, несомненно, во многом благодаря клеткам вашей матери».

«Воистину! — ответила Дебора и с некоторой злостью добавила: — Люди всегда будут делать деньги на этих клетках, ничего нам с этим не поделать. Но мы с этих денег ничего не получим».

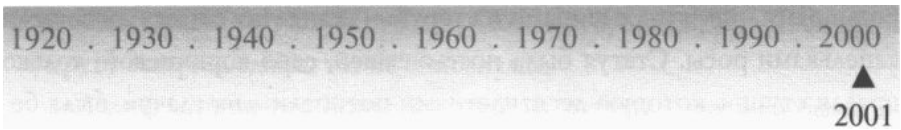
Кристоф возразил, что, по его мнению, это неправильно. Почему не относиться к ценным клеткам так же, как, например, к нефти. Когда на чьей-то земле находят нефтяное месторождение, оно не принадлежит автоматически владельцу земли, но он получает свою долю от прибылей. «Никто сегодня не знает, как поступить, если такое происходит с клетками, — сказал он. — В те времена, когда заболела ваша мать, врачи делали, что хотели, а пациенты не задавали вопросов. Однако сегодня пациенты желают знать, что происходит».

«Воистину!» — произнесла Дебора еще раз.

Кристоф оставил им номер своего мобильного телефона и сказал, что, если у них появятся вопросы о клетках их матери, они могут звонить ему в любое время. Пока мы шли к лифту, Захария протянул руку, коснулся спины Кристофа и сказал ему: «Спасибо!» Когда мы вышли из здания, он сказал мне то же самое, а затем свернул, чтобы сесть на автобус до дома.

Мы с Деборой молча стояли и смотрели, как он уходит. Потом она обняла меня и произнесла: «Девочка, ты только что стала свидетелем чуда».

33
«Больница для сумасшедших негров»



Я пообещала Деборе, что мы вместе сделаем несколько дел: первым было увидеть клетки ее матери, а вторым — выяснить, что произошло с Эльси. Поэтому на следующий день после посещения лаборатории Кристофа мы отправились с ней в недельное путешествие, которое началось в Краунсвилле, где мы надеялись найти медицинские записи ее сестры, продолжилось в Кловере и закончилось в Роаноке — в доме, где родилась Генриетта.

Был День матери — всегда грустный для Деборы, и этот тоже начался не очень удачно. Прежде чем уехать из города, она собиралась отвезти своего внука Альфреда в тюрьму повидаться с отцом. Однако ее сын позвонил сказать, что не хочет, чтобы Дебора или маленький Альфред приезжали до тех пор, пока ему не разрешат свидания не через стекло. Он сказал, что хотел бы узнать о своей бабушке Генриетте, и попросил Дебору отправить ему любую информацию, которую мы найдем в поездке.

«Всю жизнь я ждала, что он произнесет эти слова, — плача, сказала она. — Мне только не хотелось, чтобы для этого ему пришлось оказаться взаперти в тюрьме». Но затем повторила: «Это меня не остановит. Я хочу сосредоточиться лишь на хорошем, например что я увижу клетки своей матери и узнаю о сестре». Итак, мы отправились в Краунсвилл, каждая на своей машине.

Не знаю, какой я ожидала увидеть бывшую «больницу для сумасшедших негров», но уж точно не такой, какой она предстала перед нашими глазами. Больничный центр в Краунсвилле оказался раскинувшимся на 1200 акров [480 га] кампусом с ярко-зелеными холмами, идеально подстриженными газонами, пешеходными дорожками, плакучими вишневыми деревьями и столиками для пикников. Веранда основного здания из красного кирпича с белыми колоннами была украшена широкими креслами и люстрами. На вид это было приятное местечко, где хорошо потягивать мятный джулеп или сладкий чай. В одном из старых больничных зданий теперь находился продовольственный банк; в других располагались Отдел расследования уголовных преступлений, альтернативная средняя школа и отделение

Ротари-клуба.

Войдя в главное здание, мы прошли мимо пустых кабинетов и попали в длинный пустой белый коридор, говоря: «Привет», «Есть кто-нибудь?» и «Странное место». Потом в конце коридора мы обнаружили белую дверь, покрытую многолетним слоем грязи и отпечатков пальцев. На ней кривыми печатными трафаретными буквами было выведено: «МЕДИЦИНСКИЕ ЗАПИСИ». Ниже надпись буквами помельче гласила: «ПРОХОДА НЕТ».

Дебора взялась за дверную ручку и глубоко вздохнула. «Мы готовы к этому?» — спросила она. Я кивнула. Схватив одной рукой меня за руку, второй она открыла дверь, и мы шагнули внутрь.

Мы оказались в прочной белой железной кабине, которая вела в комнату медицинских записей — пустое, размером со склад помещение, в котором не было ни персонала, ни больных, ни стульев, ни посетителей, ни медицинских записей. Окна были заперты и затянуты проволокой и грязью, а серый ковер пошел волнами из-за тысяч ног, ступавших по нему за десятки лет. Вдоль комнаты стояла стена из шлакоблоков по пояс высотой, разделявшая зону ожидания от зоны AUTHORIZED PERSONNEL ONLY («Только для сотрудников»), где стояло несколько рядов высоких пустых металлических полок.

«Не могу в это поверить, — прошептала Дебора. — Все записи пропали?» Она провела рукой по пустым полкам, бормоча: «1955-й — в этот год они ее убили… я хочу эти записи… я знаю, что это было что-то нехорошее… Иначе с чего бы им было избавляться от них?»

Не было нужды спрашивать, действительно ли в Краунсвилле произошло что-то ужасное — мы ощущали ужас, исходивший от самих стен.

«Пойдем, найдем кого-нибудь, кто сможет нам что-нибудь рассказать», — предложила я.

Мы забрели в другой длинный коридор, и Дебора принялась кричать: «Простите! Нам нужно найти медицинскую запись. Кто-нибудь знает, где это?»

В конце концов из одного кабинета высунула голову молодая женщина и указала нам на другую дверь дальше по коридору, где еще кто-то отправил нас дальше. Наконец, мы очутились в кабинете высокого мужчины с густой белой бородой Санта Клауса и дикими кустистыми бровями. Дебора бросилась к нему со словами: «Привет, я Дебора, а это мой журналист. Возможно, вы слышали о нас, о моей маме в истории с этими клетками. Нам нужно найти одну медицинскую запись».

Мужчина улыбнулся. «Кем была ваша мать и о каких клетках

идет речь?» — уточнил он.

Мы объяснили причину своего визита, и он ответил, что медицинские записи хранятся в другом здании и вообще от прошлого в Краунсвилле мало что сохранилось. «Хотел бы я, чтобы у нас был архивист, — заметил он, — боюсь, что я вроде бы как выполняю его работу».

Мужчину звали Пол Лурц, по должности он был директором по развитию персонала. Однако он также исполнял роль социального работника, специализировавшегося в области истории — его основной страсти. Он пригласил нас пройти в его кабинет.

«В сороковых и пятидесятых годах на лечение черных выделялось не слишком много средств, — произнес он. — Боюсь, в те времена Краунсвилл был не самым приятным местом».

Он взглянул на Дебору: «Ваша сестра находилась здесь?»

Та кивнула.

«Расскажите мне о ней».

«Мой отец говорит, что в голове она навсегда осталась ребенком», — ответила она, достала из кошелька помятую копию свидетельства о смерти Эльси и принялась медленно читать его вслух: «Эльси Лакс… причина смерти: а) дыхательная недостаточность, б) эпилепсия, в) церебральный паралич… Провела пять лет в Краунсвилльской государственной больнице». Она передала Лурцу фотографию своей сестры, висевшую раньше на стене у Захарии: «Не верю, что у моей сестры было все это».

Лурц покачал головой. «Судя по этой фотографии, не похоже, что у нее церебральный паралич. Какой красивый ребенок».

«У нее бывали припадки, — сказала Дебора, — и она так и не смогла научиться пользоваться туалетом. Но мне кажется, она просто была глухой. У меня и моих братьев есть небольшая глухота из-за нерва, потому что наши родители — двоюродные брат и сестра и у них был сифилис. Иногда я думаю, что если бы кто-нибудь научил мою сестру языку глухонемых, то она, может быть, была бы до сих пор жива».

Лурц, скрестив ноги, сидел на стуле и рассматривал фотографию Эльси. «Вы должны быть готовы, — мягко сказал он Деборе, — иногда знание может приносить такую же боль, как и незнание».

«Я готова», — ответила она, кивнув.

«У нас были серьезные проблемы из-за асбеста, — сказал он. — Пострадала большая часть наших записей пятидесятых годов и ранее. Вместо того чтобы очистить каждую страницу записей, дабы сохранить их, администрация решила сложить все в мешки и захоронить».

Он прошел в камеру хранения рядом со своим столом, вдоль стен которой выстроились ряды полок и картотечных шкафов. В дальнем углу лицом к стене был втиснут небольшой столик. Лурц начал работать здесь с 1964 года, будучи еще двадцатилетним студентом-интерном, и имел привычку собирать документы, потенциально обладающие исторической ценностью: истории болезни, копии старых отчетов о приеме больных, которые привлекли его внимание, — наподобие малыша-сироты, поступившего слепым на один глаз и с деформациями лица, или ребенка постарше, госпитализированного без каких-либо явных психиатрических отклонений.

Лурц скрылся в хранилище, и оттуда послышалось ворчание вперемешку с громкими глухими ударами и шаркающими звуками: «Было тут несколько… я их вытаскивал пару недель назад… А! Вот они». Он вышел из камеры, неся в руках пачку распухших книг с толстыми кожаными корешками и темно-зелеными тряпичными переплетами. Все они покоробились от времени и были покрыты пылью, а толстая бумага внутри пожелтела.

«Вот отчеты о вскрытии», — произнес он, открывая первую книгу. В комнате сразу запахло плесенью. По его словам, он наткнулся на них, осматривая подвал заброшенного здания больницы где-то в восьмидесятых. Когда он впервые открыл эти книги, по столу забегали сотни жуков, прятавшихся между страниц.

Между 1910 годом, годом открытия больницы, и концом 1950-х годов, когда выяснилось, что записи повреждены, через Краунсвилльскую больницу прошли десятки тысяч пациентов. Записи о них, если бы они сохранились, могли бы несколько раз заполнить небольшое хранилище Лурца. Теперь же эта стопка — все, что осталось от Краунсвилла тех лет.

Лурц вытащил том, в котором были некоторые отчеты за 1951 год, когда умерла Эльси, и Дебора взвизгнула от волнения.

«Как вы говорите, было ее полное имя?» — спросил Лурц, ведя пальцем по списку имен, написанному аккуратным почерком рядом с номерами страниц.

«Эльси Лакс», — ответила я, внимательно разглядывая имена у него из-за плеча, в то время как мое сердце билось как сумасшедшее. Вдруг я изумленно указала на слова «Эльси Лакс», написанные на странице, и воскликнула: «О, Боже мой! Вот она!»

Дебора перестала дышать, ее лицо вдруг сделалось пепельным. Она закрыла глаза, схватила мою руку, чтобы успокоиться, и зашептала: «Спасибо тебе, Господи… Спасибо тебе, Господи».

«Ух ты. Вот так сюрприз, — сказал Лурц, — я почти не верил, что мы найдем ее в списке».

Мы с Деборой начали скакать вокруг и хлопать в ладоши. Не важно, о чем говорилось в этих записях, в любом случае мы узнаем что-то о жизни Эльси. Нам казалось, что это было лучше, чем не знать совсем ничего.

Лурц открыл страницу с данными Эльси, затем быстро закрыл глаза и прижал книгу к груди, прежде чем мы успели что-либо увидеть. «Никогда не видел фотографию из одного из этих отчетов», — прошептал он.

Он опустил книгу пониже, чтобы мы тоже могли видеть, и мне вдруг показалось, что время остановилось. Втроем мы стояли, почти касаясь головами страницы, и Дебора закричала: «О, моя малышка! Она прямо как моя дочь!.. Она прямо как Дэвон!.. Она прямо как мой отец!.. У нее гладкая оливковая кожа Лаксов».

Лурц и я молча уставились на фотографию.

На ней Эльси стояла перед стеной с нарисованными цифрами для измерения роста. Ее курчавые волосы, которые когда-то часами расчесывала и заплетала Генриетта, были с большими колтунами, которые заканчивались прямо под отметкой в пять футов позади девочки. Ее когда-то красивые глаза были выпучены, слегка налиты кровью и почти закрыты из-за отека. Она плакала и глядела куда-то чуть ниже уровня фотоаппарата, ее лицо было уродливым и почти неузнаваемым, ноздри были воспалены и в соплях; губы распухли почти в два раза по сравнению с нормальным размером и были окружены глубоким темным кольцом потрескавшейся кожи; язык распух и выдавался изо рта. Казалось, она кричит. Голова Эльси была неестественно развернута влево, ее подбородок подняли и удерживали на месте две большие белые руки.

«Она не хочет так поворачивать голову, — прошептала Дебора. — Почему они так держат ее?»

Никто не ответил. Мы все просто стояли, уставившись на эти большие белые руки на шее Эльси. Они были женственными, с тщательно сделанным маникюром, слегка розоватыми — такие руки ожидаешь увидеть в рекламе лака для ногтей, а не на горле плачущего ребенка.

Дебора положила свою старую фотографию Эльси, где она еще маленькая девочка, рядом с новой фотографией.

«О, она была красивой», — прошептал Лурц.

Дебора провела пальцем по лицу Эльси на сделанной в Краунсвилле фотографии. «Кажется, будто она задается вопросом, где я, — сказала она. — Кажется, ей нужна ее сестра».

Фотография была верхним углом скреплена с отчетом о

вскрытии Эльси, который я и Лурц начали читать, произнося некоторые фразы вслух: «Диагноз „идиотия“… напрямую связан с сифилисом… самопроизвольная рвота, вызванная тем, что больная засовывала пальцы в горло за шесть месяцев до смерти». В конце говорилось, что ее «рвало кофеподобной субстанцией», которая, возможно, была сгустками крови.

Как только Лурц прочел вслух фразу «рвало кофеподобной субстанцией», в кабинет ворвался низенький толстый лысый мужчина в темном деловом костюме, который приказал мне прекратить делать заметки и потребовал сообщить, что мы здесь делаем.

«Это члены семьи пациентки, — отрывисто ответил Лурц. — Они пришли посмотреть медицинские записи больной».

Мужчина замолчал, посмотрел сначала на Дебору, потом на меня: невысокая пятидесятилетняя черная женщина и высокая двадцатилетняя белая женщина. Дебора сжала свою палку и пристально посмотрела ему в глаза; ее взгляд почти умолял его вступить с ней в бой. Она залезла в сумку и вытащила три листка бумаги: свое свидетельство о рождении, свидетельство о рождении Эльси и официальный документ, дающий ей право выступать доверенным лицом Эльси. Дебора потратила не один месяц, чтобы получить этот документ — на тот случай, если кто-то попытается помешать ей делать именно то, чем мы занимались в данный момент.

Она передала документы мужчине, который схватил книгу с отчетами о вскрытии и принялся читать. Мы с Деборой глядели на него, и обе были настолько разозлены его попыткой нас остановить, что не понимали, что перед нами — один из немногих официальных представителей больницы, кто когда-либо пытался защитить частную жизнь семьи Лакс.

«Может ли Дебора получить копию отчета о вскрытии?» — спросила я.

«Да, может, — ответил он, — если напишет письменный запрос». С этими словами он схватил со стола лист бумаги и передал его Деборе.

«Что я должна написать?» — поинтересовалась она.

Лурц начал диктовать: «Я, Дебора Лакс…»

Через несколько минут она составила официальный запрос на медицинские записи на обрывке бумаги, передала его Лурцу и сказала: «Еще мне нужна как следует увеличенная копия этой фотографии».

Прежде чем пойти снимать копии, Лурц, за спиной у которого неотступно маячил лысый мужчина, передал мне пачку фотографий и документов, чтобы я их посмотрела во время его

отсутствия. Первым документом в пачке оказалась статья из *Washington Post* за 1958 год — три года спустя после смерти Эльси — со следующим заголовком:

> ПЕРЕПОЛНЕННАЯ БОЛЬНИЦА «ТЕРЯЕТ» БОЛЬНЫХ, КОТОРЫХ МОЖНО БЫЛО БЫ ВЫЛЕЧИТЬ
>
> *Из-за нехватки персонала в Краунсвилле больные становятся хрониками*

Прочтя заголовок, я сразу перевернула статью текстом вниз и положила себе на колени. Сначала я решила вообще не показывать ее Деборе. Я подумала, что, возможно, мне стоит сначала прочесть статью самой, чтобы я могла подготовить Дебору к любым ужасам, которые, может быть, нам придется узнать. Но она выхватила статью у меня из рук и прочла заголовок вслух, после чего ошеломленно подняла глаза.

«Это хорошо, — заявила она, ткнув пальцем в крупную иллюстрацию, на которой была группа людей в различных состояниях, свидетельствовавших о безнадежности: некоторые держались за голову, другие лежали на полу или скучивались по углам, — хочу повесить ее дома на стену». Она вернула мне статью и попросила прочесть ее вслух.

«Ты уверена? — уточнила я — Возможно, тут говорится о таких вещах, которые могут сильно расстроить. Хочешь, я сначала прочитаю сама и расскажу тебе, о чем тут написано?»

«Нет, — резко ответила она. — Он же нам сказал, что у больницы не было денег, чтобы ухаживать за черными».

Она шла у меня за спиной и из-за плеча следила, как я читала, затем быстро просмотрела страницу и указала на несколько слов: «Отвратительные? Страшные палаты для черных?»

Больница в Краунсвилле, в которой умерла Эльси, была куда хуже, нежели Дебора могла себе представить. Больных доставляли из близлежащего заведения поездом. В 1955 году — в год смерти Эльси — население Краунсвилла достигло рекордно высокой отметки и составляло более 2700 пациентов, — то есть почти на восемьсот человек больше максимальной вместимости больницы. В 1948 году — единственном, по которому были доступны данные — на одного врача приходилось в среднем 225 больных, и уровень смертности был намного выше процента выписавшихся. Пациенты были заперты в плохо вентилируемых палатах со стоком в полу вместо туалета. Черные мужчины, женщины и дети со всевозможными заболеваниями — от слабоумия и туберкулеза до «раздражительности», «недостатка уверенности в себе» и эпилепсии — занимали любое имеющееся

пространство, включая подвальные комнаты без окон и запертые веранды. Если и были кровати, то на них, как правило, на двухместном матрасе спали по двое или больше, головой к ногам. Обитателям больницы приходилось пробираться через море спящих тел, чтобы добраться до своих кроватей. Их не делили по возрасту и полу, и среди них часто попадались половые преступники. Случались бунты, попадалось самодельное оружие. Непослушных пациентов привязывали к их кроватям или отселяли в запертые комнаты.

Позже я узнала, что, когда Эльси находилась в Краунсвилле, ученые часто проводили на пациентах исследования без их согласия, включая исследование под названием «Изучение пневмоэнцефалограмм и рентгена черепа 100 больных эпилепсией». Техника пневмоэнцефалографии была разработана в 1919 году для получения снимков мозга, окруженного жидкой средой. Эта жидкость защищает мозг от повреждений, однако усложняет выполнение рентгеновского снимка, потому что изображение сквозь жидкость получается туманным. Технология пневмоэнцефалографии предполагает сверление дырок в черепе подопытных, спуск жидкости, окружающей мозг, и накачивание в череп воздуха или гелия вместо жидкости, чтобы получить четкий рентгеновский снимок мозга через череп. Побочные эффекты — сильные головные боли, головокружение, припадки, рвота — длятся до тех пор, пока организм не восстановит естественным образом внутричерепную жидкость за счет ликвора; обычно на это требуется от двух до трех месяцев. Поскольку пневмоэнцефалография может вызвать долговременное повреждение мозга и паралич, в 1973 году она была запрещена.

Нет доказательств, что ученые, проводившие исследования над пациентами Краунсвилльской больницы, получали согласие от самих пациентов либо от их родителей или опекунов. Позднее Лурц сказал мне, что, судя по числу подопытных больных, указанному в исследовании пневмоэнцефалографии, и по годам его проведения, в нем, по всей вероятности, был задействован каждый ребенок, больной эпилепсией, включая Эльси. То же самое касается как минимум еще одного исследования под названием «Использование глубоких височных отведений при исследовании психомоторной эпилепсии», при проведении которого в мозг пациентов вводились металлические зонды.

Вскоре после смерти Эльси в Краунсвилльской больнице сменился директор, и начали выпускать сотни безосновательно госпитализированных пациентов. В статье в *Washington Post* были процитированы его слова: «Самое худшее, что можно сделать с больным человеком, — это запереть дверь и забыть о нем».

Когда я прочла вслух эту фразу, Дебора прошептала: «Мы не забыли о ней. Моя мать умерла… никто мне не сказал, что сестра была здесь. Я бы вытащила ее».

Когда мы собрались уезжать из Краунсвилла, Дебора поблагодарила Лурца за информацию: «Я ждала этого дня долго, очень долго, доктор». Он спросил, в порядке ли она, и Дебора ответила: «Как я всегда говорю своим братьям: если собираешься узнать историю, нельзя делать это с ненавистью в душе. Нужно помнить, что времена были другие».

Выйдя на улицу, я спросила Дебору, точно ли она нормально себя чувствует, но она лишь рассмеялась в ответ, будто я сошла с ума. «Отличная была идея сделать здесь остановку, — сказала она, после чего поспешила на парковку, влезла в машину и опустила стекло. — Куда дальше поедем?»

Лурц упомянул, что все прочие сохранившиеся старые записи больницы в Краунсвилле хранятся в Аннаполисе, в Государственном архиве Мэриленда, примерно в семи милях от больницы. Он полагал, что у них ничего не осталось с пятидесятых годов, но не помешало бы выяснить это точно.

«Едем в Аннаполис посмотреть, есть ли у них еще медицинские записи о моей сестре».

«Не уверена, что это хорошая мысль, — ответила я. — Передохнуть не хочешь?»

«Ни в коем случае! — крикнула Дебора. — Нам еще нужно кучу всего узнать, мы только напали на след!» В машине она издала боевой клич, улыбнулась и помахала мне в окно новой фотографией своей сестры, пока я прыгала в свою машину, чтобы следовать за ней.

Где-то десять минут спустя, когда мы остановились на парковке Государственного архива, Дебора скакала на сиденье своей машины, а музыка в стиле госпел гремела так громко, что я могла слушать ее за закрытыми окнами своей машины. Когда мы вошли внутрь здания, она прямиком отправилась к стойке администратора, вытащила из сумки медицинские записи своей матери и помахала ими над головой со словами: «Они назвали мою мать HeLa! Она во всех компьютерах!»

Я облегченно вздохнула, когда архивариус сообщил, что медицинских записей Эльси у них нет. Не знаю, сколько еще могла вынести Дебора, и меня пугала мысль о том, что еще мы могли бы найти.

Остаток дня прошел как в тумане. Всякий раз, когда мы останавливались по пути в Кловер, Дебора выпрыгивала из машины, прижав груди новую фотографию своей сестры, и совала

ее в лицо каждому встречному: какой-то женщине на перекрестке, мужчине, заправлявшему нас бензином, пастору в небольшой церкви и нашей горничной. Каждый раз она произносила: «Привет, меня зовут Дебора, а это — мой журналист. Наверное, вы слышали о нас, моя мама вошла в историю из-за этих клеток, и мы только что нашли вот эту фотографию моей сестры!»

Каждый раз реакция людей была одинакова: полнейший ужас. Однако Дебора этого не замечала. Она лишь улыбалась, смеялась и говорила: «Я так счастлива, что наши поиски продвигаются так успешно!»

В тот же день история с этой фотографией мало-помалу стала обрастать деталями. В какой-то момент Дебора заявила: «Она немного опухшая от слез, потому что скучает по моей матери». В другой раз она сказала одной женщине: «Моя сестра расстроена, потому что искала меня, но не могла найти».

Время от времени она останавливалась на обочине и жестом предлагала мне остановиться рядом, чтобы поведать разные идеи, которые пришли ей в голову, пока она вела машину. В какой-то момент она решила, что ей нужно обзавестись сейфом в банке для хранения ценностей, чтобы класть туда Библию ее матери и локон ее волос; в другой раз спросила, стоит ли оформить авторские права на подпись Генриетты, чтобы никто не мог ее украсть. На автозаправке, пока мы стояли в очереди в туалет, она достала из своего рюкзака молоток и произнесла: «Мне бы хотелось, чтобы семья отдала мне дом-пристройку, где я могла бы устроить историческое место. Но они не дадут, поэтому я заберу дверную ручку, чтобы у меня осталось хоть что-нибудь на память».

Была минута, когда она вылезла из своей машины, чуть не плача. «Я с трудом следила за дорогой, — пожаловалась она. — Все время смотрела на фотографию моей сестры». Она вела машину, положив обе фотографии Эльси на пассажирское сиденье рядом с собой, и одновременно смотрела на них. «Не могу выкинуть все эти мысли из головы. Все время думаю, через что она должна была пройти за все эти годы, прежде чем умерла».

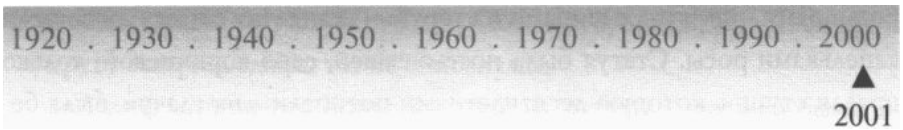
Я хотела забрать у Деборы фотографию, чтобы она перестала мучить себя, но попытайся я — она бы не позволила. Вместо этого я продолжала повторять, что, может быть, нам стоит вернуться домой, что эти два дня были очень насыщенными и, возможно, она не готова для столь обширных расследований за одну поездку. Но каждый раз Дебора отвечала, что я сошла с ума, если полагаю, будто она теперь остановится. И мы продолжали двигаться вперед.

Несколько раз в течение дня Дебора говорила, что мне стоит

взять медицинские записи ее матери в свой номер в гостинице, когда мы остановимся на ночлег. «Знаю, что тебе нужно читать каждую страницу, делать пометки и все такое, потому что тебе нужны все факты». Наконец, когда около девяти вечера мы зарегистрировались в гостинице где-то между Аннаполисом и Кловером, она дала мне эти записи.

«Я спать пойду, — сказала она, заходя в номер рядом с моим. — Разбирайся тут сама».

34
Медицинские записи



Через несколько минут у моей двери появилась Дебора. Она переоделась в безразмерную белую футболку, свисавшую ниже колен, на которой был изображен контур женщины, вытаскивающей из духовки печенье, с надписью GRANDMA («БАБУШКА») крупным детским почерком.

«Я решила не ложиться, — деловито пояснила она. — Хочу посмотреть на все эти штуки вместе с тобой». Она дергалась, как будто только что выпила несколько чашек кофе эспрессо. В одной руке она зажала фото Эльси из Краунсвилла, другой вытащила сумку, полную медицинских записей ее матери, из комода, куда я ее положила. Все содержимое сумки она вывалила на мою кровать — как и в первый вечер нашей встречи.

«Давай займемся», — предложила она.

Там было больше сотни страниц, многие из них помяты, сложены или порваны, и все разложены не по порядку. Довольно долго я стояла, ошеломленно уставившись на них, затем сказала, что, наверное, мы могли бы вместе отсортировать страницы, и потом я смогу найти то, что нужно скопировать.

«Нет! — воскликнула Дебора и нервно улыбнулась. — Мы можем только прочитать их здесь, и ты сможешь записывать, что надо».

«На это потребуется несколько дней», — ответила я.

«Ничуть», — не согласилась Дебора, перебравшись на четвереньках через гору бумаг, и села, скрестив ноги, в центре кровати.

Я выкатила кресло, открыла свой ноутбук и принялась сортировать. Тут был документ на собственность на небольшой участок земли в Кловере, который Дебора купила за две тысячи долларов — долю Деборы от денег, полученных Дэем в качестве компенсации по асбестовому иску; была полицейская фотография сына Лоуренса из газеты за 1997 год с заголовком: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ. ЛОУРЕНС ЛАКС, ОГРАБЛЕНИЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ СМЕРТЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ»; были формы заказа на приобретение клеток HeLa по Интернету, квитанции, информационные бюллетени из церкви Деборы и казавшиеся нескончаемыми копии фотографии Генриетты, где та стоит,

положив руки на бедра. Еще там были дюжины тетрадных страниц, на которых Дебора писала определения научных и юридических терминов, а также стихи о своей жизни:

рак
осмотр
не может себе позволить
но могут белые и богатые
моя мать была черной
у бедных черных нет денег, чтобы это оплатить
безумная, да, я сошла с ума
нас использовали, взяли нашу кровь и врали нам
Нам приходится платить за медицинское обслуживание, можешь ли ты помочь.
Больница Джона Хопкина и прочие места, где есть клетки моей матери, не дают ей
Ничего.

Пока я читала, Дебора схватила несколько скопированных страниц руководства по составлению генеалогического древа и протянула их мне со словами: «Вот откуда я научилась, как обратиться за помощью к юристу и собрать все эти штуки, чтобы получить информацию о моей сестре в Краунсвилле. Они не знали, с кем связались!» Она рассказывала и наблюдала, как мои руки пролистывают кучу записей.

Я поднесла близко к глазам одну из страниц, чтобы разобрать мелкий шрифт, и начала читать вслух: «Эта двадцативосьмилетняя… что-то… не могу разобрать почерк… резус-фактор положительный». Запись была датирована 2 ноября 1949 года.

«Ух ты! — внезапно воскликнула я. — Это за три дня до твоего рождения — твоя мать беременна тобой».

«Что? Боже мой! — закричала Дебора, схватила страницу и уставилась на нее, приоткрыв рот. — Что там еще написано?»

Я ответила, что это был плановый осмотр. «Смотри, — добавила я, ткнув пальцем в текст, — шейка ее матки расширилась на два сантиметра… Она собирается тебя родить».

Дебора запрыгала на кровати, хлопая в ладоши, и схватила другую страницу медицинских записей.

«Читай эту!»

Запись от 6 февраля 1951 года. «Примерно спустя неделю после ее первого визита в больницу с раком шейки матки, — сказала я. — Она просыпается от анестезии после биопсии. Написано, что чувствует себя хорошо».

Следующие несколько часов Дебора доставала мне из кучи документы для чтения и сортировки. В какой-то момент она взвизгнула от радости из-за факта, который я обнаружила, потом паниковала из-за другого, который ей не понравился, или из-за того, что увидела, как я держу страницу медицинских записей ее матери. Каждый раз, начиная паниковать, она хлопала по кровати и спрашивала: «Где отчет о вскрытии моей сестры?» или «О, нет, куда я сунула ключ от своего номера?»

Время от времени она прятала бумаги под подушку, затем вытаскивала их, когда решала, что мне было бы хорошо их увидеть. «Вот отчет о вскрытии моей матери», — произнесла она в какой-то момент. Через несколько минут она передала мне страницу, которую назвала своей любимой, потому что на ней была подпись ее матери — единственный образец почерка Генриетты, присутствовавший в записях. Это оказалась форма согласия, которую она подписала перед началом лечения радием, в процессе которого и был взят исходный образец HeLa.

В конце концов Дебора успокоилась, легла на свою сторону кровати и замерла там, свернувшись вокруг фотографии Эльси из Краунсвилльской больницы, — так надолго, что я решила, что она уснула. Затем она прошептала: «О, боже. Не нравится мне, как ее держат за шею», вслед за чем показала мне фотографию, указывая на белые руки.

«Да, мне это тоже не нравится», — ответила я.

«Знаю, что ты надеялась, что я этого не заметила, да?»

«Нет. Я знала, что ты обратила внимание».

И она опять положила голову на кровать. Так мы провели несколько часов: я читала и делала заметки; Дебора разглядывала фотографию Эльси в тишине, лишь иногда прерываемой ее редким комментарием: «Моя сестра выглядит испуганной…», «Не нравится мне это выражение ее лица…», «Она себя душила?», «Подозреваю, что когда она поняла, что больше никогда не увидит мою мать, то просто сдалась». Порой Дебора сильно мотала головой, будто пытаясь от чего-то освободиться.

Наконец, я откинулась на стуле и потерла глаза. Была уже середина ночи, а у меня еще оставалась большая кипа документов для сортировки.

«Ты могла бы подумать о том, чтобы сделать себе еще одну копию медицинских записей твоей матери и прошить ее, чтобы все страницы располагались по порядку», — заметила я.

Дебора покосилась на меня, внезапно что-то заподозрив. Она пересекла комнату и подошла к другой кровати, легла на нее и принялась читать отчет о вскрытии сестры, но через несколько минут вскочила и схватила свой словарь.

«Они поставили моей сестре диагноз *„идиотия“?»* — сказала она и принялась читать вслух определение. «Идиотия: чрезвычайно бестолковый или глупый». Она отшвырнула словарь. «И они говорят, что в этом и заключалась болезнь моей сестры? Она была *глупой?* Идиоткой? Как они могли сделать так?»

Я пояснила ей, что врачи используют слово *«идиотия»* для обозначения умственной отсталости, а также поражений мозга, сопутствующих наследственному сифилису. «Это было общее слово для обозначения того, кто отстал в развитии», — уточнила я.

Дебора села со мной рядом и указала на еще одно слово в отчете о вскрытии ее сестры. «Что оно значит?» — спросила она, и я ответила. Лицо Деборы вытянулось, челюсть отвисла, и она прошептала: «Не хочу, чтобы ты вставляла это слово в книгу».

«Не буду», — пообещала я и в это мгновение допустила ошибку. Я улыбнулась. Не потому, что считала, будто это смешно, а потому что подумала, как это мило, что она защищает свою сестру. Она никогда не говорила мне про ограничения для моей книги, и это слово я бы никогда не вставила в текст — оно не казалось мне важным. И я улыбнулась.

Дебора уставилась на меня. «Не вставляй это в книгу!» — произнесла она отрывисто.

«Не буду», — ответила я честно. Но я продолжала улыбаться — уже скорее из-за нервозности, нежели из-за чего-либо иного.

«Ты врешь», — закричала Дебора, перевернув мой магнитофон и сжав кулаки.

«Не буду, клянусь. Смотри, я сейчас запишу это на пленку, и ты можешь потом подать на меня в суд, если я вставлю это слово в книгу». Я нажала кнопку записи, произнесла в микрофон, что не буду вставлять это слово в книгу, и выключила магнитофон.

«Ты врешь! — опять крикнула Дебора, спрыгнула с кровати и встала передо мной, тыча пальцем мне в лицо. — Если ты не врешь, то почему улыбаешься?»

Она принялась яростно пихать бумаги в свои брезентовые сумки, пока я пыталась объясниться и отвлечь ее. Вдруг она швырнула сумку на кровать, кинулась ко мне, ударила меня кулаком в грудь так сильно, что отбросила меня к стене. Удары не давали дышать, а моя голова билась об штукатурку.

«На кого ты работаешь? — крикнула она. — На Джона Хопкина?»

«Чего? Нет! — закричала я, пытаясь сделать вдох. — Ты же знаешь, что я работаю на себя».

«Кто тебя прислал? Кто тебе платит? Кто оплатил этот номер?» — продолжала кричать она, все еще прижимая меня

рукой к стене.

«Мы уже говорили об этом! Помнишь? Кредитные карты! Студенческие займы!» — сказала я.

И тут, впервые со дня нашей встречи, у меня лопнуло терпение. Я резко отбросила ее от себя, послала ее куда подальше и сказала, чтобы она заткнулась. Она стояла в нескольких дюймах, дико уставившись на меня в течение, кажется, нескольких минут. Затем она вдруг усмехнулась и протянула руку, погладив меня по волосам со словами: «Никогда еще не видела тебя в ярости. Я уже начала думать, человек ли ты, потому что при мне ты никогда не выражалась».

Затем, как бы объясняя случившееся, она рассказала мне о Кофилде: «Он отлично притворялся. Я ему сказала, что живьем пройду через огонь, прежде чем позволю ему взять медицинские записи моей матери. Не хочу, чтобы они были еще у кого-нибудь. У всякого в мире есть ее клетки, у нас же от матери остались только эти записи и ее Библия. Вот почему меня так расстроила история с Кофилдом. Он пытался отобрать одну из двух вещей, которые у меня действительно остались от матери».

Дебора показала на мой ноутбук на кровати и сказала: «Еще я не хочу, чтобы ты перепечатывала каждое слово из этого в свой компьютер. Печатай, что тебе нужно для книги, а не все подряд. Хочу, чтобы все записи целиком были только у членов моей семьи».

После моих обещаний не копировать записи полностью Дебора опять сказала, что идет спать, однако в течение нескольких следующих часов каждые пятнадцать-двадцать минут стучалась в мою дверь. В первый раз она пахла персиками и сказала: «Мне нужно спуститься к машине за лосьоном, вот я и решила поздороваться». Каждый раз причина менялась: «Забыла в машине пилку для ногтей!», «Сериал *Секретные материалы* начался!», «Я вдруг подумала о блинчиках!» Каждый раз она стучала, я широко открывала дверь, чтобы она могла видеть номер и медицинские записи, которые выглядели в точности так же, как на момент ее ухода.

В последний визит она пролетела мимо меня в ванную и наклонилась над раковиной, приблизив лицо к зеркалу. «Меня обсыпало?» — прокричала она. Я вошла в ванную, где она стояла и показывала мне пятно на лбу размером с монету в 25 центов. Похоже, что это была крапивница.

Дебора повернулась и приспустила футболку с шеи и спины, покрытых красными пятнами.

«Помажу кремом, — заявила она. — Наверное, мне стоит принять таблетку снотворного». После чего вернулась в свой

номер и увеличила громкость телевизора. Всю ночь из ее комнаты с экрана раздавались крики, плач и стрельба, но больше я ее не видела до шести часов утра, — ровно через час после того, как я легла спать, она постучалась ко мне в дверь, крикнув: «Бесплатный континентальный завтрак!»

У меня были красные глаза с темными кругами под ними, и я была в той же одежде, что и накануне. Взглянув на меня, Дебора рассмеялась.

«Ну мы и команда! — заявила она, указывая на крапивницу, покрывавшую теперь все ее лицо. — Господи, я вчера так нервничала. Ничего не могла с собой поделать, так что накрасила ногти».

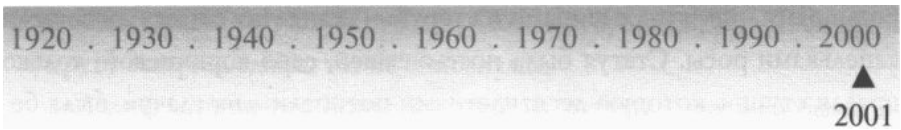
С этими словами она показала мне свои руки. *«Ужасно* получилось! — призналась она со смехом. — Думаю, я их красила после того, как приняла таблетку».

Ногти и большая часть кожи вокруг них были ярко-красного цвета, как пожарная машина. «Издалека смотрится нормально, — сказала Дебора, — но, если бы я до сих пор работала маникюршей, меня бы за такую работу уволили».

Мы спустились в холл на бесплатный завтрак. Дебора, заворачивая в салфетку на потом пригоршню маленьких кексов, посмотрела на меня и сказала: «У нас все хорошо, Бу».

Я кивнула и ответила, что знаю. Однако на тот момент я ни в чем не была уверена.

35
Очищение души



В тот же день, чуть позже, крапивница распространилась по спине Деборы, ее щеки покраснели и пошли пятнами, а под обоими глазами появилась длинная кайма. Оба века опухли и блестели, как будто она нанесла на них кроваво-красные тени. Я снова и снова спрашивала, все ли с ней в порядке, и говорила, что, может быть, нам стоит остановиться где-нибудь, чтобы она могла показаться врачу. Но она лишь смеялась.

«Такое постоянно случается, — успокаивала она меня. — Я в порядке, мне просто нужен бенадрил». С этим словами Дебора купила флакон бенадрила, который положила в сумочку и пила на протяжении всего дня. К полудню часть пятен исчезла.

По приезду в Кловер мы пошли гулять вдоль реки, вниз по Мейн-стрит (главной улице) и через табачное поле Генриетты. Подошли мы и к дому-пристройке, где Дебора сказала: «Хочу, чтобы ты меня тут сфотографировала с моей сестрой».

Она встала перед домом, развернула обе фотографии Эльси изображением ко мне и прижала их к груди. По ее просьбе я снимала ее и Эльси на пне, который остался от любимого дуба Генриетты, и перед могилой матери Генриетты. Затем она встала на колени на землю рядом с просевшими полосками земли, где, как ей представлялось, были похоронены ее мать и сестра.

«Сними меня с сестрой у ее могилы и могилы матери, — попросила Дебора. — Это будет единственная в мире фотография, на которой мы втроем почти что вместе».

Поездка в Кловер закончилась в доме Глэдис, сестры Генриетты, — в небольшой желтой ветхой постройке с креслами-качалками на веранде. Войдя, мы увидели Глэдис сидящей в гостиной, обитой темными деревянными панелями. На улице было тепло — можно было ходить в трикотажных футболках с длинными рукавами; однако Глэдис так сильно растопила свою черную дровяную печь, что, сидя рядом, утирала струившийся по лбу пот. Ее руки и ноги были изуродованы артритом, спина была согнута так сильно, что грудь почти касалась коленей, пока она не выпрямлялась, опираясь на локоть. Она не носила нижнего белья, — только тонкую ночную рубашку, которая задралась выше талии после долгих часов, проведенных в инвалидной

коляске.

Завидев нас, Глэдис попыталась поправить на себе рубашку, чтобы прикрыться, но никак не могла ухватиться за нее руками. Дебора помогла ей и спросила: «А где все?»

Глэдис ничего не ответила. В соседней комнате на койке стонал ее муж, которому оставалось жить считанные дни.

«Наверно, они на работе»? — предположила Дебора.

Глэдис опять ничего не ответила, и Дебора заговорила громче, чтобы убедиться, что Глэдис ее точно услышит: «У меня есть Интернет! — прокричала она. — Я собираюсь завести веб-страничку о своей матери и надеюсь, получу какие-нибудь пожертвования и взносы, чтобы вернуться сюда и поставить памятник на ее могиле, и превратить тот старый дом-пристройку в музей, который будет напоминать людям о моей матери!»

«Что ты там поставишь?» — переспросила Глэдис так, как будто Дебора была сумасшедшей.

«Клетки, — ответила Дебора, — чтобы люди могли видеть, как она размножается».

На мгновение она задумалась и добавила: «И ее фотографию крупным планом, и, может быть, одну из этих восковых фигур. Еще какую-нибудь старую одежду и ту туфлю, которая лежит в доме. За всеми этими вещами — целая судьба!»

Вдруг входная дверь открылась, и вошел Гэри — сын Глэдис, воскликнув: «Привет, сестрица!» Гэри было лет пятьдесят, его кожа была гладкой, как у всех Лаксов, он носил тонкие усы и эспаньолку а щелка между его передними зубами была такой, какая нравится девушкам. На нем была красная с синим спортивная рубашка с короткими рукавами, которая отлично подходила к джинсам и кроссовкам того же оттенка.

Дебора взвизгнула, обвила руками шею Гэри и вытащила из кармана фотографию Эльси. «Смотри, что мы достали в Краунсвилле! Это моя сестра!» Гэри перестал улыбаться и взял фотографию.

«Неудачный снимок, — объяснила Дебора. — Она плачет, потому что ей холодно».

«Может, покажешь ему фотографию, где она еще совсем ребенок и стоит на веранде? Та лучше», — предложила я. Гэри взглянул на меня, будто хотел спросить: «Что за чертовщина тут творится?»

«Эта фотография немного ее расстроила», — сказала я.

«Я понимаю почему», — прошептал Гэри.

«К тому же она впервые увидела клетки своей матери», — добавила я.

Гэри кивнул. На протяжении нескольких лет я часами

беседовала с ним; он больше, нежели кто-либо другой в их семье, понимал Дебору и испытания, через которые она прошла.

Дебора показала на свое лицо в пятнах крапивницы: «У меня случилась реакция, я вся распухла и покрылась пятнами. И плачу, и счастлива одновременно». Она принялась ходить взад-вперед, ее лицо блестело от пота; гудящая дровяная печь, казалось, высосала весь кислород в комнате. «Все эти вещи, о которых я узнаю, — продолжила Дебора, — помогают мне осознать, что у меня действительно была мать, и что с ней произошла ужасная трагедия. Это больно, но я хочу больше узнать о ней — как и о моей сестре. Так я ощущаю себя ближе к ним, но мне их не хватает. Хотелось бы мне, чтобы они были здесь».

Не отрывая глаз от Деборы, Гэри пересек комнату, сел в огромное кресло с откидной спинкой и жестом предложил нам сделать то же самое. Но Дебора не села. Она металась взад и вперед по линолеумному полу, обкусывая красный лак со своих ногтей, и без умолку бессвязно рассказывала об убийстве, о котором слышала в новостях, и об уличном движении в Атланте. Гэри внимательно и невозмутимо следил глазами за ее перемещениями из одного конца комнаты в другой.

«Сестрица! — вымолвил он, наконец, — сядь, пожалуйста».

Дебора добежала до кресла-качалки недалеко от Гэри, бросилась в него и принялась бешено раскачиваться, совершая движения вперед-назад верхней частью тела и стуча ногой, будто пытаясь опрокинуть кресло.

«Не поверишь, что мы узнали! — заявила она. — Они делали в клетки моей матери разные инъекции — ну, яды и все такое, — чтобы проверить, смертельны ли они для человека».

«Дейл, сделай что-нибудь для себя», — посоветовал Гэри.

«Ага, пытаюсь, — ответила она. — Ты знаешь, что они вкалывали ее клетки убийцам в тюрьме»?

«Я хотел сказать *расслабься,* — уточнил Гэри, — сделай что-нибудь, чтобы расслабиться».

«Ничего не могу поделать, — сказала Дебора, отмахиваясь от него. — Все время переживаю».

«Как говорится в Библии, — шепотом произнес Гэри, — нагим человек приходит в этот мир и нагим уходит. Порой мы слишком много беспокоимся о вещах. Мы волнуемся, когда не о чем волноваться».

Тут, будто очнувшись, Дебора согласно кивнула и сказала: «И делая так, мы разрушаем собственное тело».

«Ты не очень хорошо выглядишь сейчас, сестрица. Отдохни немного, — сказал Гэри. — Когда я сажусь в свою машину и еду, мне никуда не нужно идти, все крутится и без меня. Просто есть

время, чтобы расслабиться, пока под тобой дорога. Каждому нужно что-то похожее».

«Если у меня когда-нибудь будут деньги, — заявила Дебора, — я куплю автофургон, на котором смогу ездить туда-сюда, и я не буду приезжать дважды в одно и то же место. Когда ты в движении, никто тебя не донимает».

Она встала и вновь принялась расхаживать.

«Я по-настоящему расслабляюсь, только когда еду сюда, — сказала она. — Только на этот раз я ехала и все время думала о том, что случилось с моей сестрой и матерью».

Как только Дебора произнесла слова «сестра» и «мать», ее лицо покраснело, и она принялась паниковать. «Ты знаешь, что они запускали клетки моей матери в космос и взрывали их атомными бомбами? Они даже сделали это… как его… э-э-э… клонирование!.. Точно, они ее клонировали».

Мы с Гэри нервно переглянулись, и оба одновременно заговорили, пытаясь вернуть ее оттуда, где она блуждала.

«Нет никаких клонов, — заявила я. — Помнишь?»

«Тебе не нужно пугаться, — сказал Гэри. — В слове Божьем сказано, что если мы почитаем отца своего и мать свою, то Господь продлит наши дни на земле, и ты выполняешь это, ты почитаешь свою мать». Он улыбнулся и закрыл глаза. «Мне нравится один отрывок из книги Псалмов, — произнес он, обращаясь к Деборе. — В нем говорится, что, даже если ваши отец и мать заболели, Господь позаботится о вас. Даже если вы потеряете всех, как ты потеряла мать и сестру, любовь Господа не оставит тебя».

Но Дебора не слышала его.

«Не поверишь. Представляешь, они смешали ее с мышами, чтобы сделать человекомышь! Говорят, она и не человек уже больше! — она издала громкий, безумный смешок, бросилась к окну и воскликнула: — Святые угодники! Дождь идет, что ли?»

«Дождь очень нужен», — шепотом заметил Гэри, качаясь взад-вперед в кресле.

Дебора схватилась за синюю вязку для ключей из тесьмы, которая все время была у нее на шее. На ней красовалась надпись «WWJD». «Что это? Радиостанция? Никогда не слыхала о „WWJD“», — заявила она и принялась стаскивать ее с шеи.

«Брось, сестрица, это означает „Как бы поступил Иисус?“, — ответил Гэри. — И ты это знаешь».

Дебора перестала возиться с ключами и рухнула обратно на стул. «Поверишь ли, они даже заразили ее вирусом СПИДа и вкалывали ее обезьянам!» — уставившись в пол, она яростно раскачивалась, а ее грудь с каждым вздохом быстро вздымалась и

опускалась.

Гэри сидел, спокойно покачиваясь в кресле, и наблюдал за каждым движением Деборы — будто доктор, изучающий пациента. «Не изводи себя тем, чего не можешь изменить, — прошептал он Деборе, пока она терла пятна под глазами. — Оно того не стоит… Тебе следует предоставить Господу разобраться с этим». Он закрыл глаза и забормотал: «Что Дебора делает для Деборы?»

Она не ответила, и тогда он посмотрел на меня и сказал: «Я только что беседовал с Богом — он пытается заставить меня сказать что-то, пытается заставить действовать». Дебора прозвала Гэри Апостолом за его обыкновение во время разговора вступать в общение с Господом. Все это началось лет двадцать назад, когда ему было около тридцати. Он увлекался выпивкой и женщинами, а потом вдруг несколько сердечных приступов и шунтирование — и в нем проснулся проповедник.

«Я пытался удержать Его от вмешательства, поскольку мы собрались компанией, — пояснил Гэри, одарив меня застенчивой улыбкой, — но иногда Он просто не позволяет мне Его сдерживать».

Карие глаза Гэри смотрели отрешенно и рассеянно. Он медленно встал с кресла, широко развел руки и приблизился к Деборе, которая с трудом встала на ноги, подошла к нему, нетвердо ступая, и обняла его за талию. Как только она коснулась его, он вцепился в нее, будто наэлектризованный. Его руки сомкнулись, запястья сжали голову Деборы с обеих сторон, а ладони охватили челюсть, пальцы легли от затылка до переносицы. Затем он начал раскачиваться. Он прижал лицо Деборы к своей груди, а ее плечи содрогались в безмолвных рыданиях, а из глаз Гэри катились слезы.

Так они раскачивались взад-вперед; Гэри обратил лицо к небу и начал петь незабываемо красивым баритоном:

«Добро пожаловать сюда… Добро пожаловать в этот разбитый сосуд». Его пение, поначалу тихое, становилось с каждым словом все громче, пока не заполнило собой весь дом и не разлилось по табачным полям. «Ты хочешь жить в молитвах своего народа, я подымаю руку и возношу свое сердце и эту молитву во славу тебе, Господи».

«Добро пожаловать в этот разбитый сосуд, Господи», — прошептал он, сжимая в ладонях голову Деборы. Он принялся молиться, то открывая, то закрывая глаза, и пот струился по его лицу.

«Ты говорил, Господи, что ВЕРУЮЩИЙ возложит руки на страждущего, и тот ИСЦЕЛИТСЯ!» Голос его нарастал и затихал

— от шепота до крика и обратно. «ПОНИМАЮ, Господи, что СЕГОДНЯ есть некоторые вещи, КОТОРЫЕ НЕ ПО СИЛАМ врачам!»

«Аминь, Господи», — приглушенно пробормотала Дебора, прижимаясь лицом к груди Гэри.

«Сегодня мы благодарим тебя, — прошептал Гэри, — ибо нам нужна помощь с этими КЛЕТКАМИ, Господи… нам нужна помощь, чтобы ты снял БРЕМЯ этих клеток с этой женщины! Сними это бремя, Господи, забери его, оно нам не НУЖНО!»

Дебора начала конвульсивно вздрагивать в руках Гэри, рыдая и шепча: «Благодарю Тебя, Господи… Благодарю Тебя, Господи». Гэри крепко зажмурил глаза и закричал вместе с ней: «БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ГОСПОДИ! БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ ЗА СЕГОДНЯ!» Вместе их голоса становились все громче, пока Гэри не остановился; пот с его лица капал прямо на Дебору, и тут она воскликнула: «Благодарю Тебя, Иисус!», дав волю многочисленным «аллилуйя» и «слава Богу». Гэри раскачивался взад и вперед и вновь затянул песню глубоким старообразным голосом, который как будто исходил от прежних поколений, работавших на его табачных полях до него: «Знаю, что Господь благ, да-ааа… Знаю, что Господь благ».

«Воистину благ», — прошептала Дебора.

«Он кладет пищу на мой стол…» — Гэри понизил голос до гудения, в то время как Дебора произнесла: «Господи, укажи мне путь, которым идти. Укажи, куда ты хочешь, чтобы я пришла с этими клетками, Господи, пожалуйста. Я сделаю все, что ты хочешь, Господи, только помоги мне с этой НОШЕЙ. Я не могу делать это одна. Я думала, что смогу. Но я не могу ВЗЯТЬ ее, Господи».

«М-ммммм-мммм», — гудел Гэри.

«Благодарю Тебя, Господи, за то, что дал мне информацию о матери и сестре, но, пожалуйста, ПОМОГИ МНЕ, ибо я знаю, что сама не снесу эту ношу. Сними с меня эти КЛЕТКИ, Господи, сними эту НОШУ Сними ее и ОСТАВЬ здесь! Я больше не в силах выносить это, Господи. Ты хотел забрать ее раньше, а я не соглашалась, но сейчас ты можешь ее забрать, Господи. Ты можешь ЗАБРАТЬ ЕЕ! Аллилуйя, аминь».

Тут Гэри посмотрел прямо на меня — первый раз с тех пор, как встал с кресла.

Я глядела на происходящее, сидя в высоком кресле в нескольких футах от него, обалдевшая, боясь пошевелиться или зашуметь, и судорожно делала пометки в блокноте. При иных обстоятельствах я бы решила, что все это сумасшествие. Однако происходящее в этот момент между Гэри и Деборой было более

далеким от помешательства, нежели все, что я видела в этот день. Глядя на них, я могла лишь думать: «Боже мой… это я довела ее до этого».

Гэри пристально смотрел мне в глаза, сжимая в объятиях рыдающую Дебору, и прошептал ей: «Ты не одинока».

Глядя на меня, Гэри сказал: «Она не может больше нести бремя этих клеток, Господи! Она не может делать это!» Затем он поднял руки над головой Деборы и воскликнул: «ГОСПОДИ, Я ЗНАЮ, что ты прислал мисс Ребекку СНЯТЬ БРЕМЯ этих КЛЕТОК!» С этими словами он протянул ко мне руки, будто обхватывая ими мою голову с обеих сторон, и крикнул: «ОТДАЙ ИХ ЕЙ! ПУСТЬ ОНА НЕСЕТ ИХ».

Замерев, я уставилась на Гэри, думая про себя: «Погодите минутку, я не думала, что так получится!»

Дебора высвободилась из объятий Гэри, покачала головой, вытирая глаза, и воскликнула: «Уф!» Они оба рассмеялись. «Спасибо, братец, — сказала она, — мне так полегчало!»

«Есть вещи, от которых нужно избавляться, — произнес Гэри. — Чем дольше ты держишь их в себе, тем тебе хуже. А когда избавишься от них, они куда-нибудь уйдут. В Библии говорится, что Он может нести все это бремя».

Она протянула руку и коснулась его лица. «Ты всегда знаешь, что мне нужно. Ты знаешь, как позаботиться обо мне».

«Это не столько я вижу, сколько Он видит, — ответил Гэри с улыбкой. — Я не знал, что исходило из моих уст. То Господь разговаривал с тобой».

«И правда, аллилуйя! — сказала Дебора, хихикая. — Вернусь завтра получить это еще! Аминь!»

На улице уже не первый час моросил дождь; вдруг он обрушился на жестяную крышу, и его шум стал больше напоминать аплодисменты. Втроем мы подошли к входной двери посмотреть наружу.

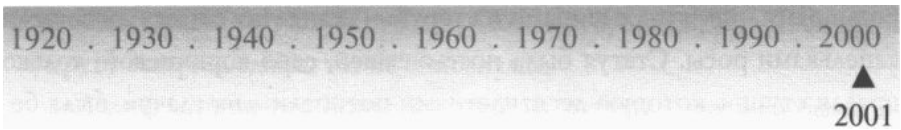
«Это Господь сообщает, что услышал нас, — улыбаясь, произнес Гэри. — Он открыл кран на полную мощность, чтобы очистить тебя, сестрица!»

«Слава Богу!» — воскликнула Дебора.

Гэри крепко обнял Дебору на прощание, потом обнял меня. Дебора схватила свой длинный черный плащ, широко развернула его, подняла над головой, как зонтик, и кивнула мне, предлагая идти под ним вместе. Плащ накрыл наши головы, и тогда она крепко обняла меня за плечи.

«Ты готова к небольшому очищению души?» — распахивая дверь, крикнула она.

36
Тела небесные



На следующее утро крапивница Деборы отчасти сошла, однако глаза ее были по-прежнему опухшими, и она решила вернуться домой и сходить к своему врачу. Я же осталась в Кловере, ибо хотела поговорить с Гэри о вчерашнем вечере. Когда я вошла в его гостиную, он стоял на складном пластиковом стуле в ярко-бирюзовой рубашке и менял лампочку.

«У меня не выходит из головы эта красивая песня, напеваю ее целое утро, — и я промурлыкала несколько строк: *Добро пожаловать сюда…* Добро *пожаловать в этот разбитый сосуд».*

Смеясь, Гэри соскочил со стула и, глядя на меня, удивленно вскинул брови.

«И почему же это засело в вашей голове, как вы думаете? — поинтересовался он. — Знаю, что вам не нравится об этом думать, но это Господь говорит вам нечто».

Он сказал, что это был церковный гимн, потом выбежал из гостиной и вернулся, неся в руках Библию в синей мягкой обложке с крупными золотыми буквами. «Хочу, чтобы у вас это было, — сказал он, постукивая пальцем по обложке. — Он умер ради нас, чтобы мы могли получить право на вечную жизнь. Многие люди не верят в это. Но вы можете жить вечно. Просто посмотрите на Генриетту».

«Вы верите, что Генриетта есть в этих клетках?»

Он улыбнулся и посмотрел на меня свысока, как на глупого ребенка. «Эти клетки и есть Генриетта», — произнес он, забрав Библию и открыв ее на Евангелии от Иоанна. «Прочтите это», — предложил он, показывая на отрывок текста. Я начала читать про себя, но он накрыл Библию рукой. «Вслух», — попросил он.

Впервые в жизни я читала Библию вслух: «Кто уверует в Меня, будет жить и после смерти, и всякий, кто живет и верует в Меня, никогда не умрет» [Иоанн 11:25–26].

Гэри пролистал книгу и попросил прочитать другой отрывок: «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? И в каком теле придут? Безрассудный! То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело» [1 Кор. 15:35–38].

«Генриетта была избрана, — прошептал Гэри. — А когда Господь избирает ангела для своих дел, никогда не знаешь, в каком обличье он придет».

Гэри показал другой отрывок и велел читать еще. «Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных» [1 Кор. 15:40].

Когда несколько дней назад Кристоф показывал на мониторе у себя в лаборатории клетки Генриетты, Дебора сказала: «Они прекрасны». И была права. Прекрасные и не от мира сего — светящиеся зеленым светом и движущиеся как вода, спокойные и изысканные, выглядящие в точности так, как могли бы выглядеть неземные тела. Они даже могут летать по воздуху.

Я продолжала читать: «Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное» [1 Кор. 15:42–44].

«HeLa? — спросила я Гэри. — Хотите сказать, что HeLa — ее духовное тело?»

Гэри улыбнулся и кивнул.

В эту минуту, читая отрывки из Библии, я окончательно поняла, как некоторые из Лаксов могли без всяких сомнений верить, что Господь избрал Генриетту, чтобы она стала бессмертной. Если верить, что Библия — буквальная истина, то бессмертие клеток Генриетты вполне понятно. *Несомненно,* они росли и выживали на протяжении десятилетий после ее смерти; *несомненно,* они летали по воздуху; и *несомненно,* они приносили избавление от болезней и были запущены в космос. Подобными свойствами обладают ангелы. Так говорит нам Библия.

Для Деборы и ее семьи — равно как и для многих других людей со всего мира — такой ответ был куда более конкретным, нежели объяснение, предлагаемое наукой: что бессмертие клеток Генриетты каким-то образом связано с теломерами и с тем, как вирус папилломы человека взаимодействовал с ее ДНК. Мысль, что Господь избрал Генриетту в качестве ангела, который должен был возродиться в виде бессмертных клеток, намного логичнее объяснения, которое несколькими годами ранее Дебора прочла в учебнике по генетике МакКьюсика — с его клиническими обсуждениями «атипичной гистологии» и «поразительно злокачественного поведения» HeLa. В этом учебнике писали об «уникальности данной опухоли», а клетки называли «резервуаром морфологической, биохимической и иной информации».

Иисус сказал своим ученикам: «И я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек» [Иоанн 10:28]. Прямо, просто и точно.

«Вы бы поосторожнее, — посоветовал Гэри, — очень скоро вы обнаружите, что стали новообращенной».

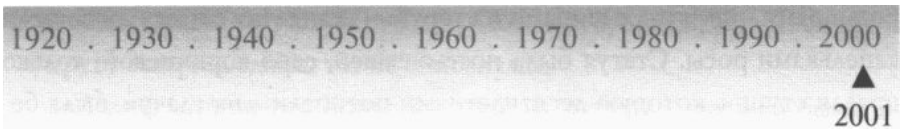
«Сомневаюсь», — ответила я, и мы оба рассмеялись.

Взяв Библию из моих рук, он пролистал ее до другого отрывка и вернул мне, указав на одно предложение: «Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Господь воскрешает мертвых?» [Деяния 26:8].

«Понимаете, к чему я?» — спросил он с озорной усмешкой.

Я кивнула, и Гэри захлопнул Библию в моих руках.

37
«Бояться нечего»



Когда Дебора пришла на прием к врачу, давление и уровень сахара в крови у нее были настолько высокими, что тот удивился, как это ее не сразил инсульт или сердечный приступ, когда мы были в Кловере. Он сказал, что с такими показателями с ней в любую минуту может случиться и то и другое. Странное поведение Деборы во время путешествия вдруг оказалось не таким уж и странным. Замешательство, паника и бессвязная речь — все это симптомы очень высокого давления и повышенного уровня сахара в крови, что может вызвать сердечный приступ и инсульт. По этой же причине могут развиться краснота и отечность. Отсюда понятно, почему не исчезли красные пятна, невзирая на выпитый ею бенадрил.

Врач сказал, что Деборе необходимо полностью избегать стрессов. Поэтому мы решили, что ей больше не стоит ездить со мной в исследовательские поездки. Тем не менее она настояла, чтобы я звонила ей по пути и рассказывала обо всем, что она пропустила. На протяжении нескольких последующих месяцев, продолжая свои изыскания, я сообщала Деборе только хорошие новости: как Генриетта танцевала и наблюдала за мальчишками, игравшими в бейсбол возле дома Клиффа, а также подробности истории ее семьи, почерпнутые из завещаний и окружных архивов.

Однако мы обе знали, что передышка с HeLa продлится недолго — Дебора по-прежнему собиралась выступить на конференции Национального фонда исследования рака, устраиваемой в честь Генриетты. Она решительно на это настроилась, даже при том, что ее пугала сама мысль о том, что нужно будет подниматься на сцену, — так что она принялась целыми днями планировать свою речь.

Как-то днем в разгар подготовки к конференции она позвонила мне, чтобы сказать, что решила пойти в школу. «Думаю, что если я немножко постигну науки, то, может быть, история сестры и матери не будет настолько сильно меня пугать, — заявила она. — В общем, так и собираюсь сделать». В ближайшие же дни она обзвонила несколько местных общественных центров, нашла один, где предлагались

образовательные занятия для взрослых, и записалась на вступительные тесты по математике и чтению.

«Вот дойду до уровня десятого класса и смогу поступать в колледж! — говорила она мне. — Представляешь? Тогда смогу понять все эти научные штуки про свою мать!» Она подумывала стать помощником стоматолога, но все же больше склонялась к тому, чтобы стать техником в радиологическом кабинете, чтобы изучать рак и помогать пациентам, проходящим, как и ее мать, курс лечения облучением.

По мере приближения конференции Дебора сохраняла спокойствие, в отличие от меня. Я без устали спрашивала: «Ты уверена, что хочешь это сделать?», «Как твое давление?» и «А твой врач в курсе, что ты собираешься выступать?» Она повторяла, что хорошо себя чувствует и что даже врач утверждает то же самое.

Дебора сдала вступительные тесты для школы и записалась на занятия, которые ей требовались, чтобы дойти до уровня десятого класса и подготовиться к поступлению в местный колледж, в котором она хотела учиться. Она позвонила мне в эйфории и воскликнула: «Начинаю учиться через неделю!»

Однако все прочее, похоже, шло наперекосяк. За несколько дней до конференции позвонили Лоуренс и Захария и опять принялись кричать, что она не должна ни с кем разговаривать, и заявили, что хотят возбудить иск в отношении каждого ученого, который когда-либо работал с клетками Генриетты. Сонни уговаривал их не вмешиваться: «Пока все, что она делает, — это ездит в разные места, чтобы разговаривать и узнавать, чего ни один из вас не хочет делать. Так что оставьте ее в покое». Однако Лоуренс настаивал, чтобы Дебора отдала ему все записи, которые собрала об их матери.

Потом из тюрьмы позвонил ее сын Альфред и сказал, что, наконец, состоится суд — причем сразу после конференции — и что теперь его обвиняют также и в вооруженном ограблении и попытке убийства. В тот же день Деборе позвонил один из сыновей Лоуренса, арестованный за ограбление и находившийся в той же тюрьме, что и Альфред.

«Дьявол работает не покладая рук, девочка, — заявила мне Дебора. — Я люблю этих мальчиков, но именно сейчас не дам никому меня расстраивать».

На следующее утро было 11 сентября 2001 года.

Около восьми утра я позвонила Деборе и сказала, что выхожу из своего дома в Питтсбурге и направляюсь на конференцию в Вашингтон (округ Колумбия). Не прошло и часа, как первый самолет врезался в Международный торговый центр. Приятель-журналист позвонил мне на мобильный и сообщил новости,

предупредив: «Не езди в округ Колумбия, там небезопасно». Я повернула свою машину обратно, когда ударил второй самолет, и к тому времени, когда я вернулась домой, все новостные телеканалы были наполнены видеоматериалами о разрушении Пентагона. Были эвакуированы здания по всему округу Колумбия — включая здание им. Рональда Рейгана, где предполагалось провести конференцию в честь Генриетты.

Я позвонила Деборе, она была в панике. «Прямо как второй Перл-Харбор, — сказала она, — и Оклахома-сити! Теперь мне нет пути в округ Колумбия». Да это и не требовалось. Из-за отмены авиарейсов и закрытия Вашингтона Национальный фонд исследования рака отменил конференцию в честь Генриетты Лакс, не планируя при этом провести ее в другое время.

В течение следующих нескольких дней мы с Деборой не один раз разговаривали, пытаясь вдвоем найти смысл в этом нападении, а Дебора пыталась смириться с мыслью об отмене конференции. Она была подавлена и переживала, что пройдет еще лет десять, прежде чем кто-нибудь почтит ее мать.

Воскресным утром, спустя пять дней после 11 сентября, Дебора пошла в церковь помолиться за Альфреда, суд над которым прошел несколько дней назад, и попросить, чтобы конференция в честь Генриетты Лакс все-таки состоялась в другое время. Она сидела в первом ряду в красном платье и жакете, сложив руки на коленях, и слушала, как ее муж выступает с проповедью на тему 11 сентября. Примерно через час после начала службы она поняла, что не может пошевелить рукой.

Дэвон, которому уже исполнилось девять, всегда сидел на хорах, и во время службы смотрел на бабушку. В какой-то момент лицо Деборы расслабилось, а тело обмякло, и он подумал, что, может быть, она случайно приняла снотворное перед тем, как идти в церковь. Дебора видела, как его маленькие глаза смотрели на нее, и пыталась помахать, дать ему знать, что ей нехорошо, но не могла пошевелиться.

В конце службы присутствующие встали, и рот Деборы перекосился от попыток закричать. Единственный звук издал Дэвон, который закричал: «С моей бабушкой что-то случилось!» и бегом бросился с хоров — как раз в тот миг, когда Дебора упала вперед на одной колено. Он закричал: «Дед! Дед!» — и Паллум, бросив один лишь взгляд на Дебору, крикнул: «Удар!»

Услыхав слово «удар», Дэвон схватил бумажник Деборы, раскопал в нем ключи от машины и побежал к машине. Широко открыл все двери, насколько можно разложил пассажирское сиденье, и запрыгал за рулем, свесив ноги, которые сильно не доставали до педалей. Затем он завел мотор, так что Паллуму

оставалось только сесть за руль и вести машину.

Вскоре они неслись по петляющей дороге от церкви. Дебора на пассажирском сиденье то приходила в себя, то опять теряла сознание, а Дэвон сидел рядом, прижавшись к ней, и кричал: «Не засыпай, ба!» и махал руками у нее перед лицом каждый раз, когда она закрывала глаза. Паллум все время кричал ему прекратить со словами: «Парень, ты убьешь свою бабушку!» Но Дэвон продолжал.

Когда они, наконец, добрались до пожарной станции, врачи вытащили Дебору из машины, надели на нее кислородную маску и вкололи лекарства, установили ей на руке внутривенную капельницу и погрузили в машину «Скорой помощи». Она уже отъезжала, когда пожарный сказал Дэвону, что тот молодец, раз тормошил Дебору в машине.

«Парень, ты оказал своей бабушке услугу, — произнес он. — Всего-навсего спас ей жизнь».

Почти первым, что сказала Дебора, придя в сознание, было: «Мне нужно сдать тест». Работники больницы решили, что она имеет в виду компьютерную томографию мозга или анализ крови. Однако речь шла о школьном тесте.

Когда, наконец, врачи разрешили семейству Деборы навестить больную, вошедшие в палату Дэвон, Паллум и дочь Деборы Тонья увидели ее сидящей, прислонившись, на кровати, с широко открытыми глазами. Уставшую, но живую. Левая сторона ее тела все еще была слаба, и она не могла как следует двигать руками, но врачи говорили, что ей повезло и что, возможно, она полностью восстановится.

«Слава Господу!» — воскликнул Паллум.

Спустя несколько дней Дебора, выйдя из больницы, оставила мне голосовое сообщение. Был мой день рождения, и в это день мы собирались встретиться в Кловере. «С днем рождения, Бу! — поздравила она меня совершенно спокойным голосом. — Извини, что не могу поехать праздновать с тобой за город, но со мной недавно случилась пара ударов. Это должно было случиться, но, слава Господу, я в порядке. Я пока еще не особенно хорошо разговариваю одной стороной рта, но врачи говорят, что я поправлюсь. Продолжай свое репортерство и не беспокойся обо мне — я хорошо себя чувствую. Лучше, чем до того, как узнала, что они взяли клетки моей матери. Знаешь, мне так легко. С меня сняли ношу. Благодарю Господа, что это случилось».

Врач сообщил Деборе, что второй удар бывает почти всегда тяжелее первого. «Поверьте мне, — сказал он, — второго раза не надо». Он заметил, что ей необходимо пополнить свои знания, а

также следует запомнить тревожные признаки и знать, как снижать себе давление и контролировать уровень сахара в крови.

«Вот еще одна причина, по которой я должна все-таки пойти в школу, — объяснила она мне. — Я уже записалась на лекции о диабете и инсульте, чтобы лучше разобраться во всем этом. Может быть, я смогу еще посещать занятия по питанию, чтобы научиться правильно питаться».

Казалось, что этот инсульт также ослабил напряженность в семье: братья стали звонить Деборе каждый день, чтобы узнать, как она, а Захария даже изъявил желание зайти в гости. Дебора надеялась, что это значило, что братья, наконец, смирятся с ее жаждой добыть информацию об их матери.

Она позвонила мне, смеясь в трубку: «Девочка, мне нужно то, что мне осталось узнать, так что нам можно возобновить наши поиски и продолжать расследование по горячим следам! Но отныне я буду ездить с тобой. Все будет хорошо. Я поняла это, когда очнулась. Мне просто нужно помедленнее двигаться, нужно обращать внимание на всякие вещи и не позволять себе пугаться. Ведь в том, что касается моей матери и ее клеток, — тут бояться нечего. Не хочу, чтобы что-то и дальше мешало мне узнавать о ней».

На самом деле, Деборе помешала учиться другая причина — нехватка денег. Деньги от социального обеспечения покрывали только расходы на жизнь, куда не входили книги и посещение занятий. Ей пришло в голову несколько идей, как заработать денег, включая разноцветную одноразовую детскую бутылку со шкалой объема воды и молочной смеси — такую бутылку занятая мамаша могла бы встряхивать одной рукой, держа при этом другой рукой малыша. Дебора нарисовала аккуратные схемы и отправила их вместе с заявкой на патент. Однако она отказалась от этой идеи, когда узнала, что для изготовления опытного образца потребуется несколько тысяч долларов.

В конце концов она перестала думать о том, чтобы пойти в школу самой, и взамен этого сосредоточилась на том, чтобы получили образование ее внуки, внучки и внучатые племянники и племянницы.

«Детям Генриетты уже слишком поздно учиться, — сказала она мне как-то раз по телефону. — Эта история уже не про нас, а про новых детей семьи Лакс».

Через два месяца после инсульта Деборы мы пошли с ней в церковь Паллума, чтобы присутствовать на крещении ДжаБри — девятимесячной внучки Сонни. К началу церемонии еле-еле можно было найти хотя бы одно свободное место. Паллум стоял

за своей проповеднической кафедрой в длинном черном облачении с красными крестами спереди, его лоб был покрыт каплями пота. Слепой пианист пробрался к своему инструменту и начал играть, в то время как собравшиеся прихожане запели: *«Будь рядом со мной, пока я иду по этому пути, ибо я не хочу идти по нему напрасно».*

Паллум указал на меня и лукаво усмехнулся.

«Подойди и будь рядом со мной!» — крикнул он.

«О, детка, ты попала», — прошептала Дебора, пихнув меня локтем в бок.

«Я не собираюсь туда идти, — шепотом ответила я. — Просто сделай вид, что мы не видим его».

Паллум замахал над головой руками, а затем знаком предложил мне встать рядом с ним за кафедрой. Мы с Деборой уставились на хоры за его спиной с совершенно безучастными лицами, изображая, что ничего не видим. Паллум округлил глаза и гаркнул в микрофон: «Сегодня с нами гость! Ребекка Склут, выступишь ли ты этим утром перед нами?»

Дебора прошептала: «Ой-ой», в то время как все прихожане повернулись вслед за указующим перстом Паллума, чтобы взглянуть на меня.

Я встала.

«Сестра Ребекка Склут, — произнес Паллум, — я знаю, что сейчас, возможно, не самое подходящее для тебя время, однако сейчас самое подходящее время для меня».

«Аминь», — внезапно ставшим серьезным голосом сказала Дебора со своего места по соседству со мной.

«Больница Джона Хопкинса забрала тело матери моей жены и использовала для своих нужд, — прокричал он в микрофон. — Они продавали ее клетки по всему миру! А сейчас я приглашаю сестру Ребекку Склут подняться сюда и рассказать о том, чем она и моя жена занимаются, и об этих клетках».

Никогда прежде мне не приходилось сидеть в собрании прихожан, не говоря уже о том, чтобы выступать перед ними. Кровь бросилась мне в лицо и горло перехватило, когда Дебора толкнула меня в спину, заставив сдвинуться с места. Паллум попросил прихожан поприветствовать меня, и собравшиеся разразились громкими приветствиями. Я подошла к кафедре и взяла микрофон из рук Паллума, а он похлопал меня по спине и прошептал на ухо: «Просто объясни это своими словами». Так я и сделала. Рассказала историю клеток Генриетты и о том, что они сделали для науки, и мой голос становился все громче, в то время как прихожане кричали: «Аминь!», «Аллилуйя» и «Господи, помилуй!»

«Большинство людей думают, что ее звали Хелен Лейн, — сказала я, — но ее имя — Генриетта Лакс. У нее было пятеро детей, и один из них как раз сидит сейчас здесь». Я указала на Дебору, которая, улыбаясь, держала Джа-Бри на руках, и слезы текли по ее лицу.

Паллум сделал шаг вперед, взял микрофон, положил руку мне на плечо, и сжал его, чтобы я не ушла.

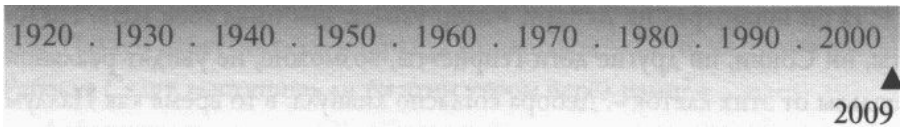
«Я был очень сердит на сестру Ребекку, когда она начала нам звонить, — сказал он, — и моя жена тоже. Наконец, мы согласились, но предупредили ее: ты должна разговаривать с нами как с обычными людьми, ты должна рассказать нам, что происходит».

И он посмотрел на Дебору. «Мир узнает, кем была твоя мать. Но ни ты, ни Сонни, ни другие дети Генриетты, возможно, не увидят реальной пользы от этих клеток». Дебора согласно кивнула, в то время как Паллум поднял свою длинную руку и указал на ДжаБри — ошеломляюще красивого младенца, в белом кружевном платье и с обручем в волосах.

«Когда-нибудь этот ребенок узнает, что ее прапрабабушка Генриетта помогла миру! — воскликнул Паллум и стал указывать на Дэвона и других кузенов и кузин ДжаБри, — и этот ребенок тоже… и этот… и этот. Теперь это их история. Они должны усвоить ее и благодаря ей узнать, что они тоже могут изменить мир».

С этими словами он поднял руки над головой и прокричал: «Аллилуйя!» Малышка ДжаБри замахала ручками и испустила громкий радостный клич, и все прихожане воскликнули: «Аминь!»

38
Долгая дорога в Кловер



Холодным солнечным воскресеньем 18 января 2009 года я съехала с шоссе на дорогу, которая вел к Кловеру. Проезжая мимо одного зеленого поля за другим, я подумала: «Не припоминаю, чтобы дорога до Кловера была такой длинной». Затем я осознала, что только что проехала мимо почтового отделения Кловера — оно было через дорогу от большого пустого поля. «Но раньше оно располагалось через дорогу от остальной центральной части города». Я ничего не понимала. Если это было почтовое отделение, то где все остальное? Какое-то время я продолжала ехать, думая: «Почтовое отделение переехало?» И вдруг до меня дошло: Кловера больше не было.

Я выскочила из машины и побежала по полю на то место, где некогда стоял старый кинотеатр, в котором Генриетта и Клифф смотрели фильмы с Баком Джонсом. Он исчез. И бакалейный магазин Грегори и Мартина, и магазин одежды Эбботта. Я стояла, зажав рот рукой, и недоверчиво смотрела на пустое поле, пока не увидела вдавленные в землю и траву обломки кирпича и маленькие белые кафельные плитки. Опустившись на колени, я принялась собирать их, наполняя свои карманы тем, что осталось от города, где прошли юные годы Генриетты.

«Нужно послать несколько штук Деборе. — подумала я. — Она не поверит, что Кловера больше нет».

Я стояла на Мейн-стрит, разглядывая останки центральной части Кловера, и у меня появилось ощущение, что исчезает все, что связано с историей Генриетты. В 2002 году — всего лишь через год после того, как Гэри держал руками Дебору за голову и перекладывал с нее на меня бремя клеток — он внезапно умер от сердечного приступа в возрасте пятидесяти двух лет. Он шел к машине Кути, собираясь положить в багажник свой лучший костюм, чтобы тот не помялся по дороге на похороны матери Кути. Еще спустя несколько месяцев Дебора позвонила мне сказать, что брат Клиффа Фред умер от рака горла. Следующим был Дэй, скончавшийся от инсульта в кругу семьи. Потом покончил с собой Кути, выстрелив себе в голову из ружья. Каждый раз, когда кто-нибудь умирал, Дебора звонила мне в слезах.

Я думала, что эти звонки никогда не кончатся.

«Смерть просто преследует нас и эту историю повсюду, куда бы мы ни направились, — сказала она, — но я держусь изо всех сил».

За годы, последовавшие за церемонией крещения, в жизни Лаксов мало что изменилось. Бобетта и Лоуренс продолжали жить вместе. Лоуренс уже меньше думал о клетках, хотя время от времени они с Захарией по-прежнему лелеяли мысль судиться с больницей Хопкинса.

В 2003 году пятидесятишестилетнему Сонни поставили пять шунтов; последнее, что он помнил, прежде чем потерял сознание, получив наркоз, был стоявший над ним врач, который говорил, что клетки его матери относятся к числу самого важного, что когда-либо происходило в медицине. Сонни очнулся с долгом более чем на 125 тысяч долларов, потому что не имел медицинской страховки для оплаты этой хирургической операции.

Захарию выгнали из общежития для престарелых инвалидов, а затем и из жилого комплекса «Восьмой параграф», где он ударил одну женщину по спине бутылкой пива на 40 унций [1132 грамма] и затем швырнул бутылку в зеркальное окно. Порой он работает вместе с Сонни — водит грузовики.

В 2004 году Дебора рассталась с мужем и переехала в отдельную квартиру в общежитии для престарелых инвалидов, что собиралась сделать уже на протяжении нескольких лет: она устала сражаться с Паллумом, и к тому же в их доме было слишком много лестниц. После переезда, чтобы оплачивать свои счета, она стала работать полный рабочий день у своей дочери Тоньи, которая организовала у себя в доме общежитие для престарелых. Каждое утро Дебора уходила из общежития для престарелых, где жила и проводила весь день, готовя и убирая для пяти или шести мужчин, проживавших в доме ее дочери. Через два года Дебора ушла с этой работы — ее тело больше не выдерживало постоянного хождения по лестницам в течение дня.

В 2006 году, после официального развода с Паллумом, Деборе потребовалось перечислить по пунктам все свои доходы, чтобы судья не брал с нее плату за услуги. Она указала 732 доллара в месяц социального пособия по нетрудоспособности и на 10 долларов в месяц продовольственных купонов. Ее текущий счет был пуст.

На тот момент, когда я вернулась в Кловер и обнаружила Мейн-стрит полностью уничтоженной, мы с Деборой не разговаривали уже несколько месяцев. В последнем разговоре я

сообщила ей, что книга готова, и она сказала, что хочет, чтобы я приехала в Балтимор и прочла ей ее, чтобы мы могли обсудить трудные места. С тех пор я несколько раз звонила ей, чтобы спланировать свой визит, но она не перезванивала. Я оставляла сообщения, но не давила на нее. «Ей требуется время, чтобы подготовиться. Она позвонит, когда будет готова», — думала я. Вернувшись домой из Кловера, я опять позвонила ей, оставив сообщение: «Я тебе кое-что привезла из Кловера. Не поверишь, что там случилось». Но Дебора не перезвонила.

21 мая 2009 года, оставив кучу сообщений, я позвонила вновь. Ее голосовой почтовый ящик был переполнен, поэтому я позвонила Сонни, намереваясь сказать ему то же самое, что неоднократно говорила за эти годы: «Не мог бы ты попросить свою сестру перестать валять дурака и ответить на мои звонки? Мне действительно нужно с ней поговорить. У нас не осталось времени». Когда он снял трубку, я произнесла: «Привет, Сонни, это Ребекка», и на несколько секунд повисла полная тишина.

«Я пытался найти твой номер телефона», — сказал он, и слезы застили мне глаза. Я знала, что существует только одна причина, по которой Сонни стал бы звонить мне.

За полторы недели до моего звонка, на День матери, Дебора отправилась в гости к своей племяннице: Сонни приготовил для нее крабовых котлет, собрались внуки, все смеялись и рассказывали разные истории. После обеда он отвез Дебору домой в квартиру, где ей нравилось, и пожелал спокойной ночи. Следующий день она провела дома, ела оставшиеся крабовые котлеты, которые Сонни взял с собой для нее, и разговаривала по телефону с Дэвоном — тот учился водить машину и хотел как-нибудь утром приехать попрактиковаться. Он позвонил на следующее утро, но Дебора не сняла трубку. Через несколько часов Сонни заехал проведать ее, как делал почти каждый день, и обнаружил ее в кровати, со сложенными на груди руками и улыбкой на губах. Она решил, что она спит, коснулся ее руки и сказал: «Дейл, пора вставать». Но она не спала.

«Она теперь в лучшем мире, — сказал мне Сонни. — Сердечный приступ как раз после Дня матери — лучшего она не могла бы и пожелать. Она много претерпела в жизни и теперь счастлива».

Найдя Дебору лежащей в кровати, Сонни отрезал у нее локон волос и вложил его в Библию ее матери вместе с локонами Генриетты и Эльси. «Она теперь с ними, — сказал он мне. — Знаешь, на свете нет другого места, где бы она хотела быть».

Дебора умерла счастливой: ее внуку Альфреду-маленькому исполнилось двенадцать, он перешел в восьмой класс и его дела в

школе были в порядке. Внучка Лоуренса и Бобетты Эрика поступила в Государственный университет Пенсильвании, написав экзаменационное эссе о том, как история ее прабабушки Генриетты вдохновила ее изучать естественные науки. Переведясь в Университет Мэриленда, Эрика получила степень бакалавра и продолжила обучение по программе магистратуры в области психологии, став первым аспирантом из потомков Генриетты. Семнадцатилетний внук Деборы Дэвон заканчивал среднюю школу и пообещал ей, что пойдет учиться в колледж и продолжит изыскания о Генриетте, пока не узнает о ней все, что только можно. Она сказала мне: «Теперь я действительно могу умереть спокойно, когда бы ни пришло мое время».

Сонни рассказывал мне подробности о смерти Деборы, а я сидела, уставившись на ее фотографию в рамке, которая стояла на моем столе почти десять лет. На этой фотографии у нее тяжелый взгляд, а лоб сердит и наморщен. На ней розовая рубашка, а в руках розовая бутылочка бенадрила. Все остальное вокруг в красных тонах: ее ногти, пятна на ее лице, и земля у нее под ногами.

Дни напролет после ее смерти я вглядывалась в эту фотографию, часами слушая записи наших разговоров и перечитывая заметки, которые делала в нашу последнюю встречу. Во время того визита в какой-то момент я, Дебора и Дэвон сидели бок о бок на ее кровати, вытянув ноги и прислонившись спиной к стене. Мы только что закончили смотреть один за другим два любимых фильма Деборы — «Корни» и мультфильм «Дух» о дикой лошади, плененной армией США. Дебора хотела, чтобы мы посмотрели эти фильмы вместе и увидели сходство между ними: она говорила, что Дух боролся за свободу — подобно тому, как это делал Кунта Кинте из «Корней».

«Люди все время пытались подчинить их и старались помешать им делать то, что они хотят; точно так же они все время поступали со мной и с историей моей матери», — сказала она.

Когда фильмы закончились, Дебора спрыгнула с кровати и поставила еще один. Нажала кнопку Play, и на экране появилась она сама несколько лет назад. Это оказалась одна из примерно дюжины кассет, записанных BBC, которые так и не превратились в документальный фильм. На экране Дебора сидела на кушетке с раскрытой Библией матери на коленях, в ее волосах еще не было седины, ее глаза блестели и под ними еще не было мешков. Она говорила и одновременно поглаживала длинный локон волос своей матери.

«Я часто смотрю на ее волосы, вложенные в эту Библию, — произнесла Дебора в камеру. — Когда я думаю о них, мне не так

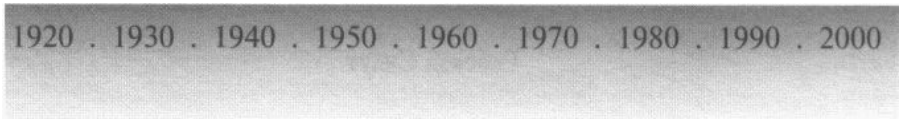
одиноко. *Я* представляю, как это могло бы быть, будь у меня мать, к которой можно прийти, с которой можно смеяться, плакать и обниматься. Дай Бог, когда-нибудь я смогу быть с ней. С нетерпением ожидаю этого дня».

Молодая Дебора сказала, что рада тому, что, когда она умрет, ей не придется рассказывать своей матери обо всем, что случилось с ее клетками и семьей, потому что Генриетта уже знает обо всем этом. «Она смотрела на нас и видела все, что происходило здесь, внизу, — произнесла Дебора. — Она терпеливо ждет нас. Не будет никаких слов, только много объятий и слез. Я действительно верю, что она на небесах, и что у нее все хорошо, потому что она достаточно настрадалась за всех здесь, внизу. С другой стороны, говорят, что боли и страданий не существует… Я бы хотела быть там с моей матерью».

Сидя на кровати между мной и Дэвоном, Дебора кивнула своему более молодому изображению на экране и произнесла: «Небеса похожи на Кловер в Виргинии. Моей матери и мне всегда нравилось там больше, нежели в любом другом месте в этом мире».

Она погладила волосы Дэвона. «Не знаю, как я буду уходить, — сказала она. — Просто надеюсь, что это произойдет легко, прилично и спокойно. Но скажу вам одну вещь — я не хочу быть бессмертной, если это значит жить вечно, потому что очень печально, когда все остальные умирают и старятся у тебя на глазах, тогда как ты остаешься прежней». Потом она улыбнулась: «Но, может быть, я вернусь в каких-нибудь клетках вроде HeLa, как моя мать, и тогда мы вместе сможем принести пользу этому миру». Помолчав, она опять кивнула: «Думаю, что так я и сделаю».

Герои этой истории



Ближайшие родственники Генриетты Лакс

Глэдис Лакс — сестра Генриетты, не одобрявшая брака Генриетты и Дэя.

Дебора (Дэйл) Лакс — четвертая из детей Генриетты и Дэя.

Джонни Плезант — отец Генриетты. Он отдал родным всех десятерых своих детей, когда их мать умерла.

Дэвид (Дэй) Лакс — муж и двоюродный брат Генриетты.

Дэвид-младший (Сонни) Лакс — третий из детей Генриетты и Дэя.

Захария Бари Абдул Рахман, урожденный Джо Лакс — пятый из детей Генриетты и Дэя. У Генриетты был обнаружен рак шейки матки вскоре после его рождения.

Лоретта Плезант — имя, которое было дано Генриетте при рождении.

Лоуренс Лакс — первый из детей Генриетты и Дэя.

Томми Лакс — дед Генриетты и Дэя, который вырастил их обоих.

Элиза Лакс Плезант — мать Генриетты. Она умерла, когда Генриетте было четыре года.

Эльси Лакс, урожденная Люсиль Эльси Плезант — вторая из детей Генриетты и старшая из ее дочерей. Она была помещена в психиатрическую больницу по причине эпилепсии и умерла в возрасте 15 лет.

Более дальние родственники Генриетты Лакс

Альберт Лакс — белый прапрадед Генриетты. У него было пятеро детей от его бывшей рабыни по имени Мария, которым он оставил в наследство часть плантации Лаксов. Эта часть получила название Лакстаун.

Альфред (Гепард) Картер — первый муж Деборы. Их брак сопровождался скандалами и рукоприкладством и закончился разводом.

Альфред-младший — первый из детей Деборы и Гепарда, отец «малыша Альфреда».

Бобетта Лакс — жена Лоуренса. Она помогала растить братьев и сестру Лоуренса после смерти Генриетты и защищала их, когда узнала, что с ними плохо обращались.

Гален — кузен Генриетты. Он и его жена Этель переехали после смерти Генриетты к Дэю, чтобы помогать ему с детьми. В дальнейшем он стал неподобающим образом обращаться с Деборой.

Гэри Лакс — сын Глэдис и двоюродный брат Деборы. Будучи проповедником-любителем, он провел с Деборой сеанс «исцеления верой».

Дэвон Мид — внук Деборы, который часто жил с ней и заботился о ней.

Клифф Гаррет — кузен Генриетты. Будучи детьми, они вместе работали на табачных полях.

Ла Тонья — вторая из детей Деборы и Гепарда, мать Дэвона.

«Малыш Альфред» — внук Деборы.

Маргарет Стурдевант — кузина и близкая подруга Генриетты. В ее дом Генриетта отправлялась отлежаться после сеансов радиотерапии в больнице Хопкинса.

Реверенд Джеймс Паллум — бывший второй муж Деборы. Прежде был рабочим на сталелитейном заводе, а затем стал проповедником.

Сэди Стурдевант — сестра Маргарет, кузина и близкая подруга Генриетты, которая заботилась о больной Генриетте. Порой она и Генриетта украдкой убегали вместе на танцы.

Фред Гаррет — кузен Генриетты, убедивший Дэя и Генриетту переехать на Станцию Тернер.

«Чокнутый Джо» Гриннан — кузен Генриетты, безуспешно соперничавший с Дэем из-за нее.

Этель — жена Галена. На ее попечении находились трое младших детей Генриетты, с которыми она жестоко обращалась.

Медики и научные работники

Алексис Каррель — французский хирург и лауреат Нобелевской премии, заявлявший, что ему удалось культивировать «бессмертные» клетки цыплячьего сердца.

Виктор МакКьюсик — генетик в больнице Джона Хопкинса, который проводил исследования образцов, взятых у детей Генриетты без их информированного согласия, с целью больше узнать о клетках Hela.

Говард Джонс — гинеколог, лечащий врач Генриетты в больнице Джона Хопкинса.

Джордж Гай, доктор — возглавлял исследования в области клеточных культур в больнице Хопкинса. Он разработал в своей лаборатории технологии выращивания клеток Hela, полученных из раковой ткани Генриетты.

Кристоф Ленгауэр — исследователь рака в больнице Джона Хопкинса, один из разработчиков методики флюоресцентной гибридизации in situ (FISH), предназначенной для обнаружения и распознавания последовательностей ДНК, связавшийся с членами семьи Лакс.

Леонард Хейфлик — микробиолог, доказавший, что нормальные клетки умирают после пятидесяти делений. Это явление было названо «пределом Хейфлика».

Маргарет Гай — жена Джорджа Гая и его помощница в исследованиях. У нее было образование хирургической медсестры.

Мэри Кубичек — лаборантка Джорджа Гая, впервые вырастившая в культуре клетки Hela.

Ричард Уэсли ТеЛинд — один из ведущих специалистов по раку шейки матки в США во время, когда был поставлен диагноз Генриетте. Его исследования включали взятие образцов тканей у Генриетты и других больных раком шейки матки в больнице Джона Хопкинса.

Роланд Патилло — профессор гинекологии в медицинской школе Морхаус, единственный афроамериканец из студентов Джорджа Гая. Он организовал в медицинской школе Морхаус первую конференцию в честь Генриетты.

Стенли Гартлер — генетик, «бросивший „бомбу Hela“». Он предположил, что многие из самых широко используемых клеточных культур были заражены Hela.

Сьюзен Сю — докторантка в лаборатории Виктора МакКьюсика, которой он поручил связаться с Лаксами и добыть у них образцы крови для генетических исследований без их информированного согласия.

Уолтер Нельсон-Рис — генетик, который отслеживал линии клеточных культур, зараженные Hela, и, не предупреждая «изобличенных» им исследователей, предавал гласности названия этих культур. Он стал известен как «бдительный».

Честер Саутэм — исследователь рака, который проводил неэтичные эксперименты с целью узнать, могут или нет клетки Hela «заразить» людей раком.

Эммануэль Мандель — директор по медицинской части Еврейского госпиталя для хронических больных (JCDH), который

был соучастником Соутэма в проведении неэтичных экспериментов.

Журналисты и другие

Джон Мур — человек, раковый пациент, который безуспешно судился со своим лечащим врачом и с руководством Калифорнийского университета в связи с использованием его клеток для создания линии клеток «Мо».

Кортни (Мама) Спид — жительница Станции Тернер, владелица бакалейной лавки. Она занималась организацией музея Генриетты Лакс.

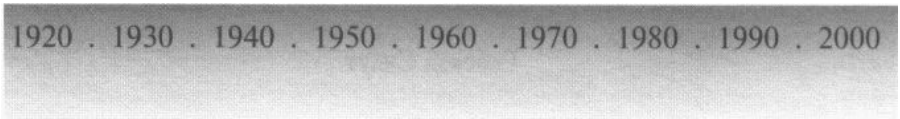
Майкл Голд — автор книги «Заговор клеток: бессмертное наследие одной женщины и вызванный им медицинский скандал». Он опубликовал подробности из медицинских записей Генриетты и отчета об ее вскрытии без разрешения семьи Лакс.

Майкл Роджерс — корреспондент газеты *Rolling Stone,* написавший в 1976 году статью о семье Лакс. Он стал первым из журналистов, связавшихся с семьей Лакс.

Сэр лорд Кинан Кестер Кофилд — человек, пытавшийся судиться с больницей Джона Хопкинса и семьей Лакс.

Тед Славин — больной гемофилией, которому лечащий врач сообщил о ценности его клеток. Славин создал компанию Essential Biologicals, которая занималась продажей его клеток, а позднее также и клеток других людей. Благодаря этому люди смогли получать доход от своих собственных биологических материалов.

Где они теперь



Альфред Картер-младший, сын Деборы, находится в тюрьме — он приговорен к тридцати годам за ограбление с применением опасного и смертельного оружия и за нападение первой степени с пистолетом. Во время тюремного заключения он прошел реабилитацию от наркотической и алкогольной зависимости, получил диплом о среднем образовании и за двадцать пять долларов в месяц вел занятия по программе средней школы для других заключенных. В 2006 году он написал письмо судье, вынесшему ему приговор, в котором заявил, что желает вернуть украденные деньги, и хотел бы знать, кому их отправить.

Местонахождение доктора сэра лорда **Кинана Кестера Кофилда** неизвестно. В последний раз он провел несколько лет в тюрьме за попытку купить ювелирные изделия в магазине Macy's по краденому чеку и, пока был в заключении, подал несколько исков. В 2008 году, выйдя из тюрьмы, Кофилд подал иск на семидесяти пяти страницах — последний на сегодняшний день — который был признан судьей «непонятным». Он обвинял 226 сторон на сумму в более чем 10 миллиардов долларов и утверждал, что предыдущие решения по всем его судебным искам должны быть пересмотрены в его пользу и что в данный судебный иск следует включить всякого, кто печатал его имя без его разрешения, поскольку он оформил авторское право на свое имя. Мне ни разу не удалось связаться с ним, чтобы взять интервью для этой книги.

Клифф Гэррет, двоюродный брат Генриетты, до 2009 года жил на своей ферме в Кловере, пока пошатнувшееся здоровье не заставило его переехать к сыну в Ричмонд (Виргиния), где он проживает в настоящее время.

HeLa по-прежнему является самой широко используемой линией клеток в лабораториях по всему миру. К моменту выхода этой книги из печати в 2009 году об исследованиях, проведенных на HeLa, было опубликовано более 60 тысяч научных статей; их число неуклонно увеличивается более чем на 300 статей каждый месяц. Клетки HeLa, как и прежде, заражают другие культуры и приносят, по оценкам, несколько миллионов долларов убытков

ежегодно.

Говард Джонс, врач Генриетты, теперь заслуженный профессор в отставке больницы Джона Хопкинса и медицинской школы Восточной Виргинии. Вместе со своей последней женой Джорджианной он основал Институт репродуктивной медицины имени Джонса в Норфолке (Виргиния). Они стали пионерами в лечении бесплодия и приложили руку к появлению первого ребенка из пробирки, рожденного в Соединенных Штатах. Когда эта книга вышла из печати, ему исполнилось девяносто девять лет.

Мэри Кубичек вышла на пенсию и живет в Мэриленде.

Захария, **Сонни** и **Лоуренс Лаксы** глубоко переживали смерть Деборы. Лоуренс снял более 6 тысяч долларов со своих кредиток, чтобы оплатить ее похороны; когда вышла эта книга, Сонни копил деньги на покупку надгробного памятника. Захария перестал пить и начал изучать жизнь йогов и других людей, достигших гармонии внутреннего мира. Он стал больше времени проводить с семьей, в том числе со своими многочисленными племянницами и племянниками, которые теперь регулярно обнимают и целуют его. Он часто улыбается. Сонни поклялся способствовать исполнению желания Деборы — добиться признания заслуг их матери. Теперь, разговаривая о Генриетте, братья Лакс уделяют основное внимание важности ее вклада в науку и больше не говорят об иске против больницы Джона Хопкинса, несмотря на то что Лоуренс и Захария по-прежнему считают, что им причитается доля прибылей от продажи клеток HeLa.

Кристоф Ленгауэр занимает пост международного директора по разработке онкологических лекарственных препаратов (Global Head of Oncology Drug Discovery) в Sanofi-Aventis — одной из крупнейших в мире фармацевтических компаний. Многие работавшие у него ученые систематически использовали клетки HeLa. Он живет во Франции, в Париже.

Дэвон Мид и **Малыш Альфред** — внуки Деборы — живут в Балтиморе, как и другие двадцать два потомка Генриетты — включая ее внуков, правнуков и праправнуков. Еще двое живут в Калифорнии.

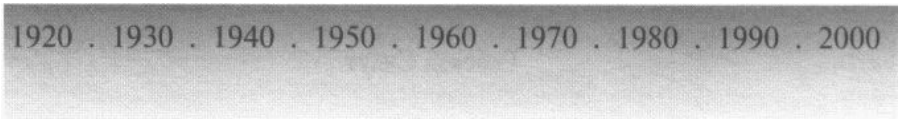
Джон Мур подал апелляцию в Верховный суд США, который отказал ему в слушании дела. Он умер в 2001 году.

Роланд Патилло занимает должность профессора в медицинской школе Морхаус, где продолжает ежегодно проводить конференцию по HeLa в честь Генриетты. Патилло и его жена Пэт приобрели мемориальную доску, чтобы поставить ее на могиле Генриетты рядом с надгробным камнем ее матери на семейном кладбище Лаксов.

Джеймс Паллум, бывший муж Деборы, по-прежнему проповедует в Балтиморе.

Кортни Спид, как и прежде, держит свою бакалейную лавку, в которой продолжает обучать математике местных детей, и надеется открыть музей Генриетты Лакс.

Хронология



1889 Основана больница имени Джона Хопкинса.

1912 Алексис Каррель объявил, что ему удалось вырастить бессмертные клетки цыплячьего сердца.

1920 В Роаноке (Виргиния) родилась Генриетта Лакс.

1947 В результате судебного процесса над несколькими нацистскими врачами, во время Второй мировой войны проводившими эксперименты на заключенных, был разработан Нюрнбергский кодекс, установивший этические стандарты для экспериментов с участием людей в качестве подопытных.

1951 Джордж Гай добился успеха в культивировании первой бессмертной линии человеческих клеток, использовав для этого клетки шейки матки, взятые у Генриетты. Он назвал их Hela по первым двум буквам имени и фамилии Генриетты.

1951 Генриетта Лакс умирает от необычайно агрессивно протекавшего рака шейки матки.

1952 Клетки Hela стали первыми живыми клетками, пересылаемыми по почте.

1952 Институт Таскиги запускает первую «фабрику» клеток Hela, снабжавшую клетками лаборатории и исследователей на бесприбыльной основе. Спустя несколько лет компания под названием Microbiological Associates начнет продавать клетки Hela с целью получения прибыли.

1952 Ученые использовали клетки Hela при создании вакцины от полиомиелита.

1953 Клетки Hela стали первыми клонированными клетками.

1954 В печати впервые появляется псевдоним «Хелен Лэйн» (Helen Lane) как наименование донора клеток Hela.

1954 Честер Саутэм начинает проводить эксперименты на пациентах без их согласия с целью узнать, могут или нет инъекции клеток Hela вызывать рак.

1957 В судебных документах впервые фигурирует термин «информированное согласие».

1965 Клетки Hela гибридизировали с клетками мыши, получив первые животно-человеческие гибридные клетки.

1965 Попечительский совет Нью-Йоркского университета счел Саутэма и его коллег виновными в непрофессиональном поведении и призвал к более жесткой регламентации в

отношении использовании людей в качестве объектов исследований и информированного согласия.

1966 С целью добиться соблюдения новых директив в отношении исследований с использованием людей в качестве объектов, национальные институты здравоохранения начинают требовать, чтобы любые исследования, финансируемые ими, были одобрены экспертными советами.

1966 Гатлер высказывает предположение, что многие линии клеточных культур были заражены Hela, тем самым «бросив» «бомбу Hela».

1970 Джордж Гай умирает от рака поджелудочной железы.

1971 Впервые в печати, с целью почтить память Джорджа Гая, донором клеток Hela была правильно названа Генриетта Лакс.

1973 Семья Лакс впервые узнает, что клетки Генриетты все еще живы.

1973 Исследователи из больницы Джона Хопкинса с целью дальнейшего исследования Hela взяли образцы крови у детей Генриетты без их информированного согласия.

1974 Федеральная политика по защите людей — объектов исследований, известная также как нормы общего права (Common Rule), требует информированного согласия для всех исследований, проводимых на людях.

1975 Майкл Роджерс публикует статью о Hela и о семье Лакс в газете *Rolling Stone*. Семья Лакс впервые узнает, что клетки Генриетты были превращены в источник прибыли.

1984 Джон Мур безуспешно судится со своим лечащим врачом и с советом попечителей Калифорнийского университета из-за прав собственности на его ткани. Мур опротестовывает решение суда по данному делу.

1985 Часть медицинских записей Генриетты была опубликована без ведома и согласия ее семьи.

1988 Апелляционный суд Калифорнии принял решение в пользу Мура, в соответствии с которым пациенты должны иметь полномочия контролировать, что происходит с их собственными тканями. Лечащий врач Мура и Калифорнийский университет опротестовали это решение.

1991 Верховный суд Калифорнии принял решение не в пользу Мура, в соответствии с которым после того, как ткани были удалены из тела — с согласия его обладателя или без оного — данное лицо не является более их владельцем.

1996 Закон о защите и передаче данных учреждений здравоохранения воспрещает организациям, предоставляющим платные услуги в сфере здравоохранения и медицинского страхования, разглашать личную медицинскую информацию.

1999 Корпорация RAND опубликовала отчет с «осторожными подсчетами», в соответствии с которыми в одних только Соединенных Штатах хранится более 307 миллионов образцов тканей от более чем 178 миллионов человек. Большинство из этих образцов были взяты без согласия их доноров.

2005 Члены коренного американского племени хавасупаи подали иск против Университета штата Аризона после того, как ученые взяли образцы тканей, которые данное племя пожертвовало для изучения диабета, и использовали их — без согласия членов племени — при исследовании шизофрении и инбридинга.

2005 Шесть тысяч пациентов потребовали, чтобы Вашингтонский университет удалил образцы их тканей из своего банка с материалами рака простаты. Позднее в двух судебных разбирательствах по их коллективному иску суд принял решения не в пользу этих пациентов.

2005 К этому году правительство США выдало патенты, связанные с использованием примерно 20 % известных человеческих генов, включая гены болезни Альцгеймера, астмы, рака толстой кишки и, самый знаменитый, — рака груди.

2006 Исследователь одного из национальных учреждений здравоохранения предоставил тысячи образцов тканей фармацевтической компании Pfizer в обмен на примерно полмиллиона долларов, нарушив тем самым один из федеральных законов о злоупотреблении служебным положением.

2009 Национальные учреждения здравоохранения США вложили 13, 5 миллиона долларов в создание банка образцов тканей, взятых у новорожденных по всей стране.

2009 Родители из Миннесоты и Техаса обратились в суд с требованиями прекратить общенациональную практику хранения образцов крови плода и проведения на них исследований — без согласия пациентов, поскольку во многих случаях можно было найти ребенка, у которого их взяли.

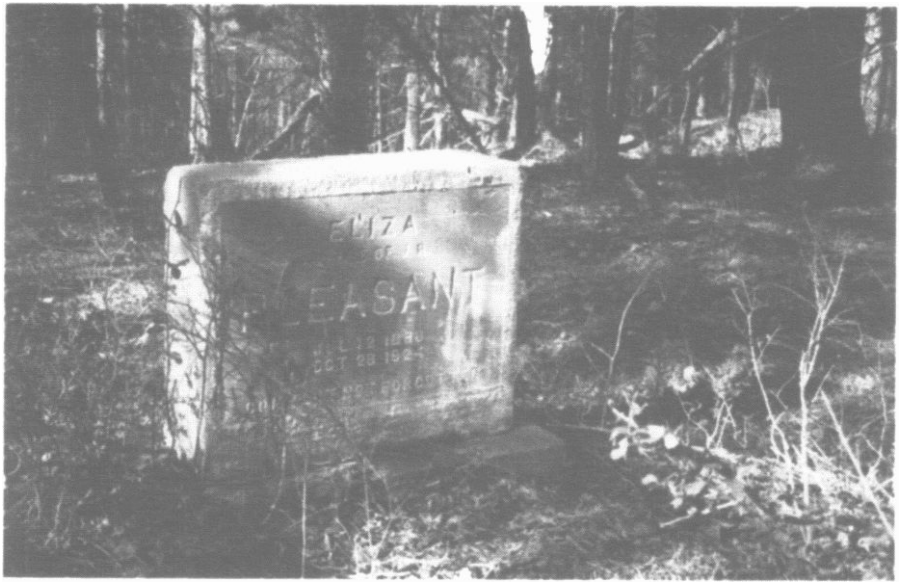
2009 Американский союз борьбы за гражданские свободы, несколько выживших после рака груди пациентов и профессиональные группы, представлявшие более чем 150 000 ученых, подали иск против патентов компании Myriad Genetics на ген рака груди. Помимо всего прочего, участвовавшие в подаче иска ученые заявили, что практика патентования генов нарушает патентное право и замедляет научные исследования.

Иллюстрации

Генриетта и Дэвид Лакс, около 1945 года

Слева: Эльси Лакс — старшая дочь Генриетты, примерно за пять лет до отправки в государственную больницу в Краунсвилле с диагнозом «идиотия». *Справа*: Дебора Лакс в возрасте примерно четырех лет

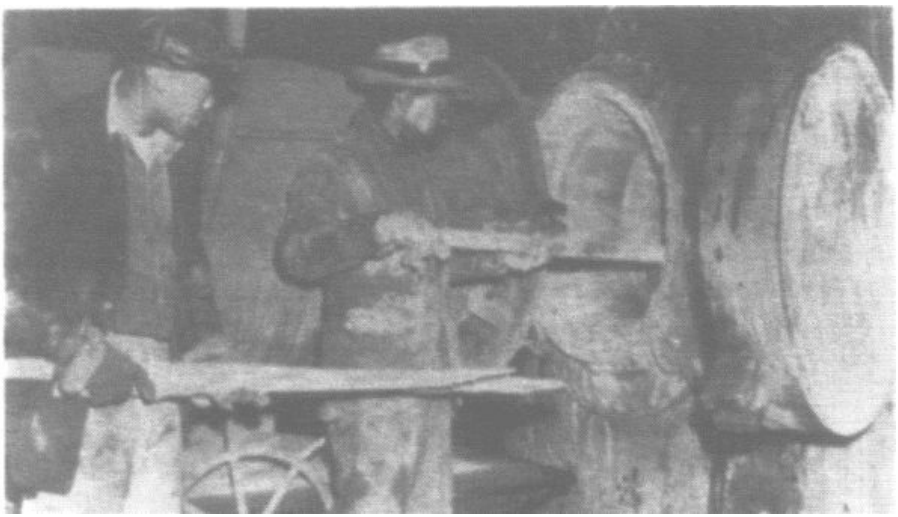
Дом-пристройка, в котором выросла Генриетта, — четырехкомнатная бревенчатая постройка в городке Кловер в Виргинии, некогда служившая жилищем для рабов, 1999 год



Элайза Плезант, мать Генриетты, умерла, когда Генриетте было четыре года. Генриетта похоронена в безымянной могиле где-то неподалеку на расчищенном от деревьев участке позади могильного камня своей матери

Главная улица деловой части городка Кловера в Виргинии, в котором выросла Генриетта, приблизительно 1930-е годы. Фотография любезно предоставлена Френсис Уолц

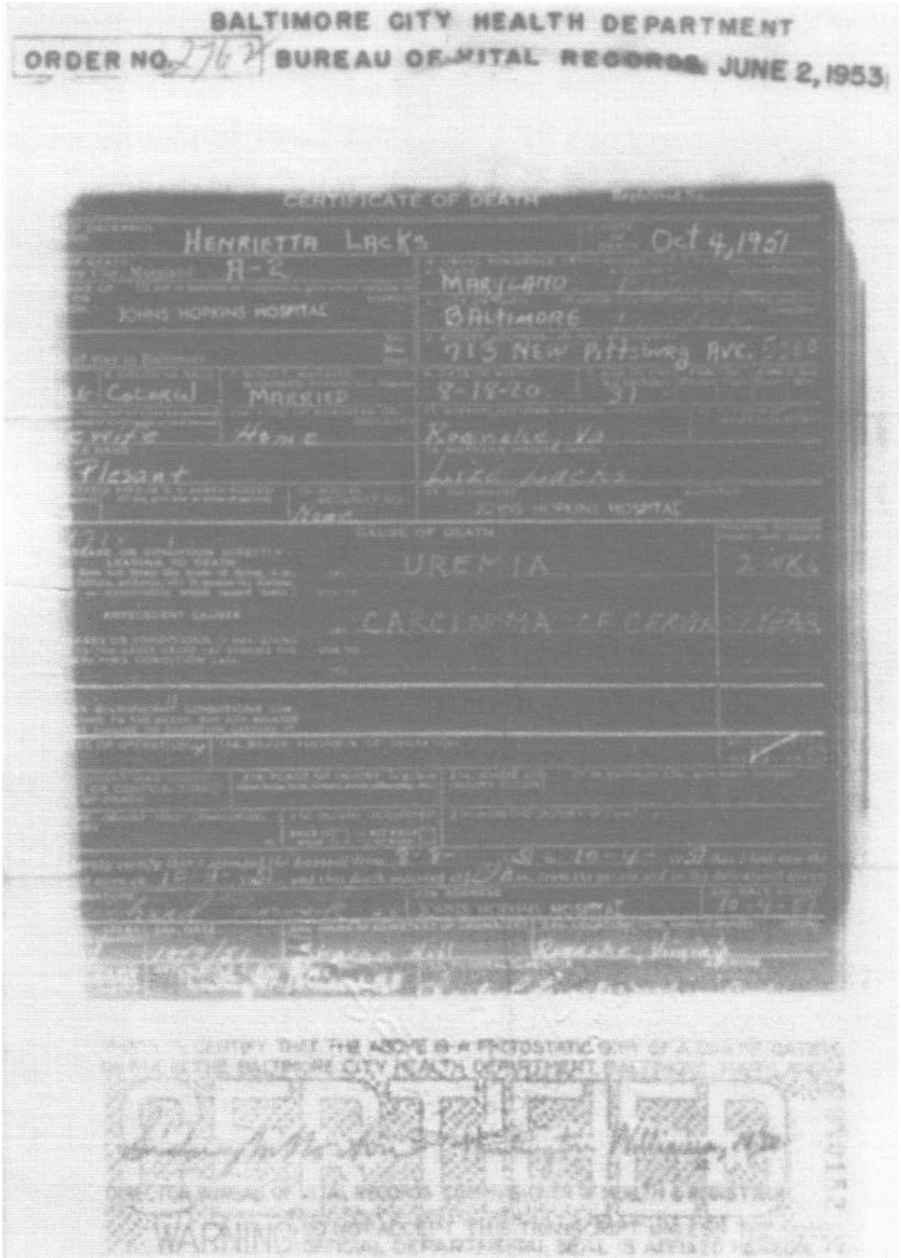
Табачный аукцион в Саут-Бостоне, приблизительно 1920-е годы. В этом здании, где происходил аукцион, Генриетта и ее семья продавали свой урожай



Рабочие завода Sparrow's Point очищают печь, удаляя шлак — токсичный побочный продукт при плавке металла, приблизительно 1940-е годы. Фотография любезно предоставлена историческим обществом «Пролив Дандок-Патапско»

Гинеколог Говард У. Джонс, диагностировавший опухоль Генриетты, 1950-е годы

Джордж Гай — руководитель лаборатории, в которой были впервые выращены клетки HeLa, приблизительно 1951 год. © Alan Mason Chesney Medical Archive


BALTIMORE CITY HEALTH DEPARTMENT
ORDER NO. 2762 BUREAU OF VITAL RECORDS JUNE 2, 1953
CERTIFICATE OF DEATH
HENRIETTA LACKS
Oct 4, 1951
JOHNS HOPKINS HOSPITAL
MARYLAND
BALTIMORE
715 NEW PITTSburg AVE.
8-18-20
COLORED
MARRIED
HOME
CAUSE OF DEATH
UREMIA
CARCINOMA OF CERVIX
Clarence Hill
COPY
Свидетельство о смерти Генриетты Лакс

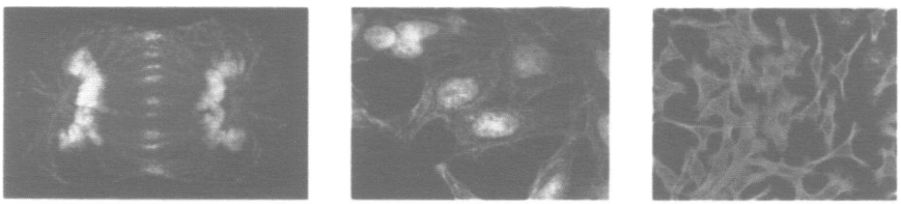
Сэди Стердевант — двоюродная сестра и близкая подруга Генриетты, начало 1940-х годов

1949 год: в лаборатории готовят культуральную среду. На фото мужчина перемешивает в баке бульон, а женщины фильтруют его в бутыли. С появлением HeLa стали заказывать готовую среду по почте. © Hulton-Deutsch Collection/Corbis

Маргарет Гай и лаборантка Минни в лаборатории Гая в больнице Хопкинса, середина 1960-х годов.

Мэри Кубичек — ассистентка в лаборатории Гая, которая обрабатывала образцы ткани опухоли Генриетты и выращивала в культуре ее клетки. Обе фотографии любезно предоставлены Мэри Кубичек

Четверо техников в центре массового производства HeLa при Институте Таскиги проверяют клетки HeLa перед их отгрузкой. © March of Dimes Foundation



а. *б.* *в.*

а. Одна клетка HeLa делится надвое. Фотография любезно предоставлена Полом Д. Эндрюсом

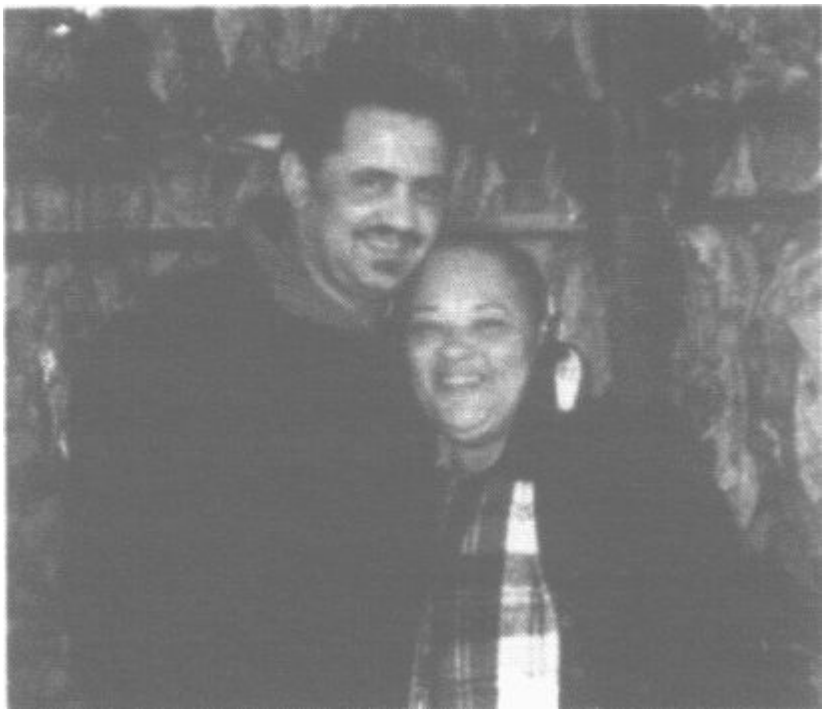
б. На этой фотографии хорошо видны определенные части клетки. ДНК ядра — самые светлые, нити актина — светло-серые полосы, а митохондрии — генераторы энергии в клетке — серые вкрапления между ДНК и нитями актина. © Омар Кинтеро

в. Эти клетки HeLa были окрашены флюоресцентным красителем и сфотографированы увеличенными под конфокальным микроскопом. Фотография любезно предоставлена Томом Диринком

Дебора примерно в тринадцать лет — в возрасте, когда она отбивалась от домогательств своего родственника Галена

Дебора со своими детьми — ЛаТоньей и Альфредом — и со своим вторым мужем Джеймсом Паллмом, середина 1980-х годов

В 2001 году у Деборы развилась сильная крапивница, после того как она узнала расстроившую ее новую информацию о матери и сестре

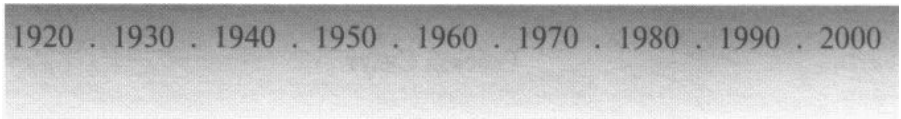


Дебора со своим кузеном Гэри Лаксом стоят на фоне сохнущего табака, 2001 год

Слева: Внук Деборы Дэвон, 2000 год. *В центре:* Дебора с внучками своего брата Сонни — ДжаБри (слева) и Айяной, 2007 год. *Справа:* сын Генриетты Сонни с внучкой ДжаБри, которая только что прошла обряд крещения, 2001 год

Семья Лаксов в 2009 году. *Начиная с верхнего правого угла и по часовой стрелке:* средний сын Генриетты — Сонни (в бейсбольной кепке); старшая дочь Сонни — Джери; младший сын Генриетты — Захария (в очках и темной футболке); старший сын Генриетты — Лоуренс (в очках и светлой футболке); сын Лоуренса — Рон; внук Деборы — Альфред; внучка Лоуренса — Кортни; жена Сонни — Шерил; сын Сонни — Дэвид; дочь Лоуренса — Антонетта (в белой блузке); зять Сонни — Том. В центре: жена Лоуренса — Бобетта (в красном) и их внучка — Эрика (в очках)

Послесловие



Когда я рассказываю людям историю Генриетты Лакс и ее клеток, то их первым вопросом обычно бывает: «Разве врачи поступили не незаконно, взяв клетки Генриетты без ее ведома? Неужели врачи не должны сообщать вам, что они используют ваши клетки для исследований?» Ответ — нет: ни в 1951 году, ни в 2009-м, когда вышла эта книга.

Сегодня ткани большинства американцев где-нибудь да хранятся. Идя к врачу ради обычного анализа крови или для удаления родинки, при удалении аппендицита, миндалин или при любом ином удалении вы оставляете биологические материалы, которые отнюдь не всегда выбрасываются. Врачи, больницы и лаборатории сохраняют их. И зачастую неограниченно долго.

В 1999 году корпорация RAND опубликовала отчет (первый и до сих пор единственный в своем роде) с «осторожными подсчетами», в соответствии с которыми в одних только Соединенных Штатах хранится более 307 миллионов образцов тканей от более чем 178 миллионов человек. Эта цифра, как говорилось в отчете, ежегодно увеличивается более чем на 20 миллионов образцов. Эти образцы тканей получены в результате стандартных медицинских процедур, анализов, операций, клинических испытаний и пожертвования для исследований. Они хранятся в морозильных камерах лабораторий, на полках или в промышленных резервуарах с жидким азотом. Они хранятся на военных объектах, в ФБР и в национальных учреждениях здравоохранения. Имеются они в лабораториях биотехнологических компаний и в большинстве больниц. В биобанках хранятся аппендиксы, яичники, кожа, сфинктеры, яички, жир и даже крайняя плоть от большинства обрезаний. Они также содержат образцы крови большинства детей, рожденных в США с конца 1960-х годов, когда Штаты начали в обязательном порядке требовать проверки всех новорожденных на наличие генетических заболеваний.

Масштаб изучения тканей неумолимо растет. «Раньше как было — у одного исследователя из Флориды в холодильнике шестьдесят образцов; у другого парня, из Юты, тоже что-то хранится, — рассказывает Кэти Хадсон, молекулярный биолог,

основатель Центра генетики и публичной политики при Университете Джона Хопкинса, в настоящее время директор по персоналу этого национального учреждения здравоохранения (NIH). — Теперь речь идет о гигантских, гигантских масштабах». В 2009 году NIH США вложили 13,5 миллиона долларов в создание банка образцов тканей, взятых у новорожденных по всей стране. Несколько лет назад Национальный институт рака начал собирать коллекцию, в которой, по плану, должны будут содержаться миллионы образцов тканей для картографирования раковых генов. То же самое начал делать Геноградический проект для составления карты исторических закономерностей миграций людей — как это делает вышеупомянутое NIH для отслеживания генов, обусловливающих заболевания. Уже несколько лет в компании, которые занимаются анализом личных ДНК (наподобие компании 23andMe), поступают образцы тканей миллионов людей. Эти компании предоставляют клиентам их личную медицинскую и генеалогическую информацию, только если те сначала подпишут форму на разрешение хранения образцов их тканей для дальнейших исследований.

Ученые пользуются этими образцами для различных разработок — начиная с вакцины от гриппа и заканчивая препаратами для увеличения пениса. Они помещают клетки в чашки для культивирования и подвергают их воздействию радиации, лекарств, косметических средств, вирусов, бытовой химии и биологического оружия, а затем изучают их реакцию. Без этих тканей не существовало бы анализов на выявление таких болезней, как гепатит и вирус папилломы человека. Не было бы вакцин от бешенства, оспы и кори. Не было бы ни одного многообещающего нового лекарства для лечения лейкемии, рака молочной железы и толстой кишки. Разработчики продукции, для получения которой требуются человеческие биоматериалы, потеряли бы миллиарды долларов.

Как вам ко всему этому относиться — отнюдь не очевидно. Ведь ученые не воруют у вас руку, либо иной жизненно важный орган. Они используют кусочки ткани, с которыми вы добровольно расстались. Тем не менее при этом зачастую некто забирает частичку вас. У людей, когда дело касается их тела (и даже его крошечных кусочков), часто бывает сильно развито чувство собственности — особенно если они слышат, что кто-то другой, возможно, делает деньги на этих кусочках или использует их для того, чтобы выявить потенциально опасную информацию относительно их генов и их медицинской истории. Однако чувство собственности в суде не предъявишь. На тот момент ни одно прецедентное право не выяснило в полной мере, владеете ли

вы своими тканями, имеете ли вы право контролировать их. Пока ткани являются частью вашего тела, они, безусловно, ваши. Однако, как только их удаляют, ваши права становятся делом темным.

По мнению Кэти Хадсон, которая проводила фокус-группы, изучая общественное мнение по поводу тканей, борьба за права на ткани потенциально может превратиться в серьезное движение.

«Мне хотелось бы видеть, как люди станут говорить: *Нет, я не разрешаю брать мои ткани,* — рассказывала она мне. — Могу лишь сказать, что лучше разбираться с этими проблемами сейчас, нежели ждать, когда это действительно случится».

На самом деле, существуют две проблемы: согласие и деньги. Для большинства людей гораздо более важным вопросом является то, были ли их ткани использованы для исследований и каким образом, нежели вопрос о получении прибыли с этого. Тем не менее, когда эта книга вышла из печати, закон не требовал информированного согласия для хранения крови и тканей с целью исследований, ибо исследование тканей в целом не подпадает под соответствующие нормативные акты.

Федеральная политика по защите людей — объектов исследований, известная также как нормы общего права (Common Rule), требует информированного согласия для всех исследований, проводимых на людях. Однако на практике под него не подпадает большая часть исследований тканей, потому что: 1) они не финансируются государством или 2) исследователь никогда не знает личность доноров или не общается с ними лично. Соответственно такие исследования не считаются исследованиями, проводимыми на людях. В конечном итоге нормы общего права фактически не регулируют большую часть исследований тканей.

Сегодня, если врачи хотят взять у пациентов ткани специально для исследовательских целей (как в случае с Генриеттой), они должны получить информированное согласие. Однако для хранения тканей, полученных в результате диагностических процедур — например, биопсии родинки, — и их использования в будущих исследованиях такое согласие не требуется. Основная масса учреждений все же предпочитает получать разрешение, однако этот процесс не унифицирован. Немногие из них предоставляют достаточно информации — в объеме небольшой книги — и в точности объясняют, что именно они будут делать со всеми тканями пациента. Большинство просто включают в документы, заполняемые при поступлении,

короткую строчку, где говорится, что любые удаленные ткани могут быть использованы в учебных или исследовательских целях.

По утверждению Джудит Гринбург — директора отделения генетики и биологии развития Национального института общемедицинских наук, данное национальное учреждение здравоохранения сегодня имеет «очень строгие инструкции», требующие получения согласия на любые ткани, взятые для их банков тканей. «Очень важно, чтобы доноры осознавали возможные последствия исследования тканей», — считает она. Однако эти инструкции применяются только по отношению к исследованиям, проводимым в данном учреждении, и с точки зрения закона необязательны.

Сторонники существующего положения вещей доказывают, что новые законы, специально посвященные исследованиям тканей, не являются необходимостью и что вполне достаточно текущего контроля. Они указывают на ведомственные комитеты по рассмотрению, различные профессиональные нормативные документы наподобие кодекса этики Американской медицинской ассоциации (которые обязывают врачей информировать пациента, если образцы его тканей будут использованы для исследований, либо для получения прибыли) и несколько кодексов, появившихся после Нюрнбергского процесса, включая Хельсинкскую декларацию и отчет Белмонта, в каждом из которых содержится требование получения согласия. Однако данные нормативные документы и моральные кодексы не являются законами, и многие сторонники прав на ткани говорят, что внутренний контроль не работает.

Некоторые активисты борьбы за права на ткани полагают, что доноры — помимо простого знания, что их ткани используются в исследовании — должны иметь право заявить, к примеру, что они не хотят, чтобы их ткани были использованы для исследований ядерного оружия, абортов, расовых различий, умственных способностей или чего угодно еще, что может противоречить их убеждениям. Они также считают, что для доноров важно иметь возможность контролировать, кто имеет доступ к их тканям, ибо они опасаются, что информация, полученная из образцов тканей, может быть использована против них.

В 2005 году члены коренного американского племени хавасупаи подали иск против Университета штата Аризона после того, как ученые взяли образцы тканей, которые данное племя пожертвовало для изучения диабета, и использовали их — без их согласия — при исследовании шизофрении и инбридинга. Процесс по этому делу все еще продолжается. В 2006 году около

семисот новоиспеченных матерей обнаружили, что врачи забрали их плаценты без их согласия для проверки на отклонения от нормы, что могло помочь этой больнице защищаться от будущих судебных исков по поводу врожденных дефектов у детей. В некоторых случаях генетические тесты, проведенные на людях без их согласия, использовались для того, чтобы отказать работникам в компенсации или медицинском обслуживании по страховке (теперь это запрещено Законом о недопущении дискриминации в связи с генетической информацией от 2008 года).

Из-за подобных случаев все большее число активистов — специалистов по этике, юристов, врачей и пациентов — обсуждают конкретные случаи и проталкивают новые законодательные нормы, которые дали бы людям право контролировать свои ткани. Все больше доноров тканей подают иски по вопросу контроля за образцами их тканей и содержащейся в них ДНК. В 2005 году шесть тысяч пациентов потребовали, чтобы Вашингтонский университет удалил образцы их тканей из своего банка с материалами рака простаты. Университет отказался, и эти образцы были выведены из обращения на долгие годы судебного разбирательства. До сих пор два судебных процесса вынесли решения не в пользу пациентов, руководствуясь той же логикой, что и в деле Мура (где судьи посчитали, что наделение пациентов подобными правами замедлит исследования и так далее). В 2008 году эти пациенты обратились в Верховный суд, который отказал им в слушании их дела. На момент выхода из печати этой книги они намеревались подавать групповой иск. Совсем недавно, в июле 2009 года, родители из Миннесоты и Техаса обратились в суд с требованиями прекратить общенациональную практику хранения образцов крови плода и проведения на них исследований — без согласия пациентов, поскольку во многих случаях можно было найти ребенка, у которого их взяли. Родители доказывали, что исследование этих образцов является вторжением в личную жизнь их детей.

Благодаря принятию в 1996 году Закона о защите и передаче данных учреждений здравоохранения на сегодняшний день существует четкий федеральный закон, призванный предотвращать нарушение неприкосновенности частной жизни, подобное тому, что случилось с семьей Лакс, когда врачи больницы Хопкинса опубликовали имя Генриетты и ее медицинские записи. Поскольку все действия с тканями, имя донора которых известно, строго регулируются нормами общего права, то сегодня все образцы маркируют не инициалами донора, как в случае с клетками Генриетты, а, как правило, кодовыми

номерами. Однако Джудит Гринберг из NIH считает: «Невозможно гарантировать стопроцентную анонимность, потому что теоретически мы теперь можем проследить последовательность генов и выяснить, кому принадлежат клетки, в которых эти гены находятся. Так что при получении согласия следует в большей мере обращать внимание на риски, связанные с исследованиями тканей, чтобы люди могли решить, хотят ли они в них участвовать».

Эллен Райт Клейтон, врач и юрист, директор центра биомедицинской этики и общества в Университете Вандербилта полагает, что необходимо провести действительно публичное обсуждение этих вопросов: «Если кто-то представит в конгресс законопроект, в котором будет сказано: *Начиная с сегодняшнего дня, если вы обращаетесь к врачу за медицинскими услугами, ваши медицинские записи и образцы тканей могут использоваться для исследований и никто не должен вас спрашивать,* — то есть если данный вопрос будет сформулирован настолько прямо, что люди смогут действительно понять, что происходит, и смогут сказать, подходит ли им это, — мне будет удобнее делать то, что мы теперь делаем. Ибо люди не понимают, что сейчас происходит, и представляют себе это как-то совсем иначе».

Лори Эндрюс, директор Института науки, права и технологии в Иллинойском технологическом институте предлагает более радикальные меры: она требует, чтобы люди привлекли внимание политиков, став «сознательными противниками отбора ДНК» и отказавшись предоставлять образцы тканей.

Дэвид Корн, заместитель проректора по исследованиям Гарвардского университета, считает недальновидным предоставлять пациентам контроль над их тканями. «Конечно, согласие — это очень мило. Кажется правильным позволить людям решать, что будет происходить с их тканями. Однако согласие снижает ценность ткани», — говорит он. В качестве иллюстрации Корн приводит в пример пандемию испанки. В 1990-х годах ученые использовали сохранившиеся образцы тканей одного солдата, умершего в 1918 году, для воссоздания генома этого вируса и выяснения того, почему он был таким смертоносным. Они надеялись получить информацию о распространившемся тогда птичьем гриппе. По словам Корна, в 1918 году было невозможно спросить у солдата разрешение на получение тканей для подобного рода будущих исследований. «Это был бы непонятный вопрос, ведь никто еще даже не знал о существовании ДНК!»

С точки зрения Корна, ответственность общества перед наукой важнее проблемы согласия: «Я полагаю, что люди

морально обязаны позволять использовать свои кусочки и частички во имя прогресса знания, чтобы помогать другим. Поскольку всем от этого только польза, то каждый может взять на себя небольшой риск и согласиться с тем, что кусочки его тканей будут использованы для исследований». Единственное исключение он готов сделать для тех, кому не позволяют жертвовать свои ткани религиозные убеждения. «Если некто утверждает, что погребение в неполном виде обречет его на вечное блуждание, ибо он не сможет обрести спасение, — это законно и следует это уважать», — говорит Корн. Однако он признает, что люди не могут выдвигать подобные возражения, если не знают, были ли их ткани действительно использованы.

«Наука не является высшей ценностью для общества, — утверждает Эндрюс, используя вместо этого такие понятия, как независимость и личная свобода. Подумайте вот о чем, — предлагает она. — Вот я решаю, кому достанутся мои деньги после моей смерти. Мне не принесет вреда, если после моей смерти вы отдадите все эти деньги кому-то другому. Но для меня, как для живого человека, психологически благотворно осознавать, что я могу отдать их тому, кому пожелаю. Никто не может сказать: „Нельзя позволять ей поступать с ее деньгами таким образом, потому что это может оказаться не самым лучшим для общества“. Однако замените в этой фразе „деньги“ на „ткани“, и вы получите именно то логическое объяснение, которое многие люди выдвигают в качестве аргумента против того, чтобы разрешить донорам контролировать свои ткани».

Уэйн Гроди, директор диагностической лаборатории молекулярной патологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, был некогда ярым противником получения согласия на использование тканей. Однако после многолетних дебатов с людьми, подобными Эндрюс и Клейтон его позиция стала более умеренной. Он заявил мне: «Совершенно убежден, что нам нужно еще многое сделать, чтобы у нас была надежная и комплексная процедура получения согласия». Тем не менее он не может представить себе, как это будет работать. «Эти ткани попадают на конвейер с миллионами других образцов, — говорит он. — Как вы будете их различать? Один пациент согласился на использование своих тканей в изучении рака толстой кишки; другой разрешил нам делать с его тканями все, что нам будет угодно, за исключением их коммерческого использования. И что, каждую придется маркировать разными цветами»? Тем не менее Гроуди подчеркивает, что вопросы получения согласия должны иметь отношение только к сбору образцов в будущем, а не к миллионам уже хранящихся, включая HeLa: «Что нам с ними всеми делать,

выбрасывать, что ли?»

В том случае, если не будут предприниматься усилия по решению проблемы согласия, Роберт Уэйр — основатель центра биомедицинской этики в Университете Айовы — видит только один выход: «Пациенты обращаются к закону как к последнему средству, если видят, что их участие не признается». Уэйр выступает за то, чтобы было меньше судебных исков и больше раскрытия информации. «Давайте положим эти штуки на стол и придумаем законодательные нормативные документы, с которыми мы все сможем жить, — предлагает он. — Ибо альтернативный вариант только один — обращаться в суд». Часто подобные дела в суде и заканчиваются, особенно если в них замешаны деньги.

Когда речь заходит о деньгах, уже не поднимается вопрос, станут ли человеческие ткани и их исследования коммерциализированы. Они уже стали объектами коммерческого использования и будут таковыми и впредь. Иначе компании не будут производить лекарства и диагностические тесты, необходимые многим из нас. Вопрос лишь в том, как поступать в отношении этой коммерциализации — следует ли требовать от ученых, чтобы они сообщали людям о том, что их ткани могут быть использованы для извлечения прибыли, и где на этом рынке место для людей, предоставивших это сырье.

Продавать человеческие органы и ткани для трансплантаций или медицинских лечебных процедур незаконно, однако вполне легально отдавать их и взимать плату за их сбор и обработку. Численных данных по этой отрасли не существует, однако, по оценкам, одно человеческое тело может принести от 10 до 150 тысяч долларов. Однако крайне редко клетки отдельного человека стоят миллионы, подобно клеткам Джона Мура. На самом деле, одна мышь или одна муха-дрозофила не слишком ценны для исследования. И подобным же образом большинство линий клеток индивидуумов и образцы их тканей сами по себе ничего не стоят. Они ценны для науки лишь как часть большой коллекции.

Сегодня компании-поставщики тканей варьируют от мелких частных предприятий до огромных корпораций — наподобие Ardais, которая платит неизвестное количество денег медицинскому центру Beth Israel Deaconess Medical Center, медицинскому центру Университета Дьюка и многим другим за эксклюзивный доступ к тканям, полученным от их пациентов.

«Нельзя игнорировать вопрос о том, кто получает деньги и на что они используются, — говорит Клейтон. — Не знаю точно, что

можно предпринять в данном случае, но вполне уверен, что странно утверждать, что получают деньги все, кроме людей, предоставляющих сырье».

Политические аналитики, ученые, философы и специалисты по этике предлагают способы компенсации для доноров тканей: создание системы наподобие системы социального страхования, при которой каждый сданный образец дает человеку право на все возрастающий уровень компенсаций; списание налогов для доноров; разработка системы авторских отчислений наподобие той, что используется в отношении музыкантов, чьи песни исполняются по радио; требование перечислять процент прибыли от исследования тканей научным или медицинским благотворительным организациям; наконец, что вся полученная прибыль должна пойти обратно на исследования.

Специалисты по обе стороны баррикад переживают, что выплата компенсаций пациентам приведет к появлению искателей наживы, которые будут тормозить развитие науки, настаивая на нереалистичных финансовых соглашениях или требуя деньги за ткани, используемые в некоммерческих исследованиях. Однако в большинстве случаев доноры тканей вовсе не гонятся за прибылью. Их (как и большинство активистов борьбы за права на ткани) собственная выгода заботит меньше, нежели желание быть уверенными в том, что знания, полученные учеными при изучении тканей, доступны как обществу, так и другим ученым. На самом деле, несколько групп пациентов создали собственные банки тканей и таким образом могут контролировать использование этих тканей и патентовать связанные с ними открытия. Так, одна женщина стала обладательницей патента на ген заболевания, открытый в тканях ее детей, что позволило ей решать, какие исследования будут проводиться с этими тканями и как они будут лицензироваться.

Патенты на гены — один из важнейших вопросов в дебатах, посвященных владению человеческими биоматериалами, а также тому, как это обладание может воспрепятствовать науке. К 2005 году (самые свежие доступные данные) правительство США выдало патенты, связанные с использованием примерно 20 % известных человеческих генов, включая гены болезни Альцгеймера, астмы, рака толстой кишки и самый знаменитый — рака груди. Это значит, что фармацевтические компании, ученые и университеты контролируют, какие исследования могут проводиться над этими генами и сколько будут стоить разработанные в результате диагностические тесты и лечение. Некоторые агрессивно навязывают свои патенты: компания Myriad Genetics — обладатель патентов на гены $BRCA_1$ и $BRCA_2$,

ответственные за большинство случаев наследственного рака груди и яичников — берет 3000 долларов за тестирование на эти гены. Эта компания была обвинена в создании монополии, ибо никто больше не может предложить подобный тест, а исследователи не могут разработать более дешевые тесты либо новые средства терапии, не получив на то разрешение Myriad Genetics и не внеся невероятно высокую плату за лицензию. Ученые, продолжающие исследования, связанные с генами рака груди без разрешения Myriad Genetics, получают письма с требованиями прекратить их и угрозы возбуждения судебного иска.

В мае 2009 года Американский союз борьбы за гражданские свободы, несколько выживших после рака груди пациентов и профессиональные группы, представляющие более 150 000 ученых подали иск против патентов Myriad Genetics на ген рака груди. Помимо всего прочего, участвовавшие в подаче иска ученые заявили, что практика патентования генов замедлила их исследования и они намерены прекратить это. Представленность в этом судебном деле столь большого числа ученых — включая ученых из ведущих учреждений — ставит под сомнение стандартный довод, что решение против патентов на биологические материалы помешает научному прогрессу.

Лори Эндрюс, которая ведет все важнейшие дела, связанные с владением биологическими материалами, включая текущее судебное дело по поводу гена рака груди, говорит, что многие ученые препятствуют развитию науки именно так, как, по опасению судов, могли бы поступать доноры тканей. «Забавно, — поделилась она со мной, — в деле Мура суд привел довод, что наделение людей правами собственности на их ткани замедлит исследования, потому что люди могут отказывать в доступе к тканям из-за денег. Однако решение по делу Мура неожиданно привело к обратным результатам — коммерческая ценность в соответствии с этим решением была передана исследователям». По мнению Эндрюс и несогласного с мнением большинства судьи Верховного суда Калифорнии, это судебное решение не предотвратило коммерциализации, а попросту вывело пациентов из игры и поощрило ученых все более превращать ткани в товар. Эндрюс и другие специалисты утверждают, что по этой причине ученые с меньшей охотой обмениваются образцами и результатами, что замедляет исследования; они также беспокоятся, как бы этот процесс не помешал медицинскому обслуживанию населения.

Их опасения подтверждаются некоторыми фактами. По результатам одного опроса, 53 % лабораторий прекратили

предлагать или разрабатывать как минимум один генетический тест из-за принудительного соблюдения патентных прав, а 67 % ощущают, что патенты препятствуют медицинским исследованиям. Из-за ставок лицензионных платежей одному академическому учреждению лицензия на ген, необходимый для исследования распространенного заболевания крови — наследственного гемохроматоза, — обошлась в 25 тысяч долларов, а лицензия на тот же ген для коммерческого тестирования — до 250 тысяч долларов. При таких расценках тестирование одного человека на все известные генетические заболевания обойдется в сумму от 46,4 миллиона долларов (в академическом учреждении) до 464 миллионов долларов (в коммерческой лаборатории).

Дебаты относительно коммерциализации человеческих биоматериалов всегда возвращаются к одному фундаментальному пункту: нравится нам это или нет, но мы живем в обществе, которым движет рынок, и наука является частью этого рынка. Исследователь, нобелевский лауреат Барух Бламберг, использовавший антитела Теда Славина для изучения гепатита B, сказал мне: «Ваше хорошее или плохое отношение к коммерциализации медицинских исследований зависит от размеров вашего капитала». В целом, по мнению Бламберга, коммерциализация полезна — иначе как можно получить необходимые нам лекарства и диагностические тесты? Однако он видит и отрицательную сторону. «Думаю, справедливо будет отметить, что это мешает науке, это меняет ее дух, — полагает он. Теперь имеют место патенты и частная информация там, где раньше был бесплатный информационный поток. — Исследователи превратились в предпринимателей. Это способствует развитию нашей экономики и стимулирует проведение исследований. Однако одновременно это приносит такие проблемы, как секретность и споры о правах собственности».

Славин и Бламберг никогда не пользовались формами согласия или соглашениями о передаче права собственности — Славин просто держал руку и сдавал образцы ткани. «Мы жили во времена с другими этическими и коммерческими законами», — сказал Бламберг. Он полагает, что теперь пациенты менее склонны жертвовать: «Наверное, они, как и все прочие люди, хотят максимально использовать свои коммерческие возможности».

Вся важная научная работа, проведенная за долгие годы Бламбергом, зависела от бесплатного и неограниченного доступа к тканям. Однако, по его словам, он не считает, что держать

пациентов в неведении — хороший способ обеспечить такой доступ: «Для тех, кто, подобно Теду, действительно нуждался в деньгах, чтобы выжить, было бы неправильным говорить, что ученые могли коммерциализировать эти антитела, а он — нет. Знаете, если человек собирается заработать деньги на своих собственных антителах, то почему бы ему не заявить об этом?»

Многие ученые, с которыми я обсуждала этот вопрос, согласны с Бламбергом. «Это капиталистическое общество, — считает Уэйн Гроди. — Люди вроде Теда Славина извлекают из этого выгоду. Знаете, по-моему, если вы собрались расширять клиентуру и искать покупателей, то вам и карты в руки».

Дело в том, что люди не могут «расширять клиентуру», пока не будут знать, что их ткани изначально могут представлять ценность для исследователей. Разница между Тедом Славиным, Джоном Муром и Генриеттой Лакс заключалась в том, что Славину сообщили, что его ткани особенные и что ученые хотели бы использовать их в исследованиях, поэтому он имел возможность контролировать свои ткани и выставить свои условия до того, как его ткани покинули его тело. Другими словами, он был информирован и дал согласие. В конечном итоге возникает вопрос: какой объем научной информации должен быть обязательным (с этической и юридической точек зрения), чтобы дать людям возможность поступить так же, как Славин. И мы опять возвращаемся к сложной проблеме согласия.

Не существует закона, который бы требовал информированного согласия на хранение тканей для исследований, точно так же, как нет четкого требования информировать доноров, если их ткани могут представлять коммерческую ценность. В 2006 году исследователь одного из национальных учреждений здравоохранения предоставил тысячи образцов тканей фармацевтической компании Pfizer в обмен на примерно полмиллиона долларов. Он был привлечен к ответственности за нарушение одного из федеральных законов о злоупотреблении служебным положением: не за то, что он не сообщил донорам о своих финансовых интересах или о ценности их тканей, а за то, что исследователи из федеральных учреждений не имеют права получать деньги от фармацевтических компаний. Это дело расследовалось конгрессом и впоследствии там же слушалось. Возможные интересы пациентов и отсутствие у них знаний о ценности образцов их тканей в этом судебном процессе не упоминались ни разу.

Несмотря на то что судья, занимавшийся делом Джона Мура, заявил, что пациентам необходимо сообщать о потенциальной

коммерческой ценности их тканей, до сих пор нет закона, обязывающего выполнять это постановление и оно так и остается судебным прецедентом. На сегодняшний день учреждение само решает, стоит ли раскрывать данную информацию, и многие предпочитают не уведомлять пациентов. В некоторых формах согласия вообще не упоминаются деньги. В других, более откровенных заявляется: «Мы можем отдать или продать образец ваших тканей и определенную медицинскую информацию о вас». В еще одних формах попросту говорится: «Вы не получите компенсацию за предоставленную ткань». Иные запутывают: «Ваш образец будет находиться в собственности [название университета]. Неизвестно, сможете ли вы получить (принять участие в) какую-либо финансовую компенсацию (плату) от любой выгоды, полученной в результате данного исследования».

Активисты в борьбе за права собственности на ткани утверждают, что крайне важно сообщать о любой потенциальной финансовой выгоде, которая может быть получена в результате использования человеческих тканей. «Речь не о том, чтобы пытаться отсечь пациентов от финансовой стороны дела, — говорит Лори Эндрюс. — Мы хотим дать возможность людям выражать свои желания». Клейтон соглашается с ней, но при этом добавляет: «Основная проблема здесь — не деньги. Проблема заключается в точке зрения, согласно которой люди, от которых происходят эти ткани, не имеют значения».

После судебного процесса Мура конгресс провел слушания и подготовил доклады. При этом были выявлены миллионы долларов, полученных в результате исследований человеческих тканей. В результате был сформирован специальный комитет для оценки создавшейся ситуации и подготовки практических рекомендаций. Комитет пришел к следующим выводам: использование человеческих клеток и тканей в биотехнологии таит в себе «великие перспективы» с точки зрения улучшения человеческого здоровья, однако при этом встают масштабные этические и юридические вопросы, на которые «не было найдено ответа» и к которым «не применимы никакие законы, политика или этические нормы». Все это, по их словам, следовало прояснить.

В 1999 году Национальная консультативная комиссия по биоэтике (NBAC) при президенте Клинтоне выпустила отчет, в котором говорилось, что федеральный контроль над исследованиями тканей был «неадекватным» и «неопределенным». Комиссия рекомендовала внести конкретные изменения, которые гарантировали бы пациентам право контролировать использование своих тканей. Однако в отчете не

было дано ответа на вопрос о том, кто будет получать прибыль от человеческого тела. Было лишь сказано, что данная проблема «порождает ряд сложностей» и подлежит дальнейшему расследованию. Однако мало что изменилось.

Спустя годы я спросила Уэйн Гроди, кто был в гуще споров в 1990-х годах и почему рекомендации конгресса и отчет NBAC как будто испарились.

«Странно, но понятия не имею, — ответила она. — Если сможете выяснить, я бы тоже хотела знать. Все мы попросту хотели об этом забыть — как будто проблема просто исчезнет сама собой, если не обращать на нее внимания».

Однако ничего не исчезло. И судя по равномерному потоку судебных разбирательств, связанных с тканями, эта проблема не исчезнет и в ближайшем будущем.

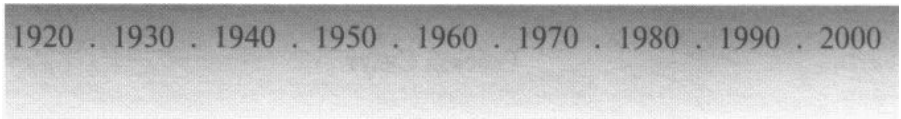
Несмотря на все прочие иски и давление, оказанное на них со стороны, семья Лакс никогда по-настоящему не пыталась подать против кого-либо в суд по поводу клеток HeLa. Несколько юристов и специалистов по этике говорили мне, что, раз теперь уже невозможно обеспечить анонимность клеток HeLa, то исследования с их участием должны регулироваться нормами общего права. А поскольку значительная часть ДНК, представленной в клетках Генриетты, присутствует и у ее детей, то можно утверждать, что ученые, проводя исследования над HeLa, проводят их также и на детях семьи Лакс. Общее право гласит, что объектам исследования должна быть предоставлена возможность в любой момент отказаться от участия в исследованиях. Соответственно, как объяснили мне эти эксперты, теоретически семья Лакс могла бы прекратить использование клеток HeLa в любых исследованиях по всему миру. На самом деле, уже имели место подобные прецеденты. Так, в Исландии одной женщине удалось изъять ДНК своего отца из базы данных. Каждый исследователь, с которым я делилась этой идеей, вздрагивал от одной лишь мысли об этом. Винсент Раканиелло — профессор микробиологии и иммунологии Колумбийского университета, который как-то подсчитал, что вырастил около 800 миллиардов клеток HeLa для собственного исследования, говорит, что ограничение использования клеток HeLa было бы гибельным. По его словам: «Последствия для науки были бы невообразимыми».

Что касается Лаксов, то их юридические возможности невелики. Возбудить иск по поводу первоначального изъятия клеток они не могут по нескольким причинам, в том числе из-за истечения срока давности десятки лет назад. Они могут попытаться путем судебного разбирательства остановить

исследования с применением HeLa, обосновывая это тем, что невозможно анонимизировать клетки HeLa, ибо они содержат их ДНК. Однако многие юристы, с которыми я обсуждала этот вопрос, сомневаются, что подобный иск будет выигран. При всем при том Лаксы не заинтересованы останавливать все исследования с использованием HeLa.

«Не хочу доставлять проблемы науке, — заявил мне Сонни, когда эта книга вышла из печати. — Дейл не хотела бы этого. И кроме того, я горжусь своей матерью и тем, что она сделала для науки. Надеюсь лишь, что больница Хопкинса и некоторые другие, кто извлек выгоду из ее клеток, сделают что-нибудь, чтобы почтить ее и наладить отношения с семьей».

Благодарности



Снова и снова встречалась я с людьми, которых побудила к действиям история Генриетты и ее клеток — побудила и наполнила желанием каким-то образом выразить ей свою благодарность за вклад в науку и возместить ущерб, нанесенный ее семье. Многие из таких людей направили свою энергию на то, чтобы помочь мне в работе над этой книгой. Я признательна каждому, кто вложил время, знания, деньги и свое сердце в этот проект. У меня не хватит места перечислить вас всех, но без вашей помощи эта книга не была бы написана.

Прежде всего я бесконечно благодарна семье Генриетты Лакс.

Душой этой книги была Дебора — ее дух, ее смех, ее боль, ее решимость и ее невероятная сила вдохновляли меня и помогали работать все эти годы. Для меня было огромной честью стать частью ее жизни.

Благодарю Лоуренса и Захарию за доверие и рассказы, и Сонни за то, что он видел ценность данного проекта и стал его опорой внутри семьи. Спасибо ему за честность, нескончаемый оптимизм и веру в то, что я могу и должна написать эту книгу.

Внуки Деборы Дэвон и Альфред невероятно поддерживали Дебору в ее поисках знаний о матери и сестре. Благодарю их за то, что все время смешили нас и отвечали на мои нескончаемые вопросы. Бобетта Лакс — сильная женщина, десятилетиями помогавшая сплотить семью Лакс, терпела многочасовые интервью и неоднократные просьбы найти различные документы и ни разу не уклонилась, когда пришло ее время делиться своими историями. Я благодарна всегда надежной дочери Сонни Джери Лакс-Уай, отслеживавшей факты и фотографии и часто споримей из-за меня со своей большой семьей. Спасибо ей и ее матери, Ширли Лакс, а также внучкам Лоуренса Эрике Джонсон и Кортни Симон Лакс и сыну Деборы Альфреду Картеру-младшему за их открытость и энтузиазм. Я получала сильную поддержку со стороны Джеймса Паллума: благодарю его за рассказы, за смех и молитвы. То же самое истинно и для Гэри Лакса, который записывал красивые гимны на голосовую почту моего телефона и всегда исполнял мне на день рождения серенаду.

Мне не удалось бы воссоздать жизнь Генриетты Лакс без щедрой помощи ее семьи, друзей и соседей, особенно Фреда

Гэррета, Говарда Гриннана, Гектора Кути Генри, Бена Лакса, Карлтона Лакса, Дэвида Дэя Лакса-старшего, Эммета Лакса, Джорджии Лакс, Глэдис Лакс, Руби Лакс, Терл Лакс, Полли Мартин, Сэди Стердивант, Джона и Долли Терри и Питера Вудена. Отдельная благодарность восхитительному рассказчику Клиффу Гэррету, который помог мне восстановить юность Генриетты и жизнь в старом Кловере и всегда вызывал у меня улыбку. Также спасибо Кристине Плезант Тонкин, дальней родственнице Генриетты Лакс, которая проследила историю семьи Генриетты со стороны Плезантов до их предков-рабов и щедро поделилась со мной результатами своих изысканий; она также читала рукопись этой книги и внесла множество ценных предложений. Спасибо Кортни Спид за энтузиазм, за то, что она поделилась своей историей и за помощь в сборе других людей для разговора со мной.

Мне повезло найти Мэри Кубичек, чья острая память, неутомимое терпение и энергичность были неоценимы. То же касается Джорджа Гая-младшего и его сестры Фрэнсис Грин. Мне очень повезло, что они провели большую часть детства со своими родителями в лаборатории Гая и смогли воскресить в памяти для меня эти годы. Еще спасибо Фрэнку Грину, мужу Фрэнсис.

Я очень благодарна многим библиотекарям и архивариусам, которые тратили свое время на поиск старых газетных и журнальных статей, фотографий, видеофильмов и прочих ресурсов. Особая благодарность Энди Харрисону, куратору коллекции Джорджа Гая в медицинских архивах Алана Мейсона Чесни; Эми Нотариус и Элайне Виталь, бывшим студентам факультета библиотековедения в Университете Питтсбурга; Франсис Вольц, предоставившей мне массу информации и историй; а также Хэпу Хэгуду, Фебу Эвансу Летоучу и Тиму Вишневски. Дэвид Смит из Публичной библиотеки Нью-Йорка помогал мне, несмотря на то что у него есть множество других удачливых авторов, и берег для меня в библиотеке тихое рабочее место в кабинете Вертгейма. Дэвид Роуз, архивариус Фонда по борьбе с полиомиелитом (фонда «Десятицентового марша»), так глубоко заинтересовался этой книгой, что часами проводил от моего имени нужные исследования. Ему я должна выразить огромную благодарность (и накормить обедом).

Сотни людей щедро жертвовали свое время на интервью, и я всем им благодарна, в особенности Джорджу Аннасу, Лауре Аурелиан, Баруху Бламбергу, Эллен Райт Клейтон, Натаниэлу Комфорту, Луису Диггсу, Бобу Геллману, Кэрол Грейдер, Майклу Гродину, Уэйн Гроди, Кэлу Харли, Роберту Хэю, Кэти Хадсон, Гроверу Хатчинсу, Ричарду Кидвеллу, Дэвиду Корну, Роберту

Керману, Джону Мастерсу, Стивену О'Брайену, Анне О'Коннел, Роберту Поллаку, Джону Рэшу, Джудит Гринберг, Полу Лурцу, Тодду Сэвитту, Терри Шерреру, Марку Собелу, Роберту Уэйру, Барбаре Уич и Джулиусу Янгнеру. За время, ободрение и опыт хотелось бы отдельно поблагодарить Лори Эндрюс, Рут Фейден и Лайзу Паркер, которые подстегивали мои мысли своевременными беседами, читали рукопись и давали дельные комментарии. Также спасибо Дункану Уилсону, который снабдил меня первым вариантом своей диссертации и некоторыми очень полезными исследовательскими материалами.

Некоторые ученые заслуживают отдельной благодарности: Говард У Джонс, Виктор МакКьюсик и Сьюзен Сю поделились со мной бесценными воспоминаниями; все трое были предельно честны и терпеливы, несмотря на многочисленные вопросы с моей стороны. Леонард Хейфлик провел более двенадцати часов в телефонных беседах со мной, зачастую отвечая на мои звонки во время путешествий или прерывая собственную работу. Его память и научные знания оказались для меня колоссальным ресурсом. Он предлагал крайне ценные комментарии к черновику этой книги, равно как и Роберт Стивенсон, который с самого начала поддерживал этот проект, в то время как некоторые ученые относились к нему скептически. Он оказал мне огромную помощь.

Я благодарна Роланду Патилло, который потратил время на то, чтобы постичь меня, верил мне, учил меня и помогал связаться с Деборой. Он и его жена Пэт с самого начала открыли мне свои сердца и свой дом и с тех пор поддерживали меня. Они тоже читали черновик этой книги и делали полезные замечания.

Страсть Кристофа Лангауэра и его готовность влиться в историю Лаксов вдохновляли меня. Благодарю его за терпение, открытость и дальновидность. Он отвечал на множество вопросов и прочел эту книгу в черновом варианте, после чего предложил внести искренние и крайне полезные правки.

Несколько писателей, работавших над историей HeLa, щедро поделились со мной своим временем. Майкл Голд во всех подробностях описал историю с заражением в своей книге «Заговор клеток», которая оказалась замечательным ресурсом. Всегда было весело поговорить с Майклом Роджерсом, чья напечатанная в 1976 году в *Rolling Stone* статья о HeLa очень помогла мне в начале работы над этой книгой. Гэрриет Вашингтон, чья книга «Медицинский апартеид» оказалась прекрасным соперником этой книги, беседовала со мной о своем опыте проведения интервью с семьей Лакс в 1994 году для статьи в *Emerge* и делала полезные замечания к черновику этой книги.

Отдельная благодарность членам приходского совета Итану Скерри и Ловенстейну Сандлер за помощь в работе с фотографиями для Фонда Генриетты Лакс. Спасибо Университету Мемфиса за грант, который помог завершить сбор информации и проверку фактического материала книги. Благодарю моих студентов и коллег, в особенности Кристен Иверсен и Ричарда Боша — прекрасных учителей, писателей и друзей. Отдельное спасибо Джону Кальдераццо и Ли Гаткинду за поощрение, поддержку и близкую дружбу длиною более десятилетия. Джон увидел во мне писателя задолго до того, как я поняла это сама, и всегда вдохновлял меня. Ли учил меня очень тщательно прорабатывать структуру повествования, ввел в мир профессиональных писателей и работы в 5 часов утра. Также большое спасибо Дональду Дефлеру за первоначальное знакомство с Генриеттой и за его страстность в преподавании биологии.

Фактический материал этой книги тщательно проверен. С этой целью многие эксперты читали ее перед публикацией, чтобы помочь соблюсти фактическую точность. Благодарю за потраченное время и ценные замечания Эрика Энгнера (близкий друг и с самого начала ярый сторонник этой книги), Стэнли Гартлера, Линду МакДональд Гленн, Джерри Меникоффа, Линду Гриффит, Мириэм Келти (всегда находившую ценные документы в своем архиве), Джоанну Манастер, Алондру Нельсон (заслуживающую отдельной благодарности за честность и помощь, которая помогла мне избежать серьезной ошибки), Ричарда Перселла, Омара Кинтеро (который также предоставил прекрасные фотографии HeLa и видеоматериал для книги и ее сайта), Лауру Старк и Кейта Вудса. Спасибо многим людям, читавшим отдельные главы, в особенности Натаниэлю Комфорту и Ханне Ландекер (чья обширная работа, посвященная HeLa и истории культивирования клеток, а также ее книга *Culturing Life* («Культивирование жизни») оказались колоссальным источником информации).

Каждый писатель должен быть достаточно удачлив, чтобы найти такого щедрого эксперта, как Винсент Раканиелло. Он читал многочисленные черновики, отправлял мне массу информационных ресурсов и давал бесценные советы. Его вера в важность аккуратной и доступной передачи научной информации широкой публике (доказательством чего служит подкаст его выступления («Вирусология на этой неделе») на TwiV.tv и Twitter feed@profvrr) — отличный пример для других ученых. Также спасибо Дэвиду Кроллу — великому поклоннику этой книги, который пишет о науке у себя в блоге Scienceblogs.com/terrasig.

Он давал полезные советы, обеспечивал исследовательскими материалами и даже принес в библиотеку свой сканер, чтобы добыть для меня несколько важных документов. Думаю, мне повезло, что я могу называть его другом.

Моя опытная помощница Ли Энн Ванской погрузилась в работу с огромным энтузиазмом, трудилась не покладая рук над поиском фотографий и разрешений, а также помогала выверять факты в конце работы над книгой. Пэт Уолтерс — необыкновенный научный сотрудник, талантливый молодой писатель и журналист и хороший друг — проверял фактический материал всей книги и занимался этим с неописуемым энтузиазмом, точностью и внимательностью к деталям. Он раскапывал глубоко спрятанные факты, и его работа спасла меня от многочисленных ошибок (в том числе и из-за моей явной неспособности к простейшим математическим вычислениям). Эта книга во многом и его заслуга. Мне повезло познакомиться с ним, и я с нетерпением жду, когда же увижу его блестящее будущее во всей красе.

Хочу поблагодарить еще нескольких человек, которые помогали искать материалы и проверять факты. Великий Чарльз Уилсон из журнала *New York Times Magazine* проверял в разных главах этой книги факты, которые изначально появились в этом журнале, и я с радостью работала вместе с ним. Хизер Хэррис подменяла меня, когда я не могла поехать в Балтимор (зачастую предупреждая ее об этом в последний момент), и упрямо собирала судебные и архивные документы. Эв Браун с yourmaninthestacks.com стал на самом деле моим человеком в книгохранилище и всегда тщательно и быстро выполнял мои запросы. Пейдж Уильямс стремительно пришла мне на помощь для проверки фактов в последний момент в разгар ее собственной активной писательской карьеры. Моя старая подруга Лайза Торн заслуживает отдельной благодарности (и, возможно, напульсников на запястья) за расшифровку большей части аудиозаписей моих интервью и замечательных советов по поводу услышанного.

Хочу поблагодарить многих замечательных журналистов, писателей и редакторов, предлагавших мне поддержку, советы, замечания и дружескую помощь во время работы над этой книгой. Отдельное спасибо Джаду Эбамраду, Алану Бердику, Лайзе Дэвис, Николь Дайер, Дженни Эверетт, Джонатану Фрэнзену, Элизавет Джилберт, Синди Джилл, Эндрю Херсту, Дону Хойту Гормэну, Элисон Гвинн, Роберту Крулвичу, Робину Мэрэнцу Хенигу, Марку Дженноту, Альберту Ли, Эрике Ллойд, Джойс Мейнард, Джеймсу МакБрайду, Робину Майклсону, Грегору Моуну, Майклу Мойеру,

Скотту Моубрэю, Кэти Оренстейн, Адаму Пененбергу, Майклу Поллану, Кори Пауэлл, Марку Ротелле, Лиззи Скерник, Стейси Салливэн, Полу Тафу, Джонатану Вейнеру и Барри Йомену. Особенно благодарю Динти У. Мур, Диану Хьюм Джордж и многих других замечательных писателей, вместе с которыми я училась на (ныне, увы, почившей в бозе) Среднеатлантической летней конференции писателей творческого документализма. Мне всех вас не хватает. Также спасибо редакторам, работавшим вместе со мной над моими ранними рассказами по мотивам этой книги: Пэтти Коэн из *New York Times,* Сью де Паскаль из журнала Johns Hopkins Magazine, Салли Флекер из журнала *Pitt Magazine* и Джеймсу Райерсону из журнала *New York Times Magazine,* который всегда улучшает мою работу. Спасибо моим друзьям по блогу на ScienceBlogs.com, всегда полезному и вдохновляющему «Обществу невидимок», поразительным «Птицеловам» и моим прекрасным друзьям с Facebook и Twitter, которые делились ресурсами, смеялись, ободряли меня и отмечали большие и маленькие события. Благодарю Джона Глака за полезные редакторские советы на раннем этапе, а также Джеки Хейнз, которая, к моей радости, одолжила мне свою машину, чтобы я могла скрыться в глуши на несколько месяцев и писать текст. Отдельная благодарность Альберту Френчу за помощь в первых трудных шагах к написанию этой книги и за то, что он вызвал меня на гонки и позволил себя победить.

Я очень признательна всем моим бывшим коллегами в совете директоров Национального сообщества литературных критиков, чья преданность хорошим книгам помогла мне сохранить вдохновение, мотивацию и критичность мышления. Отдельное спасибо Ребекке Миллер, Марселе Вальдес и Арту Уинслоу, которые годами ободряли меня, читали черновики книги и делали проницательные замечания, а также Джону Фримэну за часы, проведенные в беседах о писательстве и об этой книге, за «Форд» и дружбу.

Бесконечная благодарность моему агенту Саймону Липскару из Writers House за борьбу со мной и за меня, когда другие отказывались, за то, что он звезда рока и мой друг. Знаю, что ты мне понравился не без причины. Моя книга, как и многие другие в те дни, пыталась пробиться в печать. Побывав в трех издательских домах и обойдя четырех издателей, я по счастливой случайности очутилась в издательстве Crown, где познакомилась со своим будущим редактором Рэчел Клеймэн. Получив мою книгу, она сразу же приняла ее как свою собственную и всегда без колебаний ее поддерживала. Она посвятила этой книге своего времени и души больше, чем я могла бы мечтать. Каждый

писатель был бы счастлив работать с таким талантливым редактором и сотрудничать с таким преданным издательством, каким оказалось Crown. Я глубоко признательна всем членам Team Immortal («Бессмертной команды») из Crown: их увлечение этой книгой и неимоверная работа, которую они проделали как можно лучше, чтобы отправить ее в мир, были поразительны и скромны. Отдельная благодарность Тине Констейбл за вечную поддержку и долгий путь, пройденный вместе; Кортни Гринхаль, моему прекрасному неутомимому публицисту; Пэтти Берг за творческую разработку каждой маркетинговой возможности; а также Эми Бурштейн, Джейкобу Бронстейну, Стефани Чан, Уитни Кукмэн, Джилл Флэксмэн, Мэтью Мартину, Филиппу Патрику, Эннсли Рознер, Кортни Снайдер, Барбаре Стурмэн, Кэти Вайнрайт и Эде Йоненака. Мне очень повезло работать с вами. Спасибо Лейле Ли и Майклу Джентиле из отдела маркетинга учебной литературы в Random House, которые верили в эту книгу и сделали все возможное, чтобы она попала в аудитории. Также спасибо специалистам по продажам Random House, в особенности Джону Хэсти, Майклу Кайднессу, Джиэнне Ламорт и Мишель Салка, которые приняли в свои руки книгу и запустили ее в продажу.

Хочу выразить огромную признательность бывшим сотрудникам издательства W. H. Freeman Эрике Голдмэн, Джону Мишелю и Бобу Подраски за веру в меня и эту книгу с самого начала, за ободрение и поддержку в борьбе за то, чтобы сделать эту книгу такой, какой я хотела бы ее видеть. Спасибо Луизе Кейл за помощь вначале и Каролин Синсербо за то, что она всегда любила эту книгу и принесла ее в Crown, который стал ей прекрасным домом.

Бетси и Майкл Харли и Ланкастерская гильдия литераторов заслуживают куда больше благодарности, чем я могла бы здесь выразить. Они дали мне ключ к писательскому раю: красивое убежище среди холмов Западной Виргинии, где я могла писать, не отвлекаясь, зачастую по нескольку месяцев подряд. Мир был бы лучше, если бы в нем было побольше таких организаций, как Ланкастерская гильдия литераторов, помогающих людям искусства. Вместе с удивительным убежищем появились и удивительные соседи: Джо и Лу Рейбл оберегали меня, кормили, наполняли счастьем и любовью. Джефф и Джелл Шейд помогали мне сохранить человеческий облик во время долгих месяцев бесконечной работы, дарили дружбу и веселье, красивые места для выгула моих собак и мои самые любимые в мире кафе Baristas и JJS Massage, где Джилл как следует кормила меня и пропитывала кофеином, а Джефф разминал на моих руках узлы,

которые называл «писательскими блоками», подливал напитки, когда требовалось, и часами разговаривал со мной о моей книге. Благодарю приютивший меня город Нью-Мартинсвиль в Западной Виргинии, а также Хизер из The Book Store, отслеживавшей все хорошие романы со смещенной структурой, которые я все жадно глотала, пытаясь разобраться со структурой этой книги.

Мне повезло с чудесными друзьями, которые без устали поддерживали меня в этом проекте, несмотря на то что неоднократно слышали от меня фразу: «Не могу, потому что мне нужно работать над книгой». Я всем им благодарна, в особенности Анне Баргаглиотти, Цви Бинеру, Стивену Фостеру (Праздничный комитет!), Ондин Джири, Питеру Мэчемеру, Джессике Месмэн (нечто!), Джеффу и Линде Миллер, Элайзе Миттлмен (Р и РО!), Ирине Рейн, Хизер Нолан (которая тоже читала ранний черновик и предлагала полезные поправки), Андреа Скарантино, Элиссе Торндайк и Джону Зибеллу. Спасибо Гуалтиеро Пиччинини за ободрение и поддержку на начальном этапе работы над книгой. Отдельная благодарность моей дорогой подруге Стефани Клишальт, которая дарит мне радость и не позволяет стареть, а также Кейл Роджерс-Блох за нашу историю, смех, вино и дурацкие фильмы в океане сумасшествия («Да, он справился, сэр!»). Без нее я не стала бы тем, кто я есть. Она дала мне дом, куда я возвращалась в Балтиморе каждый вечер с работы, обсуждала со мной самые тяжелые главы книги, спасала меня, когда я оказывалась в трудном положении или без гроша в кармане, и всегда делала мудрые замечания по черновикам (часть из которых выслушивала по телефону). Ее прекрасный муж Гийон кормил меня манго, когда я была изнурена, а их сын и мой крестник Арийо развлекал меня. Мать Кейл Терри Роджерс всегда вдохновляла меня и давала замечательные советы для этой книги.

Я очень рада, что могу считать Майкла Розенвальда одним из своих ближайших друзей. Он вдохновляет как писатель, журналист и читатель. Он был рядом со мной на каждом этапе работы над книгой, поддерживал, сочувствовал, давал советы и несколько столь необходимых пинков. Он прочел многие черновики (а некоторые куски слушал по телефону) и всегда давал полезные комментарии. С нетерпением жду возможности отплатить ему той же монетой.

Моя семья стала опорой этой книги: Мэтт — лучший старший брат, о котором может мечтать любая девчонка, поддерживал меня в долгих беседах, смеялся вместе со мной и всегда напоминал мне не забывать о себе. Моим замечательным племянникам Нику и Джастину всегда удавалось развеселить меня. Из-за этой книги им пришлось провести слишком много

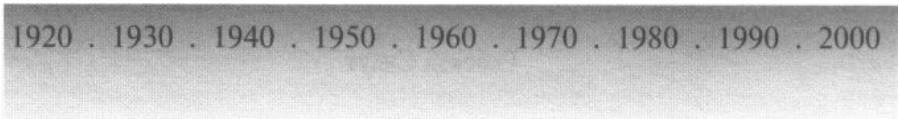
каникул без своей тети, и я с нетерпением жду возможности наверстать упущенное. Моя невестка Рене беспрестанно поддерживала эту книгу; она не только хороший друг, но и зоркий читатель, обладающий поразительным талантом выискивать ошибки и несоответствия. Таким же даром обладает моя мачеха Беверли, которая прочла несколько черновиков с завидной проницательностью и бесценной поддержкой. Ее восприимчивость и опыт социального работника во многом помогли мне разобраться со сложностями в судьбе Лаксов.

Мои родители и их супруги заслуживают благодарственных дифирамбов на всю вступительную часть книги за ту поддержку, которую они мне оказывали на протяжении многих лет. Моя мать Бетси МакКарти никогда не сомневалась и верила в меня и эту книгу. Она помогала мне сохранить рассудок ободряющими разговорами, проверками в реальных условиях и вязаными рукодельными подарками, семейную традицию которых я бережно храню. Ее энергия, артистичность и решительность стали для меня незаменимым руководством к действию. Вместе со своим мужем Терри она ободряла меня в самые тяжелые минуты, они читали многочисленные черновики книги и давали мудрые и полезные советы.

Я бесконечно благодарна своему отцу Флойду Склуту за то, что он научил меня видеть мир глазами писателя, вдохновлял своими многочисленными прекрасными книгами и относился к этой книге как к родной. Он всегда поощрял меня следовать своему зову в искусстве и отстаивать свое видение, даже если это означало бросить стабильную работу ради работы свободного художника. Он прочел эту книгу до публикации шесть раз (и это не считая прочтенных до того десятков отдельных глав и разделов). Он не только мой отец, но и коллега, мой бескорыстный журналист и мой друг. Мне безмерно повезло.

А теперь дошла очередь до Дэвида Прета, моего «Фокуса» (ты знаешь). Он прочел эту книгу, когда она была куда длиннее, чем может быть любая книга, и благодаря своему богатому таланту писателя и актера помог мне сократить ее до разумных размеров. Его такт и поддержка, его сердце, сострадание и прекрасные кулинарные способности помогли мне выжить и быть счастливой. Он продолжал поддерживать меня даже после того, как Проект бессмертной книги Ребекки Склут овладел нашим домом и нашими жизнями. Он завоевал мою любовь и признательность. Я очень везучая.

Примечания



Исходные материалы, опираясь на которые я писала эту книгу, заполнили бы не один шкаф, а сотни часов взятых интервью с членами семьи Лакс, учеными, журналистами, юристами, специалистами по биоэтике, экспертами по политике здравоохранения и историками — будучи записаны в блокноты — не оставили бы места на полках. Я не буду перечислять в примечании всех этих экспертов; помощь многих из них я отметила в разделе «Благодарности» или привела их имя в книге.

Мои источники слишком многочисленны для того, чтобы перечислять их полностью, поэтому в примечании я выборочно укажу лишь самые важные — преимущественно те, что доступны для широкой публики. Дополнительную информацию и ресурсы можно найти на сайте www.RebeccaScloot.com.

Примечания разбиты по главам, за исключением двух: поскольку семья Лакс и Джордж Гай упоминаются во многих главах, я объединила примечания по ним и вынесла в отдельные разделы. Если какая-то глава не указана в примечаниях, значит, ее исходные материалы перечислены в объединенных вступлениях о Гае и Лаксах.

Генриетта Лакс и ее семья

При воссоздании истории жизни Генриетты и жизни ее родственников я воспользовалась интервью с членами ее семьи, друзьями, соседями и знатоками тех времен и мест, когда и где они жили, а также аудио- и видеозаписями ее семьи и видеоматериалами к так и не вышедшему в прокат документальному фильму BBC The Way of All Flesh («Судьба каждого тела»). Я также использовала дневники Деборы Лакс, медицинские записи, судебные документы, полицейские досье, семейные фотографии, сообщения из газет и журналов, местные информационные бюллетени, завещания, документы о передаче прав собственности и свидетельства о рождении и смерти.

Джордж Гай и его лаборатория

При воссоздании жизни и работы Джорджа и Маргарет Гай я основывалась на документах из архивов Джорджа Гая, которые находятся в Медицинских архивах Алана Мейсона Чесни (Alan Mason Chesney Medical Archives, AMCMA) в медицинской школе Университета имени Джона Хопкинса; на архивах Ассоциации банков тканевых культур (Tissue Culture Association Archives, TCAA) в Университете Мэриленда (округ Балтимор); на личных архивах семьи Гай; а также на академических информационных публикациях и на интервью с членами семьи, коллегами и учеными в области исследования рака и культивирования клеток.

Пролог

Оценка возможного веса клеток HeLa приводится по расчетам Леонарда Хейфлика, исходя из которых максимальный возможный вес линии нормальных человеческих клеток составляет 20 миллионов метрических тонн, и потенциальный вес HeLa может быть «бесконечно больше», поскольку рост этих клеток не ограничен пределом Хейфлика. Хейфлик написал мне в электронном письме: «Если бы мы, выращивая HeLa, всего в 50 раз удвоили бы их популяцию, их вес составил бы 50 миллионов метрических тонн (при условии, что все эти клетки были сохранены). Очевидно, что было бы непрактично поступить подобным образом». Более подробную информацию относительно потенциала роста нормальных клеток можно найти в статье Hayflick and Moorehead. The Serial Cultivation of Human Diploid Cell Strains, — Experimental Cell Research, 25 (1961).

Дополнительные статьи о семье Лакс см. в: Miracle of HeLa. — Ebony (июнь 1976 года) и Family Takes Pride in Mrs. Lacks' Contribution. — Jet (апрель 1976 года).

Часть первая. Жизнь

Глава 1. Прием у врача

Сведения о дате первого визита Генриетты в больницу Джона Хопкинса противоречивы. Чаще всего указывалось 1 февраля 1951 года. Неясность с этой датой возникла вследствие ошибки, допущенной ее лечащим врачом при переписывании информации 5 февраля. В других записях Генриетты сказано, что впервые ее опухоль была диагностирована 29 января, поэтому я выбрала эту дату.

Документацию об истории больницы Джона Хопкинса (в этой

и последующих главах) см. в AMCMA, а также в Alan Mason Chesney. The John Hopkins Hospital and the John Hopkins University School of Medicine: A Chronicle и The First 100 Years: Department of Gynecology and Obstetrics, the John Hopkins School of Medicine, the John Hopkins Hospital. Edit, by Timothy R. B. Johnson, John A. Rock, and J. Donald Woodruff.

Здесь и далее информация, касающаяся расовой сегрегации в больнице Джона Хопкинса, почерпнута из интервью, а также из работ: Louise Kavagnaro. The Way We Were. — Dome 55, no.7 (September 2004), которую можно посмотреть по ссылке hopkinsmedicine.org/dome/0409/featurel.cfm; Louise Kavagnaro, A History of Segregation and Desegregation at The Johns Hopkins Medical Institutions. — Unpublished manuscript (1989) at the AMCMA и The Racial Record of Johns Hopkins University. — Journal of Blacks in Higher Education 25 (Autumn 1999).

Источники информации о влиянии расовой сегрегации на медицинское обслуживание и его результаты включают: C. Vann Woodward. The Strange Career of Jim Crow; R Preston Reynolds and Raymond Bernard. Consequences of Racial Segregation. — American Catholic Sociological Review 10, no. 2 (June 1949); Albert W. Dent. Hospital Services and Facilities Available to Negroes in the United States. — Journal of Negro Education 18, no.3 (Summer 1949); Alfred Yankauer Jr.. The Relationship of Fetal and Infant Mortality to Residential Segregation: An Inquiry into Social Epidemiology. — American Sociological Review 15, no.5 (October 1950) и Hospitals and Civil Rights, 1945–1963: The Case of Simkins v. Moses H. Cone Memorial Hospital. — Annals of Internal Medicine 126, no.11 (June 1, 1997).

Медицинские записи Генриетты, переданные мне ее семьей, недоступны для широкого читателя; однако некоторую информацию о ее диагнозе можно найти в статье Howard. W. Jones. Record of the First Physician to see Henrietta Lacks at the Johns Hopkins Hospital: History of the Beginning of the Hela Cell Line. — American Journal of Obstetrics and Gynecology 176, no. 6 (June 1997): S. 227 — S. 228.

Глава 2. Кловер

Информация об истории производства табака в Виргинии была получена от Исторического общества Виргинии, взята с веб-сайта округа Галифакс, из архивных документов и новостных статей в библиотеке Саут-Бостона (South Boston Library), а также из нескольких книг, в том числе обзорной работы по истории табачной отрасли для широкого круга читателей Tara Parker Pope. Cigarettes: Anatomy of an Industry, from Seed to Smoke.

Несколько книг помогли мне воссоздать эпоху и места, где жила Генриетта, в том числе: Henry Preston Young Jr.. Country Folks: The Way We Were Back Then in Halifax County, Virginia; Pocahontas Wight Edmunds. History of Halifax; Jerome Watson. Turner Station; Karen Olson. Wives of Steel: Mark Reutter. Making Steel. История Станции Тернер описана также в новостных статьях и документах, которые находятся в историческом обществе «Пролив Дандок — Патапско» (the Dundalk Patapsco Neck Historical Society) и в библиотеке Норт-Пойнт (the North-Point Library) в Дандоке (Мэриленд).

Глава 3. Диагноз и лечение

Относительно изобретения мазка Папаниколау см.: G. N. Papanicolaou and H. F. Traut. Diagnostic Value of Vaginal Smears in Carcinoma of Uterus. — American Journal of Obstetrics and Gynecology 42, (1941) и George Papanicolaou и H. Traut. Diagnosis of Uterine Cancer by the Vaginal Smear (1943).

Исследование Ричардом Телиндом карциномы in situ и инвазивной карциномы, а также его обеспокоенность по поводу необоснованных гистерэктомий задокументированы много раз, в том числе в: Hysterectomy: Present-Day Indications. — JMSMS (July 1949); G. A. Gavin, H. W. Jones и R.W / TeLinde. Clinical Relationship of Carcinoma in Situ and Invasive Carcinoma of the Cervix. — Journal of the American Medical Association 149, no. 8 (June 2,1952); R. W. TeLinde, H. W. Jones and G. A. Gavin. What Are the Earliest Endometrial Changes to Justify a Diagnosis of Endometrial Cancer? — American Journal of Obstetrics and Gynecology 66, no.5 (November, 1953); R. W. TeLinde. Carcinoma in Situ of the Cervix. — American Journal of Obstetrics and Gynecology 1, no. 1 (January, 1953), а также в биографии Телинда: Howard W. Jones, Georgeanna Jones and William E. Ticknor. Richard Wesley TeLinde.

Информацию об истории радия и его использования для лечения рака см.: The First 100 Years; веб-сайт Управления охраны окружающей среды США epa.gov/iris/subst/0295.htm; D. J. DiSantis and D. M. DiSantis. Radiologic History Exhibit: Wrong Turns on Radiology's Road of Progress. — Radiographics 11 (1991); Catherine Caufield. Multiple Exposures: Chronicles of the Radiation Age.

Источники относительно стандартной процедуры лечения рака шейки матки в 1950-х годах включают: A. Brunschwig. The Operative Treatment of Carcinoma of the Cervix: Radical Panhysterectomy with Pelvic Lymph Node Excision. — American Journal of Obstetrics and Gynecology 61, no. 6 (June, 1951); R. W. Green. Carcinoma of the Cervix: Surgical Treatment (A Review). — Journal of the Maine Medical Association 42, no. 11 (November, 1952); R. T. Schmidt. Panhysterectomy in the Treatment of Carcinoma

of the Uterine Cervix: Evaluation of Results. — JAMA 146, no. 14 (4 August, 1951); S. B. Gusberg and J. A. Corsaden. The Pathology and Treatment of Adenocarcinoma of the Cervix. — Cancer 4, no. 5 (September, 1951).

Рост L-клеток (первой линии бессмертных клеток, полученных от мыши) описан в работе W. R. Earle et al. Production of Malignancy in Vitro. IV. The Mouse Fibroblast Cultures and Changes Seen in Living Cells. — Journal of the NCI 4 (1943).

Информацию о работе Гая по культивированию клеток до появления линии HeLa см.: G. O. Gey. Studies on the Cultivation of Human Tissue Outside the Body. — Wisconsin J. J. 28, no. 11 (1929); G. O. Gey and M. K. Gey. The Maintenance of Human Normal Cells and Human Tumor Cells in Continuous Culture I. A Preliminary Report. — American Journal of Cancer 27, no. 45 (May, 1936); обзорную информацию см.: G. O. Gey, F. Bang and M. Gay. An Evaluation of Some Comparative Studies on Cultured Strains of Normal and Malignant Cells in Animals and Man. — Texas Reports on Biology and Medicine (Winter, 1954).

Глава 4. Рождение HeLa

Информацию о создании Гаем барабана-цилиндра см.: An Improved Technic for Massive Tissue Culture. — American Journal of Cancer 17 (1933); о его ранней работе по съемке клеток см.: G. O. Gey and W. M. Firor. Phase Contrast Microscopy of Living Cells. — Annals of Surgery 125 (1946.). Отрывок (в конце концов опубликованный) с описанием первоначального роста линии клеток HeLa см.: G. O. Gey, W. D. Koffman and M. T. Kubicek. Tissue Culture Stidues of the Proliferative Capacity of Cervical Carcinoma and Normal Epithelium. — Canser Research 12 (1952): 264–65. Подробное обсуждение его работы с HeLa и другими культурами см.: G. O. Gey. Some Aspects of the Constitution and Behavior of Normal and Malignant Cells Maintained in Continuous Culture, — The Harvey Lecture Series L (1954–55).

Глава 5. «Чернота заполняет все внутри»

Рассуждения Телинда о «воздействии гистерэктомии на психику» см.: Hysterectomy: Present-Day Indications. — Journal of the Michigan State Medical Society, июль 1949 года.

Глава 6. «Дама по телефону»

Материалы первого симпозиума по HeLa были опубликованы в сборнике The HeLa Cancer Control Symposium: Presented at the First Annual Womens Health Conference, Morehouse School of Medicine, October 11, 1996. Edit, by Roland Pattillo, — American Journal of Obstetrics and Gynecology, suppl.176, no. 6 (June, 1997).

Общий обзор исследований в Таскиги, предназначенный для широкой публики, см.: James H. Jones. Bad Blood: The Tuskegee

Syphilis Experiment, а также Final Report of the Tuskegee Syphilis Study Legacy Committee, by Vanessa Northington Gamble, chair (May, 20, 1996).

Глава 7. Жизнь и смерть культуры клеток

Отрывок из телепередачи с участием Джорджа Гая см.: Cancer Will Be Conquered. — Johns Hopkins University: Special Collections Science Review Series (April 10, 1951).

Дополнительную информацию по истории культивирования клеток см. в исчерпывающем историческом очерке Hannah Landecker. Culturing Life: How Cells Became Technologies; см. также David M. Friedman. The Immortalists: Charles Lindherg, Dr. Alexix Carrel, and Their Daring Quest to Live Forever. Общий обзор вклада учреждений им. Дж. Хопкинса в культивирование клеток см.: History of Tissue Culture at Johns Hopkins. — Bulletin of the History of Medicine (1977).

Для воссоздания истории Алексиса Карреля и его цыплячьего сердца я использовала многие источники, в том числе: A. Carrel and M. T. Burrows, Cultivation of Tissues in Vitro and its Technique. — Journal of Experimental Medicine (January 15, 1911); On the Permanent Life of Tissues Outside of the Organism. — Journal of Experimental Medicine (March 15, 1912); Albertr H. Eheling. A Ten Year Old Strain of Fibroblasts. — Journal of Experimental Medicine (May 30 1922). Также были использованы: Dr. Carrel's Immortal Chicken Heart. — Scientific American (January, 1942.); The Immortality of Tissues. — Scientific American (October 26, 1912); On the Trail of Immortality. — McClures (January, 1913); Herald of Immortality Foresees Suspended Animation. — Newsweek (December, 21 1935); Flesh That Is Immortal. — Worlds Work 28 (October, 1914); Carrel's New Miracle Points Way to Avert Old Age! — New York Times Magazine (September 14, 1913); Alexis Carrel. The Immortality of Animal Tissue, and Its Significance. — The Golden Book Magazine 7 (June, 1928); а также Men in Black. — Time 31, no. 24 (June 13, 1938). Подробная информация о Карреле имеется также на сайте Нобелевской премии (The Nobel Prize website).

Историю культивирования клеток в Европе см.: W. Duncan. The Early History of Tissue Culture in Britain: The Interwar Years. — Social History of Medicine 18, no. 2 (2005), а также Duncan Wilson. Make Dry Bones Live': Scientists' Responses to Changing Cultural Representation of Tissue Culture in Britain, 1918–2004. — Dissertacion, University of Manchester (2005).

Вывод о том, что клетки куриного сердца Карреля в действительности не были бессмертными, содержится в интервью с Леонардом Хейфликом; см. также: J. Witkowsky. The Myth of Cell Immortality. — Trends in Biochemical Sciences (July, 1985) и

J. Witkowsky, letter to the editor. — Science 247 (March 23, 1990).

Глава 9. Станция Тернер

Адрес Генриетты указан в газетной статье Жака Келли: Jacques Kelly. Her Sells Made Her Immortal. — Baltimore Sun, March 18, 1997. Статья Майкла Роджерса: Michael Rogers. The Double-Edged Helix. — Rolling Stone, March 25, 1976.

Глава 10. По другую сторону дороги

Относительно упадка Кловера см., например: South Boston, Halifax County, Virginia. — an Economic Study by Virginia Electric and Power Company; Town Begins to Move Ahead. — Gazette-Virginian, May 23, 1974; Town Wants to Disappear. — Washington Times, May 15, 1988; а также Supes Decision Could End Clover's Township. — Gazette-Virginian, 18 мая, 1998; Historical Monograph: Black Walnut Plantation Rural Historic District, Halifax County, Virginia. — Old Dominion Electric Cooperative (April, 1996). Данные о числе жителей доступны на сайте www. census.gov.

Часть вторая. Смерть

Глава 12. Буря

Обсуждение истории судебных решений и прав в отношении посмертного вскрытия см.: Susan Lederer. Subjected to Science.

Глава 13. Фабрика клеток HeLa

Более подробно об истории вакцины против полиомиелита см.: Debby Bookchin and Jim Shumacher. The Virus and the Vaccine; David M. Oshinsky. Polio: An American Story; Jeffry Kluger. Splendid Solution: Jonas Salk and the Conquest of Polio; Paul Offit. The Cutter Incident: How Americas First Polio Vaccine Led to the Growing Crisis in Vaccines.

Подробности первоначального выращивания вируса полиомиелита с использованием клеток HeLa и последующей разработки методов доставки задокументированы в письмах, которые хранятся в AMCMA и архивах Фонда борьбы с полиомиелитом (March of Dimes Archives), а также в работе: J. Syverton, W. Scherer and J. O. Gey. Stidies on the Propagation in Vitro of Poliemyelitis Virus. — Journal of Experimental Medicine 97, no. 5 (May 1 1953).

История массового производства Hela в Таскиги задокументирована в письмах, отчетах о расходовании и других документах из архивов Фонда борьбы с полиомиелитом (March of Dimes Archives). В качестве всестороннего обзора см.:

Russell W. Brown and James H. M. Henderson. The Mass Production and Distribution of Hela Cells at the Tuskegee Institute,

1953–1955. — Journal of the History of Medicine, 38 (1983).

Подробное изложение многих научных достижений, сопровождавших выращивание HeLa, можно найти в письмах и прочих документах, хранящихся в AMCA и TCAA. Полный обзор дается в книге Hannah Landecker. Culturing Life: How Cells Became Technologies. Многие из научных работ, на которые даются ссылки в тексте данной главы, взяты из сборника Readings in Mammalian Cell Culture. Edit. by Robert Poliak, в том числе статьи: H. Eagle. Nutrition Needs of Mammalian Cells in Tissue Culture. — Science 122 (1955): стр. 501–4; T. T. Puck and P. I. Marcus. A Rapid Method for Viable Cell Titration and Clone Production with HeLa Cells in Tissue Culture: the Use of X-irradiated Cells to Study Conditioning Factors. — Proceedings of the National Academy of Science 41 (1955); J. H. Tjio and A. Levan. The Chromosome Number of Man. — Cytogenics 42 (January 26, 1956). См. также M. J. Kottler. From 48 to 46: Cytological Technique, Preconception, and the Counting of Human Chromosomes. — Bulletin of the History of Medicine 48, no. 4 (1974); H. E. Swim. Microbiological Aspects of Tissue Culture. — Annual Review of Microbiology 13 (1959); J. Craigie. Survival and Preservation of Tumors in the Frozen State. — Advanced Cancer Research 2 (1954); W. Scherer And A. Hoogasian. Preservation at Subzero Temperatures of Mouse Fibroblasts (Strain L) and Human Epithelial Cells (Strain HeLa). — Proceedings of the Society for Experimental Biology and Medicine 87, no. 2 (1954); T. C. Hsu. Mammalian Chromosomes in Vitro: The Karyotype of Man. — Journal of Heredity 43 (1952); D. Pearlman. Value of Mammalian Cell Culture as Biochemical Tool. — Science 160 (April, 1969); N. P. Salzman. Animal Cell Cultures, — Science 133, no. 3464 (May, 1961).

Другие полезные источники для данной главы: T. C. Hsu. Human and Mammalian Cytogenetics: An Historical Perspective, а также C. Moberg. Keith Porter and the Founding of the Tissue Culture Association: A Fiftieth Anniversary Tribute, 1946–1996. — In Vitro Cellular & Developmental Biology-Animal (Novenber, 1996).

Глава 14. Хелен Лэйн

Дебаты по поводу публичного разглашении имени Генриетты задокументированы в письмах, которые находятся в AMCA. Henrietta Lakes (Генриетта Лейкс) была названа донором для линии клеток Hela в статье U Polio-detection Method to Aid in Prevention Plans, которая была опубликована в Minneapolis Star 2 ноября 1953 года. Helen L. была впервые объявлена источником линии клеток HeLa в статье Билла Дэвидсона: Bill Davidson. Probing the Secret of Life. — Collier s, May 14, 1954.

Глава 17. Незаконное, аморальное и прискорбное

Об инъекциях раковых клеток, которые делал Саутэм,

написано во многих научных статьях, автором или соавтором которых он был, в том числе: Neoplastic Changes Developing in Epithelial Cell Lines Derived from Normal Persons. — Science 124, no. 3212 (July 20, 1956); письмо Transplantation of Human Tumors. — Science 125, no. 3239 (January 25,1957); Homotransplantation of Human Cell Lines. — Science 125, no. 3239 (January 25, 1957); Applications of Immunology to Clinical Cancer Past Attempts and Future Possibilities. — Cancer Research 21 (October, 1961): 1302–16; History and Prospects of Immunotherapy of Cancer. — Annals of the New York Academy of Sciences 277, no. 1 (1976).

О тюремных исследованиях Саутэма рассказывается в следующих газетных статьях: Convicts to Get Cancer Injection. — New York Times, May 23, 1956; Cancer by the Needle. — Newsweek, June 4, 1956; 14 Convicts Injected with Live Cancer Cells. — New York Times, June 15, 1956; Cancer Volunteers. — Time, February 25, 1957; Cancer Defenses Found to Differ. — New York Times, April 15,1957; Cancer Injections Cause 'Reaction'. — New York Times, July 18, 1956; Convicts Sought for Cancer Test. — New York Times, August 1, 1957.

Наиболее подробно инъекции раковых клеток, которые делал Саутэм, и последовавшие за тем слушания по его делу описаны в работе: Jay Katz. Experimentation with Human Beings, где собраны оригиналы обширной переписки, судебных документов и других материалов, которые иначе могли потеряться, ибо совет попечителей не сохранил их. Также см.: Jay Katz. Experimentation on Human Beings. — Stanford Law Review 20 (November, 1967). Судебные иски Хаймэна см.: William A. Hyman v. Jewish Chronic Disease Hospital (42 Misc. 2d 427; 248 N.Y.S.2d 245; 1964 and 15 N.Y.2d 317; 206 N.E.2d 338; 258 N.Y.S.2d 397; 1965). Также см. иск пациента Alvin Zeleznik v. Jewish Chronic Disease Hospital (47 A.D.2d 199; 366 N.Y.S.2d 163; 1975). Статью Г. Бичера см. H. Beacher. Ethics and Clinical Research. — New England Journal of Medicine 274, no. 24 (June 16, 1966).

Этические дебаты вокруг «проблемы Саутэма» были отражены в прессе в новостных материалах, в том числе: Scientific Experts Condemn Ethics of Cancer Injection. — New York Times, January 26, 1964; Earl Ubell. Why the Big Fuss. — Chronicle-Telegram, January 25, 1961; Elinor Langer. Human Experimentation: Cancer Studies at Sloan-Kettering Stir Public Debate on Medical Ethics. — Science 143 (February 7, 1964); Elinor Langer. Human Experimentation: New York Verdict Affirms Patient Rights. — Science (February 11, 1966).

Каждому, кто интересуется историей исследований на людях и их этической стороной, стоит прочесть книгу Susan E. Lederer. Subjected to Science: Human Experimentation in America Before the

Second World War, равно как и работу George J. Annas and Michael A. Grodin. The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation. Обе эти книги были важными источниками при написании этой главы. Историю экспериментов над заключенными см. Allen Hornblum Acres of Skin: Human Experiments at Holmesburg Prison, который брал у Саутэма интервью незадолго до его смерти и любезно поделился со мной полученной информацией.

Более подробно об истории биоэтики, в том числе об изменениях, последовавших после «проблемы Саутэма», см. Albert R. Jonsen. The Birth of Bioethics; David J. Rothman. Strangers at the Bedside: a History of How Law and Bioethics Transformed Medical Decision Making; George J. Annas. Informed Consent to Human Experimentation: The Subject s Dilemma; M. S. Frankel. The Development of Policy Guidelines Governing Human Experimentation in the United States: A Case Study of Public Policy-making for Science and Technology. — Ethics in Science and Medicine 2, no. 48 (1975); а также R. B. Livingston. Progress Report on Survey of Moral and Ethical Aspects of Clinical Investigation: Memorandum to Director, NIH (Novenber 4, 1964).

Подробно об истории информированного согласия см.: Ruth Faden and Tom Beauchamp A History and Theory of Informed Consent. Относительно информации о первом судебном процессе, где упоминалось «информированное согласие», см.: Salgo v. Leland Stanford Jr. Unversity Board of Trustees (Civ. No. 17045. First Dist., Div.One, 1957).

Глава 18. Самая странная гибридная форма жизни

Инструкции по выращиванию HeLa в домашних условиях были опубликованы в статье: C. L. Stong. The Amateur Scientist: How to Perform Experiments with Animal Cells Living in Tissue Culture. — Scientific American, April 1966.

Источники по истории исследований культур клеток в космосе включают в себя: Allan A. Katzberg. The effects of Space Flights on Living Human Cells. — Lectures in Aerospace Medicine, School of Aerospace Medicine (1960); K. Dickson. Summary of Biological Spaceflight Experiments with Cells. — ASGSB Bulletin 4, no. 2 (July 1991).

Хотя исследование клеток HeLa в космосе было законным и полезным, однако теперь известно, что оно являлось частью прикрытия разведывательного проекта, одной из целей которого было фотографирование территории Советского Союза из космоса. Относительно использования «биологической полезной нагрузки» в качестве прикрытия шпионских задач см.: Eye in the Sky: The Story of the Corona Spy Satellites. Edited by Dwayne A. Day

et al.

Впервые предположение о возможном заражении клетками HeLa было высказано Л. Кориеллом в работе: L. Coriell et al. Common Antigens in Tissue Culture Cell Lines. — Science, July 25, 1958. Другие ресурсы, авторы которых одними из первых высказали опасение о заражении культур: L. B. Robinson et al. Contamination of Human Cell Cultures by Pleuropneumonialike Organisms. — Science 124, no. 3232 (December 7, 1956); R. R. Gurner, R. A. Coombs, and R. Stevenson. Results of Tests for the Species of Origins of Cell Lines by Means of the Mixed Agglutination Reaction. — Experimental Cell Research 28 (September, 1962); R. Dulbecco. Transformation of Cells in Vitro by Viruses. — Science 142 (November 15, 1963); R. Stevenson. Cell Culture Collection Committee in the United States // Cancer Cells in Culture, edit. H. Katsuta (1968). Историю ATCC см. R. Stevenson. Collection, Preservation, Characterization and Distribution of Cell Cultures. — Proceedings, Symposium on the Characterization and Uses of Human Diploid Cell Strains: Opatija (1963); а также U. Clark and D. Geary The Story of the American Type Culture Collection: Its History and Development (1899–1973). — Advances in Applied Microbiology 17 (1974).

Важные источники о ранних исследованиях клеточных гибридов: Barski, Sorieul and Cornefert. Production of Cells of a 'Hybrid' Nature in Cultures in Vitro of 2 Cellular Strains in Combination. — Comptes Rendus Hebdomadaires des Séances de l'Académie des Sciences 215 (October 24, 1960); H. Harris и J. F. Watkins. Hybrid Cells Derived from Mouse and Man: Artificial Heterokaryons of Mammalian Cells from Different Species. — Nature 205 (February 13, 1965); M. Weiss и H. Green. Human — Mouse Hybrid Cell Lines Containing Partial Complements of Human Chromosomes and Functioning Human Genes. — Proceedings of the National Academy of Sciences 58, no. 3 (September 15, 1967); а также B. Ephrussi and C. Weiss. Hybrid Somatic Cells. — Scientific American 20, no. 4 (April, 1969).

Относительно дополнительной информации об исследовании гибридов Харрисом см.: The Formation and Characteristics of Hybrid Cells // in Cell Fusion: The Dunham Lectures (1970); The Cells of the Body: A History of Somatic Cell Genetics; Behaviour of Differentiated Nuclei in Heterokaryons of Animal Cells from Different Species. — Nature 206 (1965); The Reactivation of the Red Cell Nucleus. — Journal of Cell Science 2 (1967); H. Harris and P. R. Harris. Synthesis of an Enzyme Determined by an Erytrocyte Nucleus in a Hybrid Cell. — Journal of Cell Science 5 (1966).

Широкое освещение в прессе: Man-Animal Cells Are Bred in

Lab. — The [London] Sunday Times (February 14, 1965); а также Of Mice and Men. — Washington Post (March 1, 1965).

Глава 20. Бомба HeLa

При работе над этой главой я основывалась на сообщениях и прочих документах, которые находятся в AMCA и TCAA, а также на The Proceedings of the Second Decennial Review Conference on Cell Tissue and Organ Culture. — The Tissue Culture Association, Held on September 11–15, 1966. — National Cancer Institute Monographs 58, no. 26 (November 15, 1967).

При написании этой главы я пользовалась большим количеством научных документов о заражении культур, в том числе: S. M. Gartler. Apparent HeLa Cell Contamination of Human Heteroploid Cell Lines. — Nature 217 (February 4, 1968); N. Auersberg and S. M. Gartler / Isoenzyme Stability in Human Heteroploid Cell Lines. — Experimental Cell Research 61 (August, 1970); E. E. Fraley, S. Ecker and M. M. Vincent. Spontaneous in Vitro Neoplastic Transformation of Adult Human Prostatic Epithelium. — Science 170, no. 3957 (October 30, 1970); A. Yoshida, S. Watanabe, and S. M. Gartler. Identification of HeLa Cell Glucose 6-phosphate Dehydrogenase. — Biochemical Genetics 5 (1971); W. D. Peterson et al. Glucose 6-phosphate Dehydrogenase Isoenzymes in Human Cell Cultures Determined by Sucrose-Agar Gel and Cellulose Acetate Zymograms. — Proceedings of the Society for Experimental Biology and Medicine 128, no. 3 (July, 1968); Y. Matzuya and H. Green. Somatic Cell Hybrid Between the Established Human Line D98 (presumptive HeLa) and 3T3. — Science 163, no. 3868 (February 14, 1969); а также C. S. Stulberg, L. Coriell et al. The Animal Cell Culture Collection. — In Vitro 5 (1970).

Подробности о спорах по поводу заражения см.: Michael Gold. A Conspiracy of Cells.

Глава 21. «Ночные доктора»

Источники информации о «ночных докторах» и истории черных американцев и медицинских исследований: Gladis-Mary Fry. Night Riders in Black Folk History; T. L. Savitt. The Use of Blacks for Medical Experimentation and Demonstration in the Old South. — Journal of Southern History 48, no. 3 (August, 1982); Medicine and Slavery: The Disease and the Health Care of Blacks in Antebellum, Virginia; F. C. Waite. Grave Robbing in New England. — Medical Library Association Bulletin (1945); W. M. Cobb. Surgery and the Negro Physician: Some Parallels in Background. — Journal of the National Medical Association (May, 1951); V. N. Gamble. A Legacy of Distrust: African Americans and Medical Research. — American Journal of Preventive Medicine 9 (1993); V. N. Gamble. Under the Shadow of Tuskegee: African Americans and Health Care. — American

Journal of Public Health 87, no. 11 (November, 1997).

Более подробную и доступную информацию см.: Harriet Washington. Medical Apartheid: The Dark History of Medical Experimentation on Black Americans from Colonial Times to the Present.

Историю больницы Хопкинса см. в источниках, указанных в примечании к главе 1.

Относительно документов и другие материалов о судебном иске ACLU (Американского союза защиты гражданских свобод) против больницы Хопкинса, проводившей исследование генетической предрасположенности к преступному поведению, см.: Jay Katz. Experimentation with Human Beings, chapter titled «Медицинский университет Джона Хопкинса: хроника. История исследования генов преступности». Более подробную информацию см.: Harriet Washington. Born for Evil // Roelke and Maio, Twentieth Century Ethics of Human Subjects Research (2004).

Источники об исследовании с применением свинца, проводимом больницей Хопкинса, в том числе судебные документы и записи департамента здравоохранения и социальных служб, а также интервью с человеком, принимавшим участие в судебном процессе см.: Erika Grimes v. Kennedy Kreiger Institute, Inc. (24-C-99–925 and 24-C-95–66067/CL 193461). См. также: L. M. Kopelman. Children as Research Subjects: Moral Disputes, Regulatory Guidance and Recent Court Decisions. — Mount Sinai Medical Journal (May, 2006) and J. Poliak. The Lead-Based Paint Abatement Repair & Maintenance Study in Baltimore: Historic Framework and Study Design. — Journal of Health Care Law and Policy (2002).

Глава 22. «Наслаждаться славой, которую она вполне заслуживает»

Статья, в которой было впервые упомянуто настоящее имя Генриетты: H. W. Jones, V. A. McKusick, P. S. Harper and K. D. Wuu. George Otto Gey (1899–1970): The HeLa Cell and a Reappraisal of its Origin. — Obstetrics and Gynecology 38, no. 6 (December, 1971). См. также J. Douglas. Who Was HeLa? — Nature 242 (March 9, 1973); J. Douglas. HeLa. — Nature 242 (April 20, 1973) and B.J.C., HeLa (for Henrietta Lacks. — Science 184, no. 4143 (June 21, 1974).

Информация об ошибочном диагнозе рака Генриетты и о том, повлияло ли это на ход ее лечения, взята из интервью с Говардом У Джонсом, Роландом Патилло, Робертом Керманом, Дэвидом Фишменом, Кармель Коэн и других. Я также основывалась на нескольких научных документах, в том числе на работе: S. B. Gusberg and J. A. Corsaden. The Pathology and Treatment of Adenocarcinoma ofthe Cervix. — Cancer 4, no. 5 (September, 1951).

Информация о дебатах относительно заражения HeLa взята из источников, указанных в примечании к главе 20. Текст The 1971 National Cancer Act (Закона о борьбе с раком от 1971 года) см. по адресу: cancer.gov/aboutnci/nationalcancer-act-1971/allpages.

Источники о текущих дебатах: L. Coriell. Cell Repository. — Science 180, no. 4084 (April 27, 1973); W. A. Nelson-Rees and al. Banded Marker Chromosomes as Indicators of Intraspecies Cellular Contamination. — Science 184, no. 4141 (June 7, 1974); K. S. Lavappa et al. Examination of ATCC Stocks for HeLa Marker Chromosomes in Human Cell Lines. — Nature 259 (January 22, 1976); W. K. Heneen. HeLa Cells and Their Possible Contamination of Other Cell Lines: Karyotype Studies. — Hereditas 82 (1976); W. A. Nelson-Rees and R. R. Flandermeyer. HeLa Cultures Defined. — Science 191, no. 4222 (January 9, 1976); M. M. Webber. Present Status of MA-160 Cell Line: Prostatic Epithelium of HeLa Cells? — Investigative Urology 14, no. 5 (March, 1977); W. A. Nelson-Rees. The Indentification and Monitoring of Cell Line Specificity // Origin and Natural History of Cell Lines (Alan R. Liss, Inc., 1978).

Я также пользовалась опубликованными и неопубликованными воспоминаниями непосредственных участников данных дискуссий. Печатные материалы включают в себя: W. A. Nelson-Rees. Responsibility for Truth in Research. — Philosophical Transactions of the Royal Society 356, no. 1410 (June 29, 2001); S. J. O'Brien. Cell Culture Forensics. — Proceedings of the National Academy of Aciences 98, no. 14 (July 3, 2001) и, наконец, R. Chatterjee. Cell Biology: A Lonely Crusade. — Science 16, no. 315 (February 16, 2007).

Часть третья. Бессмертие

Глава 23. «Она жива»

При написании этой главы я частично основывалась на письмах, которые хранятся в AMCMA, на медицинских записях Деборы Лакс, а также на статью Proceedings for the New Haven Conference (1973): First International Workshop on Human Gene Mapping. — Cytogenetics and Cell Genetics 13 (1974): стр. 1–216.

Информацию о карьере Виктора МакКьюсика см. на сайте National Library of Medicine (Национальной медицинской библиотеки): nlm.nih.gov/news/victor_mckusick_profiles09.htm. Его база данных по генетике, которая теперь называется OMIM, размещена по адресу: ncbi.nlm.nih.gov/omim.

Избранные документы о соответствующих законах, защищающих людей — объектов исследований см.: The

Institutional Guide to DHEW Policy on Protection of Human Subjects. — DHEW Publication No. (NIH) 72–102 (December 1, 1971); NIH Guide for Grants and Contracts. — U. S. Department of Health, Education and Welfare, no. 18 (April 14, 1972); Policies for Protecting All Human Subjects in Research Announced. — NIH Record (October 9, 1973); Protection of Human Subjects. // Department of Health, Education, and Welfare. — Federal Register 39, no. 105, part 2 (May 30, 1974).

Более подробную информацию об истории контроля исследований на людях см.: The Human Radiation Experiments: Final Report of the President's Advisory Committee (Oxford University Press, available at hss.energy.gov/HealthSafety/ ohre/roadmap/ index.html).

Глава 24. «Они по крайней мере могли бы»

Microbiological Associates впоследствии стала частью нескольких других, более крупных компаний, в том числе Whittaker Corp., BioWhittaker, Invitrogen, Cambrex, BioReliance и Avista Capital Partners. Информацию об этих и других компаниях, торгующих HeLa, см.: OneSource CorpTech Company Profiles или Hoover.com.

Информацию о расценках на HeLa можно найти в каталогах продукции любых компаний — поставщиков биомедицинских продуктов, в том числе на сайте Invitrogen.com.

Информацию о патентах, связанных с HeLa, можно найти на сайте Patft. uspto.gov.

Информацию о ATCC как о некоммерческой организации, в том числе ее финансовые отчеты, можно найти на сайте Guidestar.org (набрать в строке поиска American Type Culture Collection); описание HeLa в их каталоге представлено на сайте Atcc.org (искать Hela).

Информацию о гибридах HeLa и растений см.: People-plants. — Newsweek, August 16,1976; C. W. Jones, I. A. Mastrangelo, H. H. Smith, H. Z. Liu and R. A. Meck. Interkingdom Fusion Between Human (HeLa) Cells and Tobacco Hybrid (GGLL) Protoplasts. — Science, July 30, 1976.

О попытках Дина Крафта убить клетки HeLa и таким образом вылечить рак посредством «духовного целительства» можно прочесть в его книге: Dean Kraft. A Touch of Hope, а также посмотреть соответствующие видеозаписи на YouTube.com (набрать Dean Kraft в поисковой строке).

Об исследовании образцов крови членов семьи Лакс см.: S. H. Hsu, B. Z. Schacter et al. Genetic Characteristics of the HeLa Cell. — Science 191, no. 4225 (January 30, 1976). Данное исследование спонсировалось NIH, номер гранта

5P01GM019489-0200025.

Глава 25. «С чего это вы взяли, что можете продать мою селезенку?»

Основная часть истории Мура описана в судебных и правительственных документах, особенно в Statement of John L. Moore Before the Subcommittee on Investigations and Oversight // House Committee on Science and Technology Hearings on the Use of Human Patient Materials in the Development of Commercial Biomedical Products, October 29,1985; John Moore v. The Regents of the University of California et al. (249 Cal.Rptr. 494) и в John Moore v. The Regents of the University of California et al. (51 Cal.3d 120, 793 P.2d 479, 271 Cal.Rptr.146).

Патент на линию клеток Мо за номером 4 438 032 доступен для просмотра на Patff.uspto.gov.

Литература о судебном процессе Мура и его результатах огромна. Вот некоторые полезные источники: William J. Curran. Scientific and Commercial Development of Human Cell Lines. — New England Journal of Medicine 324, no. 14 (April 4, 1991.); David W. Golde. Correspondence: Commercial Development of Human Cell Lines. — New England Journal of Medicine, June 13, 1991; G. Annas. Outrageous Fortune: Selling Other People's Cells. — The Hastings Center Report (November-December, 1990); B. J. Trout. Patent Law — A Patient Seeks a Portion of the Biotechnological Patent Profits in Moore v. Regents of the University of California. — Journal of Corporation Law (Winter, 1992); J. B. White and K. W. O'Konnor. Rights, Duties and Commercial Interests: John Moore versus the Regents of the University of California. — Cancer Investigation 8 (1990).

Подборку репортажей из СМИ о судебном процессе Джона Мура см.: Alan L. Otten. Researcher' Use of Blood, Bodily Tissues Raises Questions About Sharing Profits. — Wall Street Journal, January 29, 1996; Court Rules Cells Are the Patients Property. — Science, August, 1988; Judith Stone. Cells for Sale. — Discover, август 1988; Joan O'K. Gamilton. Who Told You You Could Sell My Spleen? — Business Week, April 3,1990; When Science Outruns Law. — Washington Post, July 13, 1990; M. Barinaga. A Muted Victory for the Biotech Industry. — Science 249, no. 4966 (July 20, 1990).

Законодательные меры в ответ на дело Мура см.: U. S. Congressional Office of Technology Assessment, New Developments in Biotechnology: Ownership of Human Tissues and Cells — Special Report // Government Printing Office (March, 1987); Report on the Biotechnology Industry in the United States: Prepared for the U. S. Congressional Office of Technology Assessment. —

National Technical Information Service, U. S. Department of Commerce (May 1, 1987); Science, Technology and the Constitution // U. S. Congressional Office of Technology Assessment (September, 1987). См. также так и не принятый законопроект Life Patenting Moratorium Act of 1993 (103rd Congress, S.387), представленный на рассмотрение 18 февраля 1993 года.

Относительно подробностей о питающихся нефтью бактериях, о которых шла речь в судебном иске Чакрабарти, см. патент № 4 259 444 на сайте Patft. uspto.gov. Более подробную информацию об этом судебном процессе см.: Diamond V. Chakrabarty (447 U.S. 303).

Дополнительная литература о других упомянутых в этой книге судебных процессах, связанных с владением клетками: Hayflick — NIH Settlement. — Science, January 15, 1982; L. Hayflick. A Novel Technique for Transforming the Theft of Mortal Human Cells into Praiseworthy Federal Policy. — Experimental Geronthology 33, nos. 1–2 (January — March, 1998); Marjorie Sun. Scientists Settle Cell Line Dispute. — Science, April 22, 1983; статья Ivor Royston. Cell Lines from Human Patients: Who Owns Them? — представленная на симпозиуме AFCR Public Policy Symposium, 42-nd Annual Meeting, Washington, D.C., May 6, 1985: Miles Inc. v. Scripps Clinic and Research Foundation et al. (89–56302).

Глава 26. Нарушение неприкосновенности частной жизни

Сегодня ответ на вопрос, будет ли публикация личных медицинских записей нарушением Закона об отчетности и безопасности медицинского страхования (HIPAA), зависит от множества факторов, самым важным из которых является то, кто именно передал данные. HIPAA защищает «любую информацию о состоянии здоровья, которая может быть идентифицирована как информация об индивидууме… в любой форме или средстве передачи — электронной, бумажной или устной». Однако этот закон применяется только в отношении «закрытых организаций», которые предоставляют услуги в области здравоохранения и медицинского страхования, «предоставляют, предъявляют к оплате или получают оплату» за медицинские услуги и при этом передают в электронной форме какую-либо закрытую медицинскую информацию. Это значит, что любая незакрытая организация может раскрыть или опубликовать медицинские записи какого-либо человека, не нарушая при этом HIPAA.

По мнению Роберта Джеллмена, специалиста по вопросам неприкосновенности частной жизни в области здравоохранения, бывшего президента подкомитета правительства США по вопросам конфиденциальности и частной жизни, любой из сотрудников больницы Хопкинса, опубликовавший сегодня

медицинскую информацию Генриетты, по всей вероятности, нарушил бы HIPAA, поскольку больница Хопкинса является закрытым учреждением.

Тем не менее в октябре 2009 года, когда эта книга вышла из печати, несколько отрывков из медицинских записей Генриетты были опять опубликованы без разрешения семьи — на этот раз в статье Брендана Люси из федерального госпиталя им. Майкла О'Каллагана на базе BBC Нейлис в соавторстве с Уолтером А. Нельсон-Рисом, борцом с проблемой загрязнения клетками HeLa, умершим за два года до публикации этой статьи, и Гровером Хатчинсом, директором отделения вскрытий в больнице Джона Хопкинса. См.: B. P. Lucey, W. A. Nelson-Rees и J. M. Hutchins. Henrietta Lacks, HeLa Cells, and Culture Contamination. — Archives of Pathology and Laboratory Medicine 133, no. 9 (September, 2009).

Часть опубликованной ими информации еще раньше увидела свет в книге Майкла Голда Conspiracy of Cells («Заговор клеток»). Они также опубликовали новые данные, в том числе впервые были использованы фотографии биопсии шейки матки Генриетты.

По мнению Джеллмена, «вполне вероятно, что в данном случае был нарушен HIPAA. Однако узнать это наверняка можно только после расследования, которое учло бы все возможные факторы, в том числе то, каким образом они впервые получили данные медицинские записи». Когда я позвонила Люси, основному автору статьи, и спросила, каким образом к нему попали записи Генриетты и пытался ли кто-нибудь из них получить разрешение от семьи, он сообщил, что они поступили от его соавтора Хатчинса из больницы Хопкинса. «По-хорошему, было бы лучше получить согласие семьи, — сказал он. — Полагаю, что доктор Хатчинс пытался разыскать членов семьи, но безуспешно». Авторы статьи получили согласие IRB (Комитета по биомедицинской этике) на публикацию серии статей с использованием отчетов о вскрытии; в других статьях они использовали инициалы, чтобы не раскрывать личности пациентов. Люси подчеркнул, что часть информации из медицинских записей Генриетты уже была опубликована ранее, равно как и ее имя. «В таком случае скрывать ее личность, используя инициалы, было бы бессмысленным, — сказал он. — Любой человек может выяснить, кто она такая, потому что ее имя уже связано с этими клетками».

Что касается умерших и неприкосновенности частной жизни: по большей части умерший не пользуется таким же правом на неприкосновенность частной жизни, как живой человек.

Единственным исключением из этого правила является HIPAA: «Даже медицинские записи Томаса Джефферсона, существуй они, оказались бы под защитой HIPAA, если бы они хранились в закрытом учреждении, — сказал Джеллмен. — Больница не вправе предоставлять медицинские записи независимо от того, жив пациент или мертв. Ваше право на неприкосновенность частной жизни в соответствии с HIPAA продолжает существовать до тех пор, пока на Солнце не иссякнет водород».

Следует рассмотреть еще один момент: хотя Генриетта была мертва и потому не обладала такими же правами на неприкосновенность частной жизни, как живой человек, многие юристы и эксперты по вопросам неприкосновенности частной жизни, с которыми я беседовала, обращали внимание на то, что семья Лакс могла бы выдвинуть довод, что разглашение медицинских записей Генриетты нарушило неприкосновенность их частной жизни. На тот момент подобных прецедентов в судебной практике еще не существовало, однако впоследствии они появились.

Более подробную информацию о законах, имеющих отношение к конфиденциальности медицинских записей, и о дебатах см.: Lori Andrews. Medical Genetics: A Legal Frontier; Herman Schuchman, Leila Foster, Sandra Nye, et al. Confidentiality of Health Records; M. Siegler. Confidentiality in Medicine: A Decrepit Concept. — New England Journal of Medicine, 307; no. 24 (December 9, 1982): 1518–1521; R. M. Gellman. Prescribing Privacy. — North Carolina Law Review 62, no. 255 (January, 1984); Report of Ad Hoc Committee on Privacy and Confidentiality. — American Statistician 31, no. 2 (May, 1977); C. Holden, Health Records and Privacy: What Would Hippocrates Say? — Science 198, no. 4315 (October 28, 1977); S. Levin, Sharing Secrets: Health Records and Health Hazards. — The Hastings Center Report 7, no. 6 (December, 1977).

Схожие судебные дела см.: Simonsen v. Swensen (104 Neb.224, 117 N.W.831, 832, 1920); Hague v. Williams (37 N.J. 328, 181 A.2d 345. 1962); Hammonds v. Aetna Casualty and Surety Co. (243 F. Supp. 793 N. D. Ohio, 1965); MacDonald v. Clinger (84 A.D.2d 482, 446 N.Y.S. 2d 801, 806); Griffen v. Medical Society of State of New York (11 N.Y.S. 2d 109, 7 Misc. 2d 549. 1939); Feeney v. Young (191, A.D. 501, 181 N.Y.S. 481.1920); Doe v. Roe (93 Misc. 2d 201, 400 N.Y.S.2d 668, 677.1977); Banks v. King Features Syndicate, Inc. (30 F. Supp. 352. S.D.N.Y. 1939); Bazemore v. Savannah Hospital (171 Ga 257, 155 S.E. 194. 1930); а также Barber v. Time (348 Mo. 1199,159 S.W.2d 291.1942).

Глава 27. Секрет бессмертия

Более подробную информацию о судебных исках Джереми

Рифкина см.: Foundation on Economic Trends et al. v. Otis R. Bowen et al. (No. 87–3393) и Foundation on Economic Trends et al. v. Margaret M. Heckler, Secretary of the Department of Health & Human Services et al. (756 F.2d 143). Освещение этого судебного процесса в средствах массовой информации см. в: Susan Okie. Suit Filed Against Tests Using AIDS Virus Genes; Environmental Impact Studies Requested.

— Washington Post, December 16, 1987; William Booth. Of Mice, Oncogenes and Rifkin. — Science 239, no. 4838 (January 22).

Относительно HeLa как биологического вида см.: L. Van Valen. HeLa, a New Microbial Species. — Evolutionary Theory 10, no. 2 (1991).

Более подробную информацию о бессмертии клеток см.: L. Hayflick and P. S. Moorhead. The Serial Cultivation of Human Diploid Cell Strains. — Experimental Cell Research, 25 (1961); L. Hayflick. The Limited in Vitro Lifetime of Human Diploid Cell Strains. — Experimental Cell Research 37 (1965); G. B. Morin. The Human Telomere Terminal Transferase Enzyme is a Ribonucleoprotein That Synthesized TTAGGG Repeats. — Cell 59, (1989); C. B. Harley, A. B. Futcher and C. W. Greider. Telomeres Shorten During Ageing of Human Fibroblasts. — Nature 345 (May 31, 1990); C. W. Greider and E. H. Blackburn. Indentification of Specific Telomere Terminal Transferase Activity in Tetrahymena Extracts. — Cell 43, (December, 1985).

Более подробную информацию о старении и продолжительности человеческой жизни см.: Stephen S. Hall. Merchants of Immortality.

Выборочные исследования вируса папилломы человека с использованием клеток HeLa см.: Michael Boshart et aL A New Type of Papillomavirus DNA, Its Presence in Genital Cancer Biopsies and in Cell Lines Derived from Cervical Cancer.

— EMBO Journal 3, no. 5 (1984); R. A. Jesudasan et al. Rearrangement of Chromosome Band 11q13 in HeLa Cells; Anticancer Research 14 (1994); N. C. Popescu et al. Integration Sites of Human Papillomavirus 18 DNA Sequences on HeLa Cell Chromosomes. — Cytogenetics and Cell Genetics 44 (1987); E. S. Srivatsan et al. Loss of Heterozygosity of Alleles on Chromosome 11 in Cervical Carcinoma. — American Journal of Human Genetics 49 (1991).

Глава 28. После Лондона

Информацию о симпозиуме HeLa см. в источниках, указанных в примечании к главе 6.

В качестве примеров долгой деятельности Кофилда на судебном поприще см.: Sir Keenan Kester Cofield v. ALA Public Service Commission et al. (No. 897787); United States of America v.

Keenan Kester Cofield (No. 91–5957); Cofield v. the Henrietta Lacks Health History Foundation, Inc., et al. (CV-97–33934); United States of America v. Keenan Kester Cofield (99–5437); Keenan Kester Kofield v. United States (l:08-mc-00110-UNA).

Глава 29. Целая деревня Генриетт

Статью в журнале John Hopkins Magazine, которая упоминается в этой главе, см.: Rebecca Skloot. Henriettas Dance. — John Hopkins Magazine, April, 2000.

Другие статьи, упомянутые в этой главе, см.: Rob Stepney. Immortal, Divisable; Henrietta Lacks. — The Independent, March 13, 1994; Human, Plant Cells Fused: Walking Carrots Next? — The Independent Record, August 8, 1976 (посредством службы новостей New York Times); Bryan Silcock. Man-Animal Cells Are Bred in Lab. — The [London] Sunday Times, February 14, 1965; Michael Forsyth. The Immortal Woman. — Weekly World News, June 3, 1997.

Глава 31. HeLa, богиня смерти

Персонаж по прозвищу HeLa встречается во многих комиксах издательства Marvel. См., например: The Mighty Thor: The Icy Touch of Death! — Marvel Comics Group 1, no. 189 (June, 1971).

Глава 33. «Больница для сумасшедших негров»

Статью об истории Краунсвилла см.: Overcrowded Hospital 'Loses' Curable Patients. — Washington Post (November 26, 1958). История Краунсвилльской больницы также изложена в серии заметок Maryland's Shame Говарда М. Нортона, напечатанных в Baltimore Sun (9–19 января 1949 года), а также в материалах, предоставленных мне больничным центром Краунсвилла (Crownsville Hospital Center), в том числе документы: Historic Overview, Census и Small Area Plan: Community Facilities.

Через несколько лет после нашего с Деборой приезда Краунсвилльская больница была закрыта. Об этом см. статью: Robert Redding Jr.. Historic Mental Hospital Closes. — Washington Times (June 28, 2004), текст которой размещен на сайте Washingtontimes.com/news/2004/jun/28/20040628–115142-8297r/ #at.

Глава 36. Тела небесные

Библия, которую мне дал Гэри Лакс в этой главе: Good News Bible: Today's English Version (American Bible Society, 1992).

Послесловие

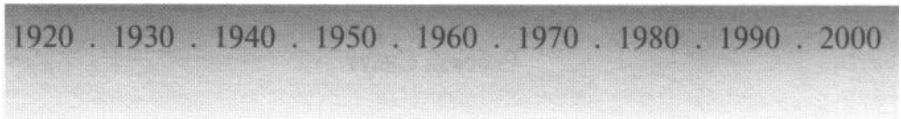
Данные о количестве американцев, чьи ткани использовались в исследованиях, а также информация о том, каким образом их использовали, можно найти в книге: Elisa Eiseman and Susanne

B. Haga. Handbook on Human Tissue Sources. Информацию о рассмотрении Национальной консультативной комиссией по биоэтике (the National Bioethics Advisory Commission) вопроса об использовании в исследованиях человеческих тканей, а также ее рекомендации см.: Research Involving Human Biological Materials: vol. 1: Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission, and vol. 2: Commissioned Papers (1999).

Литература об использовании в исследованиях человеческих тканей, а также об этических и политических дебатах на эту тему очень обширна и включает в себя следующие источники: E. W. Clayton, K. K. Steinberg et al. Informed Consent for Genetic Research on Stored Tissue Samples. — Journal of the American MedicalAssociation 274, no. 22 (December 13, 1995): 1806–7, а также последовавшие за статьей письма редактору; Robert F. Weir and Robert S. Olick. The Stored Tissue Issue: Biomedical Research, Ethics, and Law in the Era of Genomic Medicine: Stored Tissue Samples: Ethical, Legal, and Public Policy Implications, edited by Robert F. Weir; E. Richard Gold. Body Parts: Property Rights and the Ownership of Human Biological Materials; Who Owns Life? edited by David Magnus, Arthur Caplan and Glenn McGee, и, наконец, Lori Andrews. Body Bazaar.

Подборку соответствующих судебных процессов см.: Margaret Cramer Green v. Commissioner of Internal Revenue (74 T.C. 1229); United States of America v. Dorothy R. Garber (78–5024); Greenberg v. Miami Childrens Hospital Research Institute (264 F. Supp. 2d 1064); Steven York v. Howard W. Jones et al. (89–373-N); The Washington University v. William J. Catalona, M. D., et al. (CV-01065 and 06–2301); Tilousi v. Arizona State University Board of Regents (04-CV-1290); Metabolite Laboratories, Inc., and Competitive Technologies, Inc., v. Loboratory Corporation of America Holdings (03–1120); Association for Molecular Pathology et al. v. United States Patent and Trademark Office; Myriad Genetics et al. (документы по этому делу размещены онлайн по адресу: aclu.org./brca/); а также Bearder et al. v. State of Minnesota and MDH (жалоба размещена онлайн по адресу: cchconline.org/pr/pr031109.php).

Об авторе



Ребекка Скаут — отмеченный наградами автор научно-популярных статей, напечатанных в *New York Times Magazine; O, The Oprah Magazine; Discover* и многих других. Она является соредактором *The Best American Science Writing 2011* и работала корреспондентом *«Радиолаборатории»* национального общественного радио (NPR) и в научном телепроекте PBS-NOVA *Science NOW*. Газета *Washington Post* назвала ее в числе пяти «лидеров, которые нас удивили в 2010 году» (One of Five Surprising Leaders of 2010).

«Бессмертная жизнь Генриетты Лакс» — ее первая книга. Она стала итогом десятилетнего труда и исследований и сразу оказалась в списке бестселлеров газеты *New York Times*. Более 60 СМИ выбрали ее лучшей книгой, включая такие издания, как *Entertainment Weekly, People Magazine* и *New York Times*. Книга была переведена более чем на 25 языков и была адаптирована для детского издания. По ней был снят фильм (продюсеры Опра Уинфри и Алан Болл).

Ребекка Склут — основатель и президент фонда им. Генриетты Лакс (The Henrietta Lacks Foundation). Она — бакалавр биологии и магистр изящных искусств (MFA) в области творческой документалистики. Ребекка преподавала литературное творчество и научную журналистику в Университете Мемфиса, Университете Питтсбурга и Нью-Йоркском университете. В настоящее время она проживает в Чикаго. Более подробную информацию о ней можно найти на сайте *RebeccaScloot.com,* где вы найдете ссылки на ее адреса в *Twitter* и *Facebook*.

О фонде Генриетты Лакс

Еще до того, как была опубликована книга «Бессмертная жизнь Генриетты Лакс», Ребекка Склут создала Фонд им. Генриетты Лакс, куда пожертвовала часть дохода от книги. Более подробную информацию см. на сайте *HenriettaLacksFomdation.org*.

Бестселлер New York Times

В далеком 1951 году случилось невероятное: клетки человеческого тела смогли выжить вне человеческого организма. И вот уже почти шестьдесят лет эти клетки – HeLa – живут в лаборатории «своей собственной жизнью». Они бессмертны.

Для справки: если расположить в линию все выращенные клетки HeLa, то можно обернуть Землю трижды. А вес их составил бы 50 тонн – невероятно, если учесть, что практически ничего не весит.

Клетки HeLa – крупнейшее в медицине XX века. Челове в долгу перед HeLa. Практи каждый житель Земли – и в косвенно или прямо воспол даром этих клеток.

Благодаря HeLa появилась вакцина от полиомиелита. Они помогли раскрыть секреты генов, вызывающих рак и подавляющих его. Они дали толчок к развитию искусственного оплодотворения, клонирования и составления генетических карт. Они летали в космос. Они помогли разработать препараты для лечения лейкемии, гриппа, гемофилии, болезни Паркинсона. Их использовали при изучении аппендицита. Они дали новый взгляд на продолжительность человеческой жизни.

Они же привели к грандиозному мировому скандалу.

Клетки взяли у женщины по имени Генриетта Лакс. Подобно морским свинкам и мышам, HeLa стали лабораторной «рабочей лошадкой». На них заработаны миллиарды. Но ни Генриетта, ни ее потомки не получили ни гроша. Да никто и не спрашивал у нее разрешения взять клетки.

поряжаемся своим телом? меют право врачи, а на что раво пациенты? Можем ли етить использовать свое тело е объекта исследований? и ученые патентовать свои и делать их предметом купли-, лишая людей надежды на аление, как это происходит геном рака молочной железы?

Ребекка Склут провела свое журналистское расследование. История одной жизни, моральное и аморальное в медицине, беззащитность пациентов, цена медицинских открытий, которые даруют нам надежду на жизнь, – все в этой блестяще написанной книге.

Лучшая книга 2010 года ведущих интернет-магазинов Amazon и Barnes & Noble

Эта книга возглавляла практически все топ-листы с момента публикации и по сегодняшний день

КАРЬЕРА ПРЕСС

WWW.CAREERPRESS.RU
WWW.BUSINESSBOOKS.RU
e-mail: infocareerpress@gmail.com

ISBN 978-5-904946-13-5

9 785904 946135